

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тюменский государственный нефтегазовый университет»
**Научно-исследовательский институт
прикладной этики**

В.И. Бакштановский
Ю.В. Согомонов

**ОЙКУМЕНА
ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ:
МОДЕЛИ НОВОГО ОСВОЕНИЯ**

Том первый

Тюмень – 2007

УДК 172/179
ББК Ю 715
Б 199

ISBN 978-5-88465-833-8

Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. **Ойкумена прикладной этики: модели нового освоения.** Том первый. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2007. – 390 с.

Завершая монографию «Введение в прикладную этику» (2006), авторы поставили перед собой следующую задачу: *испытать* свою концепцию ее «работой» в исследовании и развитии нормативно-ценностных подсистем сегментированной жизни общества. В том числе – продемонстрировать эффективность know-how прикладной этики. Новая монография авторов – шаг в такого рода *испытании*. В основе монографии – идея *нового освоения* этико-прикладным знанием некоторых из *территорий* Ойкумены прикладной этики, с которыми непосредственно связана *биография* развиваемого авторами направления. Три главы монографии посвящены журналистской этике, этике научно-образовательной деятельности, политической этике. В каждой главе представлены материалы этико-прикладных разработок, которые позволяют представить феномен конкретизации морали в «малых системах», с одной стороны, потенциал технологий *приложения* – с другой.

Редакторы выпуска И.А. Иванова, Н.В. Самойлик.
Оригинал-макет И.В. Бакштановской.
Художник М.М. Гардубей.

В подготовке выпуска участвовали:
М.В. Богданова, И.А. Михайлова, А.П. Тюменцева.

ISBN 978-5-88465-833-8

© В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов. 2007.

Содержание

Введение. Ойкумена прикладной этики как «район нового освоения»	
«...Прибудет Сибирью»	6
Идея нового освоения	9
Ресурс нового освоения	16
«Повестка дня» нового освоения: «не числом, а умением»	25
Глава 1. «Миссия пера» и/или «минимальный стандарт»	30
1. Критика «повестки дня» и идентификационная матрица	30
2. Нормативно-ценностная система журналистики: идентификация и самоидентификация	36
2.1. Профессиональная этика журналистов: предназначение и/или функция, этика и/или деонтология	36
2.2. Нормативно-ценностная система журналистики как вид <i>прикладной</i> этики	44
2.3. Этика журналистов как нормативно-ценностная система <i>профессии</i>	48
2.4. Гипотеза о нормативно-ценностной системе журналистики как об этике <i>высокой</i> профессии	55
2.5. Мировоззренческий ярус	60
2.5.1. Служение в профессии	60
2.5.2. Выбор профессии как моральный выбор	66
2.5.3. Журналист как субъект морального выбора	70
2.5.4. «Стремление к достижению» или «бегство от успеха»?	76
2.6. Профессия как корпорация: «дух» и «правила игры»	83
2.7. Саморегулирование профессии: «заказ» для профессиональной этики	91
3. Проектный образ	102
3.1. «Тюменская этическая медиаконвенция»	104

3.2. Идея-технология проекта: комментарии к «случаю»	111
3.3. ТЭМК: идентификационный анализ	118

Глава 2.

«Сфера образовательных услуг» и/или «высокая профессия»?	125
1. Критика «повестки дня» и идентификационная матрица	125
2. Нормативно-ценностная система образовательной деятельности: идентификация и самоидентификация	137
2.1. Ценностные ориентиры образовательной деятельности (глобальное и локальное)	138
2.2. «Моральное измерение» профессионализма	157
2.3. Этические документы	166
3. Миссия-кредо университета: анализ случая	176
3.1. Миссия-кредо Тюменского государственного нефтегазового университета	176
3.2. Комментарии	179
3.2.1. Методологическая позиция	179
3.2.2. Язык рефлексии	184
3.3. Опыт пути: от ригористической идеи к конвенциональному проекту	188
3.3.1. Археология проекта	188
3.3.2. Экспертиза гипотезы о ценностных ориентирах самоопределения университета	192
3.3.3. «Декларация о миссии»	207

Глава 3.

Моральный выбор в политике: категорический императив или этика политического успеха?	217
1. Критика «повестки дня» и идентификационная матрица	217
2. Нормативно-ценностная система политики	235
2.1. Политическая этика как конкретизация общеобщественной морали	235

2.1.1. Политическая этика как вид прикладной этики ...	235
2.1.2. Идея гетерохронности общеобщественной морали и политической этики (морали)	241
2.1.3. Идея козволюции политической этики и этики гражданского общества	250
2.1.4. Идея ориентации политической этики на реально-должное	254
2.2. «Моральное измерение» политики	257
2.2.1. Гуманизация политики как общеморальная задача	257
2.2.2. Гуманизация политики как задача политической этики	265
2.3. Профессионализм как ценность	274
2.4. Этико-праксиологическая интерпретация императивов политического успеха	283
2.5. Мироззренческий и нормативный ярусы политической этики	306
2.5.1. Политика как служение Делу	306
2.5.2. Кодексы политической этики	313
3. Политическая этика как проектно-ориентированное знание	333
3.1. Освоение инновационных ситуаций трансформирующегося политического этоса	333
3.2. «Двадцать лет спустя»: выберет ли постсоветская Россия ценности гражданского общества?	348
3.3. Кодекс депутатской этики: идеология и технология консультирования	368
3.3.1. Стартовая ситуация	369
3.3.2. Первая консультация	370
3.3.3. После первой консультации	378
3.3.4. Вторая консультация	381

Введение

Ойкумена прикладной этики как «район нового освоения»

«...Прибудет Сибирью»

«Не создается этического прецедента. Не создается, хоть плачь. Этика есть, кодексы, хартии есть, а прецедента нет. В смысле поступка такого, чтоб охнуло пространство, да “вскрикнул в испуге остановившийся пешеход”... Очень хочется прецедента. Хоть маленького. Ибо “у человека нет другого выбора – он должен оставаться человеком”. Со своим любимым Ежи Лецем не могу не согласиться», – писал президент Фонда защиты гласности А.К. Симонов в газете «Русская мысль» (06.11.2000). Автор – участник-консультант заключительного семинара в проекте «Тюменская этическая медиаконвенция» (ТЭМК)¹ – надеялся, что один из ожидаемых им прецедентов будет связан с созданием этой Конвенции, назвав свою статью с рассказом о проекте «...Прибудет Сибирью».

Надежда автора² была, на наш взгляд, связана с особенностью проекта. Если его целью являлось воздействие на стихийный процесс саморегулирования журналистского сообщества, а Конвенция рассматривалась в качестве ориентира самоопределения и способа собирания этого сообщества, атомизированного в ситуации кризиса идентичности, то, в качестве обязательного условия – участвуя в проекте, консультант на своем собственном

¹ См.: Тетради гуманитарной экспертизы (4). Медиа этос. Тюменская конвенция: ориентир самоопределения, способ собирания сообщества / Отв. ред. В.И. Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2000.

² О том, насколько эта надежда (не)оправдалась, см. в предисловии А.К. Симонова к нашей монографии «Моральный выбор журналистов» (Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2002).

опыте убедился в этом – эффективности проекта было создание Конвенции (со)авторскими усилиями самих журналистов. И задачей работающих в проекте исследователей было не поддаться соблазну самим (вместо журналистов) подготовить искомый документ и представить готовый текст на одобрение «широким журналистским массам». Но, одновременно, и «не умыть руки», а предложить «цеху» содействие в его стремлении активизировать процесс саморегулирования. Например, в рефлексии мотивов такой активизации: важно было проблематизировать фактическое доминирование прагматических мотивов саморегулирования, отражающих опасения «цеха» в связи с намерениями власти и бизнеса ограничить свободу слова, и пробудить мотив самокритики «цехом» той моральной ситуации, в которую он вовлечен; в критическом преодолении односторонних моделей-образов кодекса: либо заформализованного бюрократического документа для начального контроля и санкций в адрес подчиненных, либо инструкции по технике безопасности, либо, наоборот, ни к чему конкретно не обязывающей декларации.

Содействие каким образом? Предложив профессиональному сообществу журналистов потенциал *идей и технологий этико-прикладного знания*. Отсюда один из основных способ существования проекта – проблемные семинары, в том числе в режиме игрового моделирования (например, для освоения материалов зарубежного и отечественного опыта саморегулирования через кодексы, представленные в своеобразной хрестоматии «Профессиональная этика журналиста»). А в качестве способа проектирования фрагментов этической Конвенции были избраны экспертно-консультативные опросы.

Прикладная этика представлена в этом проекте в формате *проектно-ориентированного кейса*, «случая» проектирования особой модели профессионально-нравственного кодекса – ТЭМК. *Случая-прецедента* специально («по функции») произведенного знания, нацеливающего процесс познания нормативно-ценностной системы на ее развитие через конструирование инфраструктуры, проек-

тирование ценностного ориентира самоопределения корпорации, через организацию этической рефлексии профессионального сообщества и т.п. *Случая-прецедента* «встречного движения» исследователей в сфере прикладной этики – и профессионального сообщества журналистов, активно заинтересованных в рефлексии профессионально-нравственной ситуации и в (со)авторском участии в процессе проектирования институтов саморегулирования. *Случая-прецедента* наглядного развития содержания Конвенции от этапа к этапу реализации проекта.

Методология проектно-ориентированного кейса предполагала, с одной стороны, категорический отказ от «казенной» процедуры написания банального кодекса – формального текста, обреченного на бесплодность уже самим процессом работы над ним, процессом, выдающим его квазиэтичность. С другой – совмещение притязания на модельность Конвенции как универсального элемента инфраструктуры саморегулирования высокой профессии с этосным эффектом *польдера*: создание отвоеванной у *стихии*, защищенной и возделанной «территории» профессиональной этики, островка *Ойкумены* с названием «Конвенция».

Масштаб «случая» определяется, во-первых, тем, что Конвенция выступает здесь в роли интегрального профессионально-этического института, представляющего важнейшие элементы нормативно-ценностной системы журналистики. Во-вторых, инновационностью идеи и структуры Конвенции, в которой доминируют непривычные для традиционных профессионально-этических кодексов разделы. В-третьих, стремлением преодолеть и в обыденном профессионально-нравственном сознании, и в сознании некоторых исследователей целый ряд требующих критики стереотипных подходов и суждений, значительно снижающих эффект анализа и самоанализа ценностей и «правил игры» профессионального сообщества, а также эффект собственно кодифицирования.

Остановимся, чтобы устранить риск исчерпать уже во Введении к монографии содержание ее первой главы,

значительное место в которой как раз и занимает проект ТЭМК. Пора напомнить, что, завершая монографию «Введение в прикладную этику»³, представляющую результаты многолетней нашей работы над концепцией прикладной этики (предпосылки прикладной этики, ее природа, основания «малых» нормативно-ценностных систем (подсистем), алгоритм конкретизации морали в «малых системах» на примере идентификации общепрофессиональной морали), мы писали о необходимости *испытания* нашей концепции – как и иных версий природы и оснований прикладной этики – ее «работой» в исследовании и развитии конкретных «малых систем», в том числе эффективностью know-how прикладной этики: технологий, институций, инфраструктуры, проектов и программ, этико-прикладных игр, конвенций, учебных пособий; инициированием экспертизы и консультирования значимых для общества проектов и т.д.

Монография «Ойкумена прикладной этики: модели нового освоения» – очередной шаг в такого рода *испытании*. Испытания, проводимом на некоторых из *территорий* Ойкумены прикладной этики, в *освоении* которых зародилось и развивается наше направление⁴.

Идея нового освоения

ЗНАЧЕНИЕ первого из составляющих название монографии термина – «Ойкумена» – элементарные словари выводят из древнегреческого языка (οἰκουμένη), определяя Ойкумену как освоенную человечеством часть мира. Сначала – известную именно грекам часть Земли с центром в Элладе, затем – заселённую и известную человечеству в целом. Профессиональные словари подчеркивают географическое, социогеографическое и социально-экономичес-

³ Бакштановский В.И. Согомонов Ю.В. Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2006.

⁴ Бакштановский В.И. Согомонов Ю.В. Прикладная этика: рефлексивная биография направления. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2007.

кое значения термина. В нашей работе заимствованный из «чужого» тезауруса термин – скорее метафора, а не географическая аппликация универсальной этики (даже и в том случае, когда речь идет о проекте «Этика Севера»⁵).

Еще совсем недавно – менее десяти лет назад – мы диагностировали отечественную ситуацию в прикладной этике (этико-прикладном знании) с помощью метафоры «на краю исследовательской ойкумены». Диагноз сопровождался драматической интонацией: «увы, именно на такое положение была обречена прикладная этика в рамках принятой у нас – на время появления первых современных отечественных этико-прикладных исследований – парадигмы этики». Ее смягчала интонация самоуспокаивающая: «нет, проблематика прикладной этики не то, чтобы вовсе замалчивалась, но ей не придавалось того значения, каким она давно и прочно располагает в мировой этике»⁶.

Анализ ситуации последних лет⁷ дает основание для вывода о том, что сегодня уже сама прикладная этика составляет большую Ойкумену. Однако величина заселенной и продолжающей заселяться «территории» не должна успокаивать: своеобразный бум отечественной прикладной этики – скорее «большой скачок» с адекватными такой «методологии» освоения последствиями. Последствиями известной в фольклоре науковедов закономерности, согласно которой всякая инновация проходит три фазы: первая – «что за чушь?!», вторая – «что-то в этом есть», третья – «кто же этого не знает?!». Именно основанные на банализированной инновации результаты заселения – од-

⁵ См.: Этика Севера / Под ред. В.И. Бакштановского, Т.С. Караченцевой / Институт проблем освоения Севера и Центр прикладной этики, Сибирское отделение РАН. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1992.

⁶ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: на краю исследовательской ойкумены // Новые старые проблемы / Отв. ред. Р.Г. Апресян. М.: Гардарики, 1999.

⁷ См.: Бакштановский В.И. Согомонов Ю.В. Введение в прикладную этику.

на из главных причин постановки задачи нового освоения Ойкумены прикладной этики («нормативно-ценностных подсистем»).

Термин «новое освоение» также имеет свои значения, прежде всего, во внеэтических тезаурусах – с ним работают географы, экономисты, социологи, методологи и т.д. Однако феномен *освоения* не сводим к наиболее часто связываемым с ним практикам промышленного освоения: безотносительно к прилагательному «новое» *освоение* – проявление избранного в культуре способа отношения к миру⁸.

Напомним, что одна из ситуаций *работы* термина «освоение» – выделение М. Вебером трех генеральных «картин мира» и, соответственно, трех преобладающих способов отношения к миру, которые предлагают в рамках своих культур определенную направленность жизнедеятельности, вектор социального действия. Первый способ сопрягается с конфуцианством и даосизмом. Его можно определить как *приспособление к миру*. Второй способ присущ индуистскому и буддистскому типам религиозно-философских воззрений и умонастроений. Его можно охарактеризовать как *бегство от мира*. И, наконец, третий способ воплощен в иудаистском и христианском типах воззрений и его можно определить как *освоение мира*. Позднее этот подход получил и признание и клишированное выражение в социологии – когда обсуждались специфика иудео-христианского воззрения, установка на технологическую экспансию, которая привела впоследствии к глубокому и глобальному экологическому кризису.

«Чужой» термин *освоение* вполне приемлем для прикладной этики. И не просто потому, что и первый отечественный Центр прикладной этики был создан в Институте проблем *освоения* Севера Тюменского научного центра СО АН СССР, и экспериментальная база нашего на-

⁸ См.: Гуманитарные проблемы освоения / Под ред. В.И. Бакштановского. Москва-Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера ТНЦ СО АН СССР, 1990.

правления в прикладной этике – Тюменский регион, в том числе собственно район нового освоения – Ханты-Мансийский автономный округ, и в названии ряда наших проектов совсем не случайно речь идет об освоении и новом освоении⁹.

Прикладная этика «прирастать будет Сибири» еще и в том смысле, что термин «новое освоение» атрибутивен нашему видению Ойкумены прикладной этики. Речь идет о *новом освоении* этическим знанием нормативно-ценностных подсистем. *Новом* – относительно потенциала парадигмы этики как «практической философии» в освоении этих «малых систем». Речь идет о новой парадигме прикладной этики, амбициозно притязающей на статус научно-практического *изобретения*.

Термин «новое освоение» атрибутивен нашей концепции уже потому, что расширяющаяся образовательная и исследовательская практика в сфере прикладной этики характерна рисками банализации. В одном случае речь идет о пренебрежении многими разработчиками прикладных этик в исследовательской и, особенно, образовательной деятельности, при написании учебных программ и учебных пособий (а это чаще всего авторы, не работающие в сфере собственно этического знания, но исследующие прикладную этику с позиции конкретных профессий и видов человеческой деятельности) этической идентичностью прикладных этик; о вольной-невольной их интерпретации как параморальных «правил игры», «функционально желательных стандартов поведения», «регламентов», этикетных правил. О некритическом использовании потенциала философской этики, положения которой просто накладываются этими разработчиками на профессионально-этические проблемы, механически апплицируются. Правда, такого рода некритичность во многом вынуждена: философская этика делегировала задачу развития приклад-

⁹ См.: Гуманитарные проблемы освоения; Освоение без отчуждения. Материалы экспертного опроса. Т.1-2 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: ИПОС СО АН СССР, 1989.

ных этик профессиональным сообществам в различных сферах человеческой деятельности и исследователям профессиональных этик, исключив прикладные этики, полностью или частично, из сферы этики как науки о морали. Делегировала, не желая «поступаться принципами»? Заботясь о чистоте своего статуса? Может быть, из-за неосознаваемой скромности – ей просто нечего было предложить именно по критериям приложения? Уклонилась от бремени из-за излишней (не)доверчивости специалистам в сфере частно-научного знания, не считающим необходимым возвышать проблематизацию профессиональной этики до ее мировоззренческих оснований, до понимания универсальной природы морали? В любом случае, «умыв руки», этика пожертвовала адекватностью норм т.н. прикладных этик (моралей) сущности морали: при нормативном редукционизме трудно проектировать нормы прикладной этики (морали) как собственно моральные регулятивы.

Другая ситуация риска банализации задач и возможностей прикладной этики сформировалась скорее из-за «сверхзаботы» об этической идентичности прикладной этики. Речь идет об ограничении этой, весьма важной, заботы критериями философской этики. Отсюда и ограниченные образы-модели прикладной этики, которые готовы принять и продвигать лидеры отечественного этического знания. Как мы уже неоднократно писали, такие рискованные последствия создаются неотрефлексированностью интервала эффективности идущего от Аристотеля формата-метафоры «этика – практическая философия» применительно к современной морали и системе этического знания. Античный формат-метафора, акцентирующий практическую направленность этики в статусе «философии поступка», не фиксирует разницу между практичностью и собственно приложением и, более того, намеренно отождествляет эти характеристики. В итоге такого отождествления – возможная банализация приложения как проблемы. В том числе, неизбежные, с позиций философской этики, запреты методологического плана, табуирование

инноваций в этическом знании, привносимых этико-прикладным знанием, априорный скепсис в отношении важных вопросов: распространяется ли характеристика практичности этики в формате «этика – практическая философия» на сформировавшиеся намного позднее этой метафоры нормативно-ценностные подсистемы? Совместимо ли с форматом «этика как практическая философия» современное представление об иницилируемом социальными институтами целенаправленном воздействии этического знания на практику нравственной жизни? Допускает ли эта формула привнесение в этику, привычно определяемую в качестве философского знания, языка и смыслов ряда характеристик современной методологии, таких, например, как проектно-ориентированное знание? Санционирует ли разработку и применение современных технологий приложения (в отличие от наложения) – кроме веками практикуемого кейс-стади (скорее, в жанре казуистики) – моделирования, проектирования, экспертизы и т.п.?

Сформулированная выше оценка ситуации в прикладной этике дает основание заключить, что, в отношении сложившейся практики, речь должна идти не просто о «до-освоении» или «пере-освоении» распространенных подходов, но о системной инновации в прикладной этике¹⁰.

Не слишком ли категорична установка на инновационность? Может быть, смягчить складывающийся вольно-

¹⁰ Закавыченные слова несут *методологический смысл*, определяющий современный подход к разработке стратегии регионального развития. *Методологический* смысл, заложенный авторами из Центра стратегического развития в контекст проектируемого этапа нового освоения регионов, которое «не должно пониматься как "до-освоение" в логике дополнительной индустриализации или "пере-освоение" в логике исправления ошибок индустриализации. Новое освоение должно рассматриваться как системная инновация, требующая переориентации сознания масс людей на реализацию новой неиндустриальной парадигмы действий» (www.csrnw.ru/content/static/default.asp?shmode=2&ids=/rus/common/about&idm=doctrina).

невольно образ *альтернативной* идентификации нашего направления относительно других?

Акцентом на *инаковость*? Целесообразно. Хотя бы потому, что в таком случае направление остается в рамках этики, живет в ней, опирается на тысячелетний потенциал «практической философии».

Напоминанием метафорического названия одного из наших проектов, противопоставившего таким моделям стратегии освоения Севера, как «Невмешательство», «Заповедная зона», «Культурная ассимиляция», модель «*Освоение без отчуждения*»¹¹? Тоже целесообразно. Уже потому, что последняя из них профилирует проектно-ориентированную направленность этико-прикладного знания от риска *прогрессорства*, который прекрасно смоделировали братья Стругацкие в книге «Трудно быть богом».

И все же оставим установку на *новое* освоение. *Новое освоение* как системное нововведение в прикладной этике, идея которого опирается на вполне определенный смысл прилагательного «*прикладная*» применительно к существительному «*этика*». Смысл, который заключается, прежде всего, во включении в поле рефлексии о природе прикладной этики обеих ее сторон: моральной практики и этического знания, взаимообуславливающих друг друга. Первая сторона – сформированные в процессе *конкретизации морали* нормативно-ценностные подсистемы («*малые системы*»), регулирующие и ориентирующие сегментированные сферы общества: медицинская, юридическая, педагогическая, научная, экологическая, политическая, предпринимательская, журналистская и т.д. этики (морали). Вторая сторона – опирающаяся на этико-философские и этико-социологические средства познания теория конкретизации морали; воплощающие идею конкретизации морали концепции, описывающие каждую из прикладных

¹¹ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха / Научно-публицистическая монография. Тюмень-Москва: Центр прикладной этики, 1997. Глава 13.

этик (моралей); проектно-ориентированное знание, обеспечивающее исследование и преобразующее воздействие на «малые системы»; фронестические технологии приложения, *этическое ноу-хау* для взаимодействия двух сторон прикладной этики (рациональный анализ ситуаций морального выбора, этическое проектирование, этическое моделирование, этическая экспертиза и консультирование и т.п.). Наконец, *смысл* прилагательного «прикладная» к существительному «этика» менее всего предполагает элементарную *аппликацию*, ибо речь идет *приложении* как процессе морального творчества, процедуре *конкретизации*, акте морального *выбора*. Ситуация выбора – универсальная структура *приложения*. В нашей концепции *modus vivendi* прикладной этики – моральный выбор.

Имея возможность предложить читателю развернутую характеристику феномена конкретизации в последующих главах этой монографии, сосредоточимся здесь на некоторых признаках этико-прикладного знания¹², обеспечивающих не просто амбицию, но и ресурс *нового освоения* Ойкумены прикладной этики.

Ресурс нового освоения

НОВОЕ освоение как системное нововведение в прикладной этике предполагает становление еще только выходящей из формата гипотезы *теории конкретизации морали*. Мы стремимся доказать, что конкретизация морали – не просто неизбежная *детализация* норм и оценок, обусловленная спецификой той или иной сферы человеческой деятельности как предмета *приложения* морального универсума. Если концентрировать внимание исключительно на изменениях в артикулировании норм или даже в конфигурациях ценностей – это будет лишь слабая версия *приложения*. Мы развиваем сильную версию, трактующую

¹² См. подробнее: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: идея, основания, способ существования // Вопросы философии. 2007. № 9; они же: Введение в прикладную этику. Гл. 3.

о принципиальных превращениях морального феномена, сумма которых позволяет именовать обретенный в опыте культурной эволюции результат «*постестественной*», *рациональной* (рационализированной) моралью¹³.

В процессе *конкретизации* общественной нравственности ставится и решается вопрос о подлинном *развитии* содержания общеморальных повелений, запрещений и разрешений, о развитии формы морали, ее своеобразного «кода», типов нравственной ответственности. И результаты такого развития не могут быть извлечены из всеобщих представлений и правил по аксиоматической методике – в этом случае прикладная этика имела бы дело лишь с элементарной аппликацией, в очень незначительной степени предполагающей *моральное творчество*¹⁴.

Акт *приложения-конкретизации* выступает как сложный акт *креации* прикладной этики (морали). С одной стороны, сама по себе конкретизация морали не артефакт, не искусственное образование, подобно, скажем, технике, а прежде всего, результат длительной и, во многом, ненамеренной культурной эволюции общества. С другой стороны, конкретизация морали как естественный продукт такой эволюции является объектом внимания социальных институтов, пристального исследовательского и проектного интереса, и потому во многом зависит от развития этико-прикладного знания, от осуществления программ деятельности различных институций.

¹³ См., напр.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: новая этика. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2004.

¹⁴ Актуальность теоретизирования о феномене конкретизации морали несомненна: в литературе, посвященной прикладным этикам, этот феномен нередко даже и не проблематизируется: «Следует сразу отметить, что не существует специальной этики науки, этики или особой морали ученого. Просто обычные нормы морали конкретизируются применительно к теориям, областям деятельности, ее социальным последствиям. А также организациям ученых» (Дульзон А.А., Васильева О.М. Прикладная этика: учебное пособие. Томск: Изд-во ТПУ, 2004, С. 78).

НОВОЕ освоение как системное нововведение в прикладной этике предполагает особое внимание к (не)идентификации профессиональной этики как вида прикладной этики. Значение такого внимания возрастает в связи с расширением Ойкумены прикладной этики.

Отсылая читателя к обстоятельному обзору этой проблемы в нашей монографии «Этика профессии»¹⁵, заметим здесь, что тенденция разведения и даже противопоставления прикладной этики и этики профессиональной в отечественной этической литературе достаточна сильна. Ее суть: профессиональная этика отражает позицию людей, находящихся в профессии, а прикладная – позицию людей, находящихся вне профессии, выражающую над-профессиональные, общественные интересы. Характерная цитата: «Профессиональная этика – для профессии. Прикладная этика – для всех, кто не является членами этих профессий, кто находится вне их, но кто кровно заинтересован в том, как будут идти дела в этих профессиях... Поэтому прикладная этика... представляет собой форму регуляции деятельности не изнутри, а извне»¹⁶.

Понимая причину и эффект такого противопоставления, возникшего из сравнения биоэтики и медицинской этики, обратим внимание на два обстоятельства, связанные с его последствиями. Во-первых, осваивающая современные профессиональные этики парадигма социальной ответственности дает основания для того, чтобы видеть в этиках профессии не антипод этики общественной, а ее *полноценную* конкретизацию. Во-вторых, при ограниченности практического потенциала версии прикладной этики как ипостаси «практической философии», эффект контроля от имени общественной морали над профессиональной вряд ли выше эффекта интерпретации профессиональной этики как вида прикладной этики, когда последняя пред-

¹⁵ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень: НИИ ПЭ, 2005. Гл. 1, 2.

¹⁶ Коновалова Л.В. Прикладная этика (по материалам западной литературы). Вып.1: Биоэтика и экзэтика. М., 1998. С. 44-45.

ставляет интерес общеобщественной морали и, одновременно, опирается на потенциал проектно-ориентированного знания.

Идея *нового освоения* Ойкумены прикладных этик исходит из принципиальной важности *качества* «вхождения» этико-прикладного знания в мир профессиональных практик. Формально этот мир давно открыт прикладной этике – через принятую и понятную идею социальной ответственности профессий (бизнеса, журналистики, PR и т.д.), гуманитарных технологий менеджмента и т.д. Сегодня никого не удивит профессионально-нравственными кодексами, этическими комитетами, этическими офисами, этическим аудитом и т.д. Но сами профессии могут видеть в этике лишь *инструмент* социальной ответственности¹⁷. Потому важна проектно-ориентированная разработка *этических оснований* инфраструктуры профессиональной морали. Именно в этой ситуации значим особый – по сравнению с *практической этикой* – потенциал ноу-хау этико-прикладного знания.

НОВОЕ освоение как системное нововведение в прикладной этике предполагает проектно-ориентированную парадигму этико-прикладного знания.

Многие авторы предпочитают понятию «прикладная этика» понятие «практическая этика» – либо из-за неудовлетворенности зачастую применяемым *аппликационным* смыслом первого из них, либо из-за концентрации внимания на том общем, что есть у «практической этики» с этикой прикладной, без исследования их видовых отличий. В итоге, «за кадром» остается содержание понятия, связанное с актом собственно *приложения* применительно к связи этического знания с практикой морали. Аналогичная ситуация – даже и в случаях предпочтения исследователей понятию «прикладная этика»: и здесь особенности собственно *прикладной* этики, связанные с характеристикой ак-

¹⁷ См., напр.: Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в России. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ю.В. Казакова. М.: Стратегия, 2004.

та *приложения*, остаются вне сферы специального внимания. Более того, распространенная сегодня идентификация прикладной этики как этики *открытых вопросов* скорее расширяет предмет первой (и в этом ее эвристичность), чем говорит о природе *приложения* этического знания и, на самом деле, оставляет смысл *акта приложения* тождественным смыслу *практического применения* этики.

Одно из объяснений – неотрефлексированность *интервала эффективности* формулы «этика – практическая философия». Мы полагаем, что она недостаточно эвристична для знания, которое в своей практичности исторически уже развилось до миссии и функции прикладного, в том числе проектно-ориентированного, технологизированного и т.п. Предмет же для этико-прикладного знания как второй ипостаси прикладной этики создает не вообще мораль, а прикладная этика в ипостаси нормативно-ценностной подсистемы.

Существенная методологическая предпосылка формирования идентичности этико-прикладного знания – характеристика *акта приложения* через соотнесение универсальных характеристик «фундаментальная наука – прикладная наука», которые в *современных* подходах выводят на проблемы проектно-ориентированного знания, социальной инженерии, социальных технологий, фронезиса. Важно подчеркнуть, что прикладная этика не сводится к элементарной аппликации фундаментального этического знания; это, скорее, характерно для некоторых версий *практической* этики. Относительная самостоятельность прикладной структуры системы этического знания объясняется тем обстоятельством, что она не просто *использует* какую-либо информацию фундаментальных этических исследований, но создает фактически новое знание, преобразованное для нужд практики. Поэтому мы стараемся подчеркнуть, что прикладная этика предполагает *изобретение нового знания*.

Характеристика этико-прикладного знания как *проектно-ориентированного знания* опирается, во-первых, на трактовку *акта приложения* в современных мето-

логических концепциях проектно-ориентированного знания, наглядно проявляющуюся при сравнении двух ситуаций. В одной из них речь идет о попытке применить уже существующее, «изготовленное для чего-то другого “знание”» *не по функции*, а «приделявая устройство, которое нам позволяет использовать полученную конструкцию как “приклад” или “протез”». В другой ситуации вместо «изготовления протезов» «значима задача изготовления сразу того, что должно использоваться».

Во-вторых, прикладная устремленность проектно-ориентированного знания проявляется в подчинении *познания* нормативно-ценностных подсистем задаче их *развития*, в том числе через конструирование моделей инфраструктуры нормативно-ценностных подсистем, разработку технологий связи этического знания с моральной практикой (кодексов и конвенций, институций экспертизы принятия и исполнения решений, этических офисов фирм, этических комиссий ассоциаций и т.д.) и т.п.

При этом важнейшее «техусловие» освоения методологических предпосылок из внеэтических сфер знания – формирование особого стиля проектной деятельности в сфере прикладной этики, предполагающего опору на *моральное творчество субъекта*.

Существенная методологическая предпосылка развития этико-прикладного знания – освоение *идеи фроне-зиса*. Рассматривая технологичность этического знания как один из ключевых факторов его квалификации в качестве этико-прикладного, а программы, эталоны, проекты, экспертные заключения, кодексы, этические комиссии, методики и т.п. продукцию прикладных исследований и разработок как «опредмеченную силу» прикладной этики, уместно интерпретировать их как *фронестические* технологии (на этапе создания и в процессе их применения).

Не забывая о том, что понятие «фроне-зис» используется в различных методологических подходах и, соответственно, трактуется и употребляется далеко не однозначно, напомним о разделении Гадамером технического и гуманитарного ноу-хау, различение элементарной *ап-*

пликации знания как технической процедуры – и *интерпретации* как творческой конкретизации.

Идея фронезиса – один из гносеологических и социокультурных идеалов этико-прикладного знания, не просто профилактирующий риск его технократической интерпретации при освоении методологии проектно-ориентированного знания, но и дающий основание для интерпретации технологий приложения этического знания как *этического ноу-хау*. В целом, освоение идеи фронезиса в прикладной этике – знание-умение в сфере морали, ориентированное на индивидуальность приложения – проявляется и в *мягком теоретизировании*, и в мудрости индивидуального морального выбора, и в технологиях связи первого со вторым. Идея фронезиса эвристична не только в процедуре применения нормы к конкретной ситуации, в чем, кстати, весьма успешна модель этики как «практической философии», но и в разработке технологий прикладной этики – этического моделирования, экспертизы, проектирования и т.п. Так, например, фронестична технология этической экспертизы и консультирования, снимающая противоречие между абстрактным знанием и собственно практическим умением: диалогическая, «понимающая» природа фронезиса предполагает не просто передачу «готового» результата научного исследования для «внедрения», но совместный (эксперта и субъекта, принимающего решение) поиск решения проблем.

НОВОЕ освоение как системное нововведение в прикладной этике опирается на идею морального выбора как *modus vivendi* прикладной этики. Суть идеи: в природе морального выбора содержится важнейшая *предпосылка* формирования и развития прикладной этики в обеих ее ипостасях. *Сущностная* предпосылка: ситуация выбора – универсальная структура приложения.

Ситуация морального выбора – предпосылка *креации* прикладной этики (морали). Во-первых, потому, что предполагает выбор в пользу моральности и акт самоопределения субъекта к той или иной системе нравственных ценностей. Во-вторых, потому, что предполагает *акт при-*

ложения как конкретизации универсальной (общественной, общечеловеческой) моральной системы применительно к «малым системам». В-третьих, потому, что выбор является актом конкретизации морали в поступке. В-четвертых, потому, что в ситуации выбора содержится запрос на «фронезис», «этическое умение» в сфере принятия моральных решений; запрос, который, по мере развития и практики, и теории морали, становится существенным моментом этико-прикладного знания (вторая ипостась прикладной этики).

Однако в природе морального выбора мы видим не только *предпосылку*, но и одно из *оснований* прикладной этики, *способ ее существования*. И, может быть, даже так: способ существования прикладной этики как науки и искусства морального выбора. Морального выбора как *науки* и *искусства приложения*.

Приложения как рациональной процедуры конкретизации морали в ипостаси *нормативно-ценностной системы*. Рациональной процедуры морального творчества. Рациональных *оснований*: предпочтения субъектом, принявшим саму моральность, в пользу нормативно-ценностной системы гражданского общества (этика гражданского общества, «постестественная», рациональная мораль); самоопределения субъекта, принявшего нормативно-ценностную систему гражданского общества, к ценностям и нормам той или иной конкретизированной морали – в рамках изобретения гражданским обществом «малых систем»; выбора, совершаемого субъектом в такой ситуации приложения, как нормоприменение (в том числе морального решения в ситуациях нравственного конфликта). И не только в ситуациях, характерных для «малых систем», но и, в *допустимой мере*, ситуациях нравственной жизни индивида.

Что касается *ответа* прикладной этики (в ипостаси *проектно-ориентированного этического знания*), то он выражается в виде обеспечения рациональных оснований выбора субъекта посредством «технологического» (еще раз повторим: моделирующего, экспертирующего, проек-

тирующего, консультирующего и т.п.) потенциала этико-прикладных исследований и культивирования фронестической способности субъекта. Не случайно одна из наиболее разработанных нами прикладных этик – журналистская – представлена в монографии с названием «Моральный выбор журналиста».

ХАРАКТЕРИЗУЯ еще одну грань стратегии *нового освоения* как системного нововведения в прикладной этике – *технологии* исследования прикладных этик (моралей) и проектирующего воздействия результатов этих исследований на практику «малых систем», мы считаем *риторическим* вопрос о том, может ли и должно ли этико-прикладное знание дать моральному субъекту нечто большее, чем квалификацию ситуации морального выбора как «бремени», передав ответственность за выбор всецело самому субъекту. Уточним: передать ответственность за выбор всецело самому субъекту этико-прикладное знание не только может, но и должно, – чтобы не подменить нравственные искания личности, сообщества, общества в целом. Но вполне может – и должно – не позволить себе «умыть руки». Может и должно создавать многообразные технологии приложения.

В нашем опыте разработаны и внедрены в практику основные технологии этико-прикладного знания. Большинство из них представлены и в данной работе.

Этическое проектирование (например, этической комиссии профессиональной ассоциации в «несудебном» – консультативном формате).

Этическое конструирование (например, конвенции профессионального сообщества журналистов или миссии университета).

Этическая экспертиза (общественная, гражданская); один из примеров – экспертиза проекта Арктической политики.

Этическое консультирование ассоциаций и организаций (например, университета в ситуации самоопределения).

Этическое моделирование (серия этико-прикладных

игр, применяемых в большинстве наших проектов).

Технологии учебного (в рамках «этического практикума») и исследовательского «*кейс-стади*» (например, самопознание образовательной и журналистской корпораций).

Один из важных аргументов в пользу идентификации технологий прикладной этики как *этических* связан с развитием в них потенциала *испытания выбором*, который проявляется в каждой из технологий прикладной этики. А особенно – в игровом моделировании, являющемся в нашем опыте элементом и экспертизы, и консультирования, и проектирования, и образования и т.д. Этико-прикладные *игры* – способ включения лиц и групп, принимающих решение, в *ситуацию морального выбора*, стимулирующую этическую рефлексию.

**«Повестка дня» нового освоения:
«не числом, а умением»**

ЧЕМ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ наше внимание к определенным «малым системам», выделенным здесь из всей современной Ойкумены прикладной этики, почему в структуру монографии вошла, например, глава о журналистской этике и не включена, например, глава о биоэтике?

Если бы мы ориентировались на формат учебного пособия, то, конечно, оправдать такой выбор было бы нелегко. У большинства авторов учебников по прикладной этике в объяснениях подбора тем доминируют взаимодополнительные критерии актуальности-важности-значимости. Например: «В книге обсуждаются недавно появившиеся и сразу привлечшие к себе пристальное внимание спорные проблемы современности, в том числе эвтаназия, самоубийство, терроризм, с одной стороны, и этика социального работника – с другой»¹⁸. Другой пример: по критерию «значимости профессионального труда в информационном обществе» в учебник по профессиональной этике

¹⁸ Алексина Т.А. Прикладная этика: учебное пособие. М.: Изд-во РУДН, 2004. С.2.

включены служебная этика, деловая этика, этика менеджера, этика инженерного труда, этика связей с общественностью¹⁹.

В нашем случае выбор «малых систем» в качестве «территорий» нового освоения Ойкумены прикладной этики совершен по другому основанию. Мы осознаем важность критерия актуальности-важности-значимости, следуем ему в своих конкретных проектах, многие из которых являлись незамедлительным ответом на безотлагательные запросы практики (это относится, прежде всего, к проектам, посвященным политической этике). При этом, во-первых, не забываем об относительности оценки важности-неважности той или иной прикладной этики. Характерна в этом плане реплика: «Я уверена, что проблема морального выбора в гуманитарной сфере более (или хотя бы не менее) актуальна, чем споры "естественников" вокруг овечки Долли: как пишущие авторы, мы совершаем моральный выбор здесь и сейчас, а до клонирования человека еще довольно далеко»²⁰. Во-вторых, стараемся не путать актуальность и злободневность. Характерна в этом плане метафора в названии одной из монографий второго периода: «*Выбор будущего: к новой деонтологии воспитания*».

В то же время мы рассматриваем здесь только те территории, которые, во-первых, уже стали предметом нового освоения благодаря нашим проектам, и, во-вторых, с которыми непосредственно связана биография нашего направления. Связана благодаря складывающимся обстоятельствам, с одной стороны, стремлению проектировать эту биографию – с другой²¹.

¹⁹ См.: Профессиональная этика. Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Росенко. Санкт-Петербург: ООО ИД «Петрополис», 2006.

²⁰ См.: Фрумкина Р. Размышления о самосознании лингвистов и филологов (этические аспекты): if.russ.ru/2000/3/20010525_frum.html.

²¹ См.: Бакштановский В.И. Согомонов Ю.В. Прикладная этика: рефлексивная биография направления.

АЛГОРИТМ каждой из глав, представляющих одну из выбранных нами в качестве предмета нового освоения «малых систем», отражает идею и технологию инновационной парадигмы прикладной этики. Все главы открывается преамбулой-эскизом «Критика «повестки дня» и идентификационная матрица». Концептуальное обновление «повестки», необходимость которого демонстрируется в процессе критики практикуемой – в публицистической, исследовательской и образовательной литературе – проблематизации той или иной «малой системы», мы связываем с его «привязкой» к разработанному нами *алгоритму идентификации* общепрофессиональной этики как вида прикладной этики²². Алгоритму, конкретизируемому в зависимости от субъектов такой этики: профессии-ассоциации; институции-профессии; сложноорганизованной профессиональной-надпрофессиональной-общественной деятельности и т.д.

Особое место в каждой преамбуле-эскизе занимает предпочитаемая нами для данной нормативно-ценностной подсистемы *модель освоения*. В главе о журналистской этике доминирует модель, которую мы называем «системный алгоритм идентификации и самоидентификации профессии». В главе об этике образования доминирует модель, определяемая нами как «проектирование в режиме внутреннего консультирования процесса самопознания корпорации». В главе о политической этике – модель, сочетающая диагностически-консультативный и проектный способы нового освоения, предметом которых является (само)реформирование политического этоса через инновации; самоидентификация профессии здесь, в отличие от иных прикладных этик, организуется, скорее, в формате игрового моделирования, чем экспертного опроса.

В то же время мы решали и сверхзадачу: в каждой главе акцентировать ту или иную сторону, грань нашей концепции прикладной этики: например, базовые дилеммы

²² См. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. С. 10-11.

высокой профессии, этосное («реально-должное») проявление «малой системы», инфраструктуру саморегулирования, моральный выбор как способ существования прикладных этик и т.д. Тем самым мы рассчитывали на то, что, радикализируя какую-то одну из граней в каждой главе, заостряя на ней внимание, мы сможем трансформировать панораму простого сложения разнопорядковых прикладных этик в своеобразную голограмму и воссоздать, так сказать, «нерасписанную целостность» Ойкумены прикладной этики.

ВО ВТОРОМ томе предполагается рассмотреть другие *территории* Ойкумены, осваиваемые нашим направлением.

Глава 1. Этика воспитания (здесь как раз сочетаются профессиональный, надпрофессиональный и общеобщественный виды прикладной этики). В *новом освоении* этой традиционной *территории* доминирует модель «польдера».

Глава 2. Этика предпринимательства. В качестве *модели освоения* этой «территории» Ойкумены прикладной этики доминирует вариант «неклассический случай»

Глава 3. Этика успеха. В *новом освоении* этой территории доминирует модель «проектирование национальной идеи».

Глава 4. Этика гражданского участия. В этой теме в качестве *модели освоения* доминирует консультирование процесса самопознания одной из социальных технологий-институций взаимодействия власти и общества, сопровождаемое организацией рефлексии ценностных оснований современных технологий гражданского участия.

Авторы искренне разделяют свои достижения с реальными соавторами наших проектов: соисполнителями исследовательских проектов, чьи тексты представлены на страницах журналов «Этика успеха» и «Ведомости НИИ ПЭ»; участниками экспертных опросов, проблемных семи-

наров, фокус-групп, деловых игр, проведенных в Тюмени, Ханты-Мансийском автономном округе, Москве и т.д.

Авторы благодарны И.В. Бакштановской, М.В. Богдановой, И.А. Ивановой, И.А. Михайловой, Н.В. Самойлик, А.П. Тюменцевой за подготовку этой книги к изданию.

Глава 1

«Миссия пера» и/или «минимальный стандарт»

1. Критика «новостки дня» и идентификационная матрица

ЕСЛИ БЫ мы писали газетную статью о профессиональной этике журналиста, то, возможно, начали с хлесткого тезиса А. Венедиктова из интервью газете «Газета»: «Я считаю, что профессия журналиста не имеет никакого отношения к этике».

Если бы мы искали кричащий «запев» для учебной лекции, то, возможно, воспользовались парадоксальной формулировкой темы одного из университетских лекторов: «Этические правила заказной журналистики».

Если бы мы искали скорее академичный «запев» для учебной лекции, то, возможно, воспользовались смоделированным в книге «Беседы о масс-медиа» исследователями журналистики Д. Мэрриллом и Э. Дэннисом диалогом, в котором первый приводит подобранные из литературы убедительные аргументы в пользу тезиса «журналистика – не профессия», а второй систематизирует не менее убедительные аргументы в пользу тезиса «журналистика – это профессия».

Если бы мы хотели актуализировать проблематику журналистской этики, анализируя представление о ней преподавателей и работодателей будущих профессионалов, – концентрируя внимание на операционной, технологической культуре журналистики, то, возможно, обратились к набору контрольных вопросов одной из образовательных программ: *«Допустимые и недопустимые методы получения информации. Наблюдения журналиста в условиях эксперимента, моральные ограничения. Работа с диктофоном, "скрытой камерой", публикация видеоматериалов, этический аспект. Опровержение, этический аспект. Диффамация, ответ на критику»*. Если бы нам важно было панорамировать проблематику журналистской

этики с помощью программ модных ныне учебников-кейсов, ориентированных на развитие знаний-умений журналиста в сфере профессионально-нравственных решений, то, возможно, начали панораму с раздела «Использование этических принципов в журналистской практике». Остановились бы на таких темах, как «Принцип свободы слова» (выделив в ней *Случай* «Польза или вред от публикации?»), «Принцип гуманности» (выделив в ней *Случай* «Обоснована ли публикация шокирующей фотографии?»), «Социальная ответственность журналиста» (*Случай* «Частная переписка или заслуживающий общественного внимания документ?»), «Проблемы морального выбора, возникающие в результате экономического давления на СМИ (*Случай* «Обязательства перед подписчиками в конфликте с ответственностью перед обществом»)). *Случаи* «Журналист – наблюдатель, участник или инициатор новостей?».

Разные *лики* журналистской этики. Оставляя за рамками обзора примитивные вопрошания экзаменатора типа *«Может ли называться журналистикой заранее оплаченная работа пиарщика, создающего заведомо нереалистичный имидж одних людей в интересах других?»*, можно утверждать, что за этими ликами – то или иное *концептуальное* видение природы журналистской этики. Концептуализированное одной из четырех теорий прессы; трактовкой профессиональной этики журналистики как результата аппликации подходов «практической философии»; идентификацией журналистской этики как конкретизации общеморальных норм к особенностям профессии; моральной рефлексией профессиональным сообществом своих проблем, прежде всего – операционально-технологических. И т.д. И все это важно, значимо, необходимо. Одновременно? Нет, от выбора концептуальных оснований не уйти.

Принято считать, что журналистика определяет для нас, читателей и зрителей, «повестку дня». Но она определяет «повестку дня» и в сфере профессионально-нравственной рефлексии своей собственной деятельности.

В весьма продуктивной проблематизации практичес-

кого бытия профессиональной этики журналистики, наглядно проявляющейся, например, в программировании постдипломного профессионально-этического образования журналистов, мы находим актуальную *реактивность* и практическую заостренность тематики: современность «повестки дня» профессионально-этических семинаров, проводимых в последние годы Институтом развития прессы, Фондом защиты гласности, Интерьюс, Институтом информационного права и др., очевидна. В то же время «большой скачок» в активизации интереса к моральной проблематике журналистской профессии в современной России не стоит оценивать однозначно. В том числе и с точки зрения содержания «повестки дня». Понятна актуализация обновления «повестки дня» в соответствии с социокультурной динамикой профессии²³. Однако слишком редко артикулируется мотивация обновления «повестки дня» кризисом идентичности профессиональной этики журналистики. Одно из проявлений этого кризиса мы рискуем обозначить как концептуальную *банализацию* природы такой этики.

В качестве основания для столь рискованного диагноза (рискованного опасностью своеобразного *фундаментализма в этике*) назовем, во-первых, доминирование *функциональной* идентификации профессиональной этики журналистики, подмену ее *предназначения* – *функцией* социальной ответственности. Функцией безусловно важнейшей. Но не заменяющей миссии-предназначения нормативно-ценностной системы профессии. Во-вторых, таким основанием служит заметная тенденция *деонтологизации* профессиональной этики журналистики, содержащая риск вольно-невольного элиминирования *этической идентичности* профессии в пользу идентичности *правовой*. Тенденция, подкрепляемая «пораженческими» утверждениями о «невозможности проведения четких границ

²³ См., напр.: Киричек П.Н., Федотова О.В. *Этика журналиста*. Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 2004. Цит. по сайту: www.medialaw.ru/selfreg/5/r1.

между нормами морали и права в функциональном поле журналистики»²⁴. В-третьих, основанием для нашего диагноза служат некоторые черты процесса *институализации* журналистской этики (морали). До сих пор создаются кодексы, сочетающие, с одной стороны, механистическое распространение общеморальных требований на сферу журналистики, а с другой – сводящие кодексы к «правилам игры» (не этосным, а внеморальным), стандартам-инструкциям, лишенным морального содержания. Да и интенсивная *образовательная деятельность* в сфере профессиональной этики журналистики как признак институализации нормативно-ценностной системы обнаруживает свойства паллиативной этики. Широко внедряемая практика разбора конкретных ситуаций ограничивает арсенал метода кейс-стади *практическим* потенциалом моральной *философии* и/или схемами аналитических суждений, оставляя в стороне потенциал собственно *прикладной* этики.

Кризисные моменты институализации нормативно-ценностной системы журналистики в определенной степени обусловлены и идентификационным кризисом профессионально-этического *знания* в сфере журналистики. Очевидно, что оба кризиса – в практике и в теории – взаимобусловлены. Но прежде чем ожидать от нормативно-ценностной системы журналистики формирования ориентиров преодоления ситуации кризиса идентичности профессии, необходимо поработать над теорией профессиональной этики журналистики. И не только в *кафедральном* формате, а в *исследовательской мастерской*, моделирующей «встречное движение» теории и практики.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ обновление «повестки» мы связываем с его «привязкой» к *алгоритму идентификации* профессиональной этики журналистики, в основе которого – алгоритм идентификации общепрофессиональной этики²⁵. В рамках *первого* шага этого алгоритма – характери-

²⁴ Киричек П.Н., Федотова О.В. Этика журналиста.

²⁵ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2005.

стика предназначения, *миссии* (а не просто *функции*) профессиональной этики; идентификация профессиональной этики как вида этико-прикладного знания и одной из подсистем нормативно-ценностной системы общества; анализ соотношения этики (морали) профессиональной и этики *общеобщественной*; определение места и природы нравственных конфликтов, возникающих при столкновении ценностей общей морали и морали профессиональной, ценностей разных профессий, между ценностями одного и того же профессионально-нравственного кодекса. *Второй* шаг – анализ «морального измерения» природы профессии как основание для структурирования профессиональной этики. В рамках этого «измерения» обсуждаются: различие между профессией и *внепрофессиональными* видами человеческой деятельности; специфика *высоких* профессий; этос профессиональной корпорации, саморегулирование профессии. *Третий* и *четвертый* шаги – апология и критика профессионализма в его «моральном измерении» и рефлексия ценностей и норм этики профессионального успеха. *Пятый* – идентификация «мировоззренческого яруса» профессиональной этики: подход к выбору профессии как к процессу морального выбора, обсуждение дилеммы «служение в профессии и/или жизнь за счет профессии?» и т.д. *Шестой* шаг алгоритма – обращение к нормативному ярусу профессиональной этики, исследование природы профессионально-этических кодексов. *Финальный* шаг – характеристика технологий практичности профессионально-этического знания. Разумеется, мы не претендуем на непререкаемую инвариантность предлагаемого алгоритма – последовательность шагов описана на основе нашего авторского опыта.

В свою очередь, этот ряд последовательных шагов исследовательской рефлексии, позволяющий идентифицировать и профессиональную этику журналистики (в обеих ее ипостасях), – только одна из задач. Другая – характеристика потенциала этико-прикладного знания как *про-*

ектно-ориентированного знания в сфере профессиональной этики журналиста. В развиваемом нами направлении прикладной этики такая характеристика имеет возможность опереться на анализ «случая». Поэтому избираемый нами способ предъявления концепции профессиональной этики журналистики предполагает еще и аналитическую презентацию Тюменской этической медиаконвенции (ТЭМК) как *проектной институализации* этико-прикладного видения природы профессиональной этики журналистики; как ее *проектной конкретизации*, в процессе которой система технологий этико-прикладного знания работает на образ конвенции как интегрального профессионально-этического *института*.

Соответственно, в этой главе, посвященной освоению одной из территорий ойкумены прикладной этики, доминирует модель освоения, которую мы называем «системный алгоритм идентификации и самоидентификации профессии». Как видно из названия, особенность модели – сочетание этической идентификации и самоидентификации профессионального сообщества. При этом «идентификационная матрица» – не просто *иллюстрация* инвариантного всем профессиональным этикам алгоритма с помощью сюжетов из журналистской практики, и не элементарная *аппликация* каждого его «шага», но *конкретизация* общепрофессиональной этики на основе *самопознания* профессионального сообщества – анализа результатов его исследователей и рефлексии практикующих журналистов, организованной нашими проектами²⁶.

²⁶ При этом важно не забывать о разнице ситуаций, определяющих контекст наших экспертных опросов разных лет. Характерно замечание А.К. Симонова по поводу книги материалов первой из этих экспертиз (1995 г.), сделанное всего через 3 года: «Книга “Становление духа корпорации” успела родиться и вырасти в период остаточных романтических настроений в отношении роли и назначения средств массовой информации. Романтических потому, что до 1996 года пресса находилась в самообольщении относительно собственного значения, собственных функций, в том числе и относительно своей этики. Поэтому,

2. Нормативно-ценностная система журналистики: идентификация и самоидентификация

2.1. Профессиональная этика журналистов: предназначение и/или функция, этика и/или деонтология

ПЕРВЫЙ шаг предпринимаемой нами этической идентификации – намеренно обостряемый вопрос о (не)адекватности характеристики профессиональной этики журналистов в поляризованных терминах «предназначение» – «функция». Отдавая предпочтение роли «пафосного понятия»²⁷, тем самым подчеркиваем, что для понимания природы и «духа» профессиональной этики журналистов принципиально важным оказывается вопрос «во имя чего?» (а не просто – «для чего?», «с какой целью?»).

Как и в случае с идентификацией общепрофессиональной этики, основной мотив нашего приоритета пафосному термину *предназначение* – критичное отношение к весьма распространенной как в практике, так и в исследовательской литературе абсолютизации роли *функционального* направления поиска идентичности профессиональной этики журналистов. Соответственно, основной контртезис «функционализму»: профессиональная этика журналистов не только «обслуживает» одну из сфер человеческой деятельности, но и соучаствует в *общеморальном* тво-

как ни странно, у прессы того периода проявились замечательные рентгеновские свойства, обнаружившиеся в той нашей экспертизе, – именно в такой период люди, размышляя о медиаэтике, безусловно, начинали размышлять о себе. Сегодня, к сожалению, эти два вида анализа разошлись: размышляя о себе, человек прессы все дальше и дальше уходит от этических вопросов; раздумывая об этике, он готов скорее говорить о других, чем о себе». (В.И. Бакштановский, А.К. Симонов. Кодексы, которые мы выбираем. (Диалог редакторов) // Предисл. к 1-му изд. / Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы / 2-е изд./ Сост. Ю.В. Казаков. М.: Галерея, 2002. С.8.)

²⁷ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. С. 13-18.

рчестве, соучаствует как партнер и соавтор, а не «младший брат». Показательный случай *функционального* направления поиска идентичности профессиональной этики журналиста: «Журналистика, повседневно имеющая дело с “движущейся моралью”, в силу своей природы способна поставить *информационно-этический сервис людей* на поток»²⁸. То, что «сервисная» терминология здесь не случайна, подтверждает характеристика такого «конституционного долга журналиста перед обществом», как «*обслуживание людей специфическим продуктом* – социально значимой и творчески обработанной информацией» (курсив наш. – В.Б., Ю.С.). Более основательно «функциональный» образ профессиональной этики журналистики представлен в следующей трактовке профессиональной морали: вполне справедливый тезис о том, что «профессиональная мораль непосредственно включена в *технологический* процесс деятельности каждого члена трудовой группы, ориентируя его конкретные личностные проявления на выработанные стандарты поведения», совмещается с весьма спорным: «ее *функция* – обеспечить такое поведение членов профессиональной группы, при котором данная деятельность приносит наилучшие результаты, оправдывая свое общественное *предназначение*» (курсив наш. – В.Б., Ю.С.)²⁹.

Среди вариантов «функционального» подхода выделим *реактивный* (стимул-реакция) образ журналистской этики в размещенной на сайте Института информационного права программе учебного курса: «Сегодня, когда в России ощущается высокая степень социальной напряженности, а расставляемые акценты все больше зависят от индивидуального морального выбора каждого профессионала, многократно повышается ответственность журналиста».

²⁸ См.: Киричек П.Н., Федотова О.В. Этика журналиста. Разд. 3. Сущность, структура и функции журналистской этики.

²⁹ Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста. М.: Аспект-пресс, 2000. С. 44.

И еще один принятый в литературе образ профессиональной этики журналистики: редукция функции профессиональной морали к действию *инструкции*. Такой эффект мы обнаруживаем чаще всего в кейс-учебниках, адресованных журналисту как субъекту *аналитического* морального размышления. «Независимо от того, будет ли эта книга использована как сборник инструкций...», – читаем в пособии «Медиаэтика: ситуации и моральные размышления» об идеальном варианте работы журналиста с этой книгой³⁰. Нелепо было бы выступать против ориентации профессионально-этического образования журналистов на метод кейс-стади. Вполне понятно, например, такое определение цели названного выше спецкурса по профессиональной этике журналистики в США: «выработка методики выбора этической альтернативы в профессиональной деятельности журналиста»³¹. Позитивный эффект метода мы видим, например, в характерном названии одного из учебных пособий: «Шаг за шагом: журналист делает выбор», авторы которого мотивируют свою работу следующим образом: «Чем больше влияние рыночных отношений на СМИ, тем большая ответственность ложится на журналиста, когда ему предстоит сделать этический выбор»³² (курсив наш. – В.Б., Ю.С.). Но не менее важно увидеть *интервал эффективности* метода. Традиционная казуистика как применение этической рефлексии к рассмотрению практических ситуаций, ситуационный метод обоснования принятия моральных решений в простых и сложных ситуациях и т.д. нередко банализируют проблему морального выбора журналиста: журналист здесь вполне может оказаться лишь аппликатором неких теоретических концепций или методических схем этического анализа и решения ситуаций,

³⁰ Media ethics: Cases and moral reasoning / C. Christians, M. Fackler, K. Rotzoll. Forth Edition. Longman Publishers USA, 1995. P. 5.

³¹ Указ. соч. P. 4.

³² См.: Шаг за шагом: журналист делает выбор. Маастрихт, 1996.

читателем задачника по этике, который точнее назвать *решебником*. И тогда за рамками проблемы оказываются журналист как субъект нравственных исканий, мировоззренческие аспекты его морального выбора.

Одно из объяснений «функционализма» мы находим в замечании Э. Ламбета о связи современной версии теории социальной ответственности прессы с утилитаристской философией, из которой исходили авторы данной теории³³. На наш взгляд, аргументация от имени социальной ответственности профессии не только вполне приемлема, но и необходима. Но пределы ее эффективности определяются тем, насколько последовательно исследователи и авторы учебников обращают внимание на язык *морального оправдания* профессии, предполагающий обращение не только к регулятивной, функциональной, но и к ориентирующей роли морали в целом, профессиональной морали – в том числе.

Мы уже неоднократно³⁴ приводили основной аргумент нашего предпочтения выбора в пользу категории «предназначение» – нашу интерпретацию дуалистичности морального феномена (при этом речь не идет об отказе функциональной идентификации профессиональной этики журналистов в правомерности, мы лишь акцентируем необходимость ее подчинения идентификации по «предназначению»). Еще один из аргументов – распространенность трактовки одной из моделей миссии журналистики как «четвертой власти» (о распространенности этой метафоры говорит одноименное название одного из журналов профессионального сообщества). «Четвертая власть» нередко воспринимается (в том числе и самими журналистами) как «власть» в буквальном значении. В этом направлении журналистику подталкивают и менталитет самих

³³ Ламбет Э. Приверженность журналистскому долгу. Об этическом подходе в журналистской профессии М.: ВООЛАНТА. 1988. С. 26.

³⁴ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИ ПЭ, 2006. С. 35-46.

журналистов, и менталитет аудитории. Не имея возможности обстоятельно проанализировать эту ситуацию, ограничимся здесь риторическим вопросом: оставляет ли такая трактовка шанс превратить журналистику из «еще одного» института государственной власти в автономную корпорацию гражданского общества?

ДРУГОЙ шаг в *этической* идентификации профессиональной этики журналистов актуализируется в связи с отмеченной в анализе «повестки дня» тенденцией *деонтологизации* журналистики, в рамках которой кодификаторы журналистской этики проявляют склонность к нарушению «моральной чистоты» этических кодексов включением в их состав правил и требований *внеэтического* – правового, административного, технологического и т.п. характера.

Одним из понятных мотивов нарушения «моральной чистоты» кодексов может быть стремление преодолеть известную тенденцию *морализаторства*, коварство которой заключается в перенасыщении не только обыденного языка, но и языка профессиональных коммуникаций моральными интенциями. Морализаторство вполне может создать видимость того, что разработчики кодексов ориентированы на природу моральной регуляции, тогда как на деле учтены скорее *фантомы* морали. Однако возможная антиморализаторская мотивация не отменяет другого нашего предположения: фактически сторонники деонтологизации профессиональной этики журналистов говорят о своеобразном возвращении *автономизировавшейся* в эпоху Современности профессиональной морали в *синкретическую* систему регулирования, в целостный комплекс «практических наставлений». Мотивы понятны: «Существует какая-то внутренняя потребность во “вторичном синтезе” – в единении представлений о долге, долженствовании и нормах должного поведения как целостной системе принципов и правил деятельности (в частности, журналиста как профессионала, гражданина и личности). ...Начальным регулятором поведения было “обычное право”, т.е. укорененная через обычай универсальная систе-

ма норм. И только затем из “обычного права” вычленились и соответствующим образом закрепились нормы законодательного характера, моральные требования, административные предписания и т.д.»³⁵.

Но на пути к деонтологизации через «вторичный синтез» журналистика рискует утратить специфику *морали*: в процессе социокультурной динамики *моральный феномен* вовсе не случайно прошел долгий путь от *обычая* к *норме*, от элементарного нравственного порядка – к сложной нормативно-ценностной системе, от традиционной нравственности солидаристских, ограниченных, хотя и органических, общин – к нормативно-ценностной системе «открытого общества» и характерной для него *постестественной, рациональной* моралью, автономной моралью гражданского общества. И пришел к общему для «малых систем» – прикладных нормативно-ценностных систем – *типу морали*, сформировавшемуся на определенном этапе ее исторического развития³⁶. Морали, совершающей своеобразную революцию в отношении к «традиционной морали», точнее – к феномену морали традиционного общества. И потому к «новой этике»³⁷. Именно автономизированная мораль была ударной силой, пробивающей брешь в обветшалой системе поведенческих норм и обычаев, соответствующих мировоззренческим образованиям традиционной цивилизации. Именно эта мораль содействовала избавлению человека от различных видов зависимости, принуждения, ярма жестких регламентов, дала ему свободу морального выбора. Отсюда вопрос: не слишком ли подозрительно предполагаемая в рамках деонтологизации в качестве од-

³⁵ Прохоров Е.П. Журналистика и демократия. М.: РИП-холдинг, 2001. С. 243.

³⁶ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный феномен: от элементарного нравственного порядка к сложной нормативно-ценностной системе / Этическая мысль. Вып. 7 / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: Ин-т философии РАН. 2007.

³⁷ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: новая этика. Тюмень, 2003.

ного из элементов «синтеза» «мораль» настроена по отношению к своей собственной природе? Возможно, создатели кодексов, явно опасаясь непредсказуемости свободного морального выбора, по сути дела «предупреждают» эту непредсказуемость сильной или слабой версией профессиональной морали журналистов как «морали» традиционного и этатизированного общества?

Не приводя здесь развернутых аргументов в пользу критического отношения к соблазну «вторичного синтеза»³⁸ (о пределах регулятивной эффективности обычая, о дискуссионности вопроса о взаимодействии в специализированных сегментах человеческой деятельности безыституциональных и институциональных регулятивных средств, о различии широко употребляемых в моральном, правовом, – а также политико-административном и коммуникативном – тезаурусах понятий *долга* и *обязанностей* и т.д.), напомним, что в реальной практике кодификации профессиональной деятельности нередко ощущается перекос в сторону формального права, наблюдается доминирование административно-правовой составляющей над стороной собственно моральной. Это дает весомый повод считать такие кодексы внеэтическими документами или этическими лишь номинально. В отличие от моральной нормы, конкретизированной по законам прикладной этики, нормы такого рода кодексов «расписаны», *детализированы*. Моральной же норме свойственна *генерализованность*, а функция «расписывания» возлагается на субъект морального выбора, что предполагает наличие у него способности к совершению подобной работы. В этом обстоятельстве заключается креативность моральной регуляции.

ЭТИЧЕСКАЯ идентификация нормативно-ценностной системы журналистов происходит и за счет понимания

³⁸ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. «Миссия пера»: этико-прикладная концепция нормативно-ценностной системы журналистики // Миссия университета. Ведомости. Вып. 30 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2007. С. 230-231.

существенного различия между природой моральной нормы и т.н. «*морального стандарта*». Уже отмеченная в наших предшествующих публикациях тенденция расширения роли понятия «моральный стандарт», в том числе и в практике кодифицирования «малых систем», весьма рискованна.

В литературе по профессиональной этике журналистов тема стандартов звучит все чаще. Происходит это в разных ситуациях: и в безоглядном – неотрефлексированном – принятии термина «моральный стандарт», и в рационально обоснованном подходе, применяющем этот термин в рамках дискурса о «*профессионально-правильном*» поведении (этот распространенный в зарубежной литературе термин, на наш взгляд, близок деонтологическому подходу), и в скептическом отношении к формату «стандарт».

Мотивы придания кодексам журналистов формата «этического стандарта» проявляются двояко. В одном случае этот формат рассматривается как очевидное преимущество по сравнению с иными форматами кодексов: отклонения от «этического стандарта» поведения (как правило, в сторону понижения) более очевидны, прозрачны для восприятия, тем самым они не создают особых затруднений при их оценивании: налицо и «факты», и «трафареты». В другом – скорее как меньшее зло. В последнем случае подчеркивается, что в России ориентация журналистики на стандарт «вполне естественна» тем, что «отвечает желанию профессиональной корпорации навести у себя хотя бы элементарный порядок. Пусть не из высокого Долга, а из других: скажем, из страха или меркантильных соображений человек не врет, не публикует “заказуху”... Уже отлично!». Напоминая, что И. Кант различал легальное поведение и поведение, основанное на нравственном мотиве, автор цитируемой точки зрения говорит: «Нам сейчас не до этого». И в то же время предлагает помнить, что профессионально-нравственная норма – не

формальный стандарт³⁹.

Трактовку идеи «морального стандарта» с точки зрения нашей концепции прикладной этики мы покажем в заключительном параграфе данной главы, посвященном созданию Тюменской этической медиаконвенции.

2.2. Нормативно-ценностная система журналистики как вид прикладной этики

ИДЕНТИФИКАЦИЯ профессиональной этики журналистики как вида *прикладной* этики предполагает адекватное понимание феномена *конкретизации* морали как креации «малых систем». Наш базовый тезис: конкретизация – способ формирования в рамках общеобщественной морали нормативно-ценностных *подсистем* («малых систем»), регулирующих и ориентирующих сегментированные сферы общества. Иначе: способ существования одной из двух ипостасей прикладной этики – изобретенных гражданским обществом нормативно-ценностных *подсистем, конкретизирующих* моральную систему общества. И обязательное напоминание о тезисе из введения: конкретизация морали – не артефакт, не искусственное образование, подобно, скажем, технике, а результат длительной и во многом ненамеренной культурной эволюции общества. В то же время как естественный продукт такой эволюции конкретизация морали является объектом внимания социальных институтов, пристального исследовательского и проектного интереса, и потому во многом зависит от деятельности ученых и осуществления программ деятельности различных институций.

РЕФЛЕКСИЯ характеристики «прикладная» применительно к существительному «этика» в работах по профессиональной этике журналистики весьма редка. На наш взгляд, проявлением пренебрежения такой рефлексией является характерный союз «и» в работах по журналистской этике. Например, заголовок статьи «Journalism and

³⁹ Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста: Учебное пособие. М.: МГУ, 2003. С. 45.

ethics: Can they co-exist?» в журнале «Media Ethics». Однако и в случае использования характеристики профессиональной этики журналистов как этики *прикладной* за рамками внимания исследователей остается *реальная* дискуссионность вопроса о природе прикладной этики, что приводит к одновременной (!) поддержке весьма различающихся подходов. В итоге – утеря потенциала трактовки профессиональной этики как вида прикладной этики. Представляется, что такой эффект имеет место, например, в тезисе о том, что прикладная этика «не касается тех аспектов профессиональной морали, которые формируют нравственную позицию профессионала... А для профессиональной этики изучение этих аспектов профессиональной морали – существенный момент»⁴⁰.

Важные последствия утраты потенциала трактовки профессиональной этики журналистов как вида прикладной этики связаны с поверхностной характеристикой нормативно-ценностной системы журналистики как *конкретизации* общеобщественной морали, во-первых, и практической этой системы – во-вторых.

Идентификация профессиональной этики журналистики через тезис о конкретизации этических норм применительно к специфическим условиям профессии – общий штамп исследовательской и учебной литературы. Однако что в этом случае значит *конкретизация*? Чаще всего – это банализированное понимание «прикладности», оборачивающееся *внеисторической, механистической* трактовкой феномена конкретизации морали. В качестве примера последствий «аппликационной» парадигмы обратимся к широкой практике использования достижений этической классики в кейс-методике применительно к профессионально-этическим ситуациям. Обоснование этой практики можно найти, например, в книге Э. Ламбета, одна из глав которой называется «Журналист и классические этические теории». Варианты такого рода обоснования мы

⁴⁰ Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста. М.: Аспект-пресс, 2006. С. 28.

находим в учебниках по журналистской этике, построенных на методе кейсов. Книги, которые предполагают учебное использование или прямо в учебном формате и написанные, предпосылают основной части – набору кейсов – вводную главу типа введения к кейс-учебнику «Журналистская этика»⁴¹ с характерным названием: «*Что сказали бы выдающиеся мыслители о журналистской этике, будь они на месте редактора?*». Речь идет об использовании идей и концепций классиков этической мысли в разборе кейсов. Например: «Величайший энциклопедический ум античности учил бы журналистов хорошо и добросовестно выполнять свою работу. Он предложил бы искать “золотую середину”, обосновывая это тем, что нравственность предполагает умеренность, а добродетель лежит между крайностями». В свою очередь, в предисловии к книге «Медиаэтика: ситуации и моральные размышления» предлагаются «Пять этических руководящих принципов»: «золотое правило» Аристотеля, категорический императив Канта, принцип полезности Милля, «завеса неведения» Роулза («Справедливость рождается при ведении дел без социальной дифференциации»), иудео-христианская заповедь: «Возлюби ближнего, как самого себя». Кстати, применительно к первому из них дается комментарий: «начинать действовать в соответствии с этой доктриной можно с определения крайностей – например, ничего не делать или описывать все, если рассматривать вопрос репортажа о некоем событии».

Разумеется, было бы нелепо отрицать необходимость и полезность развития культуры этической аргументации в сфере профессионально-этических суждений журналистов, опирающейся на базовые парадигмы классиков философской этики: этику долга и этику добродетели, версии современного утилитаризма и этики ответственности, ситуативную этику и концепцию справедливости Роулза и т.д. В этом плане прав Э. Ламбет, полагающий не-

⁴¹ Волек Т. Журналистская этика. СПб.: Ин-т развития прессы, 2002.

обходимыми принципами работы журналиста, которые были бы «этически оправданы и ясно выводились из философской традиции»⁴². Прав и в противостоянии примитивной версии практичности классических этических теорий: «Этические теории – не “черные ящики”, хитроумные приспособления, в которые можно вводить этические вопросы и получать на них ответы с механической регулярностью и точностью. Такие теории скорее подобны окнам, через которые можно заглянуть в мир нравственных рассуждений. Их смысл заключается в том, чтобы предложить ключевые позиции, с которых можно рассматривать важные этические решения»⁴³.

Однако, во-первых, стоит иметь в виду и (само)критику заметной тенденции в развитии культуры этической аргументации. Так, например, авторы цитированного выше пособия подчеркивают: «Мы полностью осознаем критическое убеждение различных отраслей радикальных общественных наук в том, что этика – это эвфемизм для ментальных игр, которые не затрагивают реального положения вещей. ...Большая часть современных работ в области профессиональной этики представляет собой в основном проблему семантики и изолированных инцидентов». И дистанцируются от этой тенденции: «данный сборник не принадлежит к этому разряду»⁴⁴. Во-вторых, и за рамками этой критики рожденные в рамках моральной философии принципы анализа моральных ситуаций имеют ограниченный *интервал эффективности*. За его пределами остается потенциал принципов и норм профессионально-нравственных кодексов, которые и являются воплощением природы профессиональной этики как вида прикладной этики. Мы имеем возможность апеллировать к иному опыту разбора кейсов – и в учебных целях, и в целях разрешения реальных конфликтов журналистской практики, – основанному именно на такого рода потенциале. Речь идет, на-

⁴² Ламбет Э. Приверженность журналистскому долгу. С. 17.

⁴³ Там же. С. 44.

⁴⁴ Media ethics: Cases and moral reasoning. P. 6.

пример, об опыте двух структурных институций – Большого жюри Союза журналистов РФ и недавно созданной Общественной коллегии по жалобам на прессу. Так, например, в одном из своих последних дел (по обращению ФНПР в связи со статьей в газете «Коммерсантъ») эта коллегия в разборе ситуации апеллирует к главам: 3 – Кодекса профессиональной этики российского журналиста; 21 – Резолюции ПАСЕ 1003 о журналистской этике; 5 – Декларации принципов поведения журналиста, утвержденной Международной федерацией журналистов⁴⁵. Отметим и опыт АНКО «Центр прикладной этики», и циклов семинаров Ю.В. Казакова по *приложению* к анализу конкретных ситуаций разработок в сфере профессиональной этики журналистов, прежде всего – в формате кодексов.

КАЗАЛОСЬ БЫ, критика распространения «аппликационного» подхода, используемого без определения интервала его эффективности, в применении кейсов – частная ситуация существования профессиональной этики журналистов. Однако, на наш взгляд, в этой ситуации наглядно проявлено поверхностное представление о смысле идентификации профессиональной этики журналистов как вида прикладной этики. Конкретизация морали в «малых системах» – не просто «дополнительные» нормы или «отступления» от норм общей этики, «диктуемые своеобразием профессии»⁴⁶, но *развитие* морали.

В том числе и в виде нормативно-ценностной системы *профессии*.

2.3. Этика журналистов как нормативно-ценностная система профессии

ИДЕНТИФИКАЦИЯ журналистской этики как этики *профессии* чаще всего банализируется. Во всяком случае в литературе процедура идентификации проблематизируется

⁴⁵ См.: www.Collegium.ruj.ru/delo_018/resh_011.

⁴⁶ См., напр.: Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста. Парадоксы развития, поиски, перспективы. М.: Мысль, 1991. С. 27.

вана весьма мягко. Тем более, что чаще всего она проводится через соотнесение этики профессиональной и этики общественной, побуждая к поиску критериев разрешения нравственных конфликтов, возникающих при столкновении ценностей общей морали и морали профессиональной (или ценностей разных профессий). При этом обычно предлагаются два ориентира-критерия выбора: один исходит из «очевидного» доминирования ценностей общей этики над ценностями этики профессиональной, другой побуждает к *рефлексии* «единственного» и «очевидного» критерия.

Пример применения первого ориентира – разбор авторами одного из учебных пособий конкретной ситуации. Речь идет о ситуациях в развивающихся странах с репрессивными режимами: «военный персонал низшего уровня часто увеличивает интенсивность допросов пленных, когда на них наводится фотоаппарат, потому что следователь имеет зрителей и это позволяет ему чувствовать себя сильным мужчиной». Суть конфликта, с точки зрения комментирующих ситуацию авторов, заключается в том, что, с одной стороны, на журналисте «лежит профессиональная обязанность воспринимать сюжет так, как он есть. С другой – фотожурналист не может игнорировать всеобщий долг защищать человеческую жизнь». Формулируя вопрос: «Каким обязательствам – функционально-дифференцированному или универсальному – должен последовать принимающий этическое решение?», авторы вполне определенно отвечают на него замечанием: «Существенно, что некоторые фотожурналисты реагировали на ситуацию подобного рода зачехлением своих фотоаппаратов и уходом с места допроса»⁴⁷. Аргументы в пользу критической рефлексии «единственного» ориентира-критерия мы предложили в главе о моральном выборе монографии «Введение в прикладную этику»⁴⁸.

⁴⁷ Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса: Учеб. пособие. М.: Дело, 2000. С. 41.

⁴⁸ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в приклад-

ОДНИМ ИЗ оснований для того, чтобы проблематизировать нередко кажущуюся очевидной идентичность нормативно-ценностной системы журналистов как этики профессии, является непроясненность соотношения профессии и индустрии и, соответственно, журналистской этики – и этики СМИ. Обращаясь к этой сложной теме, в рамках которой необходимо обсуждать и соотношение профессиональной и служебной этики журналиста⁴⁹, и такой аспект темы «профессионал – организация», как определение субъекта морального решения и ответственности⁵⁰, и т.д., выделим здесь лишь конфликтность «профессиональных» и «медиаинституциональных» («производственных») кодексов. Как соотносить саморегулирование профессии – корпорации – профессиональной ассоциации и саморегулирование индустрии, которую составляют корпорации – бизнес-организации? Как соотносить ценности и нормы этики профессии – и этики бизнеса? О том, что эти вопросы совсем не риторичны, говорит обоснованное заключение А. Рихтера: «Фактически руководители СМИ подменяют понятия профессиональной солидарности и профессиональной этики понятиями корпоративной солидарности и корпоративной этики, предлагая рядовым журналистам сверяться с “внутренним цензором” (в действительности навязанным извне) во избежание давления со стороны государства»⁵¹.

Профессиональной этике журналистов еще предстоит основательно отрефлексировать взаимодействие этой нормативно-ценностной системы с этикой индустрии как особую зону моральной конфликтности. Некоторые предварительные решения можно найти в жизни других про-

ную этику. С. 39–41.

⁴⁹ См.: Киричек П.Н., Федотова О.В. Этика журналиста.

⁵⁰ «...Индивидуум – подлинный моральный агент» (Media ethics: Cases and moral reasoning. P. 28).

⁵¹ Рихтер А. Саморегулирование журналистов в постсоветских государствах // Pro et Contra. 2006. Т.10, № 4. Телевидение в поисках идеологии. С. 7.

фессий, включенных в жизнь организаций. Например, современные врачи и юристы, архитекторы и инженеры все чаще являются служащими больших организаций, бизнес-предприятий. Однако и в такой ситуации профессионал, «желающий действовать правильно, может суметь поддержать свою независимость, отвергая все порядки, противоречащие профессиональным канонам. ...Снижение независимости снижает отчетливо профессиональный статус, но не отменяет его». Не отменяет и в том отношении, что «профессионалы имеют дополнительные этические обязательства, которые сильнее ограничивают их эгоистические интересы; они не имеют права преследовать собственную выгоду так же целеустремленно, как бизнесмены»⁵².

КЛЮЧЕВОЙ момент идентификации связан с рефлексией статуса журналистики именно как *профессии*. Но прежде всего следует обратить внимание на дискуссионность оснований для такой идентификации. Здесь, кстати, характерен упомянутый в начале главы диалог противоположных точек зрения по этому вопросу, смоделированный Д. Мэрриллом и Э. Дэннисом⁵³. Первый соотносит журналистику с шестью признаками профессии, сформулированными А. Флекснером, и утверждает, что журналистика очевидно не попадает под определение настоящей профессии по нескольким параметрам. Кроме того, по мнению Мэррилла, «журналисты не однородны и не разделяют общих ценностей, так же как и общего определения своей роли», и «никто из журналистов не обязан соблюдать кодекс профессиональной этики». В свою очередь, Э. Дэннис, признавая, что «журналистика обладает различными характеристиками профессионализма не в равной степени» (в чистом виде профессией, по его мнению, может быть названа только деятельность священника, получив-

⁵² Professional ethics // International encyclopedia of ethics. P.706.

⁵³ Дэннис Э., Мэррилл Д. Беседы о масс-медиа. М.: Вагриус, 1997. Гл. 18.

шего специальную подготовку), указывает в журналистике на один из важнейших признаков профессиональной деятельности – «ее назначение»: журналистика служит обществу, обеспечивая право граждан на информацию, что в свою очередь необходимо для «функционирования демократии». При этом журналисты объединяются в профессиональные сообщества, даже если и «не в той мере, в какой это свойственно медикам, поскольку журналистика не столь однородна: объединяет столько разных компаний и людей, перед которыми стоят разные задачи». И если «журналисты не маршируют в ногу, это еще не значит, что они не принадлежат к одной профессии».

Еще один пример дискуссионности вопроса о статусе журналистики как профессии можно увидеть в названии одного из разделов статьи о профессиональной этике в Международной энциклопедии этики: «Журналистика: противоречивый вид деятельности». Авторы рассматривают журналистику как *вид деятельности* с противоречивым статусом. С одной стороны, отмечают они, «многие журналисты считают себя субъектами, соблюдающими крайне специфические этические императивы, что делает журналистику профессией, а не бизнесом. Они думают, что общество возложило на них жизненно важную задачу обеспечения новостями и более специфичную – разоблачения промахов видных персон. (Иногда говорят, что журналистика представляет собой “четвертую ветвь власти”).» В противоположность такой точке зрения, трактующей журналистику как профессию, они указывают на два признака: формальный – «она не является видом деятельности, требующим широкого академического образования», – и политический – «для общества было бы неосторожно предоставить журналистам такую же власть, позволяющую устанавливать свои собственные стандарты и регулировать свою собственную деятельность, как врачам и юристам. Это дало бы журналистам больший политический контроль над обществом, чем следовало бы»⁵⁴.

⁵⁴ Professional ethics // International encyclopedia of ethics.

Уклоняется от определенности в идентификации журналистики как профессии и Э. Ламбет: «не утверждая, что журналистика такая же профессия, как медицина, юриспруденция и служение церкви, я рассматриваю ее как ремесло, у которого есть профессиональные обязанности»⁵⁵.

Представляется, что в дискуссиях такого рода решающим аргументом может быть трактовка в качестве одного из существенных признаков *профессии* как таковой (отличаемой от специальности как *professions* и *occupations*) наличие в журналистике *нравственной составляющей, морального измерения*⁵⁶, строже – собственной нормативно-ценностной системы. Анализ «морального измерения» природы профессии – основание для структурирования профессиональной этики. Опираясь на анализ подходов, представленных в специальных исследованиях, мы, как уже говорилось во введении, выделили и систематизировали наиболее значимые признаки «морального измерения»: идея профессионального призвания и служения; альтруистическая мотивация; саморегуляция, причем в широком смысле слова, который предполагает самоопределение к профессии, свободу и автономию в профессии, создание ассоциаций, этические кодексы. Эти признаки «морального измерения» *профессии* являются структурными элементами общепрофессиональной этики и соответственно распространяются на ее виды⁵⁷.

Один из конкретных аргументов в пользу идентификации нормативно-ценностной системы журналистики как этики *профессии* содержится в характеристике профессионализма как моральной ценности⁵⁸. Идентифицируя

Р. 706.

⁵⁵ Ламбет Э. Приверженность журналистскому долгу. С. 14.

⁵⁶ Кстати, эта метафора принимается исследователями профессиональной этики журналистики, например, для соотнесения стандартов и норм (Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста. М., 2006. С. 39).

⁵⁷ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии.

Гл. 1.

⁵⁸ Здесь уместна метафора участника нашего экспертного

нормативно-ценностную систему журналистики через ценность профессионализма, мы имеем в виду, во-первых, необходимость противостоять «функциональной», «технологической» и т.п. трактовке профессионализма, под которым в этом случае подразумеваются прежде всего уровень совершенства в овладении какой-либо специальностью, степень квалификации, техническая рациональность, компетентность, мастерство и т.п. Иначе говоря, трактовке, в которой не содержится хотя бы элементарных признаков *нормативно-этического* порядка.

Во-вторых, и в тех случаях, когда, стремясь уйти от обеднения понятия профессионализма ограничением его смысла суммой «чисто профессиональных» знаний и навыков, в его содержание включают, например, щепетильное отношение к вопросам профессиональной чести, природа профессионализма не раскрывается формулой «профессионализм и этика», как в названии книги об этике репортера⁵⁹, формулой, позволяющей, например, свести статус «этики» к личностным качествам человека («альтруист», «честный», «искренний» и т.д.)⁶⁰.

Разумеется, – в-третьих, идентифицируя нормативно-ценностную систему журналистики через ценность профессионализма, мы имеем в виду важность этических аспектов технологической, операционной стороны профессии. Как справедливо подчеркивается в одной из учебных программ, «журналист должен освоить те правила профессионального поведения, которые обеспечивают необходимый моральный результат данной деятельности. Нельзя просто декларировать желание не лгать, сообщать достоверную информацию о событиях. Журналист должен

опроса, журналиста А. Омельчука: «профессионализм – это рабочая нравственность человека. ...И уж если искать самоидентификацию, то я хотел бы называть себя профессионалом».

⁵⁹ Шостак М.И. Репортер: профессионализм и этика. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1999.

⁶⁰ См., напр.: Пасти С. Российский журналист в контексте перемен. Tampere University Press. 2004. С.205.

подкреплять это желание умением выполнять определенные профессиональные операции».

Однако – в-четвертых, полноценная характеристика профессионализма предполагает не только несводимость его признаков к *операциональным* качествам, необходимым любому квалифицированному специалисту (разумеется, в той мере, в какой можно и нужно различать операциональные качества профессионала и специалиста в каком-либо виде деятельности, не забывая об их сходстве в целом ряде отношений), и не только понимание того, что профессионализм предполагает (наряду с компетентностью и авторитетом технического плана) *моральное содержание*, но апелляцию к *миссии* профессии, ее социальной ответственности, профессиональному призванию и служению⁶¹. Иначе говоря, выявление *нравственного содержания* профессионализма подразумевает уход от абсолютизации наиболее очевидной по значению *операциональной* стороны профессионализма и намеренное акцентирование роли его *мировоззренческого* элемента.

2.4. Гипотеза о нормативно-ценностной системе журналистики как об этике высокой профессии

Идентификация нормативно-ценностной системы журналистики как этики *профессии* свое предельное выражение в рамках нашей концепции получает в гипотезе о

⁶¹ Комментируя нашу точку зрения на миссию журналистики, М. Рац пишет, что «само понятие “миссия” неотъемлемо от несущего ее субъекта. Миссия мыслима как атрибут того самого сообщества (корпорации), которого мы пока не имеем, либо конкретного журналиста или конкретного коллектива (редакции). У журналистики, у СМИ вообще нет миссии, а есть функции, порождаемые и закрепляемые в культуре теми или иными способами их (СМИ) употребления в социуме». (Рац М.В. Журналистский цех в современной России // См.: Общественные науки и современность. 1998. № 6.)

Разделяя тезис автора о субъектности миссии, мы полагаем, что он вполне распространяется и на журналистику как *профессию*, разумеется, в ее различии с *индустрией*.

высокой профессии. Идея *высокой* профессии максимально соответствует той стороне дуалистичной по своей природе морали, в которой (в отличие от первой, ориентированной на обслуживание социальных систем и потому позволяющей относиться к морали утилитарно) отражается ориентационный механизм, *превосходящий функциональность*.

При этом, полагая целесообразным выделение вида *высоких* профессий как таковых и считая это важным шагом в идентификации профессиональной этики журналистики, мы особо подчеркиваем, что такое выделение производится не через противопоставление «низким» профессиям, а через акцентирование в *высоких* профессиях доминирующей установки на *служение в профессии*, которая, не отменяя стремления (говоря словами М.Вебера) к «честному заработку профессионала», ограничивает для представителя *высокой* профессии возможность преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как это характерно, например, для бизнесмена.

Представляется возможным применить к характеристике *высокой* профессии и ее этической системе трактовку Э.Ю. Соловьевым *паттерна профессионала*, в котором автор подчеркивает следующие черты: усилия профессионалов, порой «прямо принимающие характер “работы на вечность” и засчитывающиеся в качестве таковых», «деятельность по модели профессиональной самореализации, достаточно независимой по отношению к насущным экономическим запросам», ценность достижений профессионалов «не поддается строго стоимостному определению и, в общем-то, всегда остается больше того, что экономика соглашается им выплатить», «способность сообщить делу наибольшую значимость, целиком посвятить себя делу, любить его, знать, превыше всего ставить его имманентные объективные требования – важнейшая примета профессионала». Цитируя метафору Э. Фромма «готовность быть орудием однажды выбранного дела»,

Э.Соловьев называет такую готовность «центральной установкой профессиональной этики»⁶².

Особая этическая значимость идентификации журналистики как *высокой* профессии становится наглядной при исследовании отечественной профессионально-нравственной ситуации: здесь условия, подрывающие авторитет профессии, прежде всего – последствия вхождения страны в рынок, проявляются в обостренной форме, а потому вовлекающей профессионалов в напряженные моральные дилеммы. Есть основания утверждать, что ситуация в сфере профессиональной этики журналистики отличается известным дуализмом: журналистская деятельность как *профессия* дополняется, а то и вытесняется деятельностью как *сервисом*. И этот дуализм создает моральный конфликт, решение которого связано с тем, какая из двух этих сторон журналистики окажется базовой ценностью. Происходит кардинальная *переоценка* смысла как профессионализма, так и гражданственности, их места в ценностном мире журналистики. Речь идет о заметной своей агрессивностью тенденции в понимании природы журналистики: редукции *профессионализма* в этой сфере человеческой деятельности к *сервису ремесленника*, умеющего создавать *товар* на потребу масс и продвигать его на рынок.

В ситуации конфликта *высокие* профессии должны отступать от своих ценностей во имя прагматической политики организации? Или государство и организация должны корректировать свои интересы во имя ценностей базовой для этой организации профессии – журналистики (педагогика, медицина и т.п.)? Вряд ли гипотеза о *высокой* профессии имеет очевидные решения. Мы полагаем, что и в сложных обстоятельствах, ограничивающих независимость *высоких* профессий, их миссия не отменяется.

⁶² Фрагмент исследования «Реформация и становление новоевропейской цивилизации», осуществляемого при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-03-00327а. (http://ethicscenter.ru/biblio/solov_1.html)

В соответствии с установкой на включение в «идентификационную матрицу» профессиональной этики журналистов элемента самоидентификации профессионального сообщества обратимся для подтверждения своей гипотезы к материалам нашего проекта «Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке и/или гражданственность *высокой* профессии?»⁶³. Такая формулировка темы проекта, предполагающего технологию гуманитарной экспертизы и игрового моделирования, проблематизирует именно моральную природу профессионализма современного журналиста: адекватна ли ей характеристика «сервис ремесленника» или суть профессионализма – служение в *высокой* профессии, отвечающей своей миссией перед гражданским обществом?

АНАЛИЗ экспертных суждений журналистов – участников проекта – по поводу идеи идентифицировать журналистику как «*высокую*» профессию дает основание отметить, что лишь один эксперт «прошел мимо» этой идеи, «не увидел» ее. Что касается вариантов позиций в отношении идеи идентификации журналистики как *высокой* профессии, то их можно сгруппировать в четыре условные модели, каждая из которых мозаична, отражая разброс подходов и аргументов участников опроса (в названиях моделей – цитаты из текстов участников экспертизы). Модель А: «Сообщать миру новости – честь и ответственность». Модель Б: «“Чего изволите?” в нашей профессии изначально». Модель В: «Я где-то посередине». Модель Г: «Все зависит от личного выбора журналиста».

Как видно уже из такой типологизации, в суждениях экспертов есть: и (а) категорический в своем лаконизме ответ по поводу приемлемости идеи: «*считаю*», аргумен-

⁶³ Тетради гуманитарной экспертизы (6). Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке или гражданственность *высокой* профессии? / Отв. ред. В.И. Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2005.

тируемый уверенностью в полной правомерности такой идентификации применительно к отечественной журналистике; и (б) утверждение о неактуальности дилеммы, ибо «противопоставление “высокой” профессии бизнесу – это отголосок нашего “советского” прошлого»; и (в) терпимое отношение к характеристике своей профессии как «сервисной»: «действительность, как известно, не является черно-белой, а термин “сервисный” имеет много оттенков»; и (г) реалистический диагноз: «как “высокую” свою профессию понимают не все журналисты, не все учителя, врачи, адвокаты и священники, хотя эти профессии действительно можно характеризовать как “высокие”. Профессия высокая, но отношение к ней разное. Просто сегодня журналистов (наверное, так же, как врачей, педагогов и т.п.), которые считают свою профессию бизнесом, больше. А тех, кто относит свою профессию к “высокой”, намного меньше. По-моему, есть и промежуточная группа, которая является носителем и первого, и второго отношения к профессии, при этом соблюдающая определенный баланс» (В.К.).

Обратим внимание на подход, стремящийся снять дилеммность идентификации профессии как «сервисной» или высокой с помощью «уравновешенной позиции», в основе которой – зависимость решения дилеммы от персонального выбора, совершаемого профессионалом, причем в самой профессии «востребовано и то, и другое». «Это как в любом деле: есть участковый врач-терапевт, замученный бегом, суетой и безденежьем. И есть Мастер, который сам делает профессию “высокой”. Я бы не назвал Венедиктова, который ратует за сервисный характер своей профессии, сервис-мэном. Он, простите, в каждом слове своем, в собственной практике доказывает обратное. ...“Высокая” эта профессия или нет – каждый решает для себя сам. А в ней самой, безусловно, востребовано и то, и другое. Как во всякой, повторюсь» (А.М.).

Анализ материалов экспертизы позволяет сделать общий вывод о (не)готовности профессионального сооб-

щества журналистов принять идею *высокой* профессии: вполне можно говорить, что и в трудной отечественной ситуации, при весьма неблагоприятных *нравах* как в обществе в целом, так и в профессии, идея *высокой* профессии – и соответствующей этой идее концепции профессиональной этики – не только имеет право на существование, но может быть и вдохновляющим ценностным ориентиром для понимания миссии профессии и миссии профессиональной этики журналистов.

Дальнейшие аргументы в пользу атрибуции журналистики как высокой профессии связаны с характеристикой высокого удельного веса мировоззренческого яруса нормативно-ценностной системы журналистики.

2.5. Мировоззренческий ярус

2.5.1. Служение в профессии

КАК ИЗВЕСТНО, идущая от Вебера (и поддержанная, например, Р. Мертоном) традиция исследователей природы профессии предполагает отличие «истинного» профессионала от лишь «отчасти» такового, а разделятельная полоса проходит прежде всего через *мотивационную* сферу их деятельности: у «истинного» профессионала доминирует бескорыстная «незаинтересованность». Она воплощена в морально поощряемой преданности делу, в духе профессионального призвания, основанного на этике ответственности за общественное благо.

Вспомним, что М. Вебер обращал внимание на внутреннее единство *жизненного призвания и профессионального самоопределения*. Подлинный профессионал не пренебрегает материальным вознаграждением за свой труд, честным заработком специалиста. Ему не чужды и стремления к этико-психологическим наградам, к тому, что мы неряшливо называем моральным удовлетворением. Положительное значение могут иметь и мотивы профессионального честолюбия (не тщеславия). Но смысл своей деятельности настоящий профессионал черпает в другом – в служении делу. Не обязательно жертвенном, но приуготовленном к нему. Он «охвачен» страстью самоотдачи

и верности делу. Конечно, «призванных» в таком плане гораздо меньше, нежели просто «званных», вообще вовлеченных в профессиональную деятельность – с одаренностью ничего не поделаешь! Это тот самый случай, когда *ничто* или есть, или его нет.

Не ставя здесь задачи теоретизирования по поводу дилеммы «Служение в профессии» или «Жизнь за счет профессии»⁶⁴, обратимся – в соответствии с установкой на самоидентификацию профессионального сообщества – к результатам наших экспертиз. Участникам проведенного нами экспертного опроса на тему «Журналист в ситуации морального выбора»⁶⁵ был предложен вопрос: «Какая из известных со времен М. Вебера альтернатив – “служение в профессии” или “жизнь за счет профессии” – доминирует в нашей журналистике?». Представим суждения экспертов с помощью типологии, отражающей три возможных варианта отношения к этой дилемме.

ПРЕЖДЕ всего выделим подход, который прямо трактует предложенную альтернативу как предмет *морального выбора* журналиста. С уточнением, что человек не волен совершать этот выбор «идеальным образом» и такой выбор трудно оценить однозначно. Так, по мнению В.Т., «Служение есть некое подвижничество, это следование принципам, ...с отказом от чего-то, что дает простая “жизнь за счет...”. Например, когда журналист выбирает из двух рабочих мест не то, где больше зарплата, а то, где он может свободнее высказываться».

Далее выделим скептическую позицию относительно самой метафоры «служение в профессии». «Прежде всего, журналистика – это профессия, я этим зарабатываю деньги. Я не служу в профессии – это моя работа, – рас-

⁶⁴ См. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Тюмень-Москва: Центр прикладной этики, 1997. С. 225-240.

⁶⁵ См.: Тетради гуманитарной экспертизы (5). Медиаэтнос. Журналист в ситуации морального выбора / Отв. ред. В.И.Бакштановский. Тюмень. Центр прикладной этики: XXI век. 2001.

суждает Е.А. – Я не сторонник отношения к журналистике как к некоему мессианству. Журналистика – это ремесло прежде всего». Сдержанное отношение к тезису о служении в профессии применительно к реальной журналистской практике высказывает А.С.: «Служение профессии возможно, разумеется, но оно дается уже битому и тертому, прошедшему все искусы служения внутри профессии: служения учителю, редактору, своей команде, идее, миссии. Если, пройдя через все это, не скурвился, что случается нередко, у тебя оттачивается нюх на мораль служения профессии как таковой».

В то же время другой участник проекта – С.Б. – полагает, что «выражение “служение в профессии” – замечательное определение профессионализма». При этом автор отмечает, что «чаще всего слышишь определение обратное: профессионал – это тот, кто хорошо и качественно делает свою работу и живет за счет профессии, не видя в ней некоего служения». И дает вполне четкое определение: «Чтоб не вдаваться в излишний пафос, служение – это осознание цели, или сверхзадачи, даже миссии». С точки зрения автора, формула Вебера имеет серьезный смысл. Более того, автор вполне наглядно конкретизирует эту формулу. Сначала – ту ее часть, которая определяется через «жизнь за счет профессии». «Мне кажется, “жить” можно за счет халтуры (в понимании старого Художественного театра халтура – не работа плохого качества, а работа дополнительная и необязательная, ... работа как средство к существованию)». А далее – конкретизация другой части формулы, связывающей профессионализм со «служением». «Когда мы организовывали “Эхо” (как ни странно, мы стали получать больше, чем в Гостелерадио, но это было дополнительным обстоятельством), – это был фактор свободы и некоего, может быть, извините, служения. Появилась цель: мы тогда говорили друг другу, что очень здорово, когда делаешь то, что хочешь, так, как хочешь, и еще за все это получаешь деньги. Именно в таком порядке. И мы эту цель стали доводить до предела: радио полезное

и нужное, которое говорит, что хочет, да еще и деньги зарабатывает рекламой». С точки зрения иллюстрации сути порядка, зафиксированного в последнем тезисе, интересно приводимое, когда-то поразившее автора, высказывание основателя японского театра «Но». «Он очень хорошо сказал, что если ты стремишься к высокому, то придут и богатство, и слава, но когда ты просто стремишься к богатству и славе, то высокое может и не придти. Это очень тонкая мысль, потому что сразу богатство и слава начинают преобразоваться: если ты к чему-то стремишься, то богатством для тебя может быть что угодно, и славой тоже». При этом особое внимание автор обращает на необходимость деликатного отношения к позиции служения в профессии: «жить с постоянным ощущением миссии очень плохо. Наиболее близкие мне священники постоянно осуществляют свою миссию, но никогда это не педалируют. ...Миссия – это не ощущение постоянного мессианства. Настоящий мессия не раздает визитные карточки».

БОЛЬШИНСТВО экспертов с тем или иным успехом попытались снять напряженность веберовской альтернативы. Прежде всего они скептически отнеслись к дилеммности самой характеристики профессионала. Журналист Р.Г.: «Отмеченные Вебером альтернативы существуют вопреки физическим законам одновременно в одной и той же точке пространства». В.Л.: «Полагаю, что противопоставление двух позиций – это упрощенный подход». С.Н.: «Для меня лично две альтернативы Вебера являются частью одной формулы. И то, и другое совершенно допустимо». В.П.: «Разведение двух веберовских формул – “служение в профессии” или “жизнь за счет профессии” – применительно к журналисту кажется чуть-чуть упрощенным. На самом деле человек может и служить в профессии, и жить за счет профессии. И одно не будет противоречить другому». Л.Р.: «Применительно к себе формулу Вебера о двух типах отношения к профессии я отчасти принимаю, отчасти – нет».

При этом важно, как именно наши эксперты пытались совместить обе части формулы. С.Н. четко определяет: *«И то, и другое – признаки профессионализма, главное, чтоб человек жил за счет профессии, но при этом и служил в профессии»*. И далее С.Н. предлагает свою версию веберовской формулы: *«Жизнь за счет профессии – не только зарабатывание денег, но жизнь в метафизическом смысле этого слова, что принципиально важно. И потому альтернатива Вебера достаточно искусственна. Все-таки это одна формула. Да, есть оппозиция “иметь или быть?”, но, как показывает практика, важнее всего находить какой-то внутренний компромисс между тем и другим, понимать, что одно не исключает другого»*. Суждение Р.Г. при более резкой формулировке по поводу роли заработка журналиста – созвучно представленному выше. *«Ничем не хуже других те, кто приходит в журналистику ради заработка. “Не ради денег, сэр, пишут только болваны”, – морализировал еще в XVIII веке доктор Сэмюэл Джонсон. Другой вопрос – на что журналист способен ради денег? Готов ли он, погружаясь в профессию, понять не только ее ответственность, но и миссию?»*. По мнению В.П., *«человек может и служить в профессии, и жить за счет профессии. И одно не будет противоречить другому»*. И все же эксперт расставляет акценты: *«Вот я, например, считаю, что последние несколько лет и служу в профессии, и живу за счет профессии. Я очень хорошо обеспечен, но в то же время не только ради заработка делаю то, что я делаю»*. Л.Р. четко показывает, в каком смысле формулу Вебера о двух типах отношения к профессии он отчасти принимает, а отчасти – нет. Сначала – о том, что такое именно «жить за счет профессии». *«Это когда делаешь заказные статьи – рекламные, коммерческие, политические тексты. Противно, брезгливо, трудно, не интересно, муторно и т.п. И уж тем более не стал бы подписываться своим именем, потому что именем дорожу»*. А что такое «служение в профессии»? *«Журналисты, которые ездят в опасные места и действительно рискуют*

жизнью, конечно, получают большие деньги, но, думаю, у многих из них есть и такой мотив, как говорить правду, добыть информацию и прочее. Эти люди на самом деле считают, что рискуют собой не только за деньги и не только ради известности, но чтобы исполнять свою профессиональную миссию, свой профессиональный долг. В этом смысле у них именно служение в профессии».

ОТДЕЛЬНО представим экспертные суждения, в которых авторы с сожалением фиксируют наиболее распространенное отношение отечественных журналистов к веберовской альтернативе и, как нам кажется, методом от противного высказывают свои приоритеты. В.Д. полагает, что «в журналистике, как и в любой другой профессии, “служителей” меньше, чем людей, для которых работа является просто источником существования». Автор при этом отмечает: «именно “служители” могут задавать нравственную тональность». Считая, что Вебер противопоставляет не альтернативные понятия, А.О. также отмечает существенную количественную разницу между теми, кто выбирает «служение в профессии», и теми, кто предпочитает «жизнь за счет профессии». Последний вариант – «удел сотен тысяч профессионалов», а «служение» – «удел единиц» («как “редкая птица долетит до середины Днепра”, так в многочисленных редакциях редко отыщется профессионал, статусно и общественно зачисленный по разряду “служения”»). При этом автор говорит, что «служение в профессии, не отвергая “за счет”, возникает как наивысшая творческая форма профессионализма. Бескорыстный, но бездарный специалист, как бы он ни афишировал свое вполне искреннее бескорыстие, на “служение” не обречен». Аналогичный диагноз дают Ю.П. («пока в нашей журналистике доминирует не “служение в профессии”, а “жизнь за счет профессии”») и В.Т. («Большинство “живут за счет”, а “служит в профессии” меньшинство. Те, кто “служит”, как правило, более способные, более преуспевающие»).

МЫ ПОЛАГАЕМ, что анализ материалов экспертных опросов дает некоторые основания для вывода о том, что для самих профессионалов рефлексия мировоззренческого яруса профессионально-этического сознания не только не чужда, но и сопровождается вполне эвристичными подходами и аргументами.

Выделим здесь, во-первых, суждение *«выражение „служение в профессии” – замечательное определение профессионализма»* и характеристику служения в профессии *«как осознания цели, или сверхзадачи, даже миссии»*. И при этом прекрасный афоризм по поводу понятия «миссия»: *«настоящий мессия не раздает визитные карточки»*. Продуктивны, во-вторых, рассуждения, стремящиеся «снять» дилеммность предложенной для экспертизы проблемы с помощью квалификации двух альтернатив как *частей одной формулы*. Как позиций, вполне совместимых в системе ориентаций профессионала. Характерно в этом плане суждение *«и то, и другое – признаки профессионализма, главное, чтоб человек жил за счет профессии, но при этом и служил в профессии»*. Эвристична и предложенная формулировка: *«Жизнь за счет профессии – не только зарабатывание денег, но жизнь в метафизическом смысле этого слова»*. В-третьих, стоит обратить внимание на суждения, подчеркивающие, что предложенная для экспертизы дилемма не надуманна, что она отражает реальные противоречия поведения профессионала и фиксирует необходимость *морального выбора* мировоззренческого уровня.

2.5.2. Выбор профессии как моральный выбор

С НАШЕЙ точки зрения, в число признаков *высокой* профессии входит отношение к выбору профессии как к моральному выбору. Определяя *смыслоценностное* содержание профессии, развитый мировоззренческий ярус «малой системы» ориентирует и ситуации выбора профессии. Мы полагаем, что выбирая профессию, человек вместе с ней выбирает и определенную нормативно-ценностную подсистему – профессиональную этику. Выбирает, да-

же если на какой-то стадии своего профессионального пути не осознает этого выбора. Но зрелый профессионал способен открыть для себя рациональные основания своего профессионально-нравственного выбора, выбора профессии как креации и интериоризации профессиональной этики. Выбирая профессию, человек выбирает и ее *ценностный мир*, и ее *миссию*. Самоопределение к профессии, мотивированное стремлением человека проектировать свою биографию, – акт *морального* выбора.

ПРОДОЛЖАЯ реализовывать установку на значимость результатов *самоидентификации* профессионалов, обратимся к нашим экспертизам, включающим рефлексию о выборе профессии как о *моральном* выборе, основанную на прожитых самими экспертами ситуациях выбора. Представляется, что опыт самопознания столичных и тюменских журналистов⁶⁶, с одной стороны, дает основания для позитивного ответа на поставленный выше вопрос, с другой – вскрывает существенные грани темы, требующие продолжения профессионально-этических исследований.

Прежде всего, некоторые из участников экспертного опроса посчитали необходимым уточнить предмет экспертизы: речь идет о моменте *старта* профессионального пути или же о сознании более или менее *зрелого* профессионала, открывающего для себя, что выбирая профессию, вместе с ней он выбирал и определенную профессиональную этику? И сразу несколько экспертов отметили, что стартовый этап в профессиональной деятельности вряд ли является моментом именно морального выбора. Например: «Я считаю, что в молодости люди совершенно не думают о таких вещах, как этика профессии, – отмечает Л.Р. – На старте профессии ее выбор моральными соображениями, думаю, совершенно не руководствуется». Следует ли из того обстоятельства, что журналист, не проблематизирующий свою профессию в категориях профессионально-нравственного выбора на стартовом этапе жизненного пути, это – в моральном плане – *tabula*

⁶⁶ См.: Тетради гуманитарной экспертизы (5).

гаса? Скорее стоит говорить о роли общеморальной готовности человека к профессиональной деятельности. С.Н.: *«Мне кажется, что человек выбирает профессию, исходя из некоторого набора ценностей, которые у него есть».*

Если *«то обстоятельство, что выбирая профессию, ты выбираешь и свойственные ей “правила игры”, на старте и в голову не приходит, тем более, что их мало кто знает заранее»*, то на этапе зрелости происходит «открытие» этих правил: *«узнаешь потом, когда попробуешь в процессе. Мне, например, когда начал заниматься журналистикой, эти правила казались более суровыми, более циничными, более грубыми, – и я на это шел открыто. Впоследствии убедился, что эти правила уж не так циничны, как мне казалось»* (Л.Р.). Подобные замечания можно найти и в размышлениях А.С.: *«Выбирая профессию, ты принимаешь определенные “правила игры”. К сожалению, на ранних этапах, если человек учится профессии в юности, а не приходит в нее из других профессий (что в журналистике, как и в режиссуре, случается часто); выбор, в лучшем случае, сопровождается благими намерениями, вытекающими из достаточно туманных представлений о профессии. Как правило, проблема морального выбора встает при первом столкновении с отрицательными аспектами профессии. И только тогда, задним числом, и то не все осознают, что за счет благоприобретенных общих моральных правил они уже не один раз успешно “проскочили” морально-профессиональный момент выбора».*

Весьма существенно, что наши эксперты не сводят всю проблему к выбору «правил игры» и не пренебрегают обсуждением мировоззренческих оснований выбора. Например, сравнение времени советского и постсоветского придает проблеме выбора профессии именно мировоззренческий аспект. Е.А.: *«Я считала невозможным вступать в КПСС и писать статьи о великих достижениях загнивающего режима. И я занималась научной журналистикой, писала в основном о физике элементарных час-*

тиц». Суждения В.Т. показывают, что мировоззренческий аспект выбора профессии в наши дни стал еще более значимым. Сегодня «в самой профессии возникают совершенно новые моральные проблемы, которые у многих профессий отсутствуют. И самое печальное, что до сих пор абсолютное большинство самих журналистов, по крайней мере в своих выступлениях перед другими людьми и перед коллегами, по-прежнему не трезво, не корректно оценивают то, чем они занимаются». Предложение: «Нужно писать об этом в учебниках и говорить на собеседованиях с будущими журналистами, а не “пудрить мозги” только замечательными фразами о свободе слова и отсутствии цензуры. Нужно говорить правду о профессии. Вот тогда, возможно, молодые люди будут делать моральный выбор, решая, сдавать документы на журфак или не сдавать».

Анализ материалов экспертного опроса приводит к ряду выводов.

* Уже тем, что выбор профессии журналисты трактуют как акт морального выбора (пусть и осознаваемый не на старте карьеры), они дают существенные аргументы для «оправдания» профессиональной этики журналистов.

* В поиске ответа на вопрос о том, является ли выбор профессии одновременно и моральным выбором, важно иметь в виду роль *общеморальной* готовности человека к профессиональной деятельности, степень зрелости его ориентации в сфере общих моральных ценностей.

* Выбор профессии является моральным выбором еще и потому, что, выбирая профессию, журналист тем самым выбирает и присущие именно ей этические «правила игры». Предмет дальнейшей дискуссии и эмпирических исследований – тезис о том, что на старте выбора журналист делает это скорее неосознанно, открывая их для себя уже в процессе профессиональной деятельности.

* Выбор профессии – акт мировоззренческого выбора, для зрелых людей – часто драматического, связанного с критической оценкой наличных «правил игры», предлагаемых общественно-политической и экономичес-

кой системами. Тем более важно не «проскочить» через этот драматизм, адекватно оценить его – важно и выбирающему профессию журналиста, и обществу.

* Мироззренческий аспект выбора профессии в наши дни стал еще более значимым. В профессиональной деятельности сегодня возникают новые моральные проблемы. И для профессии, и для общества весьма рискованно, когда выбирающие профессию неадекватно оценивают то дело, которым они собираются заниматься.

* Может быть, одним из «секретов» в понимании морального содержания выбора профессии является нередкая тождественность «чисто профессионального» выбора и выбора «собственно морального»: принятие профессиональных решений зачастую оказывается ситуацией профессионально-нравственного выбора.

2.5.3. Журналист как субъект морального выбора

КАК И В ПРЕДЫДУЩЕМ подпараграфе, идентификация профессиональной этики журналистов производится здесь через соотнесение с одним из важнейших оснований креации нормативно-ценностных систем – моральным выбором, трактуемым нами в качестве *способа существования* прикладной этики в целом.

Соответственно, статус журналиста как субъекта морального выбора – ключевой индикатор идентификации профессиональной этики журналистов. А ситуация выбора – способ ее существования, именно этим и отличающийся от множества пара- и неморальных регулятивов: «правил игры», «стандартов поведения», «регламентов» и т.п. Журналист – Субъект Выбора (оба слова мы намеренно написали с большой буквы): выбора миссии журналистики; выбора профессии; выбора в дилемме «служение в профессии – жизнь за счет профессии», выбора в конкретной профессионально-нравственной ситуации.

Идентифицируют ли сами журналисты свою профессию в качестве деятельности, атрибутом которой является постоянная необходимость морального решения в ситуации выбора? Анализ экспертных суждений участников на-

шего проекта по двум пунктам анкеты – 1) «какие сюжеты, образы, ассоциации возникают в вашем сознании в связи со словами “ситуация морального выбора?”»; 2) «какие типичные и уникальные ситуации морального выбора из вашей практики вам вспоминаются?» – дает возможность сделать следующие наблюдения и выводы.

Во-первых, эксперты подчеркивают, что оказываются в ситуации морального выбора практически повседневно. В.П.: *«это не один сюжет, это бесконечные сюжеты, это вся жизнь. Каждодневная жизнь профессионального журналиста есть постоянный моральный выбор»*. По мнению В.Л., *«моральный выбор – это то, с чем журналистам приходится сталкиваться довольно часто, а уж главным редакторам – ежедневно»*. В.Д. говорит, что *«если считать рабочий день журналиста восьмичасовым, то выбор совершается в течение всех восьми часов»*. И подчеркивает, что при этом *«вряд ли человек, повседневно принимая то или иное решение, отдает себе каждый раз отчет в том, что для него это именно моральный выбор, то есть соответствующий определенной шкале нравственных ценностей, общечеловеческих или профессиональных»*.

Во-вторых, журналисты не просто приводят примеры ситуаций морального выбора из своей собственной практики, но и стремятся определить их основные особенности. В том числе – временную универсальность. Полагая, что человек, приходящий в журналистскую профессию, делает моральный выбор, Е.А. апеллирует как к ситуации из прошлого: *«я считала невозможным вступить в КПСС и писать статьи о великих достижениях загнивающего режима. И я занималась научной журналистикой, писала в основном о физике элементарных частиц»*, так и из настоящего: *«новое, постсоветское, время не отменило проблемы морального выбора, просто ситуации выбора приняли другую форму»*.

Многогранность морального выбора журналиста видна в суждении В.Л.: (а) *«нельзя отделить моральный выбор от выбора политического, потому что где мо-*

раль, а где политика – сложно сказать. Приходится делать выбор между спокойствием, верностью власти – и собственными принципами»; (б) «моральный выбор – это и выбор между материальными благами – и правдой, если не правдой жизни, то правдой ситуации»; (в) «это и выбор, который главный редактор делает, работая с журналистами, порой ведущими себя не морально... Теневая журналистика. Заказные материалы, которые журналисты пытаются протолкнуть в газету. Выбор для главных редакторов: опубликовать ли пиаровские материалы с обозначением или без обозначения?».

С.Н. в ответ на вопрос анкеты экспертного опроса отметил, что ему нетрудно найти ассоциации со словами «моральный выбор личности», ибо большую часть своей жизни он прожил в Узбекистане, «в государстве, которое является, без преувеличения, тоталитарным. Там проблема морального выбора была очень простой – либо вовсе ничего не писать, либо искать возможные формы подачи относительно честной информации и не пытаться быть, что называется, “певцом режима”». Как подчеркивает автор, в тех условиях «единственное, чем можно было отличаться от другого журналиста, – тоном. Весь набор фактов, который разрешали излагать, был ограничен, набор оценок – тоже, ограничен принципиально, причем только позитивной стороной. Постоянный выбор – это выбор тона, но это, может быть, и есть в конечном счете выбор морали: есть моральный тон журналистики и есть аморальный тон». А в России ситуация «на порядок сложнее, в этом и счастье. Моральный выбор журналиста здесь гораздо тоньше нюансирован». Автор отмечает, что сейчас для него лично «моральный выбор – это проблема выбора издания, во-первых, и, во-вторых, проблема выбора темы. С моей точки зрения, есть темы принципиально аморальные. Писать можно обо всем, но есть темы, в которые я, например, никогда не вторгнусь. Я никогда не занимался темой криминала, считая ее противоречащей моим моральным представлениям о журналистике. Для газеты

это может быть и правильным – заниматься тем, что называется “сенсация”. Я принципиально не имею дело с сенсациями, для меня это принципиально аморальная вещь».

В.Т. в качестве типичной для своей практики приводит следующую ситуацию выбора. *«Из всех форм скрытой цензуры – того, что в общем-то и цензурой нельзя назвать, но существует как эффективное давление – являются не деньги, не приказы начальства, а то, что я называю цензурой дружбы, или дружеской цензурой. Когда человек, которого я уважаю, хорошо мне известный, авторитетный и в моральном смысле – насколько может быть моральным политик (политика и мораль – это довольно разные вещи) – звонит мне: “Скоро будет раскручиваться такая-то тема, можно, чтоб у тебя в газете этого не было? Если ты мой друг”».*

В-третьих, журналисты рассказывают о том, какие решения принимают они в ситуации выбора, чем руководствуются, что служит ориентиром решений, какого рода средства избирают для достижения своих целей. Некоторые из этих решений видны уже при характеристике приведенных выше ситуаций выбора. Другие решения можно выделить специально.

Прежде всего отметим, как, комментируя свое решение, журналист обращается к собственно моральной аргументации. Так, приняв сознательное решение подписываться как «независимый журналист», Е.А. объясняет его четкими этическими аргументами. *«В определенный период времени стало невозможно принадлежать к какому-то журналистскому институту – там сразу выдвигались корпоративные условия, причем условия, которые, с моей точки зрения, были совершенно невозможны: они противоречили самой сути журналистики, превращали ее в форму лучше или хуже скрытой рекламы. Это было платой институализированных журналистов за кредиты, квартиры, высокие зарплаты и так далее. Я никого не осуждаю. Но для меня такое положение вещей невозможно. Репутация – дороже».*

Анализируя разные ситуации выбора, например, как себя вести по отношению к руководимому А. Любимовым «МедиаСоюзу», М.А. выделяет важность определенности оценок происходящего: *«Слишком много в наше время двусмысленного, ибо мы не хотим говорить правду о больших вещах и прикрываемся какими-то шуточками, иносказаниями и т.д. Наверное, чтобы не выглядеть идиотами, “городскими сумасшедшими”. Мне кажется, что сейчас странное время. Каждый из нас постоянно стоит перед выбором между тем, чтобы все считали тебя простаком, “городским сумасшедшим”, и неготовностью смириться с глупостью, подлостью».*

При этом речь не идет обязательно о рациональных процедурах морального выбора. Участники экспертного опроса рассказывают о своей склонности и к чисто эмоциональным решениям, и к решениям, опирающимся на интуицию. *«Моральный выбор ощущаю загревком, как волк – опасность, – говорит А.С. – И редко заставляю себя разбираться в природе исходных ощущений. Совершаю выбор чаще всего интуитивно, хотя то, что это момент выбора, знаю, не обманываюсь практически никогда и не пытаюсь его избежать».*

Разумеется, журналист может принимать и рационально обоснованное решение: *«Мы моделируем свой выбор: где находится предел, когда нам можно оставаться в том, что называлось бы “Эхом Москвы”? Например, предлагаем своим журналистам анонимную анкету (вопросы и ситуации) на тему “Чем мы могли бы пожертвовать, мелочами или принципиальными вещами, для сохранения ‘Эха’ как организации?”»* (С.Б.).

В-четвертых, характерны подходы самих журналистов к непростому вопросу о том, как соотносятся между собой моральный выбор *личностный* и моральный выбор *профессиональный*. Участники нашего экспертного опроса демонстрируют разные ответы.

Одна группа ответов акцентирует скорее различие личного и профессионального выбора. Для А.С. журналистика – особая профессия, *«сродни солдатской»*, и *«в ней*

эти два выбора разнятся». В.П.: «Есть ли разница между моральным выбором просто человека и профессионала? Конечно есть, хотя вся жизнь индивида есть выбор. Просто журналистская деятельность из-за своей специфики – доведение информации до общественности – обостряет этот выбор. Потому давление на журналиста, чтобы выбор был определенным, больше, чем просто на рядового человека, который работает инженером или продает молоко в магазине. На них тоже может оказываться давление, но журналистская деятельность предопределена наличием этого давления, потому что общество в целом имеет разную заинтересованность в том, как журналист распорядится информацией, которой он обладает. Производимый журналистами продукт – информация – продукт взрывчатый, ибо он имеет прямое влияние на то, как люди думают, а затем и как они себя ведут. Отсюда – выбор журналиста острее, жестче, если угодно, и он предъявляет к журналисту больше требований, чем ко многим другим профессиям».

В другой группе ответов акцентируется скорее сходство «морального выбора человека» и «морального выбора журналиста». С точки зрения С.Н., моральный выбор человека и выбор профессионала-журналиста в идеальном случае – не два разных сюжета, а одно и то же, ибо «журналист – профессия изначально достаточно аморальная, по крайней мере внеморальная, с моей точки зрения. Любым своим словом мы можем, вольно или невольно, сделать людям больно. Поэтому мы не должны разделять мораль человеческую и мораль профессиональную, мне кажется, что в журналистике они должны одна на другую накладываться. Принципиально важно, особенно для человека, который занимается анализом реальности, а не просто ее описанием, чтобы в результате этого мораль была универсальна. Причем, чтобы она не была доминирующей лишь внешне; очень важно, чтобы мораль являлась, что называется, внутренним цензором – это единственная нормальная и вообще до-

пустимая форма цензуры, никакие другие формы ее, с моей точки зрения, не допустимы вовсе».

Остановимся в своем обзоре экспертного опроса – мы не стремимся здесь к предъявлению некоей антологии суждений на тему «Журналисты о ситуации морального выбора». Более того, мы понимаем, что в приведенных выше суждениях нет ни полной панорамы возможных ситуаций выбора, ни систематического предъявления граней проблемы морального выбора, ни исчерпывающего набора критериев принятия решений, ни типологии основных подходов.

Однако уже тот анализ, который мы посчитали возможным привести здесь, достаточен, чтобы сделать вывод о проблеме морального выбора как значимой для журналистов, узнаваемой и признаваемой ими; как проблеме, осваиваемой ими с той или иной мерой успешности. И, что может быть самое главное, принимаемой в качестве проблемы, от которой трудно уклониться. Характерно в этом плане замечание В.Т.: *«Ты можешь попытаться отбросить эту проблему, уйти от ситуации морального выбора, ссылаясь на то, что жизнь так трудна, возможностей для маневра так мало. Ты можешь сказать, что куда ни кинь – всюду клин, ...ты можешь плюнуть на все и заниматься каким-то частным делом. ... Все так, но ты все равно решаешь именно моральную проблему».*

2.5.4. «Стремление к достижению» или «бегство от успеха»?

ТЕЗИС о том, что стремление к профессиональному успеху – одна из идентификации профессиональной этики журналиста, далеко не очевиден ни для обыденного, ни для теоретического сознания. В специальной разработке нуждается как доказательство этической ценности стремления к достижениям, так и моральных дилемм жизненно-делового и профессионального успеха, и, разумеется, трактовка выбора ориентации на достижение как морального выбора: само стремление к достижению нравственно

значимо, если оно стало полноценным актом свободного мировоззренческого выбора.

Сосредоточимся здесь на анализе самоидентификации журналистов к ценности успеха и, особенно, профессионального успеха, выделяя из экспертных материалов наиболее показательные суждения по ключевым аспектам: соотношение ценности профессионализма и ценности успеха и образы профессионального успеха, выбор ориентации на успех как акт морального выбора, «правила игры» успешного профессионала и т.п.

КАКОВ СПЕКТР суждений о взаимосвязи таких феноменов, как профессионализм и успех? Л.Р.: *«Профессионал и человек, стремящийся к успеху, – это синонимы»*. В.Д.: *«за уклонением от профессионального успеха стоит отсутствие профессионализма, стремление “тихой мышью” просидеть на своем месте»*. Ю.П. встретил вопрос авторов проекта «возможен ли профессионализм без ориентации на успех?» риторическим, с его точки зрения, вопросом: *«А что тогда такое профессионализм?»*. *«Всегда считал, – говорит он, – и сейчас считаю: единственный объективный показатель профессионализма – успех»*. Странным считает вопрос о возможности профессионализма без ориентации на успех Р.Г.: *«Убежден, что именно ориентация на успех составляет зерно любой творческой профессии. Правда, в стародавние времена говорить об этом считалось нескромным»*. Аргумент А.О.: *«Успех – мера качества. Общественная цена твоего – общественного по своей природе – творчества. Если ты безразличен к цене, к оценке своего труда, вряд ли можно говорить, что ты заинтересован и в самом творчестве. Равнодушных творцов не бывает»*.

Чтобы ответить на вопрос: обязательны ли для профессионального журналиста ориентация на достижения и тем самым стремление к успеху, по мнению В.П., *«надо помнить, что он всегда обращается к публике. Если журналиста не слышат, не видят, не читают, тогда он явно зря работает. Поэтому стремление к популярности, к популярности в этом смысле, необходимо»*. Автор

отделяет стремление к успеху, популярности от тщеславия: «*Это другое*». В то же время «*журналист, который не пользуется известностью, – не журналист. ...Если вы, считая себя профессионалом, не имеете популярности, то на самом деле вы тогда неудачливый журналист. А значит и непрофессиональный, ибо не выполняете свои главные задачи: не можете информировать публику, просвещать ее с помощью точной информации, не можете довести до публики разные точки зрения по поводу вопросов, которые ее волнуют, а также заставить думать над тем, что она знает, или усомниться в истинах, которые ей кажутся очевидными, с помощью той информации, которую вы даете. Тогда в чем ваша профессиональность? В том, что вы знаете, как запятые расставить?».*

Менее категоричное суждение о связи профессионализма и успеха принадлежит С.Н.: «*Мне кажется, что человек может быть профессионалом и не стремиться к успеху*». При этом «*не надо кокетничать и говорить, что успех не приятен. Очень приятная вещь*». И уточняет, что успех «*лучше бы воспринимать как то, что вдруг, случайно, придет благодаря усилиям*». Говоря о себе, автор отмечает: «*Если твой текст хвалят – это приятно, если текст ругают – тоже приятно, потому что его заметили. Это совершенно нормально, но делать успех самоцелью?».*

Что именно понимают под успехом наши эксперты. («*Главное – что понимать под успехом*», – подчеркивает С.Б.) Один из образов успеха: «*Проработав в Тюменской области более 30 лет и никогда не преувеличивая роль прессы, ее влияние на общественное мнение, я до сих пор рад, если, знакомясь с человеком, слышу: “Я вас знаю, читал, слышал по радио. ...Может быть, уже поэтому у меня есть право оценить свою профессиональную деятельность – в ограниченных мною самим рамках – как успешную? Есть люди, в сознании которых я существую. Они – мыслят, а я – существую. Иногда они звонят: “Я об этом думал, а вы написали...”*». Или – не соглашаются.

Я работаю, меня слышат. В профессии – это успех (Р.Г.).

Еще один образ – стремление журналиста быть первым. Так, с точки зрения С.Б., «если человек с серьезными намерениями входит в профессию, он должен стремиться быть в первом ряду своей профессии. Конечно, у кого-то есть осознание своего места: никогда не буду стремиться к чему-то выше, потому что вот здесь моя ниша, дальше мне не прорваться. Существует масса теорий карьерного продвижения и они полезны для тех, кто ощущает потребность в успехе. Я думаю, что мы, как и артисты, и в какой-то степени, как и спортсмены, должны стремиться к своему высшему качественному пределу. Причем всегда хорошо предполагать, что можно сделать и лучше». С суждениями С.Б. на тему «сделать лучше» перекликается мнение Р.Г. «А если взвесить свою жизнь на весах и спросить себя: мог ли добиться большего?», – спрашивает он себя. И отвечает: «Наверное, мог. Но хотел ли я добиться большего? Не знаю. Вряд ли, ибо нахожусь в большом согласии с собой – с точки зрения достижений. Не успехов, а достижений. В большом согласии».

«Успех» и «карьера» – как они связаны? «Для меня успех не есть моя собственная карьера, – говорит В.Л. – То, что именно я, например, выбран президентом компании и главным редактором в одном лице, для себя объясняю совпадением обстоятельств. Волна судьбы как-то вот так сложилась и как раз на этой волне попала щепка моей личности. Для меня успех в моем деле связан прежде всего с ...возможностью профессионально работать и возможностью заслужить – журналистская работа наша тщеславна – имя, завоевать уважение в профессиональном кругу». «Журналист по-своему понимает само слово “карьера”», – полагает В.Д. Если для чиновника карьера – это переход со ступеньки на ступеньку иерархической лестницы, то «журналист не обязательно хочет стать главным редактором. Для многих коллег важнее писать, чем руководить редакционным процес-

сом. Их “лестница успеха” не всегда состоит из должностных ступенек. Один стремится стать обозревателем. Для другого важнее всего популярность, узнаваемость. А третий вообще ориентируется лишь на оценку своих же коллег в редакционном коллективе».

Грани темы успеха журналиста? Необходимость осознания противоречивости природы успеха. А.О: «То, что ты еще вчера считал успехом, сегодня представляется тебе крушением». К тому же, «успех, с твоей точки зрения, может не рассматриваться успехом с точки зрения других людей». И наконец, «любой твой успех крадет что-то у других, иногда по-крупному крадет, и потому социальная балансировка нарушается».

Другая грань: амбициозность и сопутствующая ей соревновательность. Как отмечает В.Т., «в журналистике нельзя быть не амбициозным человеком. Вообще все люди в той или иной степени амбициозны, мало кому “до фени” его карьерный рост. Но в искусстве, в журналистике, в политике это качество входит в число профессиональных. ...А амбициозность предполагает соревнование. ...Но вот тут-то и возникают проблемы морального выбора». Поэтому В.Т. отмечает, что особое внимание следует обратить на моральные последствия амбициозности. «Журналист с высоким рейтингом сам себя начинает прощать, оправдывая это тем, что он же первый в этой профессии, он же лучший. А у политиков разве не то же самое? “Победителей не судят” – это лозунг из сферы войны, политики, искусства. И журналистики. Всюду, где есть соревнования, действует этот алгоритм. Он вращается в профессию. Поэтому очень важно, чтобы журналист сам решил, насколько ему этот подход позволителен». По мнению автора, «ситуация “звездной болезни” в журналистике опасна не тем, что она возвеличивает людей менее моральных над более моральными, а тем, что, когда человек оказывается на первом месте, обгоняя других (его за это ценят, ему за это аплодируют, ему за это платят), он начинает третировать высокие моральные качества других».

Важное основание анализа экспертных суждений – ориентация профессионалов на успех как акт морального выбора. Прежде всего речь идет об акцентировании нравственной презумпции стремления журналиста к успеху. Так, с точки зрения С.Б., *«стремление к успеху нормально»*. При этом эксперты выделяют как ценностно-ориентационную, так целесредственную сторону выбора ориентации на успех. С.Б.: *«Конечно, всякое стремление может перейти в негативные действия. И здесь мы снова возвращаемся к самому важному – к ориентирам выбора»*. С.Н.: *«Самый первый и сущностный моральный выбор начинается с вопроса: стремиться ли к успеху или не стремиться к нему. Это фундаментальный моральный выбор»*.

Важная грань отношения к успеху как проблеме морального выбора связана с вопросом о том, чем придется жертвовать ради успеха. *«Что для тебя успех? Чтобы тебя знали? Хорошо, когда тебя знают. Чтобы тебе доверяли? Замечательно. Узнавали на улице? Тогда не на радио надо работать. В чем еще успех? Получать премии? Может быть. Шикарно жить? Может быть. Но это опять же вопрос о том, чем ты можешь пожертвовать. В какой-то момент чем-то придется жертвовать. В конце концов, это тоже выбор»*, – говорит С.Б. В качестве примера такого выбора автор приводит решение журналиста жертвовать или не жертвовать своим образом в сознании аудитории.

Другую грань выбора, связанного с определенными жертвами, рассматривает С.Н. Прежде всего он предполагает, что *«не все стремятся к успеху потому, что не желают оказываться в тех напряженных ситуациях морального выбора, с которыми связано само стремление к успеху»*. Затем говорит, что и в том отношении к успеху, которое он предпочел для себя, *«бывают ситуации, связанные с известным вопросом: “стоит ли Париж мессы”. К счастью, их не много»*. Автор отмечает, что, как правило, в его практике *«Париж стоит мессы»*. Порой такой выбор происходит на очень маленьком пространстве,

смысловом и, опять же, метафизическом. Но этот выбор очень важен, потому что – я совершенно убежден и все время пытаюсь говорить коллегам – это величайшее заблуждение, будто ежедневная газета живет один день. Она живет один день – в тот, когда она вышла, но потом, много раз возрождаясь, она живет уже в истории. И поэтому очень важно, чтобы даже из фразы, из полуфразы текста, пусть даже не очень привязанного к событиям (а тем более – посвященного им), человек все-таки смог понять, что происходило. Мы на вечность работаем».

Автор понимает, что «традиционная мораль осуждает тезис “Париж стоит мессы” как связанный с дурным компромиссом, чуть ли не с предательством, с изменой чему-то высокому, с принципом “цель оправдывает любые средства”. Но вот в том-то все и дело, что поле компромисса необходимо свести к частностям, а не к принципиальным вещам. Это изначально может быть часть мастерства, часть профессионализма. Очень важно сделать так, чтобы по принципиальным вопросам от тебя даже не требовали компромисса. Это, может быть, и есть самая важная степень признания, результат борьбы за право писать даже не то, что ты хочешь, а как ты хочешь (это еще важнее). И это борьба, которая ведется подспудно, ведется всю жизнь, и только она и приводит к тому, чтобы в таких ситуациях не оказываться».

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ анализа экспертных суждений – несколько замечаний.

Профессиональная этика – не только общеобщественная нравственность, привнесенная в жизнь профессии. Многие ценности профессиональной этики извлечены из требований профессионализма в качестве обязательного условия эффективности, стратегически выверенной успешности профессиональной деятельности. Успешно действующий профессионал не располагает сертификатом нравственности автоматически, но при массовых и серьезных нарушениях требований профессиональной

этики подлинная миссия профессионала оказывается подорванной.

Для становления и развития профессии passionately значимы профессионалы, которые добиваются успеха, действуя по правилам честной игры, независимо от того, оказывается ли соблюдение этих правил полезным для них лично в каждом конкретном случае. Кодексы, хартии, манифесты изначально не будут противоречить природе профессиональной этики только тогда, когда окажутся точно сориентированными на ценности профессионального успеха – индивидуального, группового, общекорпоративного. Собственно говоря, профессиональная этика журналиста не может не быть нацеленной на успех во всех его ипостасях, ибо кому нужен провальный профессионал?! Личный пример успешных профессионалов – достижение успеха именно благодаря соблюдению правил честной игры – лучшее «наглядное пособие» для утверждения профессиональной этики.

2.6. Профессия как корпорация: «дух» и «правила игры»

ШИРОКАЯ «занятость» термина «корпорация» и при том его «нагруженность» негативными коннотациями требуют сразу выделить из известного множества вариантов применения термина то значение, которое вынесено в заглавие подпараграфа. Исторический синоним «профессиональной корпорации» – «цех», «гильдия». В современном языке ближайший синоним этого термина – «профессиональное сообщество». Их объединяет феномен *общности*, а различает – степень организованности, наличие инфраструктуры, оформленность «правил игры» и т.п. Обычно различают «незримые колледжи» и реальные организованные профессиональные ассоциации. Но и в том, и в другом случае профессиональное сообщество выступает референтной группой в вопросах профессиональной этики. Тем более, что профессионалов объединяет и сходство судеб, и профессиональная культура, а чувство принадлежности к профессиональному сообществу – важный критерий профессиональной идентичности. Среди критериев

риев сформированности профессионального сообщества, предложенных У. Гудом, – *схожая самоидентификация, общие ценности*⁶⁷. При этом, рассуждая о профессии как общности, «незримом колледже», уместно иметь в виду как «ныне здравствующих» профессионалов, так и заслуженных, знаменитых профессионалов прошлых лет, а кроме того, не только уже вошедших в общность, но и тех, кто намеревается в нее включиться. Для последних «вопрос “кем быть?” – это и вопрос “с кем быть”, а не просто “что делать?”»⁶⁸. Сравним этот тезис с характеристикой, данной Гудом «профессиональное сообщество, хотя и не порождает следующее поколение биологически, осуществляет это социально».

Важное условие понимания «духа» и «правил игры», ориентирующих и регулирующих профессиональные сообщества и их членов, – рассмотрение их в общем контексте корпоративности как социального института. «Дух» и «правила игры» корпорации как социального института (при всей разнице между, например, предпринимательской корпорацией, с одной стороны, университетом – с другой, профессиональной ассоциацией – с третьей) инвариантны: относительно замкнутая ассоциация, на определенных условиях выражающая интересы своих членов, увеличивающая индивидуальные возможности и шансы индивида на успех и защищающая их. Развитие корпораций – характерная черта гражданского общества, которое, как отметил еще А. де Токвиль, представляет собой огромное количество разного рода ассоциаций. Создавая их на основе взаимных соглашений для выполнения тех задач, которые нельзя выполнить в одиночку, люди учатся совмещать свое понимание частного интереса с общественными добродетелями. В этом смысле корпоративность

⁶⁷ См. по кн.: Лукша О.В. Социология профессиональных групп: определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2003. С. 67.

⁶⁸ См.: Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. С. 146.

– один из эффективных способов рационального сочетания индивидуализма и солидаризма.

В то же время *дух корпоративизма* является одновременно предметом и пафосной апологии, и острой критики. Проявления последней могут быть и весьма поверхностными (категорическое отождествление с мафией, например), и весьма глубокими (например, акцентирование исторической связи феномена корпоративизации общества с тоталитарными режимами и современные проявления корпоративизма как «локального тоталитаризма»). В известной статье Умберто Эко на тему наступления «Нового средневековья» речь идет о возрождении корпоративных социальных структур. А в качестве одного из мотивов появления биоэтики указывают на необходимость противостояния корпоративным нормам медиков.

Но что несомненно – предметом взвешенного критического анализа, тем более в противоречивой ситуации становления гражданского общества в России, должны быть *моральные риски* культивирования корпоративности при пренебрежении ее *нравственными оппозициями*, превращения корпоративного этоса в *патос*. Так, например, являясь одним из эффективных способов сочетания индивидуализма и солидаризма, корпоративность несет в себе как тенденцию к групповой сплоченности, так и риск подавляющей индивидуальность «стадности» (корпорацию нередко называют «второй семьей»); вполне понятная и оправданная ориентация на защиту групповых интересов может обернуться групповым эгоизмом, противопоставлением частных интересов универсальным интересам общества; необходимая для саморегулирования корпораций тенденция к созданию корпоративных этических кодексов нередко оборачивается беспредельной фальшивостью «корпоративного духа», который поставлен здесь в кавычки потому, что сводится к далеко не добровольным этикетным требованиям, ритуалам, гимнам и т.п.

Пока в нашей стране свободных корпораций все еще меньше, нежели старых объединений, которые после по-

верхностной и скоротечной модернизации предпочитают именовать себя звучным именем «корпорация».

В ФОРМИРОВАНИИ «духа» и «правил игры» профессиональных сообществ существенную роль играет активное *самопознание* профессии. Практикуемые нашими проектами экспертные опросы и модельные семинары с журналистами дают определенный материал для анализа суждений самих профессионалов о (не)целесообразности идентификации профессиональной этики журналистов как корпоративной этики.

Обращаясь к экспертным суждениям, особо обратим внимание на то обстоятельство, что журналисты нередко трактуют корпоративность, используя *скептические* образы. Более того, проведенный в рамках самого первого из наших проектов на тему медиаэтики⁶⁹ анализ речевых практик журналистов показал, что профессиональное сообщество обсуждает проблему соотношения индивидуально-личностного и корпоративного в деятельности журналиста в весьма негативных оценках. Так, один участник пилотажного этапа этой экспертизы отметил, что в творческих профессиях *«все глядят в Наполеоны»*, болезненно друг другу завидуют. Доброго слова о коллеге и от коллег не услышишь – *«сколько ни верти головой»*.

Если существование корпоративной этики и считается реальным, то в определенном контексте: *«Вы помалкивайте о наших грешках, мы – о ваших»*. При этом последнее распространяется только на журналистов одного лагеря – *«противников полощут все»*. Другой участник опроса полагает, что *«хваленая журналистская корпоративность не выдерживает испытания рынком»*. Более

⁶⁹ Становление духа корпорации: правила честной игры в обществе журналистов / Под ред. В.И. Бакштановского, Ю.В. Казакова, А.К. Симонова, Ю.В. Согомонова. М.: НАЧАЛА-ПРЕСС, 1995.

См. рецензию на эту книгу: Рац М.В. Журналистский цех в современной России // Общественные науки и современность. 1998. № 6.

того, он отметил, что всегда есть и не скрывается желание *«поплясать на конкуренте»*. Профессиональная солидарность? И да, и нет. «Да» – потому, что и газеты, и журналы могут выжить только все вместе. «Нет» – потому, что нельзя высоко оценить перспективы объединения журналов. *«Журналисты хороши именно тем, что они разные»*. А всякое объединение неминуемо начнет влиять, сглаживать противоречия и тем самым *«нивеллировать “цех”, стирать отличия»*.

И в последующих наших проектах, материалы которых представлены в ряде выпусков «Тетрадей гуманитарной экспертизы», можно обнаружить открытый скепсис к рассуждениям о корпоративном духе журналистов. Один из участников очередной экспертизы замечает: *«Когда применительно к журналистике говорят “корпоративность”, “корпорация”, “корпоративный дух”, я начинаю думать: журналисты – коллеги по “цеху” или ... свора драчливых собак?»*. Рассуждая о том, необходимо ли журналисту сообщество, другой участник экспертизы говорит: *«Профессия требует корпоративности. Но... недавний пример. “Откопала”, “выбегала” очень интересного собеседника. Нефтяник, начальник с суперсовременным взглядом на тюменскую экономику. Прозвучало интервью в эфире. И вдруг один звонок – коллега-телевизионщик... И между делом, так, невзначай, спрашивает: “Слушай, ты как на него вышла? Дай координаты!” Стоп! Мы же конкуренты!»*. Разумеется, высказывались и иные мнения. Например, обсуждая Тюменскую медиаконвенцию (мы обратимся к этому проекту в третьем параграфе), один из журналистов сказал, что в ситуации выбора *«журналист просто обязан исповедовать принцип – не навреди корпорации!»*.

Среди причин настороженного отношения уже к самому выражению «корпоративный дух» – интерпретация его как содержащего начало несвободное, «государственное» в негативном значении этого слова, в том числе ассоциирующемся с черной страницей европейской истории («корпоративное государство»), – и, исходя из этого,

трактовка «корпоративности» как потенциальной угрозы покушения на свободу своей профессии. Соответственно, если на «кристаллизацию» корпоративности одни журналисты надеются как на серьезный шанс профессионализации российской журналистики, то другие, напротив, связывают тенденцию «корпоративизации» прежде всего с действием внешних для самой прессы сил, скажем, с угрозой монополизации СМИ властью или отдельными финансово-промышленными группировками и предрекают, как почти неизбежное, использование меняющейся, стремящейся осознать себя «цехом» (или «цехами») прессы во вред обществу.

Да, многие журналисты осознают, что в идеале переход к гражданскому обществу и правовому государству предполагает трансформацию реально существующих «лицензированных» (хотя и не всегда осознающих себя в такой роли или, напротив, намеренно принимающих эту роль) государством профессиональных корпораций в независимые, добровольные и ответственные объединения на основе общих интересов, способные не только «быть представленными» на государственном уровне, но и стать участниками равноправного диалога между обществом и государством. Понимают, что подобная трансформация – фермент, «точка роста» гражданского общества в его неразрывной связи с правовым государством, принявшим общественный контроль над собственной деятельностью. Но на самих себе ощущают, что сам процесс трансформации такого рода неизбежно оказывается буквально сотканым из «болевых точек».

Ряд участников первого экспертного опроса полагают, что разговор о духе корпорации в сообществе отечественных журналистов пока скорее абстрактен – корпорации еще нет или, в лучшем случае, она еще только становится. Так, по мнению В.Т., *«пока можно говорить лишь о протокорпорации, квазикорпорации»*. *«Я думаю, – говорит автор, – что в нашей сегодняшней российской жизни, как и во всяком нестабильном обществе, все непросто, все противоречиво: что с духом, что с корпорацией, что с*

правилами игры... *В корпорации – по определению – одна цель у многих людей. Можно, например, говорить о корпоративности российской армии, но не новой российской журналистики. Нет еще такой корпорации. И, возможно, лишь меньшая часть тех, кто сейчас называет себя журналистами, войдет в собственно корпорацию».*

«Я не считаю, что слово “корпорация” применимо к журналистскому сообществу в настоящее время», – говорил С.К. Развертывая свою аргументацию, автор отмечал: «Прежде всего, я не считаю, что у нас в стране есть журналистское сообщество как таковое». Почему? С его точки зрения, «журналистика у нас еще не выделена как профессия. Если журналист позволяет себе быть одновременно еще и депутатом, а журналистское сообщество в целом это не осуждает, а иногда и приветствует, ссылаясь на то, что так проще защитить себя или решать какие-то вопросы, то я считаю, что мы просто не доросли до корпорации».

Разумеется, высказывались и иные точки зрения и аргументы. Например, идентификация сообщества как профессиональной корпорации сопровождалась приданием термину «корпорация» особого смысла. *«Является ли сегодня “цех” в целом некой корпорацией? Безусловно является, потому что, как я сказал вначале, мы живем в агрессивной среде. Например, любое обсуждение в правительстве, в парламенте, в другой структуре власти темы, имеющей отношение к прессе, да и вообще по любому поводу, так или иначе сбивается на действия прессы, выражая однозначно негативное отношение к прессе вообще. При этом даже не разделяют: “хорошая” пресса или “плохая”. Пресса вообще плохая: открывает секреты, не дает власти работать, искажает политические вопросы и так далее, и так далее. В этой агрессивной среде пресса не может не сбиваться в “стаю» (В.Л.).*

Но дело не в подсчете голосов «за» и «против». При любом количественном раскладе из принимаемого тезиса о пренатальности отечественной журналистской корпорации не следует, что активизация самопознания профессии

преждевременна. Более того, она весьма актуальна, ибо именно на начальной стадии своего формирования профессиональная корпорация нуждается в прояснении исходных ориентиров, в том числе в понимании природы феномена корпоративности в целом, духа корпорации – особенно.

Важно, что выражение «дух корпорации» не рассматривается как привнесенное в сообщество извне. Сами журналисты пытаются разобраться в том, что такое «дух» корпорации. Вот, например, суждение Р.Г.: *«В корпорации я сам принимаю на себя нормы, которые не чиновник, пусть даже и журналист-чиновник, выдумал. Они сложились естественно, свободно. Корпорация объединяет не структурой, а внутренним чувством цеховой принадлежности. Меня за меня никто не относит к корпорации, не зачисляет в ее ряды. Я сам чувствую, что к ней принадлежу. И отвечаю – добровольно – за все, что связано с нею».*

Участники опроса прямо подчеркивают неразумность рассуждений о духе корпорации как о феномене абсолютно непротиворечивом. В качестве примера осознания одного из рискованных последствий культивирования корпоративного духа в журналистике приведем экспертное суждение Д.К.: *«Я полагаю, что усиление корпоративного духа в российской печати может быть опасным и его следует избегать. На мой взгляд, не на этом пути можно сделать СМИ более профессиональными и приспособленными к рыночным отношениям. Наоборот, особенно в нынешних условиях чрезвычайно ограниченной экономической и культурной автономии СМИ, корпоративный дух может стать ловушкой, в которой все журналисты могут оказаться в тот момент, когда центры, где принимаются решения, руководство газет станут окончательно подчиненными политической власти».* Сказанное более десяти лет назад устарело ли?

АНАЛИЗ материалов экспертиз дает основание заключить, что вопрос о понимании феномена профессиональной корпорации для отечественной журналистики – не

праздный. Тем более не праздным является вопрос о том, какого рода «дух» должен закладываться в основы такой корпоративности самим «цехом». Профессионалам, считающим себя представителями «цеха», важно задуматься о нравственных особенностях профессиональной журналистской корпорации, о том, что уместно назвать ее *духом*, и попытаться выделить те базовые нормы и ценности, которые должны быть заложены в качестве *побуждений* (в первую очередь) и *ограничений* (по возможности – во вторую) профессиональной деятельности ее членов.

При этом для «игры по правилам» профессиональной корпорации журналистов нужны, как минимум, по тем же правилам играющие партнеры – власть и гражданское общество в целом.

2.7. Саморегулирование профессии: «казак» для профессиональной этики

НАЧНЕМ с фрагмента диалога редакторов – исследователя и правозащитника в сфере СМИ, – в формате которого написано предисловие к отечественной хрестоматии профессиональных кодексов журналистики, составленной Ю.В. Казаковым⁷⁰.

В. Бакштановский: Я еще не знаю, как разделятся в этом диалоге наши роли. И все же, как вам кажется, кто из нас больше скептик по поводу надежд на публикуемые в этой «Хрестоматии» профессионально-нравственные кодексы – вы или я?

А. Симонов: По-моему, вы.

В.Б.: А вы себе не противоречите? Только что вы говорили об утрате прессой своего достоинства – и при этом столь романтично надеетесь на такой очень зыбкий, во многом противоречивый по своей роли инструмент, как кодексы. Казалось бы, я – «этик-теоретик» – еще могу

⁷⁰ Бакштановский В.И., Симонов А.К. Кодексы, которые мы выбираем (Диалог редакторов) // Предисл. к 1-му изд. / Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы / 2-е изд./ Сост. Ю.В. Казаков. М.: Галерея, 2002. С. 11-12.

быть апологетом кодексов. Но сейчас апологетом кажетесь вы. Ведь это вы только что рассуждали о том, как сильно изменились со времени нашего прежнего проекта ситуация в прессе, самосознание прессы. И если бы я вас не перебил, вы, по-моему, готовы были сделать вывод из своих диагностических размышлений: «...потому-то сегодня так нужны кодексы, чтобы растерявшееся профессиональное сообщество хоть немножко себя реабилитировало».

А.С.: В отличие от времен прежнего проекта, сегодня реальная целесообразность культивирования кодексов, как и в целом острая необходимость саморегулирования прессы, связана не с «воспитательными» задачами, а с увеличением опасности для свободы прессы. ...Активизация процесса саморегулирования СМИ – это инстинкт самосохранения прессы. Саморегулирование, в том числе и с помощью мирового и отечественного опыта кодификации, – наиболее разумный способ: вопреки неразумному способу регулирования».

Отметим в этом диалоге сразу два момента. Во-первых, характеристику профессионально-этических кодексов как инструмента саморегулирования профессии. Во-вторых, акцент на *мотивах* актуализации института саморегулирования. Тем самым проблематизируется «заказ» на рефлексию *этической* идентичности института саморегулирования, его соответствия природе профессиональной этики.

Роль кодексов в саморегулировании профессии несомненна. Но «заказ» профессиональной этике в связи с таким признаком идентичности профессии, как саморегулирование, к теме кодексов не сводится. И даже выстраивание *системы* саморегулирования, одним из элементов которой и являются кодексы, само по себе не есть решение *профессионально-этической* задачи.

Разумеется, очень важно представить эту систему в ее полноте, увидеть, что саморегулирование включает в себя множество институциональных механизмов, являясь «*системой обеспечения ответственности* СМИ». Автор

этого термина, покойный К.-Ж. Бертран, писал: «Проблема состоит не в том, чтобы сформулировать принципы и правила, а в том, чтобы добиться от СМИ и от журналистов (что не одно и то же) их выполнения. Вот почему я решил сконцентрироваться на инструментах, позволяющих обеспечить соблюдение этих правил»⁷¹. В своей работе К.-Ж. Бертран перечисляет свыше 30 различных механизмов. Попытка классифицировать их позволяет выделить три группы. В первую группу входят *документы*: этические кодексы; внутренние меморандумы; колонки в газете, содержащие письма с критикой в адрес СМИ; публичные заявления; теле- и радиоэфир; информационные бюллетени для читателя о том, что происходит в газете и т.п. Вторую группу составляют *люди или группы людей*: штатный критик, этическая комиссия, инструктор по вопросам этики, омбудсмен, бюро жалоб, советы по делам прессы, различные фонды и т.п. Третья группа представляет собой *процессы*, под которыми понимаются обучающие семинары, опросы, исследования и т.п.⁷². Кроме того, автор предлагает и другую классификацию в зависимости от того, кто участвует в «системе обеспечения ответственности СМИ» (СООС): внутренние СООС (саморегулирование в узком смысле слова), внешние СООС (СМИ можно призывать к ответу и без их согласия) и кооперативные СООС (работники прессы, специалисты и общественность могут работать вместе во имя обеспечения качества).

Несмотря на широкий спектр возможных институциональных механизмов саморегулирования, в нашей отечественной практике наиболее известны: из первой группы – профессионально-этические кодексы, из второй – Большое жюри и Общественная палата по жалобам на прессу, а обучающие семинары за редким исключением не пони-

⁷¹ Бертран К.-Ж. С*О*О*С: системы обеспечения ответственности СМИ // Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в России. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ю.В. Казакова. М.: Стратегия, 2004. С. 36.

⁷² Там же. С. 41-51.

маются как формы саморегулирования. Правда, в последние годы в России изучается и получает свое теоретическое развитие такая форма саморегулирования профессии, как медиакритика⁷³. Тем не менее и глубокое понимание *системы механизмов* саморегулирования профессии само по себе еще не является решением *профессионально-этической задачи*.

Задача эта предполагает прежде всего прояснение *этического смысла* саморегулирования как признака профессии, т.е. своеобразной *этической экспертизы* идеи и практики саморегулирования. Лишь в этом случае можно говорить о саморегулировании профессии в контексте собственно профессиональной этики журналистов.

Тезис о необходимости этической экспертизы феномена саморегулирования – концепций и реальной практики – опирается на проведенный нами анализ процесса и результатов заметной актуализации внимания к роли саморегулирования в жизни профессий, проявившейся не столько за пределами России, где саморегулирование профессий – сложившийся и устоявшийся институт, сколько в нашей стране, где пока можно говорить скорее о *становлении* института саморегулирования профессий и, соответственно, его исследований⁷⁴.

В то же время, хотя опубликованные за рубежом и в России работы весьма отличаются друг от друга в концептуальном плане, а практика актуализации темы и ее теоретическое осмысление в российском опыте еще только *становятся*, мы рискнем утверждать, что есть некая общая тенденция: собственно *этическая* природа саморегу-

⁷³ См.: Короченский А.П. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. Ростов-на-Дону, 2002.

⁷⁴ См. о разных аспектах этого процесса: Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов; Казаков Ю.В. На пути к профессионально правильному: российский медиаэтнос как территория поиска. М.: Центр прикладной этики, 2001; Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в России и др.

лирования профессии остается чаще всего за пределами внимания исследователей. В итоге – свойственная многим работам по конкретным профессиональным этикам *невыведенность* именно моральных по своей природе ориентиров и регулятивов профессии, в том числе *мотивов* активизации процессов саморегулирования профессии.

Так ли эта *невыведенность* значима? На наш взгляд, для современной российской ситуации тема саморегулирования требует сегодня не просто доказательства ее актуальности – как это было еще несколько лет назад, – но и осознания необходимости для профессионалов быть *нравственно осторожными* в освоении этой темы. Своеобразным эпиграфом к данному тезису может послужить высказывание В. Познера в одной из передач тогда еще живых «Итогов». Он остро отреагировал на инициативу Индустриального комитета по созданию этой инстанции правил поведения журналистов в чрезвычайных ситуациях: «Получается такая вот картинка: давайте вместе подумаем, как бы нам ошейник надеть». И действительно: можно ли считать абсолютной ценностью такое «саморегулирование», которое отказывает журналисту в статусе *субъекта* нравственной свободы, выбора и ответственности, предполагая превращение СМИ из субъекта саморегуляции в объект *сверхрегуляции*?

Саморегулирование – итог осознания социальной ответственности профессии. Но ответственность бывает *адаптивная* (реакция как ответ на ситуацию) и *неадаптивная* (опережающее действие). Скорее всего, сегодня отечественное профессиональное сообщество журналистов живет по версии адаптивной. Отсюда – необходимость «подстраиваться», «реагировать». Так поступил, например, Индустриальный комитет после «Норд-Оста». В итоге – опасность превратить саморегулирование журналистики в «добровольный ошейник».

Российским профессиональным сообществам предстоит осознать риск *огосударствления* профессиональной морали через придание государственным инстанциям роли высшей *моральной* инстанции. Этот риск искушает «ду-

ховного иждивенца» соблазном делегировать свою ответственность и может подорвать саму суть профессиональной морали – свободу выбора и принятия профессионалом индивидуальной ответственности. Новый контекст проблемы морального выбора – ситуация становления так называемой «управляемой демократии» – может спровоцировать профессионалов и их ассоциации, и не только журналистов, на предпочтение *самоцензуры* как реакции на давление «сверху», с одной стороны, на своеволие, вседозволенность самих профессионалов – с другой. Самоцензуры как следствия страха перед не знающей над собой контроля «снизу» властью, – а не саморегулирования, вытекающего из сознания социальной ответственности профессии.

Актуальны три направления этической экспертизы идеи саморегулирования. Во-первых, роль *мотивов* активизации саморегулирования профессионального «цеха» в обеспечении нравственного потенциала идеи саморегулирования. Во-вторых, критерии *этической* идентичности профессиональных кодексов. В-третьих, *моральные* основания деятельности этических комитетов профессиональных ассоциаций. Остановимся здесь на характеристике роли *мотивов* активизации саморегулирования профессий в обеспечении нравственного потенциала идеи саморегулирования. Основная задача нашей этической экспертизы заключалась в том, чтобы понять и оценить сам *факт* распространенности двух типов аргументации в пользу саморегулирования «цеха» – *внешней целесообразностью и внутренним самосовершенствованием* – и взвесить последствия от доминирования в отечественном опыте первого типа мотивации, тем более, когда он выражается в подмене моральной природы саморегулирования администрированием.

Гипотеза экспертизы: в ситуации наших дней доминирование *мобилизационной* мотивации саморегулирования жизни российских СМИ *обостряет* этические проблемы «цеха». Действительно, если вся проблема саморегулирования сводится к «технике безопасности» для прессы,

к осознанию необходимости неизбежной контрдеятельности самого профессионального сообщества в ситуации очевидной угрозы свободе СМИ, к задаче прессы самой выработать для себя некие ограничения прежде всего потому, чтобы их не навязали «извне», «сверху», то много ли в ней от собственно моральной, *ценностно-ориентационной* проблемы? Возможно, в неких экстремальных ситуациях эти мотивы и неизбежны. Но как быть со стратегическими проблемами профессиональной этики?

Мотивировка активизации саморегулирования сообщества только необходимостью противостояния внешним угрозам свободе слова может, вольно или невольно, породить установку лишь на *выживание* сообщества, а не на его *развитие*. И тогда профессиональное сообщество решит сосредоточиться лишь на заботе о «правилах игры», инструменте, *регулирующем* его деятельность, оставляя в стороне заботу о выработке собственного кредо, т.е. представлений о своих *ценностных ориентирах*.

В этой ситуации весьма важен процесс самопознания самого профессионального сообщества журналистов, рефлексия им мотивов актуализации саморегулирования. Каковы же суждения самих журналистов по поводу гипотезы экспертизы?

ОБРАТИВШИСЬ к экспертным материалам наших проектов, прежде всего отметим характер суждений по поводу самого факта активизации процесса саморегулирования. *«Человек или сообщество пришли к мысли, что им необходимо выработать внутренние правила. Мне кажется, что всякая инициативная попытка сообщества формализовать некие ограничители его деятельности – это уже благо. Расставить знаки, как говорят, на реке “обстановку выставить”: сюда не ходить, здесь можно, – это уже хорошо»* (Р.Г.).

Много это или мало? С точки зрения прагматической – немало. С этической – вряд ли достаточно. Поэтому далее стоит выделить суждения экспертов, осмысливающих значимость мотивов активизации саморегулирования, адекватных природе морали. Одно из таких суждений

представляет собой скорее самокритику сообщества: *«Если бы саморегулирование было постоянной заботой журналистского сообщества, то сегодня не было бы поводов для таких регуляторов, которые пытаются создать политические силы. Если бы этический кодекс имел достаточное влияние на поведение журналиста, возможно, у этих сил не было бы повода “давить” на СМИ»* (Е.К.). Более того, автор полагает, что если бы такое давление началось, *«общество стало бы на сторону журналиста»*. Сегодня же общество скорее *«на стороне государства: СМИ во многом утратили доверие своей аудитории»*.

Другое суждение развивает самокритику журналистов пониманием ориентиров изменения ситуации: *«Журналист должен думать о саморегулировании не только в смысле защиты от давления государства, но и с точки зрения защиты общества от самого себя и своего сообщества»* (В.Г.). Конкретизируя этот подход, еще один эксперт, разделяющий суждения тех, кто призывает к активизации процесса саморегуляции сообщества, предупреждает о возможности стать жертвами самообмана. *«Конечно, нужна более активная саморегуляция, чтобы над самими же собой приподняться. Но среди мотивов большего внимания к роли наших профессиональных ассоциаций, внутренних кодексов и т.п. должен доминировать мотив самосовершенствования, а не противостояния власти»* (Е.Г.).

Уместно проанализировать процесс рефлексии журналистов, обсуждавших оба типа мотивов мобилизации саморегулирования сообщества в рамках специального семинара, посвященного проекту Тюменской медиаконвенции (анализ этого проекта представлен в следующем параграфе). Сначала участники семинара ознакомились с суждениями коллег, которые были высказаны на предшествующих семинарах и в экспертных опросах. Среди них – аргументы в пользу как «внешнего», так и «внутреннего» мотива. В первом случае эксперты разделяли диагнозы-прогнозы о *внешней угрозе* свободе слова, в том числе от

режима «управляемой демократии». Е.Г.: *«Времена внешней угрозы свободе слова мы уже как бы забыли, но, полагаю, что слишком поторопились»*. Л.В.: *«Увы, сейчас, по-моему, подули старые ветры»*. В.К.: *«Одно время казалось, что такой мотив саморегуляции “цеха” через кодексы, как защита от внешней угрозы свободе слова со стороны власти, ушла. Но, возможно, она уже возвращается»*.

А вот аргументы в пользу мотива внутренней угрозы. По мнению Ю.П., *«доверие к СМИ со стороны общества падает. В этом неприятном факте большая доля вины самих средств массовой информации, зачастую злоупотребляющих свободой слова»*. Переключаясь с ним, С.Ф. *«угрозу нравственной жизни журналистского сообщества»* видит *«в появлении журналистов-беспредельщиков»*. В свою очередь, А.О. полагает, что *«единственным мотивом появления конвенции является угроза саморазрушения, ибо “цехом” до сих пор не осознается основополагающая природа информации как самостоятельного и самодовлеющего источника»*.

Выделяется суждение Р.Г. *«На первое место среди мотивов активизации саморегулирования “цеха” с помощью кодексов я бы поставил нежелание быть в стаде. И общество вообще, и любое сообщество, в том числе и журналистское, без законов, без того, что объединяет, – дикое стадо. Но что же нас объединяет? Сама по себе профессия или то, что мы все работаем в одной газете? Очень размытое основание. ...Я думаю, что объединяет нас свод правил. Вошел в наше сообщество, принял наши правила – стал членом профессионального сообщества. Не принял этих правил – изгой, чужак, разрушитель. Кодекс – способ саморегулирования сообщества, не дающий ему стать стадом»*. Вспомним и переключающееся с этим мнение Е.К., цитированное выше.

На основе анализа этих и подобных суждений появился проект соответствующего фрагмента о мотивах Тюменской этической медиаконвенции, к обсуждению которого приступил семинар. Первым слово взял консультант се-

минара А.С. Основной его тезис заключался в значимости обоих мотивов – «внешнего» и «внутреннего», мотива самосохранения и мотива самоочищения: «к чувству высокого собственного достоинства добавить немножко чувства самосохранения – это не унижительно ни для журналиста, ни для журналистского сообщества». Каковы аргументы? «Мне казалось, – сказал он, – что такой внутренний мотив саморегулирования, как стремление к совершенствованию жизни “цеха”, стремление самим стать лучше, уже настолько ослабел, что единственным серьезным мотивом стало самосохранение (через самоограничение) в связи с внешней угрозой. И я до сих пор убежден, что только угроза полного уничтожения профессии заставит журналистов подумать о том, что происходит с профессией, что происходит с ними сами. С другой стороны, обнаружилось, что когда “гиря до полу дошла”, когда мы уже оказались на самом дне, и в Тюмени, и в разных других местах журналисты опять стали задумываться о сути и смысле своей профессии. Причем чувство самосохранения и чувство самоочищения, самосовершенствования вполне совместимы. И все же мы с вами сейчас существуем в условиях концентрации внешних угроз, которые выражаются во вполне конкретных действиях власти».

Особое внимание А.С. уделил еще одной намечающейся тенденции (семинар проходил до ситуации с «Норд-Остом» и проявления его последствий для журналистов). «Общество начинает все больше дружить с властью, делегируя ей очень многие определения. И я очень боюсь, что в ближайшее время общество делегирует власти в том числе и определение нравственных принципов журналистики. Соответственно, власть нам и выкатит: одним – бочку с пивом, а другим – четыре плахи. И тогда посмотрим, действительно ли кто-то захочет выбрать между этими двумя возможностями. У меня ощущение, что все пойдут к пиву, на плаху вряд ли кто-нибудь захочет. Поэтому так важна возможность возразить власти, претендующей на определение нравст-

венных принципов журналистики, сказать: “Спокойно. Не надо. Все это уже давно осмыслено. И выполнено”. Такая возможность и содержится в профессионально-этических документах. А без этого в самое ближайшее время “учителя” от власти к нам придут. Я в этом уверен».

Некоторые участники семинара критически отнеслись к тезису о роли внешней угрозы свободе слова как доминирующего мотива создания конвенции. По мнению С.Ф., *«говорить о внешней угрозе свободе слова как об одной из главных и как о главной причине самоорганизации тюменских журналистов не стоит».* В вопросе о ведущем мотиве создания конвенции на первый план, с его точки зрения, *«выходит проблема профессиональной чести, профессиональных достоинств, профессиональных качеств членов нашего журналистского сообщества. Очень плохую услугу оказывает нам тот, кто считает свою профессию в некоторой степени продажной, готов написать тот или иной материал по заказу, противореча таким основополагающим требованиям профессии, как достоверность, объективность, честность. Мне кажется, эта угроза наиболее существенна, наиболее серьезна. Именно это может развалить сообщество, разложить его на кланы, что, кстати, мы видим уже сейчас».* Поэтому и необходима для журналистов общая нравственная позиция, общие нравственные рамки: *«мне кажется, нам нужно самоорганизоваться через определение нравственных стандартов».*

Ю.Б. очень неприятно сознавать то обстоятельство, *«что к внутреннему самосовершенствованию, к тому, чтобы быть элементарно порядочными в своей профессии, нас принуждает внешняя беда. В виде внешней угрозы. Нельзя отрицать, что есть и внутренняя угроза. Может быть, как-то отразить в конвенции, что даже если бы и не было этих угроз, мы должны совершенствоваться».* По мнению В.К., *«переведя разговор с внешней угрозы и обратившись к самим себе, мы поймем, что тема семинара чрезвычайно важна. Более того, необходимо ее формализовать в конкретном этическом докумен-*

те». Ю.К. заинтересовало рассуждение Ю.Б. о значимости ответа на вопрос о мотиве обращения к теме саморегулирования. Что касается его собственной точки зрения, то *«надо очень серьезно говорить именно о моральных стимулах тех, кто взялся за создание-подписание конвенции»*.

МНОГИЕ суждения участников этической экспертизы говорят сами за себя и не требуют особых комментариев. Поэтому ограничим заключение лишь одним выводом. Если на первых стадиях коллективного поиска журналистами своего понимания идеи саморегулирования доминировало стремление выбрать один из двух альтернативных вариантов основных побуждений (*либо* внешне обусловленная целесообразность активизации саморегулирования «цеха», связанная с угрозами свободе слова, *либо* добрая воля как следствие самокритичного осознания профессиональным сообществом внутренней угрозы свободе слова, исходящей от самой корпорации), то в последней версии конвенции снята установка на обязательное доминирование одного только мотива доброй воли – как нереалистичная, излишне романтическая. На наш взгляд, ответственное обсуждение проблемы мотивации саморегулирования «цеха» адекватно отразилось в соответствующем фрагменте Тюменской этической медиаконвенции.

3. Проектный образ

ОТКРЫВАЯ введение к монографии, мы представили ее идею на примере *случая* – прецедента концептуального проектирования элементов нормативно-ценностной системы журналистики. Важнейшие требования этико-прикладного видения природы профессиональной этики были представлены в этом «запеве» через созданную средствами проектно-ориентированного знания ТЭМК.

В этом параграфе мы рассмотрим инициированный АНКО «Центр прикладной этики: XXI век» проект ТЭМК как многофункциональный кейс: *случай-прецедент* создания специально («по функции») разработанного знания; *слу-*

чай-прецедент «встречного движения» исследователей в сфере прикладной этики – и профессионального сообщества журналистов, развитого до уровня *соавторства* в проекте; *случай-прецедент* совмещения *модельности* конвенции как универсального элемента инфраструктуры саморегулирования высокой профессии – с этосным эффектом *польдера*; *случай-прецедент* проектирования конвенции как *интегрального* профессионально-этического института, представляющего важнейшие элементы нормативно-ценностной системы журналистики; случай-прецедент *инновационной* идеи (и структуры) конвенции.

ТЭМК – итог многолетней работы тюменских журналистов, включая пятилетний *мониторинг ситуации* и цикл *опросов и семинаров*, и, разумеется, многолетних этико-прикладных *исследований*. Основанием для инициирования и реализации проекта в Тюмени являлось то обстоятельство, что региональное сообщество журналистов уже было *мотивировано* к созданию ТЭМК предшествующими проектами, *продвинуто* в этом направлении: многие тюменские журналисты были соавторами первых проектов-экспертиз, диагностирующих и рефлексировующих «правила игры» журналистской профессиональной корпорации⁷⁵.

Задача данного параграфа – «анализ случая» по *минимизированному* алгоритму: предъявление итогового (третьего варианта) текста конвенции (в сокращенной версии⁷⁶) в качестве наглядного образа результата проекта –

⁷⁵ См. кн.: Становление духа корпорации: правила честной игры сообщества журналистов; Медиаэтос: ценности и правила игры регионального сообщества журналистов. Материалы экспертного опроса // Тетради гуманитарной экспертизы (1) / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: АНКО «Центр прикладной этики: XXI век», 1999; Медиаэтос: ценности и правила игры регионального сообщества журналистов. Попытка понимания. Материалы экспертного опроса // Тетради гуманитарной экспертизы (2). Тюмень, 1999.

⁷⁶ Полная версия текста опубликована в «Тетрадах гуманитарной экспертизы» и в нескольких изданиях книги «Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материа-

эскиз процесса работы над текстом – краткие выводы об идентичности текста критериям прикладной этики. Оставляя за рамками минимизированного алгоритма некоторые моменты жизни проекта (в том числе реальное продвижение его участников в работе над конвенцией от этапа к этапу, сравнение первоначального варианта текста конвенции и его изменений на втором и третьем, заключительном этапе работы и т.д.), укажем на описание проекта в близкой к стенографической форме в «Тетрадах гуманитарной экспертизы»⁷⁷.

3.1. «Тюменская этическая медиаконвенция»⁷⁸

Проблемная ситуация. Замысел нашей конвенции исходит из определенного понимания современной ситуации в жизни российского общества в целом (профессионального сообщества журналистов – в том числе) и отражает конкретный взгляд на природу основных профессионально-этических проблем отечественной медиасреды. Все мы сегодня переживаем кризис, связанный со сменой ценностных систем трансформирующегося общества. Кризис, породивший ситуацию аксиологического «междоусобия» – неопределенности в диагнозе, хаотичности в критериях, многовариантности в исходе. Но есть основания воспринимать моральный кризис в обществе – и в нашем профессиональном «цехе» – не как побуждение к панике,

лы».

⁷⁷ См.: Медиаэтнос. Тюменская конвенция: предварительные результаты // Тетради гуманитарной экспертизы (3). Тюмень, 2000; Медиаэтнос. Тюменская конвенция: ориентир самоопределения, способ собирания сообщества // Тетради гуманитарной экспертизы (4). Тюмень, 2000.

⁷⁸ Текст конвенции – плод коллективного творчества. Не имея реальной возможности указать авторство каждого фрагмента этого текста, отметим особую роль Ю.В. Казакова, которая далеко не исчерпывается работой над разделом «Минимальный стандарт». См., напр.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Казаков Ю.В. Образы этической конвенции: первые результаты // Тетради гуманитарной экспертизы (3). Тюмень, 2000.

а как вызов, который предъявляют нашему профессионализму тенденции к цинизму и нигилизму. Надежда – на личную свободу и ответственность. Именно индивидуальная ответственность – способ пережить кризис, выйти из него с достоинством, с «заделами» для будущего. Надежда – на потенциал индивидуального морального выбора и решения, на ориентирующую роль элементарных норм морали. Надежда – на ценностные ориентиры и нормы профессиональной этики. Надежда – на собирание вокруг такого подхода человеческих микросообществ. (В том числе и профессиональных сообществ, создаваемых на конвенциональных условиях.) Поэтому нам важно определиться в том, что именно побуждает «цех» к ее созданию.

Мотивы. В числе мотивов – внешне обусловленная целесообразность повышения активности в саморегулировании «цеха». Целесообразность, связанная с угрозами свободе слова: свободе журналиста добывать и предоставлять информацию; свободе гражданина получать информацию; с тенденцией превращения СМИ из субъекта саморегуляции в объект сверхрегуляции. Нашему сообществу предстоит осознать опасность «огосударствления» профессиональной морали журналиста через придание государству роли высшей моральной инстанции. Эта опасность искушает «духовного иждивенца» соблазном делегировать свою ответственность и может взорвать саму суть профессиональной морали – свободу выбора и принятия профессионалом индивидуальной ответственности. И своей конвенцией мы говорим государству: у нас есть правила и мы просим с ними считаться. Фактически речь идет об общественном договоре: мы не переходим границ профессионально правильного поведения, а государство воспринимает нас как сообщество, способное к саморегулированию.

Не менее сильный мотив создания конвенции – трезвое самокритичное осознание нашим профессиональным сообществом внутренней угрозы свободе слова, исходящей от самой корпорации; самокритичное понимание низкой степени намеренности и практической способности

«цеха» ответственно реализовать свободу слова – злоупотребления самих СМИ свободой слова привели к потере доверия общества. Подчеркнем: без восстановления, сохранения, защиты и укрепления взаимного доверия между СМИ и обществом трудно удерживать права и свободы, достигнутые постсоветской Россией.

Намерения. С помощью конвенции мы намерены попытаться собрать «атомизированных индивидов» в профессиональное сообщество – нас могут заново объединить именно общие, согласованные правила. Мы намерены через конвенцию подать сигнал о готовности бороться своими силами с теми изданиями и их сотрудниками, которые грубо и цинично попирают общепринятые человеческие и профессиональные нормы, провоцируя общество (и государство) на создание внешних ограничителей свободы слова. С помощью конвенции мы намерены предпринять попытку самоидентификации в новой (неопределенной) ситуации, не вписывающейся в дилемму: «СМИ либо часть пропагандистской машины, либо инструмент удовлетворения информационных запросов потребителей».

Корпоративная миссия. В поисках новой идентичности тюменское профессиональное сообщество не собирается ограничивать себя какой-либо одной из миссий СМИ, которые обсуждаются журналистами и реализуются ими на практике. Прежде всего потому, что каждая из них – информационная, «четвертая власть», «масс-медиа», «приводной ремень» – в условиях трансформируемого общества внутренне противоречива, несет в себе акценты, отражающие состояние социальной ломки. Поэтому из множества миссий прессы, которые определяют жизнь и социальную роль профессиональной корпорации, каждая редакция выбирает то, что более соответствует ее учредительным документам. Примеряя метафоры «зеркало» и «зеркальщик», мы полагаем, что журналистское сообщество не выбирает одну из этих стратегий вопреки другой, а сочетает их в зависимости от особенностей конкретной профессиональной ситуации.

Журналист как субъект морального выбора. Кредо конвенции – наши представления о значении акта морального выбора (линии поведения, отдельного поступка) в сфере профессиональной деятельности. Кредо фокусирует «дух» профессиональной корпорации. Кредо дает нашей конвенции статус документа профессиональной *этики* – для общественной профессии принципиально важными оказываются вопросы «ради чего?» и «во имя чего?», а не только «как?» и «с какой целью?».

Кредо нашей конвенции – отношение к журналисту как человеку, для которого характерны нравственные искания, свободный выбор решения и ответственность за него. Характерны для журналиста как личности, характерны для него как для профессионала. Мы доверяем нравственной свободе журналиста, не паникуем из-за непредсказуемости его самоопределения, стараемся противостоять любым намерениям патерналистски «опекать» свободное решение журналиста. При этом конвенция различает свободу и своеволие, ценит как свободу морального выбора журналиста, так и его готовность отвечать за (не)принятие определенных профессионально-нравственных ориентиров, за (не)способность решать моральные конфликты.

Акт профессионально-нравственного выбора – итог процесса нравственных исканий журналиста, напряженного поиска в противоречивом мире нравственных ценностей, поиска идентичности в сфере профессиональных миссий, поиска решения в ситуации конфликта таких ценностей, как Служение обществу и Служение профессии и т.д. В нравственно-конфликтных ситуациях: например, когда требование кодекса не выдавать источники информации сталкивается с требованием суда открыть эти источники. Или когда журналист сталкивается с противоречием между нормами одного и того же кодекса: например, требование профессиональной честности – и невозможность добыть информацию легальным путем, а значит выполнить долг: предоставить гражданам значимую информацию. Поведение в конфликтной ситуации требует культуры

соотнесения достойной цели и выбора эффективных средств ее реализации.

Один из ориентиров современного журналиста – профессиональное достижение, стремление к профессиональному успеху. О профессиональном призвании судят по готовности служить делу, что невозможно без стремления к реальным успехам. Мотив служения мобилизует и формирует профессионала. В то же время ориентация на успех может и подточить профессионализм журналиста, если, например, подчинить критерии профессиональности требованиям коммерческой калькуляции или стремлению добиться приближенности к ньюсмейкерам, особенно – во властных сферах. Деление на профессионалов разного уровня и качества или даже на честных и нечестных может быть вытеснено делением на «деловых» и «неделовых». Предвидимая цена такой трансформации – от снижения уровня профессионального мастерства до подрыва нравственных устоев профессии: образ «золотое перо» приобретает уже не метафорический смысл.

Конвенция признает и поощряет стремление журналиста к вершинам профессионального успеха. Но мы полагаем ограниченной оценку профессионального успеха лишь по уровню материального дохода – она уместна скорее в бизнесе. В свободной, и при этом публичной, общественной профессии ценность честного имени доминирует над материальной выгодой. Суть профессионального успеха – в повседневном служении своему призванию, в успехе не обязательно громком, но обязательно являющемся итогом профессионального достижения.

При этом «цехом» открыто признается моральное право на риск журналиста в ситуации морального выбора – как обоснованное право на нравственные искания, моральное творчество (в том числе и на создание новых правил честной игры) – с распространением этого права на ошибку в моральном выборе, что не исключает индивидуальной моральной ответственности.

«Минимальный стандарт» профессионально правильного поведения. Наличие в конвенции формулировки

нашего кредо требует своей конкретизации в виде *простых норм профессиональной морали*, «минимального профессионального стандарта», который может претендовать – в силу очевидного прагматизма и объема – на роль «добровольно-обязательного» для всего «цеха». Представляя собой ориентиры «первого уровня» для повседневной деятельности журналиста (независимо от его места в структуре СМИ, ориентации и специализации последнего, от взглядов, симпатий, приоритетов главного редактора или владельца СМИ), положения «минимального стандарта» объективно работают на снижение профессиональных и общественных рисков в сфере СМИ.

Журналист, работающий в режиме «минимального профессионального стандарта»: ведет сбор информации только честными средствами и методами; проводит четкое, понятное читателям разграничение между новостями, с одной стороны, и мнениями и комментариями – с другой; распространяет в качестве информационных только такие сообщения, достоверность которых подтверждена доступными журналисту и СМИ средствами проверки, соответствующим образом верифицирована; выделяет и отделяет от достоверной информации специальными профессиональными приемами (маркирует) слухи, а также ту информацию, подтверждение которой не удалось получить по независящим от журналиста или редакции причинам (то, что такая попытка предпринималась, тоже обозначается); в обязательном порядке отделяет архивную информацию от новостной, а документальный фото-, кино-, видео- и аудиоматериал – от материала, подготовленного с использованием приемов специального монтажа, способного произвести впечатление документального; не путает свою работу с работой специалиста рекламного отдела или отдела по связям с общественностью, четко отделяет новостную информацию от рекламной и/или по преимуществу имиджевой; везде, где это представляется возможным, указывает источники информации; соблюдает и защищает конфиденциальность источника информации, предоставленной редакции на условиях сохранения в тайне имени

конфидента; незамедлительно исправляет существенные фактические ошибки, допущенные по его вине; не теряет чувство такта, в том числе и по отношению к лицам, чьи слова или поступки публично критикуются; в обязательном порядке предоставляет право на ответ лицу, подвергающемуся в данном СМИ серьезной публичной критике; отличает информацию, представляющую общественный интерес, от информации, удовлетворяющей общественное любопытство; в каждом конкретном случае делает обдуманный выбор между общественным интересом и правами конкретной личности; предпринимает меры к тому, чтобы исключить причинение публикацией вреда лицам, не имеющим прямого отношения к конкретному сюжету; уважает достоинство и права своих коллег, включая право на отличную от своей точку зрения; избегает любого, в том числе невольного, поощрения жестокости, нетерпимости или дискриминации, основанной на различиях в расе, поле, языке, вероисповедании, политической и иной ориентации, национальном, региональном или социальном происхождении. Разумеется, может показаться, что некоторые требования «минимального стандарта» относятся скорее к правилам служебной инструкции, к азам ремесла. Но их нарушение не только разрушает ремесло, но и подрывает смысл и устои профессии.

Экспертно-консультативная комиссия. Профессионально-этическая сторона деятельности журналистов может и должна быть предметом анализа и оценок, направленных на саморегулирование «цеха», его развитие и постоянное самоочищение. Одной из институций, регулирующих жизнь «цеха» в духе конвенции, является этическая комиссия.

Наиболее целесообразной при сложившейся в сообществе ситуации является экспертно-консультативная модель комиссии. По своему составу предпочтительнее модель комиссии, в которую входят не только сами журналисты, но и представители гражданского общества. В этом случае профессиональное сообщество журналистов видит в комиссии не только инструмент саморегулирования

«внутрицеховых» конфликтов, но институт связи с обществом, готовый защищать граждан от злоупотреблений журналистами свободой слова.

В определении предмета своей деятельности комиссия ориентируется на те аспекты конвенции, которые касаются профессионально-этических сторон деятельности СМИ. При этом особое место занимают проблемы, которые конвенция связывает с защитой интересов общества. Предмет обсуждения на комиссии: во-первых, этический аудит продукции тюменских СМИ, которую они предлагают сами; во-вторых – темы, предлагаемые общественными организациями и гражданами, апеллирующими к той или иной части «минимального стандарта». Такие темы становятся предметом работы комиссии безусловно. Иные темы, предлагаемые гражданами или журналистами, обсуждаются лишь по согласованию с комиссией. Материалы работы комиссии, в том числе и сделанные ею обобщения и заключения, публикуются в специальном бюллетене комиссии и на специальном сайте в Интернете – для знакомства с ними широкой журналистской общественности, которая, в свою очередь, может проявить гражданскую и профессиональную заинтересованность в этих вопросах и в самых различных формах (в СМИ и Интернете) выскажет свое отношение.

3.2. Идея-технология проекта: комментарии к «случаю»

Избранный нами *эскизный* вариант алгоритма «анализа случая», проигрывая с точки зрения всесторонности»⁷⁹, дает эффект характеристики *события* – создания

⁷⁹ Например, требуя от нас уклониться от анализа степени готовности профессионального сообщества к *событию* в его жизни. В свою очередь, и сам способ работы представлен не в полной мере: как участники проекта «примеривали» его идеи «на себя», сценарное обеспечение игрового моделирования каждой из рефлекслируемых альтернатив (например, альтернативных моделей этической комиссии) и т.д. остается за рамками этого параграфа.

ТЭМК – в одном из важных аспектов: органической связи *идейного замысла и способа работы*.

НАЧНЕМ комментарий с тезиса о роли этико-прикладной проблематизации исследования природы кодифицирования профессиональной морали и практики кодифицирования. Экспертиза современной отечественной практики профессионально-этической кодификации того или иного «цеха» показала, что до сих пор проектирование кодексов «счастливо избавлено» от концептуальной проблематизации *оснований* такого рода деятельности и сведено к сочетанию двух несостоятельных подходов: механистическому перенесению общеморальных требований на сферу журналистики – и сведению кодексов к «правилам игры», стандартам-инструкциям, лишенным морального содержания.

Судьба проектируемых кодексов прямо зависит от того, способно ли профессиональное сообщество справиться с задачей «опознания» во многих из предлагаемых ему сегодня «регламентах» (не)скрытого недоверия к его нравственной свободе, даже и нескрываемого административного упоения? Противопоставят ли профессиональные сообщества таким проектам кодексы, опирающиеся на концепцию *нравственного самоопределения* профессионала? Перебирая предлагаемые разработчиками варианты, «откроет» ли то или иное профессиональное сообщество не всегда очевидную связь принципов и норм каждого из кодексов с такими понятиями мировоззренческого ряда, как «*кredo*», «*призвание*», «*служение*»? Идентифицирует ли кодекс как институт самоопределения сообщества – относительно его миссии, социальной роли, духа корпорации? Осознает ли, что без рефлексии такого рода проблематики рискованны не только слегка замаскированные кодексы *внеморальной* регуляции, но и самые благие намерения по развитию профессиональной солидарности? Что без такого рода рефлексии можно придти либо к принудительному собиранию «цеха» на основаниях, достаточно далеких от морали, в том числе профессиональной, либо к скачкообразному усилению раздробленности «цеха»: с по-

терей в обоих случаях и без того небольшого (если говорить объективно) шанса на трансформацию духа лицензированного (государством) «корпоративизма» в дух свободной корпорации?

Эффект рефлексии на эту тему позволил создателям ТЭМК профилировать редукцию конвенции к квазиморальному документу. Во-первых, фиксацией в разделе «Комментарии» (не вошедшем в представленную выше сокращенную версию) «Сциллы и Харибды» кодифицирования: *«Наша конвенция – способ преодоления превратных образов кодекса журналистской этики, представлений о том, что: (а) ее вполне заменяют общечеловеческие заповеди или (б) наоборот, правила профессиональной морали сводятся либо к административно-служебным инструкциям, либо к сугубо технологическим правилам ремесла»*. Во-вторых, выбором двухуровневой модели конвенции, включающей Кредо и Кодекс. В-третьих, акцентированием в комментариях потенциала *«демонстрации флага»*: сигнала как для профессионального сообщества, так и для гражданского общества, *«элемента публичной политики»*.

ВЫДЕЛИМ идею-технологию *соавторства* исследователей и журналистов. Мало декларировать, что профессионально-этическое знание как вид прикладной этики должно дать рефлексирующему сообществу нечто большее, чем квалификацию ситуации морального выбора как «бремени», передав ответственность за выбор самому субъекту. Мало сказать, что теоретизирующее профессионально-этическое знание не может и не должно подменить собою нравственные искания субъекта, его собственные попытки различить добро и зло во всем многообразии их проявления в профессиональной деятельности, чтобы принимать достойные решения. Важно еще обеспечить такую особенность *приложения* профессионально-этического знания, которой является *проектно оформленное сотрудничество* исследователей и представителей той или иной профессии. Что, собственно говоря, является одной из таких технологий.

Тезис о *соавторстве-сотрудничестве* – отнюдь не педагогическая хитрость. Идея-технология прикладной этики, *экспертно-консультативные* опросы профессионалов и/или семинары с ними в режиме *игрового моделирования* культивируют моральную рефлексию профессионалов. Например, помогают профессиональному сообществу увидеть себя в системе «зеркал» и при этом не отбросить «зеркало» на манер того, как это сделала капризная сказочная царица, но принять участие в проектировании профессионально-этических институтов (например, конвенции), элементов инфраструктуры (например, этического комитета), в экспертизе профессионально-нравственных ситуаций, в диалогически обеспеченных ситуациях профессионально-этического образования.

В то же время идея-технология соавторства с профессиональным сообществом не снимает *критической* функции этико-прикладного знания в отношении моральной рефлексии журналистов. Отсюда, например, специальная рубрика «*Мотивы*» в тексте конвенции. И динамика в содержании рубрики: как было отмечено выше, на первых стадиях коллективного поиска преобладало стремление выбрать один из двух альтернативных мотивов, но в последней версии конвенции установка на доминирование мотива доброй воли снята.

Диагностика профессионально-нравственной ситуации «цеха» как одно из обязательных условий проектной ориентации этико-прикладного знания «сработала» и на появление в преамбуле ТЭМК тезиса о том, что замысел конвенции исходит из вполне определенного понимания современной ситуации. На старте проекта некоторые его участники высказывали суждение о нецелесообразности такой рубрики, во всяком случае ее не обязательности. Однако непосредственное участие в экспертных опросах и рефлексирующих их материалы семинарах постепенно сформировало мнение, что без анализа проблемной ситуации в жизни «цеха» трудно обосновать и *задачи* создания конвенции, и *мотивы* соответствующей работы, и столь нестандартную *структуру* конвенции, связанную с

включением в нее мировоззренческого блока ценностей. Конструктивность диагноза, проявившаяся уже на финише проекта, – удачно сформулированное в процессе коллективной рефлексии утверждение о том, что речь идет не о катастрофе, но о трудном *рождении нового ценностного мира*, новой гражданской и профессиональной самоидентификации. Эта рационально взвешенная диагностика во многом определена способом ее проведения, методом *экспертной системы*.

В «СЛУЧАЕ ТЭМК» важен момент проектно-ориентированной рефлексии *переходного* характера ситуации в сообществе, воплотившейся в выбор такого формата модели этического документа, как *конвенция*. Модель разрабатываемого проектом документа – не для зрелого сообщества, а скорее для протосообщества, атомизированного «цеха», для *начала* нового собрания корпорации. Участники проекта вполне успешно сформулировали основания, по которым создаваемый ими этический документ называется именно *конвенцией*. Разумеется, каждый уже на старте проекта слышал, понимал буквальный перевод слова. Но совсем другое – прийти к пониманию связи степени эффективности формулируемых сообществом самообязательств и меры их конвенциальности, той меры, в какой они станут итогом *договора, соглашения*. Отсюда и тезис в разделе «Комментарии»: *выбор именно такого формата документа, как конвенция, отражает современное – переходное – состояние ситуации и в обществе, и в «цехе», которое трудно регулировать традиционным сводом принципов и норм*.

При этом тезис о том, что конвенция может и должна сыграть для «цеха» *собирающую* роль, в тексте ТЭМК технологизирован: принятие или непринятие конвенции, особенно такого ее раздела, как «Минимальный стандарт», рассматривается как основание, с одной стороны, консолидации атомизированного сообщества, с другой – отлучения от сообщества тех, кто не хочет или не может принять элементарные правила профессионального поведения. Побуждающая роль конвенции в собрании «цеха»

четко сформулирована на итоговом семинаре: *«Любая статья кодекса – это определенное количество людей, которые протянули друг другу руки»*. Селективную роль мы видим в суждениях о том, что журналист, нарушающий правила конвенции, *«автоматически перестает быть членом данного сообщества и за него оно больше не поручается»*.

МАЛО СКАЗАТЬ, что проектно-ориентированное знание в прикладной этике отличается от применения «изготовленного для чего-то другого “знания”» *не по функции*. Необходимо, во-первых, подчеркнуть реализацию такого важного принципа *этического проектирования*, как связь этой технологии с идеей *конкретизации* общественной морали. В опыте проектирования ТЭМК этот принцип «выращивался» в процессе взвешивания «за» и «против» формата «Минимальный стандарт» как нормативной части конвенции и конкретизировался «интервалом эффективности» инструментализации нормы: пока такая процедура оставляет субъекту возможность выбора решения, пока выбор рекомендуемого «стандартом» решения прямо или косвенно связан с какой-либо нравственной ценностью. Во-вторых, задача «изготовления сразу того, что должно использоваться», предполагает *поисковый* характер проектно-ориентированного знания, в том числе и дискуссионный характер процесса его создания. И об этом тоже свидетельствует процесс проектирования раздела «Минимальный стандарт».

Показателен сам факт его появления в тексте конвенции. На старте проекта предложенный его консультантом Ю.В. Казаковым документ «Минимальный стандарт профессионально-правильного поведения» рассматривался скорее как методический элемент семинара в газете «Тюменский курьер». Аргумент Ю.В. Казакова для формирования игровой команды с девизом «Минимальный стандарт» (девиз конкурирующей команды – «Кредо»): разрозненное, распыленное профессиональное сообщество, исповедующее разные миссии и кредо, легче всего соберется вокруг такой минимальной планки, ибо нормы «стандар-

та» для своего применения *не требуют специальной рефлексии, не вовлекают журналиста в ситуацию морального выбора*. Команда, защищавшая идею «минимального стандарта», успешно освоила и даже продвинула его содержание. «А дальше неожиданно оказалось, что с этой идеей можно и нужно работать не только в игровой ситуации, но и в реальной жизни сообщества», – замечает Ю.В. Казаков. И на финише проекта «Минимальный стандарт» был доработан и *присвоен* участниками заключительного семинара как обязательный раздел конвенции.

Сильные аргументы для включения этого раздела – при его доработке: с одной стороны, включение в последний вариант конвенции тезиса о том, что нарушение азов ремесла не только разрушает само ремесло, но и *подрывает смысл и устой профессии, стало моральным оправданием* «минимального стандарта»; с другой – достаточно определено были очерчены условия его эффективности в «Комментариях»: нормы «минимального стандарта» остаются в рамках моральных норм до тех пор, пока он оставляет журналисту возможность выбора и решения – в противном случае норма «стандарта» оборачивается либо обычаем, либо служебной инструкцией.

Особо отметим, что участники проекта настояли на обсуждении вопроса о *степени категоричности* требования норм «стандарта» в несовершенных экономических условиях, которые затрудняют возможности профессионально-нравственного поведения. Для многих участников проекта «минимальный стандарт» был притягателен своей минимальностью, но не количества строк, а степени категоричности. По словам одного из них, этот стандарт по силам большинству журналистов уже *сегодня* при небольшой корректировке его требований. На самом первом семинаре, моделирующем ситуацию выбора приоритета между разделом «Кредо» и «Минимальный стандарт», в одной из норм последнего вместо строгой формулы было включено мягкое требование к журналисту *не путать* свою профессию с пиаровской. Кстати, и на итоговом семинаре журналисты предлагали учесть, что *сегодня* еще

трудно развести эти профессии. Считать ли сохранение формулировок первого семинара в формулировках заключительного именно показателем эффективности? В любом случае стоит иметь в виду опасение Ю. Казакова: такого рода мягкость может привести к размыванию устоев профессии, утрате безусловной ясности профессионально-нравственных ориентиров.

Необходимость критической рефлексии содержания этого раздела конвенции не снята. В процессе дискуссий, в том числе и после завершения работы над проектом, авторы этой главы пришли к выводу о том, что термин «минимальный стандарт» уместен скорее как метафора, в которой прилагательное «минимальный» говорит об *этом* уровне системы требований, а существительное «стандарт» – об *одухотворенных* «правилах игры» для профессионального сообщества, *предполагающих* момент приложения=выбора. Действительно, речь в этом разделе идет не об элементарной аппликации универсальных норм морали к особому виду деятельности, но об их *приложении-конкретизации*.

3.3. ТЭМК: идентификационный анализ

МЫ ПОЛАГАЕМ, что конвенция – вполне репрезентативный документ с точки зрения его идентификации по основным признакам профессиональной этики журналиста как вида прикладной этики в обеих ее ипостасях – как теоретизирующего знания и как нормативно-ценностной системы. Эффект репрезентативности достигается уже тем, что в конвенции представлены: (а) основные элементы структуры нормативно-ценностной системы – мировоззренческий и нормативный ярусы, (б) ключевые элементы инфраструктуры – профессиональное сообщество, кодекс, этическая комиссия, (в) взаимодействие профессионально-этического знания и моральной практики, (г) проектирование конвенции опиралось на фронестические технологии.

Идентификационный тезис о том, что конвенция – продукт *прикладной* этики как *проектно-ориентированно-*

го знания, вряд ли нуждается в особом доказательстве. Кроме наглядного (при сравнении опубликованных материалов экспертных опросов и проблемных семинаров с текстом конвенции, тем более – трех вариантов этого текста) результата *проектной* ориентации этико-прикладного знания – создания конвенции как таковой, укажем на проектное изобретение: одно из найденных (со)авторами ТЭМК решений для ситуации *становления* профессии – *многоформатность* кодекса, соединение в его рамках «Минимального стандарта» и «Кредо». Поэтому в комментариях к тексту ТЭМК не только подчеркнута намеренное уклонение от задачи *«соревноваться с мудростью Нагорной проповеди или с дотошностью учебно-методического пособия»* и стремление *«уйти от утопического морализаторства и вульгарного инструктажа»*, но и предъявляется конструктивное воплощение такого решения: *сочетание* в конвенции разделов, характеризующих *смыслополагание*, и *нормативного* раздела. Как показывает практика создания кодексов профессиональной этики, такой баланс разделов – достаточно редкий случай.

Отметим, что ТЭМК – результат организованного процесса *самопознания* профессионального сообщества. Эффект самопознания проявляется уже в том, что участники проекта оценивают создание ТЭМК в качестве института *саморегуляции* профессионального сообщества как акт своего *собственного* морального решения.

В ТЭМК воплощен характерный для нормативно-ценностной ипостаси прикладной этики феномен *конкретизации*: здесь реализуется идея об эффективности на этапе *становления* профессиональной этики отечественной журналистики ориентации конвенции на *этический* уровень морального феномена, на *реально-должное*. Мотивацию этического подхода к проектированию конвенции проиллюстрируем фрагментом дискуссии участников проекта на одном из семинаров. На утверждение, что *«журналиста нельзя ориентировать лишь на низкую планку “минимального стандарта”, а дальше – как хочешь. Нет, не как хочешь, а как должно»*, последовало возражение: «ес-

ли задрать планку до потолка, то нам вообще никогда, ни при каких обстоятельствах не писать рекламы, не совмещать свою профессию с должностью пресс-секретаря, а у нас большинство журналистов так и делают».

ПЕРЕНЕСЕМ акцент идентификации ТЭМК с прилагательного *прикладная* на существительное *этика*. *Этическая* – в противоположность *квазиэтической* – природа конвенции наиболее убедительно продемонстрирована в разделе «Журналист как субъект морального выбора». Во-первых, здесь важно определить статус этого раздела: отношение к журналисту как субъекту нравственных исканий, принятия решения и ответственности рассматривается как *кредо* конвенции. И раздел начинается с попытки объяснить смысл самого этого понятия, с утверждения, что *кредо* фокусирует «дух» профессиональной корпорации, делает конвенцию документом профессиональной этики. Содержательная же формулировка *кредо* подчеркивает *доверие* нравственной свободе журналиста, его самоопределению, стремление противостоять любым намерениям патерналистски «опекать» свободное решение журналиста. Участники проекта ценят готовность журналиста отвечать за ситуацию выбора, за принятие-непринятие определенных профессионально-нравственных ориентиров.

Примечательно появление в «Комментариях» тезиса о долге журналиста противостоять искушению уклониться от морального выбора и ответственности за него, ссылаясь на трудные обстоятельства: *«Кажется иногда, что разумнее отказаться от свободы морального выбора, ссылаясь хотя бы на то, что возможностей для маневра так мало: “куда ни кинь – всюду клин”, что лучше плюнуть на все и заниматься каким-то частным делом. Все так. Но и в этом случае журналист принимает моральное решение. Он, разумеется, может и впредь поступать совестью, но для того и конвенция, чтобы такому “представителю масс-медиа” уже труднее ходить в героях, выдавать себя за порядочного человека, обманывая себя и других».*

Во-вторых, акцентируя *свободу* выбора журналиста, конвенция связывает ее с *ответственностью* за выбор, ставит вопрос о правильности-неправильности того или иного морального выбора журналиста. Показателем эффективности проекта с точки зрения *этической* идентификации нормативно-ценностной системы журналистов можно считать то обстоятельство, что фактически никто из участников экспертных опросов или семинаров не уходил от обсуждения темы морального выбора в профессиональной деятельности журналиста, а многие – приводили примеры из собственной практики. Но важнее то, что если на первых этапах проекта в процессе комментирования его участниками вполне верных решений нередко возникали трудности при необходимости *обосновать* свой выбор, показать, что речь идет не просто о выборе между вариантами конкретного решения, но о предпочтении тех или иных *ценностей*, то в итоговом тексте конвенции уже появилась характеристика нравственно-конфликтной ситуации и приведены типичные примеры. В процессе развития проекта понимание его участниками критериев морального выбора существенно продвинулось. Направление движения – от извлечения из индивидуального опыта журналиста факта необходимости принять моральное решение до попытки сформулировать рациональные критерии такого решения, прежде всего – через соотнесение этического достоинства цели и адекватности/неадекватности выбираемых средств.

ЭТИЧЕСКАЯ – в противоположность *квазиэтической* – природа конвенции ярко проявляется в рефлексии участниками проекта своей профессиональной миссии и в модели этической комиссии профессионального сообщества.

Как видно из материалов экспертных опросов и семинаров, дискуссия о профессионально-нравственной миссии сообщества не прекращалась на всех этапах проекта. И это естественно, ибо речь шла об основаниях самоидентификации «цеха» в новых для него условиях жизни. На основе предыдущих проектов мы предложили журналистам для самоопределения четыре базовые модели про-

фессиональной миссии⁸⁰. Первая – метафорически именуется как «четвертая власть». Вторая модель обозначена как социально ангажированная. Третья – как собственно информационная. Четвертая модель, менее всего проработанная и осмысленная, определена как модель медиатора.

На основе анализа экспертных суждений участникам проекта была предложена рабочая гипотеза: оптимальным в ситуации выбора базовой интерпретации профессиональной миссии журналистики является категорический отказ от тоталитарно-авторитарной модели, определяющей роль СМИ в качестве безропотного «приводного ремня» между властью и обществом, и попытка комплементирования и даже синтезирования остальных моделей. Такая попытка предполагает уход от выстраивания жесткой конфигурации этих моделей, ранжирования или маргинализирования одних за счет других. Как показывает итоговый текст конвенции, участники дискуссии самостоятельно пришли к выводу, что журналистское сообщество не выбирает *одну из* этих стратегий вопреки другой, а сочетает их в зависимости от особенностей конкретной профессиональной ситуации.

Этико-прикладная идентичность ТЭМК, применительно к конструированию такой важной корпоративной институции, как «Этическая комиссия», проявляется прежде всего в том, что на финише проекта почти удалось снять антагонизм между двумя альтернативными моделями комиссии: будет ли такого рода комиссия инстанцией нравственного суда – или же она возьмет на себя роль инстанции *экспертно-консультативной*?

Показательно, что в результате *игрового моделирования* этой ситуации выбора на заключительном семинаре, после *проживания* каждой из моделей в условной ситуации, сторонники первой модели практически отказа-

⁸⁰ См. их анализ в главе «Журналистская этика» в кн.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: опыт университетского словаря. Тюмень: НИИ ПЭ. 2001.

лись от формата «нравственный суд». Мерой их движения навстречу оппонентам стала позиция, согласно которой комиссия «сводит» конфликтующие стороны и пытается наладить диалог между ними, не уклоняясь от оценки действий каждой из сторон. Комиссия имеет право сказать свое мнение о том, кто как поступил. В этом смысле сторонники первой точки зрения пришли к выводу, что этическая комиссия должна стать инстанцией, через которую не хотел бы пройти ни один совестливый журналист, редактор, издатель, ни одно пекущееся о своем авторитете средство массовой информации: *«Добьемся этого – можно считать, что главная задача сообщества выполнена»*. Сторонники второй модели продвинулись навстречу оппонентам, выступая уже не против права комиссии на моральные оценки, а лишь проблематизируя возможность собрать в составе комиссии *моральных авторитетов*. Соответственно, в последнем варианте текста конвенции появилось положение о том, что наиболее реальной в сложившейся в сообществе ситуации является *экспертно-консультативная* модель комиссии. При этом в дискуссионном вопросе о составе комиссии найдено решение, согласно которому предпочтительнее модель комиссии, состоящей не только из самих журналистов, но и представителей гражданского общества. Аргумент этого решения – в этом случае профессиональное сообщество журналистов видит в комиссии не только инструмент саморегулирования «внутрицеховых» конфликтов, но институт связи с обществом, готовый защищать граждан от злоупотреблений *журналистами* свободой слова.

В анкете одного из экспертных опросов мы задали участникам проекта вопрос: «как вы считаете, стоит ли заниматься поисками в сфере моральной идентификации и самоидентификации журналистской профессии в реальных отечественных обстоятельствах? Что, кроме шизофренического раздвоения сознания между сущим и должным, это даст журналисту в его практической деятельно-

сти?». Приведем несколько суждений. *«Отказ от поисков в сфере моральной самоидентификации журналистской профессии даже со ссылкой на реальные отечественные обстоятельства равен отказу от профессии в принципе».* *«Да, эти поиски существенно отравляют жизнь. Но не одни мы такие несчастные. Между насущным и должным разрываются сейчас все – и врачи, и чиновники, и милиционеры».* *«Если мы занимаемся этими поисками уже несколько лет, значит, стоит».* *«Что этот поиск несет кроме шизофренического раздвоения сознания? – По-моему, это очевидно: ясное осознание своего места в обществе – без самоуничтожения, но и без мании величия».* *«Определиться с кем ты – журналист обязан. Иначе, действительно, не избежать раздвоения сознания».*

Полагаем, что эти суждения являются «социальным заказом» на развитие этико-прикладной концепции профессиональной этики журналистов.

Глава 2

«Сфера образовательных услуг и/или «высокая профессия»?

1. Критика «повестки дня» и идентификационная матрица

ЗАГОЛОВОК открывающего главу параграфа вполне адекватно представляет две задачи, решение которых должно послужить введением в характеристику этики образовательной деятельности, как ее представляет наша концепция прикладной этики. При этом первая задача вряд ли требует обоснования: представить этико-прикладную концепцию нормативно-ценностной системы образовательной деятельности невозможно без критического анализа практикуемой «повестки дня». Вторая задача менее очевидна. С одной стороны, «идентификационная матрица» не может быть просто перенесена из главы об этике журналистики, так как мы говорим не только об одном из видов *профессиональной* этики, но об этике образовательной *деятельности* (имея в виду сложно организованную систему, состоящую из *ряда профессий* – педагога, научного работника, менеджера и предполагающую непростое взаимодействие с воспитательной деятельностью, не сводимой только к деятельности профессиональной). С другой стороны, наш проектный опыт освоения «образовательной» территории ойкумены прикладной этики сосредоточен прежде всего вокруг одной из многих институций образовательной деятельности – университета, при этом основной предмет проектирования – процесс самоопределения университета. Поэтому в «идентификационной матрице» системный алгоритм идентификации и самоидентификации профессии минимизирован, а доминирует *модель освоения*, определяемая нами как *проектирование в режиме внутреннего консультирования процесса самопознания корпорации*. Соответственно и в анализе «повестки дня» приоритет отдается тем граням панорамы этики

образовательной деятельности, которые прямо или косвенно связаны с проблемами проектирования миссии-кредо университета.

САМЫЙ простой способ эскиза-панорамы «повестки дня» для такого вида прикладной этики, как *этика образования* – обращение в Сеть. Уклоняясь от задачи, на которую нацеливают будущих магистров разработчики учебных программ кафедры этики МГУ (по материалам Рунета выявить основные коннотации выражения «этика образования» и их количественное соотношение), ограничимся результатами 20-ти минутного поиска – он дает множество случаев формирования такой *повестки*.

Выделим, во-первых, тематизацию с помощью союза «и»: непосредственно как в названиях конференций – «Экологическая этика и образование», «Этические и профессиональные стандарты репутации. Проблемы образования», и косвенно как в программе Генеральной конференции IMHE в Париже – «Ценности и этика: управление вызовами и реальными процессами в высшем образовании» (www.oecdcentre.hse.ru/material/conference_IMHE).

Наша первая реплика: в такого рода тематизации содержатся минимальные возможности исследования этики образования как одного из видов *прикладной* этики.

Выделим, во-вторых, тексты, которые можно тематизировать как «этика в образовании». В этом ряду: название сайта American Society for Ethics in Education, тема доклада на международном семинаре по прикладной этике в Каунесе «Этика в образовании» (ethicscenter.ru/ed/kaunas/apr1.html).

Реплика: в такого рода тематизации – больше возможностей для позиции «этика как практическая философия» и ограниченные возможности для собственно прикладной этики.

В то же время в Сети представлены и материалы, в которых искомая «повестка дня» рубрицируется с помощью «родительного падежа». Примеры самого простого проявления такого подхода в темах одного из направлений студенческой конференции в Томском политехничес-

ком университете – «Проблемы прикладной этики высшего образования» и международной научно-практической конференции на кафедре ЮНЕСКО в ТИСБИ – «Этические аспекты образования XXI века». Пример способа более строгого – магистерская программа курса «Этика образования» в МГУ, цель которого «подготовить студентов к этико-прикладному анализу и исследованию в области образования и, тем самым, способствовать выработке у студентов понимания этико-образовательных проблем, умения и навыка их анализировать в различных педагогических контекстах» (ethicscenter.ru/teach/prog/applied/ed.html). Пример весьма конструктивного способа – через обоснование «натуральной этики использования компьютера в образовании»: «в нашу эпоху “уважения прав человека” силовое воздействие школы принято камуфлировать под “личный выбор”, который слишком часто оказывается конечным, вынужденным и фатальным. Поэтому школьное обучение не столько стимулирует личное развитие, сколько подавляет его. ...Пожалуй, только общение с миром через компьютер и Internet, благодаря технике и этике свободного поиска, позволяет преодолеть техническую систему классно-урочного образования» (cterra.kinnet.ru/425/14777.html). Пример высокого потенциала тематизации этики образования в формате «родительного падежа»: «На страницах прессы и в официальном публичном дискурсе все чаще слышен термин “рынок образовательных услуг”. Традиционным профессионалам в области образования достаточно сложно привыкнуть к новым условиям функционирования системы образования и, соответственно, выработать и принять современную этику общения участников педагогического процесса. ...Образование начинает осмысливаться в потребительском ключе как гуманитарная услуга. Поэтому от педагога в этих новых условиях требуются уже совсем иные принципы профессиональной этики. Основной принцип сферы обслуживания (от традиционной торговли до современных гуманитарных услуг) прост: “клиент всегда прав”» (ruslan.ksu.ru/phil/0754327/076-078).

Реплика: в тематизации с помощью «родительского падежа» максимальные возможности для развития этики образования как прикладной этики. (Другое дело, что эти возможности реализуются не автоматически – об этом ниже.)

В ПРЕДСТАВЛЕННОЙ в Сети «повестке дня» заметное место занимают вопросы *ценностной ориентации* образовательной деятельности.

«Может ли образование быть негуманитарным?» – в этом вопросе содержится одна из важнейших проблематизаций на тему *ценностной ориентации* образовательной деятельности. В докладе на международной научно-методической конференции «Гуманитарное образование. Гуманитарный университет, XXI век» Ю. Афанасьев исходит из риторичности этого вопроса и конкретизирует его предельно скептическим вопросом «Есть ли у нас собственно образование?». «Можно ли считать сферой образования человека ту сферу массового производства, лучшим продуктом которой является добротный профессионал, homo faber? То есть человек, который многое знает, многое умеет, но не всегда задумывается над пониманием смысла того, что он знает. ...Продукт этой сферы производства добротных профессионалов – человек, обученный подчинению, приспособленный для манипулирования собой, раб иллюзий во всем: и в жизни, и в науке. Можно ли считать, что такой человек отвечает идее humanitas – идее, отличающей человека от всего живущего на Земле? Ответ очевиден. А значит сферу массового производства homo faber нельзя, строго говоря, назвать сферой образования или, по-другому, сферой формирования человека» (edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site125/html/media366/13.doc).

Важно, во-первых, осознать причины распространенной тенденции уклонения от рефлексии мировоззренческих ориентиров образовательной деятельности или внесения в такого рода рефлексию тоталитарного подхода и, во-вторых, сформулировать достойные этические ориентиры этой деятельности. В размещенной на сайте «Вопросы Интернет-образования» главе «Культурно-историчес-

кая педагогика: ценностный взгляд на качество образования» из книги Е.А. Ямбурга «Школа на пути к свободе: Культурно-историческая педагогика» известный педагог констатирует проблемную ситуацию: «слишком мало времени миновало с той поры, когда под углублением мировоззренческой направленности преподавания и усилением воспитывающей функции обучения подразумевалось тотальное насаждение “единственно верного” учения. Потому прогрессивная часть учительства, “ушибленная” моноидеологией, боясь ненароком вступить в ту же мутную воду (а такая опасность существует), сознательно или полусознательно отодвигает от себя мировоззренческие проблемы, уходя (прячась) в честный бездуховный прагматизм: нейтральную передачу положительных знаний. Отсюда проистекает экспансия когнитивно-информационной педагогики. Другие, будучи не в состоянии долго переносить неопределенность, не научившись жить на перекрестке открытых вопросов, стремительно скатываются к демонизированной, извращенной духовности в ее державных, национальных и иных формах, увлекая за собой юношество на битое поле всё той же моноидеологии». Далее автор говорит о ценностном потенциале образования, основанного на парадигме культурно-исторической педагогики: «раскрывая множественность миров и смыслов, мы, тем самым, противостоям автоматизму существования, какими бы идеологическими, социальными и прочими механизмами он ни определялся, а значит – отстаиваем духовную свободу личности. В этом и состоит сокровенная экзистенциально-педагогическая суть культурно-исторической педагогики» (vio.fio.ru/vio_04/cd_site/Articles/art_0_1.htm).

Нравственно-ценностное содержание образования рефлексировано и через анализ мотивов образовательной деятельности, ее поддержания и развития. На сайте ж. «Сибирский учитель» мы находим текст «Этические проблемы образования», автор которого, А. Зимбули, показывает, что при предельном упрощении ситуации, если «не вдаваться в многообразие, выразительно обозначаемые

глаголами “выучить”, “проучить”, “учить”, “поучать”, “подучивать”, “учительствовать”, можно свести перечень альтернатив к выбору между интересами ребенка, родителя, сообщества. ...С точки зрения нравственной представляется очевидно предпочтительным, чтобы в основу мотивации, поддерживающей образовательную систему, были положены позитивные побуждения: забота, уважение, чувства ответственности и сопричастности. А не страх, не зависть, не желание отделаться наименьшими усилиями, тем более не злорадство» (www.websib.ru/~su/article.htm?318).

Реплика: в тематизации «повестки дня» с точки зрения ценностных ориентиров образования наглядно проявляется необходимость кооперации этики образования со смежными дисциплинами, предметом которых являются мировоззренческие основания образовательной деятельности.

ОЧЕВИДНО, что образовательная деятельность – объект множества дисциплинарных подходов: кроме педагогического, практикуются «психология образования», «философия образования», «социология образования», «стратегический менеджмент образования» и т.д. А этика образования нередко оказывается скорее фрагментом некоторых из этих дисциплин. Пример: включение вопросов этики образования в программу курса «Философия образования» в СПбГУ: «Этика образования. Этический кодекс преподавателя. Цели и ценности образования. Образование как средство получения знаний, как средство успеха в практической деятельности. Проблема самоцельности самого процесса образования» (social.philosophy.spbgu.ru/?cat=programs&key=7). В самостоятельном же виде этика образования представлена прежде всего как *педагогическая* этика. Скорее «школьная». Но это не лишает ее серьезной этической проблематизации. Так, автор статьи о педагогической этике на сайте Courier of Education, констатируя явно выраженную в последнее время тенденцию к смене ценностей в системе образования, приведшую к тому, что некоторые педагоги стали всерьез задумываться над про-

блемами педагогической этики, критически оценивает подходы, в которых необходимость педагогической деонтологии «обосновывается вовсе не через права и потребности ребенка, а через историческую необходимость (что, конечно, справедливо, но вряд ли первично с этической точки зрения), через социальный заказ, а также посредством описания тяжелой ситуации, возникшей в образовании» (www.courier.com.ru/co_8/co_8/yudin.htm).

Значимый сюжет «повестки дня» с точки зрения классической проблематизации образовательной деятельности – проблема мировоззренческого выбора педагога. Пример – из текста кейса по проблемам этики образования форума «Центра прикладной и профессиональной этики». Тема кейса – о «проблемном ядре» педагогической этики как «проблеме выбора ценностных оснований служения: служение должному или существу, служение какому должному предпочесть? Этот выбор вносит трагичность в существование учителя. Учитель буквально распят между миром духовных ценностей и миром повседневности, он находится в ситуации постоянного уравнивания в себе этих двух планов, идя по лезвию бритвы, одухотворяя повседневность, наполняя ее смыслами. Именно поэтому так важно для учителя находиться в состоянии постоянного освоения мира повседневности (иначе он превратится только в духовного учителя для интеллектуальной и духовно ищущей элиты) и переживания причастности к высшим духовным ценностям (иначе – он перестанет быть носителем духовности, самостоятельно унизив себя и окружающих). Учитель – это тот, кто “имеет мужество быть” и своим примером доказывает истинную человечность этой позиции» (ethicscenter.ru/forum/viewtopic.php?p=151&sid=3671a318e372be91a8b85e3b0dc3f672).

Но педагогическая этика – не только «школьная»: классическую этико-педагогическую проблематизацию «повестки дня» мы видим в интервью политолога Б.Г. Капустина. «Перед каждым преподавателем политической науки в качестве первичного встает вопрос “ради чего преподавать?”. Преподавательская работа оплачива-

ется так плохо, что на уровне “эгоистического расчета” ответить на этот вопрос невозможно. ... Но если мы все же продолжаем преподавать, то, значит, хотим что-то сделать в обществе и для общества. Что именно? Здесь и встает второй вопрос – “что мы хотим преподавать?”. Я имею в виду не формальные дисциплины, в которых мы специализируемся, а те способы, какими они входят или должны входить в практическую жизнь. Та же политология, как мы видели, может прислуживать власти и может служить гражданскому обществу. В этом – суть этического выбора преподавателя политологии, неотвратимого для него даже в том случае, если он закрывает на него глаза, объявляя политологию наукой, свободной от ценностей».

Реплика: формирование «повестки дня» в рамках традиционной дисциплины «педагогическая этика» содержит важные моменты для становления «повестки дня» инновационной сферы прикладной этики – этики образования.

СЕТЬ БЕСКОНЕЧНА. Выйдем из нее в уверенности, что наше возвращение в более привычный *мир* – мир печатных публикаций – повлияет на эскиз «повестки дня».

Основное наблюдение, подкрепляющее первые реплики по поводу сетевых текстов: начинающаяся формироваться в качестве направления *прикладной этики* этика образования отражает в своей (само)идентификации ситуацию вариативности идентификации этико-прикладного знания, которую мы исследовали в предшествующей монографии⁸¹. Одно из оснований для такого заключения можно найти в 26-ом выпуске Ведомостей НИИ ПЭ, названном нами «Этика образования»⁸². В статье «Этика в высшем образовании» (она положена в основу упомянутого выше доклада автора на международном семинаре в Каунасе) Р.Г. Апресян отмечает, что «этика в образовании

⁸¹ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИ ПЭ, 2006.

⁸² Этика образования. Ведомости. Вып. 26 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2005.

может пониматься ...как определенные ценности, лежащие в основе программы обучения в целом и образовательной деятельности, которую ведет данное учебное заведение». Здесь, как мы полагаем, выражена скорее позиция этики как «практической философии». В то же время автор пишет, что «этика в образовании – это еще и этика образования, т.е. принципы и правила взаимоотношений в образовательном сообществе вообще и в каждом отдельном учебном заведении, в преподавательском коллективе, в отношениях между преподавателями и студентами. В этом последнем блоке, судя по нашей литературе и материалам Рунета, выделяется главным образом так называемая педагогическая этика, или профессиональная этика преподавателя». Здесь, как мы полагаем, заложена возможность сразу двух вариантов идентификации этики образования – как вида *практической этики* и как вида *прикладной этики*.

В то же время тезис о том, что становление этики образования отражает ситуацию в прикладной этике с точки зрения неоднозначной идентификации последней, требует уточнения. Речь идет о случаях формальной идентификации этики образования как вида прикладной этики, декларируемой, но не воплощенной (ни в одной из версий прикладной этики) в реальном описании этики образования. Например, в учебном пособии Т.В. Мишаткиной «Педагогическая этика» об этом говорят уже названия разделов оглавления; педагогическая этика трактуется как профессиональная этика, профессиональная этика – как элемент системы прикладного этического знания, а прикладная этика – как «практическая философия»⁸³. Эта метафора включена в весьма эклектичную интерпретацию природы прикладной этики, совмещающую (?) элементы развиваемой нами концепции – с почти буквальным цитированием (без указания на это обстоятельство) и, одновременно, тезисы

⁸³ См.: Мишаткина Т.В. Педагогическая этика: Учеб.пособие. Ростов н/Д: Феникс; Минск: ТетраСистемс, 2004. С. 302.

т.н. «ситуативной этики». При этом к реальному содержанию конкретных характеристик педагогической этики заимствованная у нас интерпретация метафоры «практическая философия» не имеет никакого отношения. Более того, педагогическая этика представлена здесь – это видно уже по параграфу, посвященному профессиональному кодексу педагога – таким образом, каким она описывалась до становления и развития отечественного этико-прикладного знания. Которое, кстати, делает важным предмет своего внимания то обстоятельство, что в современном обществе значительная часть педагогического поведенческого кодекса и ряд принципов соответствующего кредо утрачивают свою функциональность в качестве средства моральной ориентации учительства и регуляции его поведения или же существенным образом преобразуются как в смысловом, так и в формальном отношении, а потому возникает необходимость или «снятия» таких нормативно-ценностных средств, или же их переосмысления в широком и стремительно обновляемом контексте современности.

ЗАВЕРШАЯ краткий (и уже поэтому нерепрезентативный) обзор «повестки дня» (ПД), отметим, что наш эскиз дал определенное представление как о *тематизации* этики образования (ЭО), так и о вариантах ее *концептуализации*. В связи с этим предположим нашей версии ПД и концепции ЭО следующие суждения, которые – в дополнение к репликам «по ходу» – содержат некоторые «техусловия» к формированию «повестки дня», соответствующей нашей версии *этики образования*.

1. От будущих и магистров прикладной этики разработчики учебных программ требуют определиться относительно традиционного представления педагогической теории, согласно которому «образование состоит из обучения и воспитания. Можно ли сказать, что в обучении и воспитании этические проблемы актуализированы в разной степени?». Если бы мы решились пройти курс магистратуры прикладной этики, то, прежде всего, напомнили экзаменатору,

что педагогическая теория как таковая представлена разными концепциями. Широко распространенный подход заключается в трактовке образования как единства обучения и воспитания. Другой подход – скептическое отношение к такой трактовке: «единство» на деле – лишь *сложение*, а образование – процесс движения к *образу*, движения, предполагающего *выбор*, сопровождаемый деятельностью *тьютора*. Еще один подход: различение, с одной стороны, образования в узком смысле слова, как образования личности – и обучения и, с другой – образования в широком смысле слова, включающего, наряду с образованием личности и обучением, еще подготовку (к конкретной деятельности) и воспитание. Наконец, нельзя забыть более корректные формулировки типа «воспитательный потенциал процесса обучения», «воспитание в образовательном учреждении» и т.п. Далее мы бы отметили многообразие направлений в прикладной этике и указали бы, что с точки зрения нашего направления вопрос о степени актуализации этических проблем в обучении и воспитании не самый важный, да и не очень конкретный. Интереснее другой вопрос: в чем отличие этической проблематизации в сфере обучения – и такой же проблематизации в сфере воспитания (в той мере, в какой они могут быть различены в рамках процесса образования)?

При необходимости их различения более или менее уклончивый ответ мы бы построили на том, что такая проблематизация обнаруживается как в целевой, так и в инструментальной сферах обучения и воспитания, связанных с этической проблематизацией инфраструктуры образования, менеджмента в сфере образования, политики в сфере образования и т.д. Но конструктивный ответ связали бы с необходимостью этической рефлексии известной зарубежной (и зарождающейся в России) практики двух способов высшего образования: *кафедрального и тьюторского*, за которыми стоит прежде всего весьма разная степень свободы выбора для студента. В конечном счете это связано с тем, что в холистских социумах «конечные цели» обучения и воспитания увязаны не столько с «внут-

ренными целями», то есть с автономизированной моралью, сколько с «внешними целями», с предназначением «человека для ...» (государства, церкви, общины, корпорации и т.п.), тогда как в открытых социумах в той или иной мере возникает «свободное образование» человека с самопредназначением и отказом от стандартизированных нерerefлексивных биографий. При этом ни в коей мере не исключается наличие неиндивидуальных ценностей в целевом блоке этики образования, а стало быть, и «образование для ...» (гражданского общества и соразмерного ему государства с их диалогическим типом общения, с притязательным долженствованием для всех сторон образовательной деятельности).

В практике нашего направления прикладной этики специализированное исследование *этики воспитания* в качестве самостоятельного предмета проводилось прежде всего на таком предмете, как воспитательная работа в трудовых коллективах (с пониманием особенности смысла *воспитания* за пределами детского и юношеского возраста) – с обстоятельным анализом практики управления нравственно-воспитательной деятельностью и ее проектированием, с одной стороны, соотносением этики и этоса воспитания – с другой. А этика *образования* как целостная деятельность разрабатывалась на материале мониторинга, консультирования и проектирования процесса самопознания университета.

2. Наша версия «повестки дня» обращена к феномену образовательной *деятельности* и предполагает, что (а) это целенаправленная деятельность, а не выходящий за предмет исследования в этой главе феномен «обучения жизнью», «воспитания жизнью» и т.п.; (б) эта деятельность состоит из *ряда профессий* – педагога, научного работника, менеджера, именно *профессий* – ибо речь идет не об «образовании в семье», «образовании через СМИ» и т.д.. В то же время (в) этика образования – не только совокупность соответствующих профессиональных этик. Она включает в субъекты этического нормирования и ориентирования образования не только профессиональных педа-

гогов; мы полагаем возможным видеть в этике образования *над*профессиональный аспект – аналогично отношениям медицинской этики и биоэтики.

3. Идентифицируя этику образования, мы особо выделяем этику научно-образовательной деятельности университета, а в ее центре – нравственный конфликт, порождаемым тем, что в современном университете природа образовательной деятельности как *профессии* испытывается сильнейшей тенденцией отношения к образовательной деятельности как к *сервису*. Университет – это «хозяйственный субъект», оказывающий образовательные услуги, сосредоточенный на обслуживании потребностей и упускающий миссию смыслоопределения? Или корпорация людей, профессия которых предполагает служение делу духовного производства человека, а потому она отказывается от права преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как бизнес-корпорация?

4. Концептуальное обновление «повестки» мы связываем с идентификационной матрицей, в которой освоение «образовательной» планеты Вселенной прикладной этики сочетает основные шаги системного алгоритма идентификации и самоидентификации прикладных этик с потенциалом проектно-ориентированного знания. В рамках такого обновления мы представляем здесь авторский подход к решению моральной дилеммы современной образовательной деятельности, основанный на арсенале этико-прикладных технологий. Работа системы таких технологий демонстрируется в процессе и результате проектирования университетом этического документа «Миссия-кредо». При этом этосная конкретизация «малых систем» и проектное воздействие на них не сводится к «обслуживанию практики» и не предполагает *уценивания* должного.

2. Нормативно-ценностная система образовательной деятельности: идентификация и самоидентификация

Минимизируя число шагов системного алгоритма идентификации и самоидентификации прикладных этик,

мы выделяем здесь такие элементы нормативно-ценностной системы образовательной деятельности, как смыслоценностные ориентиры образования (в глобальном и локальном масштабах); этические документы профессии: хартии, декларации, кодексы; профессионально-нравственные основания самоидентификации субъектов образовательной деятельности (при этом идентификация образовательной деятельности по критериям высокой профессии обсуждается в параграфе 3).

2.1. Ценностные ориентиры образовательной деятельности (глобальное и локальное)

«Возможны, по крайней мере, две ценности, два критерия педагогического успеха. Один из них – дело, то есть знания, прохождение программы, реальное умственное развитие детей. Другой – чувство внутреннего достоинства, обретенное ребенком, самоопределение ребенка с точки зрения его места в окружающем мире и отношения к нему как равноценному человеку, какие бы у него ни были способности. Знание или достоинство – вот как формулируется проблема. Нельзя ли сформулировать иначе, через “и”? Во всем мире, на практике, реально получается именно “или”. ...Теми методами, которыми обладает сегодня учитель и педагогика вообще, знания можно дать только способным детям, а когда вы начинаете давать знания способным детям и хотите таких же знаний от неспособных, то чем ниже у последних шкала способностей, тем больше вы унижаете их достоинство, тем больше они чувствуют себя второстепенными, третьестепенными и десятистепенными». Так известный отечественный писатель и публицист С.Соловейчик охарактеризовал ситуацию морального выбора в деятельности педагога (в интервью одному из авторов этой монографии для журнала «Этика успеха»⁸⁴) –

⁸⁴ Соловейчик С.Л. О Первом и Последнем в классе // Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР / Под ред. В.И. Бакштановского, В.А. Чурилова. Вып.1. Тюмень-Москва

важнейшую из ситуаций *морального измерения* образовательной деятельности.

КОНКРЕТИЗАЦИЯ этой метафоры предполагает в качестве первого шага выбор *языка рефлексии* о природе образовательной деятельности, а категоричнее – выведение языка рефлексии за рамки категорий прагматики и маркетинга («функции», «услуги» и т.п.) и выход рефлексии на уровень языка смыслов и ценностей. Уровень, необходимый в качестве обязательного дополнения к языку организационно-управленческого подхода, которым чаще всего ограничивается характеристика деятельности «образовательных учреждений».

Обращаясь к сфере высшего образования, мы видим среди мотивов характерного для отечественной практики наших дней *уклонения* от ценностного языка описания университетской корпорации – вполне понятное стремление навсегда избавиться от свойственной советскому опыту тотальной идеологизации всей жизни. Другой мотив – в стремлении ответить на вызовы коммерциализации, маркетинга социальной сферы. Однако оба мотива *лишь объясняют* процветание прозаического языка прагматики, но *не оправдывают* угасания возвышенных смысло-ценностных акцентов в трактовке природы образования в целом, миссии университета – в том числе. Доминирование утилитарно-прагматических подходов к образованию провоцирует изменение его ценностного статуса как *высокой профессии*, подмену *миссии* формирования и развития человека (и общества) *функциями* «обслуживания потребностей экономики», «подготовки кадров», выпуска «специалистов для народного хозяйства» и т.п. (Как известно, такая подмена была во многом характерна для советских вузов, призванных Системой навязать советскую интерпретацию современности, культивировать утилитарно-функциональное понимание человека как «винтика» стабильного воспроизводства Системы («человеческий фактор» трактовался всего-навсего как пассивный и по необ-

ходимости терпимый резидиум одноканального государственного управления), транслировать эталоны тоталитарной культуры, максимально ограничить сферу действия ценностей гражданского общества⁸⁵.)

Второй шаг конкретизации метафоры «моральное измерение» образования предполагает поиск общего и специфического в рефлексии ценностей образования, как их видит *философия* образования и как они должны быть представлены на мировоззренческом уровне *этики* образования. Анализ литературы показывает, что собственно этико-прикладному исследованию нравственных ценностей образования еще только предстоит заявить себя – в соотношении с продвинутым потенциалом философской этики. Тем не менее мостик между двумя этими дисциплинами уже можно наводить. «Задел» обнаруживается в магистерской программе «Этика образования» кафедры этики МГУ в теме «Педагогика ненасилия»: *Понятие ненасилия. Критерии и пределы ненасилия. – Насилие и ненасилие в отношениях между воспитателем и воспитуемым. – Принципы и техника ненасильственной педагогики.*

ВОПРОС о ценностных ориентирах образовательной деятельности чаще всего обсуждается в контексте развивающегося глобального кризиса образования⁸⁶, одним из наглядных примеров которого является кризис легитимности и идентичности идеи университета⁸⁷. В этой ситуации

⁸⁵ См.: Гудков Л. Кризис высшего образования в России: конец советской модели // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Информационный бюллетень ВЦИОМ. 1998. № 4 (36). С. 34-35.

⁸⁶ См.: Кумбс Ф.Г. Кризис образования в современном мире. Системный анализ. М., 1970; Миронов В. Век образования. Человечество на рубеже XXI века. М., 1990; Философия образования для XXI века. М., 1992 и др.

⁸⁷ Точнее говорить об исторической и социокультурной обусловленности идеи университета и, тем самым, об *идеях* университета. Краткий очерк динамики этой идеи см.: Афанасьев Ю. Образовательная антиутопия // Отечественные записки. № 1. М., 2002.

актуализируется вопрос о правильном понимании ситуации выбора самих ценностных ориентиров. Отметим, что складывающаяся в качестве самостоятельного исследовательского направления «философия образования» предпочитает говорить о проблеме *мультикультурного* выбора, о необходимости понимания культурного многообразия, плюрализма ценностей, исключающего «самую правильную», «единственно верную» линию⁸⁸. В свою очередь, расширение свободы выбора влечет за собой повышение ответственности субъекта выбора и решения. Так, рассуждая о важности предвидения последствий реформирования российского образования, А. Филиппов пишет: «Вопрос, который все-таки можно предвидеть и, предвидя, снова задавать себе и делать предметом общественного внимания, – вопрос о желаемом и нежелательном. ...Закладывая в реформу некий идеальный образ системы образования, мы, сознавая или нет, закладываем в нее определенный образ общества. Того будущего общества, которого еще нет, но которое словно бы мерещится нам сквозь призму образования, которого тоже еще нет, которого мы хотим. Можно ли надеяться, что мы отдаем себе отчет в своих вожделениях?»⁸⁹.

О повышении ответственности за выбор идеи университета говорит анализ ситуации самоопределения современного университета. При восьмивековой истории феномен университета остается предметом актуальных дискуссий в мире. Достаточно помнить, что университет как *идеальный тип* представляется в интерпретации не-

⁸⁸ См., напр.: Ильин Г.Л. Философия образования: Идея непрерывности. М.: Вузовская книга, 2002; Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. М., 1998; Гусинский Э.Н., Турчанинова Ю.И. Введение в философию образования. М.: Логос, 2002; Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: РХГИ, 2004; Запесоцкий А.С. Образование: Философия, культурология, политика. М.: Наука, 2003.

⁸⁹ Филиппов А. Утопия образования // Отечественные записки. № 1. М., 2002. С. 10-11.

малого множества исследовательских направлений весьма по-разному. В одной классификации выделяются такие характеристики, как «совместный поиск истины сообществом исследователей и учеников» и «место, где общество и государство дают развиваться самому ясному сознанию современности»⁹⁰. В другой – приоритет отдается функции воспроизводства нормативно-ценностных регуляторов, культурной подсистемы общества, призванной поддерживать рациональную организацию общественной жизни⁹¹. В третьей – говорится о триаде функций идеально-типичной модели университета: трансляция культуры и знаний, проведение исследований, воспроизводство или трансформация социальной структуры через формирование элитных групп⁹². В еще одной – обращается внимание на функцию обеспечения системных реквизитов адаптации, целевой ориентации, интеграции и поддержания ценностно-нормативных образцов⁹³. Очевидно, что этим множеством версий далеко не исчерпано.

Многообразие ценностей, выступающих в качестве ориентиров образовательной деятельности, классифицируется по разным основаниям. Один из вариантов классификации выделяет два вида: ценности консерватизма существующего порядка вещей в образовании – и ценности его трансформации⁹⁴. Другой вариант – ценности клерикальные и светские. Относительно такой классификации важно иметь в виду преимущественную ориентацию современного университета на светские ценности. Третий

⁹⁰ См. напр.: Ясперс К. Идея университета // Ведомости. Вып. 2. Тюмень: НИИ ПЭ, 1995. С.138-139.

⁹¹ См.: Parsons T., Platt G. The American university. Cambridge: Harvard University Press, 1973.

⁹² См.: Гудков Л.Д. Кризис высшего образования в России: конец советской модели.

⁹³ См.: Батыгин Г.С. Этнос воспитания, университетское сообщество и социальная дифференциация // Ведомости. Вып. 13. Тюмень: НИИ ПЭ, 1999.

⁹⁴ Гусинский Э.Н., Турчанинова Ю.И. Введение в философию образования.

вариант классификации – выделение либеральной и утилитарной тенденции развития образования. Если утилитарная тенденция предполагает стремление к профессиональному образованию, обусловленное потребностью общественной практики в хорошо подготовленных специалистах, то либеральная тенденция предполагает принятие ценности знания безотносительно к его практической пользе. При этом, как справедливо отмечают исследователи, хотя «чисто» либеральной или «чисто» утилитарной оси развития мировая образовательная практика не знает, она развивается как сочетание этих тенденций; «остается опасение, что могут поменяться акценты: от "получить профессию в ходе образования" – на "образовываться, получая профессию"»⁹⁵. Динамика ценностных ориентиров образования представлена в классификации сменяющих друг друга исторических проектов развития образования (прежде всего – моделей «образованного человека»): клерикального, социально-правового, естественно-научного, естественно-исторического, саморегулируемого, культурно-исторического⁹⁶. Среди более конкретных ценностных ориентиров образования можно выделить: «моральные измерения образования»⁹⁷, ценность успеха⁹⁸, ценность достоинства⁹⁹, прямо противопоставляемую ориентации на успех, «школу неопределенности»¹⁰⁰, «готовность к не-

⁹⁵ См.: Огородникова И.А., Геринг А.Г. Идея университета – проект воплощения идеальной образовательной формы // Вестник Омского университета. Вып. 4. с.78.

⁹⁶ Ильин Г.Л. Философия образования: Идея непрерывности. С. 27.

⁹⁷ См.: The Moral Dimensions of Teaching. Eds.: J.I.Goodlad, R.Soder, K.A.Sirotnik. SanFrancisco-Oxford: Josey-Bass Publishers, 1991. Реферат отдельных глав книги опубликован в ряде выпусков Вестника НИИ ПЭ.

⁹⁸ Керр С. Судьбы «Американской мечты» в американской школе // Этика успеха. Вып 2. Тюмень-Москва, 1994.

⁹⁹ Соловейчик С. О Первом и Последнем в классе.

¹⁰⁰ «Советское общество всегда учило адаптивной модели личности, точнее не личности, а, как бы сказал Эрих Фромм, со-

уверенности и парадоксам Второго модерна»¹⁰¹, стремление «поместить человека вровень со временем»¹⁰² и др.

Важно подчеркнуть: если некоторые из этих ориентиров прямо или косвенно конкурируют друг с другом, то большинство оказываются скорее гранями одной или нескольких ведущих ценностей, акцентирующих в моделях образованного человека–профессионала то или иное понимание *духа современности*.

Переход от модерна к постмодерну, к постсовременному (постиндустриальному, посткапиталистическому, информационному и т.п.) обществу, ставит новые цели перед системой образования. В различных теориях постиндустриального общества представлены основания этих целей. Например, особенностью постиндустриального, информационного общества является превращение труда в работу с информацией, а информации – в капитал, возникновение нового типа работника. Соответственно назревают радикальные изменения в образовании: меняются не только учебные предметы (по набору и содержанию), методы трансляции знаний и способов мышления, педагогические технологии и т.д., но и вся философско-образовательная парадигма модерна. «Третья волна» в развитии цивилизации – информационная – характеризуется как эра компьютера (в отличие от символа индустриальной цивилизации – машины). И университеты обретают роль со-

циального характера. Для постсоветского же времени самое главное – и самое тяжелое – создать личность, умеющую оставаться человеком в ситуации неопределенности. Это самое трудное для личности – оставаться человеком, когда тебе никто не выложил четкий набор критериев того, что такое хорошо, а что такое плохо» (Асмолов А.Г. «...Создать личность, умеющую оставаться человеком в ситуации неопределенности» // Этика современного воспитания. Ведомости. Вып. 11 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1998).

¹⁰¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С.162.

¹⁰² Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета // Отечественные записки. № 2. М., 2002.

циокультурного центра информационного общества (в отличие от индустриального общества, определяющей сферой которого была промышленная корпорация)¹⁰³.

Применимы ли такого рода глобальные характеристики к современной России, не забегает ли она вперед, стремясь дать ответ на новые глобальные вызовы?

Модернизационные процессы, как теперь становится все более очевидным, оказываются внутренне дифференцированными в различных культурных ареалах мира, образующих широкий спектр или контекст для интерпретации и последующей реинтерпретации таких ценностей модерна, как индивидуальная свобода, солидаризм, цели и средства самореализации личности и т.п. При этом целесообразно различать ареалы с первичной, органической модернизацией, подготовленной длительным цивилизационным предмодернизационным развитием, и ареалы с рецепирующей модернизацией. Для осмысления этой дифференциации эффективно понятие «свое-иное»¹⁰⁴.

Рассуждая о «своем-ином» в сфере образования как института модерна, следует указать на отличие российской модернизации от вестернизированной модели. Осмысление этих различий приближает к пониманию одной из возможных версий того, какими должны быть ценностные ориентиры образования в России.

Вектор развития российского общества, «вопреки распространенному мнению, явно направлен в сторону, противоположную традиционализму», – полагают И.Клямкин и Т.Кутковец. Другое дело, отмечают они, что дальнейшая модернизация общества блокируется не столько менталитетом масс, сколько отечественной элитой, «не готовой и не способной управлять свободными людьми». Элите, стремящейся выполнить свою миссию, предстоит

¹⁰³ Бауман З. Индивидуализированное общество. С.162.

¹⁰⁴ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная метаэтика воспитания // Университет в XXI веке. Ведомости. Вып. 16 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2000.

«самоизменение и самообновление, приведение себя в соответствие с установками и запросами большинства», необходимо желание на них опираться¹⁰⁵. И в этом – вполне конкретный вызов российским университетам.

Вопрос о том, какими быть ценностным ориентирам отечественного образования – не только теоретический, но и вполне конкретный, требующий эмпирических разработок с учетом того, что модернизация (в западном, восточно-европейском, китайском и любом другом ареале мира) не имеет завершенных, абсолютных значений и не существует способов устранения этосного разнообразия. Поэтому следует ценить культурный плюрализм и развивать способности постигать все виды «своего-иного», присоединяясь к чужому опыту, налаживая диалог между этосами образования. Здесь уместна аналогия с гражданским обществом и демократическим государственным устройством, которые принципиально не могут быть завершенными. «Открытое общество» всегда является свободно самосозидаемым, готовым к самосовершенствованию.

ОДНИМ из условий исследования и проектирования ценностных ориентиров образовательной деятельности является осознание необходимости кардинального решения задач *гуманизации* и *гуманитаризации* образования. Не ставя здесь задачи участия в дискуссии о целесообразности/нецелесообразности отождествления или различения этих двух задач, не отвлекаясь на сравнительный анализ общего и особенного в их содержании, важно отметить, что в литературе решение первой задачи принято связывать с увеличением в учебном процессе объема знания гуманитарных и социальных наук, а решение второй задачи авторы специальных работ связывают с приданием образованию соответствующей аксиологической, этической направленности, ориентацией образования на ценности человеческого достоинства, социальной ответственности

¹⁰⁵ См.: Кутковец Т., Клямкин И. Нормальные люди в ненормальной стране // Московские новости. 2002. № 25.

ности¹⁰⁶, на этическую составляющую образовательной деятельности¹⁰⁷.

Близкая к этому версия: выделяемая в качестве самостоятельной задача гуманитаризации образования связана скорее с преодолением противопоставления двух культур – гуманитарной и технической – и, соответственно, с повышением роли гуманитарных дисциплин в преподавании. А задача гуманизации образования связана с необходимостью противостоять различным формам отчуждения (преподавателя – от студентов, студента – от университета, университета – от общества) и, соответственно, с формированием гуманистического стиля в жизни и деятельности образовательной корпорации. При этом подчеркивается, что задача гуманизации образования не исчерпывает сферу своей реализации лишь техническими вузами¹⁰⁸. В свою очередь, требование гуманитаризации образования не исчерпывается лишь увеличением соответствующих дисциплин, а предполагает изменение содержания образования и способов развертывания этого содержания (например, диалога) – как технического, так и гуманитарного.

Постановка любой из этих задач или той и другой вместе предполагает намеренную рефлекссию мотивов постановки задач гуманитаризации и гуманизации в современной образовательной деятельности. Очевидно, что среди таких мотивов в деятельности современной системы образования весьма значимо стремление противостоять процессу дегуманизации образования, его технократической перегрузке, «гуманитарному голоданию» (Э.Д. Днепров).

У этого феномена, как показывают исследования,

¹⁰⁶ Зимняя И.А. (ред.) Гуманизация образования. М.: Исслед. центр, 1996-1998. Вып.1-3.

¹⁰⁷ См.: Этика образования. Ведомости. Вып.26. Тюмень: НИИ ПЭ, 2005.

¹⁰⁸ См., напр.: Сенько Ю.В. Гуманитарные основы педагогического образования. М.: Изд. центр «Академия», 2000. С. 5.

есть и глобальные, и специфические российские причины¹⁰⁹. Среди первых – гипертрофированное развитие технократической культуры как продукта индустриального общества и доминирование в процессе образования специальных знаний над интегральными, мировоззренческими. Негативные последствия такого рода отражения процесса углубления общественного разделения труда связаны с тем, что особенностью инженерно-технической деятельности, определяющей и подготовку специалистов в вузе, является наличие технического задания, которое предлагает условие задачи, поставленной перед специалистом. При этом он, как правило, не вмешивается в постановку задачи, не обсуждает ее – таково требование системы разделения функций труда.

Одна из причин обращения к идее гуманизации образования – связанный с формированием постсоветских ценностей отказ от такого идеала образования-воспитания, как «человек-винтик» государственной машины (в упомянутой выше статье Ю.Н. Афанасьев подчеркивает, что этот идеал – удел не только советской системы); необходимость развития отраслей производства, характерных для постиндустриального общества (информационных технологий, сферы услуг, предпринимательства, права и т.п.); негативные последствия технократического мышления выпускников вузов, склонных уходить от ответственности за экологические и социальные последствия решения специальных задач.

СРЕДИ труднейших задач этики образования как одной из «территорий» ойкумены прикладной этики – конкретизация ценностных ориентиров образования, как их представляет философия образования, в проектный подход. Один из способов решения этой задачи мы видим в позиции исследователя прикладной этики как внутреннего консультанта университета¹¹⁰, университетской корпорации,

¹⁰⁹ См.: Ильин Г.Л. Философия образования. С.148-149.

¹¹⁰ О стартовом этапе исследования и проектирования этой позиции см.: 10 тезисов НИИ ПЭ нефтегазовому университету //

рефлексирующей свою миссию в статусе *субъекта* трансформации, *проектирующего* свою *биографию* в ситуации самоопределения. Оставляя презентацию процесса и результата проектирования миссии университета для параграфа 3, представим здесь опыт проектного способа конкретизации позиций философии образования (и социологии образования) по поводу ценностных ориентиров образовательной деятельности с помощью фрагментов текста «10 новых тезисов НИИ прикладной этики университету».

...ТюмГНГУ «повезло». Почти одновременно совпали два процесса: трансформация из *советского технического вуза* в *современный университет* – и неизбежное вовлечение в ситуацию *коммерциализации* системы образования. Тем самым университет, *проектирующий* свою *биографию*, был обременен *двойным риском*. Во-первых, риском для вуза с давно сложившимся этосом *необретения* новой – *университетской* – идентичности. Во-вторых, риском утраты *нового имени* из-за давления надвигающегося процесса коммерциализации, способной в крайнем своем проявлении подорвать соответствие университета своей *миссии* в обществе, *идее* университета, призванию *высокой* профессии, отнять его *имя*: «Чуть правее наклон – упадет, пропадет! Чуть левее наклон – ...».

Цена риска требует от университета определить: действительно ли после *переписывания вывески* состоялась *смена имени*? соответствует ли новое *имя* *идее* университета, его *духу*, *миссии*? удержит ли наш университет эту *идею* в изменяющихся обстоятельствах реформирования образования? насколько успешно он справится с моральными дилеммами современного образования, связанными с реализацией *идеи* университета?

Поэтому сегодня, десять лет спустя, мы решили

предложить своему университету 10 новых тезисов. ...*С каких позиций* написаны эти тезисы? «Советы постороннего»? Критика от злопыхателя? Поисковая любознательность исследователя? Самозадание внутреннего консультанта? Ясно, что не первое и не второе. Но третье и четвертое, причем исследование – основание внутреннего консультирования. Очевидно, что наша позиция субъективна. Но мы не претендуем на категоричность тезисов. Наша задача – инициировать и проблематизировать последующие обсуждения.

ТЕЗИС ПЕРВЫЙ. Чтобы соответствовать *имени* и своей миссии, нашему университету предстоит принять на себя бремя напряженной *самоидентификации, самопознания, осмысления* своего настоящего и будущего в свете *идеи* современного университета. ...ТюмГНГУ не должен жалеть свое жизненное время и ресурсы для самопознания, рефлексии своих ценностей: он не только выполняет те или иные «функции», но и обладает своим духом, способен к самопознанию и саморазвитию.

ТЕЗИС ВТОРОЙ. Рефлексирующему университету даже в самых трудных обстоятельствах выживания предстоит вывести язык самопознания за рамки категорий *прагматики и маркетинга* («функции», «услуги» и т.п.) и попытаться вывести рефлексию на *язык смыслов и ценностей* («миссия» и т.п.).

ТЕЗИС ТРЕТИЙ. Чтобы соответствовать *имени* и своей миссии, познающему себя университету не уклониться от различения особенностей *советского вуза и современного университета* как институции гражданского общества. ...Современный российский университет – ценностно-ориентирующий субъект гражданского общества. Как институция, которая должна и способна вырабатывать ценности, современный университет считает рискованным словосочетание *«образовательные услуги»*, которое все более настойчиво отождествляется с *сутью* деятельности университета. Университет призван образовывать человека, адекватного

гражданскому обществу, независимую самостоятельную личность с развитым чувством собственного достоинства, способную принимать свободное решение и быть ответственной за него, умеющую жить в условиях открытого общества, в ситуации неопределенности.

ТЕЗИС ЧЕТВЕРТЫЙ. Чтобы соответствовать *имени* и своей миссии, познающему себя университету важно осмыслить *глубинные риски коммерциализации образовательной деятельности*.

Очевидно, что без включения элементов коммерциализации университет не сможет не только развиваться, но и просто существовать. Но, предоставляя университету дополнительные средства, которыми можно распорядиться ради благих целей, коммерциализация приводит к подрыву академических стандартов (например, основным условием карьерного продвижения в университете может стать умение добывать деньги). Доминирование мотива коммерциализации подталкивает университет к риску утраты идентичности, оборачивается утратой веры людей в бескорыстный характер образовательной и научной работы, ведущейся в стенах университета.

Современная образовательная деятельность становится все более дуалистичной по своей природе: образование-профессия дополняется образованием-сервисом. И этот дуализм создает особое моральное напряжение, связанное с тем, какая из двух этих сторон образовательной деятельности окажется *базовой* ценностью. Университету в ситуации такого рода выбора важно не забыть, что образовательная деятельность считается *профессией* потому, что она несет в себе особую социальную миссию и ответственность перед обществом.

Поэтому университету предстоит распутать сложные отношения *цели и средства* в феномене коммерциализации образования. Забота университета – выработать «правила игры», регулирующие коммерциализацию и профилирующие соблазны превращения об-

разовательной корпорации в бизнес-корпорацию. Проблема не в отказе от требований рынка, а в выборе приоритетов. В соподчинении цели и средств, которое предполагает подчиненность роли коммерциализации ценностям образования, идее университета, сохранению идентичности университета. Без этого трудно пройти все «четыре четверти пути».

ТЕЗИС ПЯТЫЙ. Чтобы соответствовать *имени* и своей миссии, рефлексирующему университету предстоит принять на себя *ответственность за проектирование своей биографии*. Это предполагает даже в самой напряженной, кажущейся безальтернативной, ситуации отношение к себе как *субъекту* выбора – выбора приоритетов, ценностных ориентиров, альтернативных стратегий. Это предполагает отношение университета к себе как *производителю шансов* для своего развития.

Может ли университет не поддаться соблазнительному выводу, что его стратегия в сложившейся в отечественном образовании ситуации исчерпывается альтернативами поведения двух сказочных лягушек, попавших в банку со сметаной? На наш взгляд, обстоятельства реформирования образования не отменили свободы выбора – и ответственности – университета в расстановке приоритетов даже для прагматического аспекта образования: (а) в отношении к коммерциализации как средству – или (само)цели образовательной деятельности; (б) в выборе «модели выпускника»: как высококлассного специалиста – или профессионала, ориентированного на ценности профессиональной этики. Но прежде всего университет отвечает за выбор миссии и соответствие каждого этапа своей биографии этому выбору.

ТЕЗИС ШЕСТОЙ. Чтобы соответствовать *имени* и своей миссии, рефлексирующий университет идентифицирует себя в качестве корпорации по *духовному производству человека как существа социально-нравственного*, постоянно профилактирует риск само-

отождествления с бизнес-корпорацией. При этом термин «производство» не отменяет активности самой личности, роли творческого Я и самовоспитания.

Университет – корпорация. Корпорация – организация. Корпорация – профессиональное сообщество. Но вряд ли университет – ориентированная *прежде всего* на прибыль *бизнес*-корпорация. Что вовсе не исключает предприимчивости университета во взаимодействии с изменяющимися обстоятельствами, в поиске своеобразной автономии, индивидуализации в формировании своего будущего.

Дух университетской корпорации предполагает приоритет *служения в профессии* над *жизнью за счет профессии*. Что вовсе не ведет к пренебрежению честным заработком профессионала. Этос, ценностные приоритеты и «правила игры» университетской корпорации не тождественны ориентированным на прибыль духу и «правилам игры» в бизнесе.

И в «продукте» образовательной деятельности как *профессии* – особые приоритеты. Не просто «Кадры». А Человек. Потому университет – это *прежде всего* «духовное производство», а не «кузница кадров».

ТЕЗИС СЕДЬМОЙ. Чтобы соответствовать *имени* и своей миссии, университет не отождествляет свою *миссию* ни с конкретной целью, ни, тем более, с функциями. Миссия вытекает из идеи университета и характеризует смысл его деятельности. Формулировка миссии университета должна отвечать не на вопросы типа «куда? зачем? как?», но на вопросы «*ради чего? во имя чего?*».

Исходя из понимания культурного многообразия, плюрализма вариантов миссии университета, исключаяющего «самую правильную», «единственно верную», можно и даже необходимо спорить о том, какой из вариантов трактовки миссии университета является для нас приоритетным. Сформировать в человеке «готовность к неуверенности и парадоксам Модерна»? «Поместить человека вровень со временем»? Ориентиро-

ваться на образ «человека успеха»? Напротив, на ценность достоинства? И т.д.

Можно спорить о том, «откуда берется» миссия конкретного университета. Из некоего универсального эталона? Из простого подражания другим, зрелым университетам, т.е. из заимствования? Или формируется только как уникальная, неповторимая? Может быть лучше говорить не о рациональном процессе поиска, а об озарении, откровении, открытии университетом своей миссии? А если все же решиться на рациональный поиск, то как искать свою миссию? И т.д. На наш взгляд, рационализируя поиск своей миссии в диапазоне между идеальной моделью и отечественными реалиями, ТюмГНГУ может самоопределиться как *ценностно-ориентирующий субъект становящегося гражданского общества*, продуцирующий как ценности-смыслы, так и *социальные и гуманитарные технологии*.

ТЕЗИС ВОСЬМОЙ. Чтобы соответствовать *имени* и своей миссии, рефлексирующий университет стремится профилактировать распространенную в современном образовании тенденцию *технократизма*.

Для *нефтегазового* университета, наследующего *индустриальному* институту биографически, важно обратить особое внимание на совершенствование имунитета против *технократизма*, которым чаще всего обременено инженерное образование. Инженерное мышление с присущей ему технической рациональностью – необходимое условие профессионального образования для большинства специальностей нашего университета. Однако если распространять технический подход за пределы его эффективности, применять инженерное мышление к осмыслению и проектированию общественной жизни в целом, т.е. культивировать *технократизм*, это обернется вытеснением мировоззренческих ориентиров и формированием «функционального» человека. Поэтому задача гуманитаризации образования в нашем университете – дело не только со-

ответствующих обществоведческих кафедр, но и всех выпускающих кафедр негуманитарного профиля. Решение этой задачи – в стремлении к взаимодополнительности *целерациональных* и *ценностно-рациональных* ориентаций студентов.

ТЕЗИС ДЕВЯТЫЙ. Чтобы соответствовать *имени* и своей миссии, рефлексирующий университет стремится при выборе стратегии воспитательной работы (в той мере, в какой можно ее выделять из общего процесса образования) определиться в отношении тенденции *неотрадиционализма в воспитании*. Культивирование этой тенденции ведет к ослаблению фундаментальной ценности гражданского общества – свободы выбора личности.

Традиционализм в воспитании само стремление человека к выбору воспринимает прежде всего как покушение на незыблемость канонов, сформировавшихся в предшествующую эпоху. Заметно усиливающееся культивирование тенденции неотрадиционализма в воспитании радикализируется в установке на «выбор прошлого» – с присущим этой идеализированной модели набором ценностей. В реанимации пропитанных этими ценностями форм воспитательной деятельности важно увидеть и вовсе не столь невинное побуждение продлить очарование прошлого, а попытку протолкнуть в массовое сознание идеологию тоталитаристского реваншизма, нередко оснащенного религиозным фундаментом.

Альтернативная тенденция – ориентация воспитания на освоение потенциалов свободы (воспитание выбором, вариативное образование и т.д.) на основе ценностей гражданского общества (в сотрудничестве либеральных ценностей со здоровым консерватизмом, органически присущим всякой устойчивой воспитательной деятельности).

ТЕЗИС ДЕСЯТЫЙ. Чтобы соответствовать *имени* и своей миссии, рефлексирующий университет считает своей особой заботой *культивирование ценности*

профессионализма. Профессионализм выпускника университета не сводится к уровню его владения специальностью. Атрибут профессионализма – следование ценностям и нормам *профессиональной этики*. Чтобы оправдать имя, рефлексизирующему университету предстоит создать современную систему *профессионально-этического образования*.

Условием полноценного внимания университета к ценности профессионализма является профилактика обеднения этой ценности, сведения ее к «функциональной», «технологической», «операциональной» трактовке, под которой подразумеваются прежде всего уровень совершенства в овладении какой-либо специальностью, степень квалификации, техническая рациональность, компетентность, мастерство и т.п. Но и обогащение такой трактовки за счет включения в нее, например, щепетильного отношения к вопросам профессиональной чести еще не достаточно: за рамками внимания остаются *мировоззренческие* аспекты профессионализма. Вопросы «ради чего?» и «во имя чего?» (а не просто – «с какой целью?» и «как?») принципиально важны для понимания природы и духа профессионализма.

Культивирование профессионализма – предмет заботы профессионально-этического образования. Возможно, университету стоит создать современную систему профессионально-этического образования? Но эта задача не сводится к возобновлению курса этики, который вела кафедра этики времен ТИИ. Необходимо сделать системными первые прецеденты включения профессионально-этической проблематики в курсы «Введение в специальность», в дипломные проекты выпускающих кафедр, в программы послевузовского образования. В программу воспитательной работы уместно включить тему «Дух университета» («Миссия университета»). ...

2.2. «Моральное измерение» профессионализма

СУЩЕСТВЕННОЕ место в нормативно-ценностной системе образовательной деятельности занимает *моральное измерение* профессионализма – как его понимают в своей собственной деятельности преподаватели, научные работники и менеджеры учебных заведений, с одной стороны, как они его культивируют у будущих выпускников – с другой. Один из способов исследования этой проблематики – инициирование процесса самопознания профессионалов. В нашем опыте такого рода исследования проводились в рамках проекта «Дух и правила игры человека среднего класса в образовании»¹¹¹. Среди идей проекта: (само)идентификация и университетского педагога, и будущего выпускника как потенциального (и, частично, реального) субъекта этоса среднего класса¹¹²; интерпретация самоопределения деятелей образования к среднему классу как ситуации *морального выбора*; проблематизация «вхождения» в средний класс как трансформации бывшей советской интеллигенции в субъект среднего класса; необходимость культивирования этоса среднего класса у студентов университета.

Особая актуальность (само)идентификации университетских преподавателей, научных работников и менеджеров как субъектов этоса среднего класса определяется тем, что подготовка *современных* профессионалов как одна из задач образовательной деятельности не решается без ориентации профессорско-преподавательского состава на профессионализм как ценность. В свою очередь такая ориентация проблематична в связи с тем, что образовательная деятельность наших дней осуществляется во

¹¹¹ Становление духа университета: опыт самопознания. Коллективная монография / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, Центр прикладной этики, 2001. Гл.6, 8.

¹¹² См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этос среднего класса: нормативная модель и отечественные реалии. Тюмень: НИИ ПЭ, 2000.

многим тем социальным слоем, который в советское время назывался интеллигенцией. Отсюда необходимость рефлексии исторически сложившегося этоса российской интеллигенции с точки зрения его отношения к профессионализму как ценности. Требования к нему в духе ценностей гражданского общества предполагают переходный процесс «вхождения» самих деятелей образования, ранее осознававших себя как подструктуру советской интеллигенции, в класс *современных профессионалов*, среди этосных отличий которого преодоление формальной профессионализации и полупрофессионализации – *образованщины*, взыскательные требования к квалифицированности и компетентности и в том случае, когда социальные обстоятельства оказываются неблагоприятными для этого, и т.д.¹¹³.

Проблематизируя вопрос о «вхождении» деятелей образования в средний класс через культивирование профессионализма, следует отметить, что этот процесс в условиях современной России не осуществляется сам собой, но лишь по мере достижения каждым из них годового дохода какой-то определенной величины. Разумеется, было бы неверно недооценивать значимость материальных факторов в качестве критериев среднего класса – бес тактно осуждать у работников этой сферы чувство неудовлетворенности положением явно «ниже среднего класса», и как-то лимитировать действия по защите ими своего статуса. Однако эффективный способ реализации этих материальных факторов связан не с системой «даров» со стороны государства, ведомства, спонсоров и т.п., а с выработкой стремления к профессиональному успеху у самих «абитуриентов» в средний класс. Отсюда особая роль профессионализма как ценности и основанного на нем успеха и, соответственно, преодоления тенденции, в соответствии с которой в ответ на мизерность зарплаток и тающую на глазах престижность их профессионального

¹¹³ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: новая этика. Тюмень: НИИ ПЭ, 2003.

труда многие деятели образования пополняют и без того многочисленные ряды «уклонистов» от профессионального успеха, абстинентов от труда, становятся волонтерами социально пассивных групп.

Рассуждая о препятствиях для «вхождения» в средний класс и интеграции в него деятелей образования, следует обратить внимание и на укорененность пережитков государственного, ведомственного и местного патернализма в сознании многих педагогов. Патос патернализма непрерывно воспроизводит «опекаемую» личность, и она плохо вписывается в средний класс. На словах патерналистский этос нацеливает на творческую педагогическую активность, самостоятельность суждений и оценок, на преодоление опекуинства и конформизма. Однако отношения в сфере образования плохо согласуются с подобной демонстрацией, ибо на деле патерналистский этос отдает предпочтение обезличивающей исполнительности, отказу от профессионального риска, угодничеству по управленческой вертикали, установкам на иждивенчество. То и другое создают в образовательной деятельности напряжение противоречий между внутренне одобряемыми и лишь показными ценностными ориентациями. При этом прежняя, довольно скромная – по любым меркам – защищенность социальной и духовной позиции работников сферы образования не подготовила и не приучила основную массу научных работников и педагогов к профессиональному и культурному самоопределению, к самостоятельности и самоорганизации, к поиску адекватных форм выражения своих индивидуальных и корпоративных интересов, к активному их отстаиванию. Это делает «опекаемую» личность скорее поборницей стагнации образовательной системы¹¹⁴. Отсюда целесообразность внимания к пассио-

¹¹⁴ См.: параграф «Специфика “вхождения” интеллигенции в средний класс // Становление духа университета: Опыт самопознания. Коллект. моногр. / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ; Центр прикладной этики, 2001. С. 479-486.

нариям образовательной деятельности, успешным, состоявшимся профессионалам.

СРЕДИ методов реализации нашего проекта – автобиографические интервью. Приведем некоторые из характерных суждений экспертов – преподавателей, научных работников и менеджеров университета – о ценностном содержании профессионализма деятелей образования как штрихи к самопознанию профессионалов¹¹⁵.

Рассматривая природу профессионализма как значимой ценности человека среднего класса, большинство участников экспертного опроса разделяют высказанный одним из них тезис, по которому *«человек среднего класса достигает определенных высот в жизни и в деле прежде всего благодаря своему профессионализму»*. Что касается черт и признаков профессионализма, которым эксперты отдают приоритет, то в этом случае мы сталкиваемся со значительным разнообразием.

Один из экспертов выделяет такой признак профессионализма, как высокий уровень квалификации: *«Я умею делать то, что в Тюмени не умеет делать никто: я единственный профессионал такого класса по специальности “Строительные, дорожные машины и оборудование”. Имею 20 авторских свидетельств, которые говорят о том, что эти изобретения на уровне мировой новизны»*. И это именно персональное достижение. *«Не коллегтив, не аспиранты мне их принесли. Сам. Мое дело у меня получается, и я знаю, что уж этого-то у меня практически никто не отнимет»*. При этом автор формулирует этическую позицию в конкуренции профессионалов: *«возможно, где-то уже растет научный работник, который меня превзойдет»*, но, во-первых, *«пока он на горизонте не появился»*, а, во-вторых, *«когда появится, мы с ним будем скорее добрыми товарищами, чем соперни-*

¹¹⁵ Тексты интервью см.: Дух и правила игры среднего класса в образовании. Автобиографические интервью преподавателей и сотрудников ТюмГНГУ об этосе среднего класса // Ведомости. Вып. 14. Тюмень: НИИ ПЭ, 1999. С. 7–52.

ками или врагами». И еще одна этическая грань профессионализма – сочетание двух критериев успеха. «Ты создаешь свое дело не просто для удовлетворения личных амбиций. Разумеется, профессионал находит удовлетворение в том, что он умеет делать свое дело лучше, чем другие. Но не менее важно, чтобы профессионализм как ценность, на основе которой человек среднего класса только и может состояться, был ориентирован на общественное благо».

И для следующего эксперта несомненно, что *«самую важную роль в формировании человека среднего класса играет профессионализм».* И для того чтобы *«отличить профессионала от непрофессионала»*, он тоже обращается к критерию успеха, выделяя такой критерий, как уровень результата профессиональной деятельности. *«Если я принимаю на работу менеджера, то учитываю не только его эрудицию, способность рассуждать о финансах, проблемах автотранспорта и т.п., но и уровень его результатов на предыдущей работе».* При этом эксперт отчетливо понимает сложность количественной оценки успешности или неуспешности профессионала. *«Конечно, есть такие профессии, в которых дать оценку результатам очень трудно. Как, к примеру, я могу оценить профессионализм философа? Допустим, у меня своя точка зрения относительно понятия “средний класс”: своя аргументация, свой жизненный опыт. Меня трудно переубедить. Но если философу удастся изменить мою точку зрения, значит, он – профессионал».* Как видим, прагматизм подхода не исключает ценностного отношения к профессионализму.

Один из экспертов оценивает профессионализм через наличие соответствующего интереса. *«Профессионала отличает прежде всего интерес к тому делу, к тому виду деятельности, которыми он занимается».* При этом *«следует отличать интерес к профессии, который может формироваться до начала деятельности, и профессиональный интерес, непосредственно возникающий и развивающийся в процессе самой деятель-*

ности. Это точно так же, например, как интерес к полету у людей возник давно, но подлинная любовь к нему может возникнуть только во время полета». Причем и для этого эксперта, так же как и для тех, чьи суждения мы процитировали выше, важно подчеркнуть, что «*профессиональный интерес непосредственно связан с глубоким чувством ответственности за результаты своей деятельности, что и является важнейшим критерием профессионализма*». Правда, автор не считает целесообразным словосочетание «успешный профессионализм» – достаточно существительного. В качестве доказательства отмечается, что «*в средние века, характеризуя прекрасные творения, говорили, что они – произведения мастера, и не нужно было прибавлять “успешного мастера”*. Само понятие включало положительную и высокую оценку деятельности». Поэтому «*современным аналогом мастерства является профессионализм, а синонимом мастера – профессионал*».

Именно «*уровень профессионализма*» еще один участник опроса считает основанием самоидентификации со средним классом. Отметив, что важна и масштабность тех проблем, которые он решает, и взвешенная позиция в выборе масштабов притязаний – «*конечно, можно взяться за проблему, по масштабам достойную уровня губернатора, но не справиться с ней. И получится, как в анекдоте: “Я уже второй миллион коплю”. – “А что, первый уже накопил?” – “Да нет, с первым не получилось, поэтому начал второй копить*». Автор подчеркивает, что уровень профессионализма «*важнее, чем просто масштаб проблем, соответствующий уровню должности, и как бы автоматически определяет принадлежность к тому или иному слою в обществе. Компетентность, знания, опыт, способность анализировать информацию и принимать адекватные решения – основные грани профессионализма менеджера*». А с точки зрения темы нашего обзора значим еще и акцент на связь профессионализма с природой избранного экспертом – руководителем вуза – дела. «*Дороги, которые мы выбираем, не*

только позволяют нам чего-то достичь, но и меняют нас. Человек из сферы образования в этом смысле отличается и от бизнесмена, и от политика. Я это вижу, общаясь с работниками администраций, с сотрудниками частных фирм, с депутатами и т.д.». В чем особенность работы чиновников? «Человек, сидящий в кресле государственного чиновника, ощущает себя в ситуации налаженного, стабильного дела. Здесь его правовой статус определяет и то, какой достаток он имеет, и спасает от разных житейских потрясений: госслужба – система консервативная». В свою очередь, «бизнесмен всегда находится в очень динамичном, подвешенном, возбужденном состоянии, ему каждый день надо суетиться. Когда я как менеджер оказываюсь в позиции бизнесмена, то чрезвычайно устаю от такого режима: он мне несвойственен. Бизнесмены же могут находиться в таком режиме достаточно долго, у них более устойчивая психика, они по натуре своей авантюры: даже не имея гарантий успеха, они свято верят в то, что правильный алгоритм действий даст положительный результат. Да и побудительные моменты у них другие». Самому же эксперту «больше по душе спокойная исследовательская работа». «Очень не люблю отвлекаться от нее: специально разложены на письменном столе листочки бумаги, книги с закладками, только-только пришла интересная мысль, а тут – телефонные звонки или подошло время обедать, или зовут по телевидению смотреть какую-то передачу».

Нестандартное понимание связи профессионализма с природой избранного им дела – научной деятельности – предьявляет другой эксперт. «Вопрос о моем отношении к ценности профессионализма я встречаю скептически. К сфере науки термин “профессионализм” имеет очень ограниченное отношение. Ведь профессионал – это человек, который качественно делает свою работу. В науке же этого мало. В науке надо творить.

Профессиональным в нашей среде может быть, например, инженер, который помогает творцу, научному

работнику. Вот инженер должен быть профессионалом: уметь разобраться в установке, наладить ее, создать четкую технологию, отслеживать ее, улучшать и т.д. Характеристику “профессионал” я бы отнес к рабочему, инженеру, технику; может быть, к учителю, хотя и в меньшей мере (в деятельности учителя должен быть элемент творчества: в общении с коллективом, с учениками). Не в преподавании предмета, где он действует по программе, а в умении так наладить контакт, чтобы тебя слушали, любили, всю жизнь вспоминали как своего учителя. Здесь нужно творить. Нельзя, например, относиться к десятиклассникам сегодняшним так же, как к десятиклассникам тех лет, когда учился я. Учителю, который работал со мной и преподает сегодняшним детям, необходим творческий подход.

В науке творчество – главный элемент. Во-первых, ты должен пройти долгий путь от идеи, гипотезы, создания концепции до обстоятельной проработки этой концепции и, в конце концов, получения нового качественного материала, научного результата, который часто не вписывается в существующие теории, представления о мире, строении объекта, которым ты занимался. Поэтому, во-вторых, полученный тобой в муках результат вызывает огромное сопротивление коллег – человеку науки свойствен догматизм, его принадлежность к определенной научной школе мешает пониманию нового. Только тот, кому удастся вырваться за рамки сложившихся представлений научных школ, становится творцом принципиально новых знаний».

И наконец, намеренное сравнение профессионалов в сфере образования, работающих в двух разных эпохах – советской и постсоветской. Сначала эксперт стремится говорить о некотором инварианте «успешного профессионала»: «безусловно, успешного профессионала, да и вообще успешного человека, можно охарактеризовать так: ему каждый день утром хочется идти на работу, а вечером – домой. Возможно, эта характеристика больше описывает просто счастливого человека? Да, но счаст-

ливым я могу назвать только того человека, который в том числе нашел свое призвание в профессиональной сфере, стал профессионалом в своем деле. Мне в этом отношении повезло – моя профессиональная деятельность совпала с моими увлечениями». При этом, «если человек будет с увлечением заниматься своим делом, но его деятельность не будет иметь общественного признания, признания коллег, то его еще нельзя назвать в полной мере состоявшимся профессионалом. Внутренняя удовлетворенность и внешнее признание – это, наверное, основные символы состоявшегося профессионала». А затем тезис: «Сегодня чтобы стать профессионалом, тем более – профессионально заниматься научной деятельностью, одной увлеченности своим делом недостаточно. При выборе профессионального пути в наши дни приходится решать альтернативу: или зарабатывать деньги, или заниматься наукой, но при этом влачить почти нищенское существование. Требования, которые я предъявлял к себе, когда делал кандидатскую диссертацию, я не могу в полной мере предъявлять своим сегодняшним аспирантам. Они не могут позволить себе заниматься только исследовательской деятельностью. Безусловно, это затрудняет профессиональное становление в научно-исследовательской деятельности».

ЗАВЕРШАЯ по необходимости краткий обзор, обратим внимание на продуктивный потенциал сравнения результатов этой части проекта с материалами анализа самопознания студентов и выпускников университета¹¹⁶. Без такого рода сравнения и его критического анализа развитие нормативно-ценностной системы образовательной деятельности теряет надежную перспективу.

¹¹⁶ См.: Становление духа университета: Опыт самопознания. Гл. 6; Богданова М.В. Формирование духа среднего класса у студентов университета // Университет в XXI веке. Ведомости. Вып.16.

2.3. Этические документы

Инфраструктура нормативно-ценностной системы представлена многообразием кодексов, хартий, деклараций, анализ которых мы сориентировали прежде всего на их соответствие природе «малой системы», в том числе на *мотивацию* создания документа и его *язык*; на адекватность содержания документа основным структурным элементам «малой системы»; на *технология* создания и «внедрения» этических документов.

ВПОЛНЕ классической структурой этического документа отличается «Бухарестская декларация этических ценностей и принципов высшего образования в Европе»¹¹⁷. Прежде всего зафиксируем, что декларация начинается с характеристики проблемной ситуации, среди признаков которой: проблема «равновесия между деятельностью университетов во благо общества и их предпринимательством»; превращение университетов «в комплексные и крупномасштабные учреждения, для управления которыми уже недостаточно руководствоваться традиционными академическими и коллегиальными нормами». И далее декларация подводит к тезису об изменении «этических аспектов высшего образования, которые многократно пересматривались в свете традиционного представления об университетах. Исключительно важно, чтобы новые этические и моральные обязательства обсуждались и осмысливались теперь с полным пониманием последствий резкого расширения миссии университетов в обществе знания».

Участники конференции особо подчеркнули, что «университеты нельзя рассматривать как научно-технические “фабрики”, работающие в глобальной наукоемкой экономике, несмотря на их роль в повышении экономического благосостояния. Их интеллектуальные и культурные задачи более важны в обществе знания». Одна из высокозначимых культурных задач такого рода заключается в том, что «университеты не могут считаться свободными» от академических ценностей и этических норм не только

¹¹⁷ См.: www.aha.ru/~moscow64/educational_book.

потому, что они жизненно важны для «академического, культурного и политического развития самих сотрудников и студентов», но и потому, что эти нормы «вливают на моральный облик общества в целом».

Введение завершается тезисом о том, что «для обеспечения соответствия этической миссии вузов высочайшим ценностям академического этоса» политические деятели, академические работники, исследователи, менеджеры и студенты должны приложить все усилия к тому, чтобы в их академической деятельности воплотились разработанные конференцией ценности и принципы.

Следующий элемент классической структуры декларации – «Ценности и принципы». Авторы полагают, что «академическая культура любого высшего учебного заведения посредством миссий, институциональных хартий и кодексов академического поведения должна активно и целенаправленно способствовать распространению ценностей, норм, практик, верований и допущений, ведущих институциональное сообщество в целом к утверждению этоса». А основаниями *академического этоса* считают «принципы уважения достоинства и физической и психической неприкосновенности людей; обучения в течение всей жизни; развития знания и повышения качества вовлечения в образование; участия в демократическом процессе, активной гражданской позиции и равенства».

Декларация утверждает значимость *академической добросовестности* в процессе преподавания и обучения. «Ключевыми ценностями добросовестного академического сообщества являются честность, доверие, прямота, уважение, ответственность и подотчетность. Эти ценности не только важны сами по себе, но и жизненно необходимы для обеспечения эффективности и качества преподавания и исследовательской деятельности». Конкретизация этих ценностей соответствует стандарту нормативного блока классического этического документа. *«Каждый академический деятель должен стремиться к честности и лишь потом распространять это устремление на остальных членов академического сообщества, последовательно*

воздерживаясь от лжи, мошенничества, краж и других форм нечестного поведения, подрывающих качество академических степеней. Взаимное доверие всех без исключения членов академического сообщества – непременная особенность рабочей обстановки, способствующей свободному обмену идеями, а также творчеству и личному развитию. Честность в преподавании, оценке успехов студентов, исследованиях, карьерном продвижении и иных начинаниях, связанных с присвоением степеней, должна основываться на законных, прозрачных, справедливых, предсказуемых, последовательных и объективных критериях. Свободный обмен идеями и свобода самовыражения основываются на взаимном уважении всех членов академического сообщества независимо от их иерархического статуса. Отсутствие подобного обмена отрицательно сказывается на академическом и научном творчестве».

Представляется актуальным факт выделения в качестве самостоятельного элемента декларации параграфа об *этике менеджмента* в образовании. Отметим здесь (а) тезис о том, что «по отношению к предпринимательской и коммерческой деятельности органы управления должны применять наилучшие практики ...для соблюдения правовых норм и сохранения ключевых академических и этических ценностей. Академические деятели, студенты и работники должны следить за тем, чтобы привлечение дополнительных прибылей не наносило ущерба качеству преподавания и исследований и уровню интеллектуальных стандартов» и (б) предложение «рассмотреть возможность учреждения институциональной процедуры "этического аудита"».

В параграфе «Исследования, основанные на академической честности и социальном реагировании» авторы декларации не только отмечают значимость интеллектуальной свободы и социальной ответственности как ключевых ценностей научно-исследовательской деятельности, но и полагают, что «в присущих XXI веку более открытых системах обучения и производства знаний эти ценности

должны не конфликтовать, а усиливать друг друга». При этом разработчикам кодексов научной этики рекомендуется не ограничиваться описанием стандартов – такого рода кодекс «должен содержать как стандарты, так и процедуры их практического воплощения, что позволит избежать поверхностности, бессодержательности, лицемерия, коррупции и безнаказанности».

Структура декларации не была бы классической, если бы не включала раздел «Поддержка практического воплощения ценностей и этических принципов». В числе механизмов реализации – обеспечение равновесия «между общественным благом и коммерциализацией без ущерба для ключевых ценностей академического этоса»; создание управленческой системы, «обеспечивающей возможность коллегиального принятия решений».

СОЧЕТАНИЕ двух установок: на *управление развитием* этики образования в системе высшего образования, с одной стороны, и на создание этических документов *коллективами* университетов – с другой, мы находим в опубликованном под заголовком «Ethics Matter: managing ethical issues in higher education»¹¹⁸ Обращении Совета по вопросам высшего образования Великобритании к университетам. Констатируя необходимость создания документов, отражающих этические нормы и политику каждого учебного учреждения, авторы Обращения выделяют актуальную проблематику: большинство университетов имеют в своем распоряжении разработанные правила в отношении этики ведения научных исследований, но ни в одном из британских университетов нет принятого кодекса этики в отношении работы приемной комиссии, защиты равных прав, свободы слова, предотвращения расовой дискриминации на кампусе т.д.

При этом университетам не предлагается какой-либо образец документа. Прежде всего потому, что, по мнению авторов, сама идея создания университетских кодексов

¹¹⁸См.: www.2edu.ru/2edu/2edu.nsf/Display?OpenAgent&PageName=doc.html&root_id=articles&doc_id=235C915.

этики предполагает коллегиальное обсуждение в каждом из университетов. А вместо образца будущим создателям кодексов конкретных университетов предложена технология такого рода коллективного морального творчества: несколько ситуаций, решение которых могло бы, по мнению авторов Обращения, послужить «отправной точкой» для проектирования этического кодекса. Первая ситуация: должен ли менеджер, которому стали известны секретные планы по сокращению штатов, предупредить об этом сотрудника, если тот собирается в самое ближайшее время взять крупный кредит? Вторая ситуация: должен ли университет принимать иностранных студентов, если те сотрудничают с правительственными структурами, нарушающими права человека? Третья: насколько активно ученые, занятые разработкой лекарственных препаратов, должны сотрудничать с компаниями, производящими фармакологические продукты?

В то же время, предполагая, что единого для всех университетов кодекса быть не может, авторы делают из этого предположения исключение ради некоторых «универсальных табу», в число которых входят взятки и плагиат.

Отметим в этом тексте спорный, на наш взгляд, момент. Руководству университетов предлагается *последовать примеру бизнес-структур* и принять меры к созданию кодексов до того, как возникнут конфликтные ситуации. Понятно, что это предложение мотивировано более глубокой проработанностью этики бизнеса и менеджмента – по сравнению с этикой образования. Однако даже в условиях коммерциализации сферы образования весьма рискованна аргументация типа «этика маркетинга предполагает честность по отношению к конкурентам» – за такой рекомендацией легко обнаружить склонность интерпретировать образование как *сферу услуг*.

ХАРАКТЕРНАЯ черта практики этического кодифицирования образовательной деятельности – внесение в нее логики и языка менеджеризма, вольно-невольной отождествляющей корпоративную культуру высшего учебного

заведения с корпоративной культурой бизнес-организации. Оставляя нашу критическую аргументацию по поводу такого рода практики до третьего параграфа, ограничимся здесь акцентированием самого феномена отождествления двух весьма различных культур – бизнеса и образования. А в качестве примера рассмотрим проект «Кодекса корпоративной этики Современной гуманитарной академии»¹¹⁹.

Структура этого документа тоже вполне классическая – с точки зрения классики корпоративных кодексов. Но нас интересуют его *язык*, язык мотивов и требований к профессионалам. В формулировке задач кодекса читаем: «определение основ взаимоотношений СГА с *клиентами, деловыми партнерами* и конкурентами, разграничение прав внутри корпорации; ...разъяснение сотрудникам СГА их персональной ответственности за исполнение своих должностных обязанностей и роли в реализации миссии *перед клиентами, к которым относятся студенты, и деловыми партнерами*». «Корпоративный» язык определения задач здесь не случайный. В статье 8 («Обязанности сотрудников как членов корпорации») читаем: «Сотрудники действуют, в первую очередь, в интересах академии, отдавая им приоритет по отношению к собственным интересам или выгодам». Даже если помнить, что СГА – негосударственный вуз, как быть с природой образовательной деятельности, не сводимой к природе бизнеса?

Наиболее открыто «говорящая» о *бизнес-формате* этического кода академии – статья «Правила поведения в коллективе». Не требуют комментариев прозрачно декларируемые мотивы «этического кодифицирования». «*Сплоченность коллектива и соучастие, присущие СГА, позволяют быстро и с низкими затратами решать возникающие рабочие проблемы, что повышает конкурентоспособность компании и ее привлекательность в образовательном пространстве. Схемы принятия решений и ценностные ориентации в коллективе остаются устой-*

¹¹⁹ www.muh.ru/sotr_kodeks.htm?user=747638383b75967abfb53bb0673ba2af.

чивыми и стабильными, периодически обновляясь из соображений эффективности. Повышение конкурентоспособности СГА через работу сотрудников происходит путем организации совместной, коллективной работы и заботы о повышении квалификации наемных работников. Приветствуется умение работать в команде. При общении по рабочим вопросам руководства и подчиненных недопустимы личностные влияния с любой стороны, выработка решений, несоответствующих принципам справедливости. Между сотрудниками одного должностного уровня допускается неформальное разрешение рабочих проблем, если это способствует наиболее эффективной работе. Приветствуется решение текущих вопросов (в рамках компетенции) сотрудниками одного уровня, без привлечения руководства».

Еще раз подчеркнем, что это вполне квалифицированный корпоративный документ, вполне классического стандарта. Более того, в состав этических документов высших образовательных учреждений могут быть перенесены некоторые правила корпоративной культуры, как, например, приветствуемое в статье 12 («Общий стиль решения конфликтных ситуаций») «решение конфликтов при помощи двухсторонних и многосторонних конструктивных переговоров», поощрение «предупреждения потенциально конфликтных ситуаций» и такое правило: «При разрешении конфликта соблюдаются принципы естественной справедливости и процедурной честности». Вполне уместно заимствование кодексами университетов такого рода правил, которые описаны в статье 15 «Подарки и услуги». Но все дело в (не)адекватности *оснований* такого рода кодексов природе образовательной деятельности, в (не)уместности наделения их статусом нормативно-ценностного документа *в сфере образования*.

В КАЧЕСТВЕ своеобразной антитезы подведению этических документов в сфере образования под стандарты *корпоративной этики* обратим внимание на такое основание кодифицирования этики образования, как сложная *система* ответственности образовательной деятельности

перед (а) «заказчиком», (б) профессией и (в) обществом. Характерна в этом плане проблематизация этики образования в американском исследовании «Моральные измерения преподавания»¹²⁰: «Чем являются общественные общеобразовательные школы для демократического общества?»; «Для чего и для кого они существуют?»; «Чьи интересы они обслуживают и чьи должны бы обслуживать в системе обязательного образования?»; «Какова природа взаимоотношений между интересами индивидуума, семьи, сообщества, государства и общества?». (На наш взгляд, и методологически, и содержательно эти вопросы имеют непосредственное отношение к проблемам этики образования в целом, высшего образования – в том числе.)

Авторы исходят из сочетания концепции педагога как *морального агента* с концепцией ответственности педагога за достигнутые результаты и за качество стандартов, которые он поддерживает при осуществлении профессиональной деятельности, не просто перед «поставщиком» – должностным лицом в сфере управления образованием, а перед учениками, их родителями и перед коллегами по профессии.

В специальном параграфе, посвященном профессионально-этическим кодексам в педагогической сфере – «Кодекс практики»¹²¹, – разрабатывается идея сочетания профессионального и *надкорпоративного* моментов про-

¹²⁰ The Moral Dimentions of Teaching. Eds.: J.I. Goodlad, R. Soder, K.A. Sirotnik. SanFrancisco-Oxford: Josey-Bass Publishers, 1991. Реферативный вариант некоторых глав из этой книги представлен в ряде выпусков ж. «Ведомости» НИИ ПЭ (11, 13 и др.).

¹²¹ The Moral Dimentions of Teaching. Eds.: J.I. Goodlad, R. Soder, K.A. Sirotnik. SanFrancisco-Oxford: Josey-Bass Publishers, 1991). См.: Этика современного образования (Продолжение реферата избранных глав книги «Моральные измерения преподавания» / Под ред. Д. Гудлэд, Р. Содер, К. Сиротник. Сан-Франциско – Оксфорд, 1991 / Цивилизационные парадигмы воспитания. Ведомости. Вып. 13 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1999).

блематики кодексов, соотнесения ценностей и норм профессионально-этических кодексов с позицией общественности. В характеристике кодекса как свода моральных правил учитель квалифицируется как сознательный моральный агент, моральные обязательства которого вырастают из моральных императивов; при этом моральная автономия должна соответствовать требованиям и ожиданиям общественности.

Характерное замечание: учителя, как и другие профессионалы, «могут быть ослеплены своей ролью». Поэтому сам процесс составления кодекса должен основываться не на вопросе педагога: «Входит ли это в сферу моей компетенции?», а скорее на вопросе: «Удовлетворило бы это меня в качестве кодекса для учителя моих собственных детей?». Такой тест, убеждены авторы, не тривиальная сентиментальность, ибо в нем – выражение принципа морального равенства, обязывающего учителя принять точку зрения общественности.

ОТВЛЕКАЯСЬ от критикуемого нами отождествления образования со «сферой услуг» и соответствующего такому подходу бизнес-языка кодексов, сосредоточим внимание на конструктивных представлениях о способах создания этических кодексов. Выделим среди немногочисленных кодексов отечественных профессиональных ассоциаций в сфере образования «Кодекс профессиональной этики преподавателей МВА»¹²².

В преамбуле документа отметим, во-первых, что ориентированный на поддержание высоких этических стандартов профессиональной деятельности этический документ Международной ассоциации преподавателей МВА трактуется как своего рода *общественный договор*, добровольно заключенный причастными к ассоциации преподавателями. Во-вторых, подчеркивается, что кодекс *не является точным алгоритмом поведения во всех возможных ситуациях профессиональной деятельности*. Его роль – установить *общую систему ценностей* и пред-

¹²² См.: www.greencity-nn.ru/?id=354.

ложить *общие принципы поведения* членов ассоциации в их профессиональной деятельности. В-третьих, сформулированные в кодексе общие принципы предлагаются членам ассоциации в качестве *ориентира при выборе этического варианта поведения в различных контекстах*.

Корпоративный (корпорация как сообщество) характер кодекса вполне сочетается с двумя *надкорпоративными ориентирами*, связанными (а) с уважением прав человека, его достоинства и индивидуальности и (б) соблюдением членами ассоциации как общечеловеческих норм, так и этических стандартов делового поведения.

Формулируя *этические нормы профессионального поведения*, кодекс подчеркивает намерения МАП *осуществлять свою профессиональную деятельность в соответствии с интересами общества и с полным уважением к достоинству личности; открыто и честно информировать общественность о характере и качестве образовательных услуг*.

Регулируя внутрикorporативные отношения, кодекс формулирует обязательство члена ассоциации *демонстрировать уважение к профессионально-этическим принципам научной и преподавательской работы, к деятельности ассоциации; отстаивать свои взгляды, идеи и концепции, невзирая на конъюнктуру и авторитеты, при этом его отношение к другим идеям и людям – авторам или сторонникам этих идей – отличается терпимостью и уважением*.

МЫ НЕ СТАВИМ себе задачу сформулировать здесь этико-прикладную концепцию проектирования кодексов, конвенций и т.п. этических документов – во многом она представлена в предшествующей главе. Тем не менее приведем фрагменты разработанного нами «кодекса для кодификаторов»¹²³ с предельно краткими комментариями.

Эпиграф этого документа: *«Сказочный витязь на*

¹²³ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень: НИИ ПЭ, 2005.

перепутье – не читатель, а писатель!». Кодекс должен быть итогом морального творчества самого профессионального сообщества, а не «спущен сверху». При этом *«Формирование кодекса “снизу” не панацея!»*. Проектирование кодекса самим сообществом – не гарантия этической идентичности документа. *«Нет подлинного кодекса без кредо»*. Конкретную аргументацию этого тезиса мы представим в параграфе 3. Одно из условий этической идентичности кодекса: *«Договаривайся! Профессиональная мораль – в отличие от этики любви и дружбы – живет по законам рациональности. Эти законы – “правила игры” – создаются на основе конвенций»*. Еще одно условие: *«Не “внедряй”, а “выращивай”! Майевтика, а не тренинг»*.

3. Миссия-кредо университета: анализ случая

Следующая (за описанием нормативно-ценностной системы образовательной деятельности) задача характеристики этики образования в духе нашей концепции прикладной этики – предъявление *проектного* способа освоения «образовательной» территории «ойкумены» прикладной этики. Соответственно, в этом параграфе представлена *модель освоения «ойкумены»*, определяемая нами как *проектирование в режиме внутреннего консультирования* процесса самопознания университета. Университета, рефлексирующего свою миссию в статусе субъекта трансформации.

3.1. Миссия-кредо Тюменского государственного нефтегазового университета

(Версия для обсуждения на ученом совете)

МИССИЯ университета – формула его *предназначения, оправдания* его жизни, *смыслоопределения* («во имя чего?») для ответов на вопросы «куда? зачем? каким образом?».

Миссия-кредо, *мировоззренческий ориентир* профессорско-преподавательского корпуса, основание профессионально-этического кодекса универси-

тета как *научно-образовательной* корпорации; «*цель целей*», *основание* стратегического целеполагания для управления университетом.

Воплощенная в этическом кодексе и стратегических документах университета миссия-кредо ТюмГНГУ как его притязание на самоопределение – это не ложный пафос профессоров и менеджеров, но осознание ответственности за возложенный на себя долг (не просто «функцию»). Поиском своей миссии университет добровольно возлагает на себя выходящую за пределы функциональных обязательств *сверхзадачу* служения *идеи* университета.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ нашего университета исходит из идентификации научно-образовательной деятельности как *высокой* профессии. *Высокой* профессии, которая задает ориентир всем другим, обеспечивающим ее профессиям университетской корпорации. *Высокой* профессии, в которой *мотив* «служения в профессии» приоритетен перед *интересом* «жизнь за счет профессии». Именно ценностный мир науки и образования как профессий, *призванных к самоотверженному служению* (что ни в коем случае не исключает честного заработка профессионала), – системообразующий ориентир самоопределения университета.

ТЮМЕНСКИЙ государственный нефтегазовый университет идентифицирует себя как ценностно-ориентирующий субъект становящихся в России гражданского общества и правового государства – социальный институт *ценностной ориентации*, призванный *образовывать*:

- общество и государство, ориентируя их в процессе выбора системы ценностей на образы *гражданского общества* и *правового государства*;
- человека, *адекватного* гражданскому обществу, независимую *личность* с чувством собственного достоинства, способную принимать в ситуации выбора свободное решение – и быть ответственной за него,

умеющую жить в условиях открытого общества, в ситуации неопределенности. Личность, не исчерпываемую ролью профессионала, а потому ожидающую от университета не только прагматичных знаний в сфере избранной специальности, но и гражданских знаний (значимых в современном мире не меньше, чем первые) и приобщения к миру культуры.

ТЮМЕНСКИЙ государственный нефтегазовый университет стремится к идеалу современной *научно-образовательной* корпорации, в которой *высокие профессионалы*, объединенные «духом университета», призваны готовить своих выпускников к *службе в профессии*.

ТЮМЕНСКИЙ государственный нефтегазовый университет стремится формировать у своих выпускников потенциал *успешных* профессионалов: конкурентоспособных личностей – с равным ударением на значение как прилагательного, так и существительного; профессионалов, атрибутами компетентности которых является не только уровень владения специальностью, но и профессионально-этическая компетентность, и гуманитарная компетентность в целом; которые умеют *ставить* задачи, а не только выполнять их; компетентных личностей, мобильных, предприимчивых, способных к самостоятельному проектированию профессиональной биографии, опираясь на свой «человеческий капитал».

СТЕПЕНЬ соответствия Тюменского государственного нефтегазового университета идеальному образу научно-образовательной корпорации определяется мерой успешности осознания и решения *дилеммы самоопределения* современного отечественного университета: университет – «хозяйствующий субъект» или научно-образовательная корпорация? научно-образовательная деятельность университета «сфера услуг» или *высокая профессия*?

В такой проблемной ситуации Тюменский государственный нефтегазовый университет занимает

рациональную позицию, проектируя свою миссию как *реально-должное*. Это предполагает, что ценностные приоритеты университетской корпорации не тождественны духу и «правилам игры» некоей бизнес-корпорации – промышленной или финансовой, производящей *товар* как предмет *купли-продажи* и, как правило, ориентированной только на прибыль. Не имея возможности и права пренебрегать требованиями «заказчика» и «потребителя», университет, во-первых, видит своим «заказчиком» не только *производственную сферу*, но потребности общества в целом; и, во-вторых, не сводит свое *назначение* к роли «делового предприятия на рынке образования», считая своей миссией *возвышение* соответствующей рынку утилитарной *функции* «кузницы кадров» до высокого *смысла* «духовного производства человека». Университет *подчиняет* свою прагматическую стратегию ценностным ориентирам научно-образовательной профессии. Даже в сложных рыночных обстоятельствах, ограничивающих независимость *высоких* профессий, их миссия не отменяется. Как это ни парадоксально, но именно в таком самоопределении – шанс прагматического успеха университета.

ВЫБОР миссии – важнейший предмет ответственности современного университета. Ответственности *перед* регионом, государством, обществом. Ответственности за профессиональные и жизненные биографии своих выпускников. За профессиональные и жизненные биографии преподавателей и сотрудников самого университета.

3.2. Комментарии

3.2.1. Методологическая позиция

НАЧНЕМ комментарий к версии текста миссии-кредо ТюмГНГУ с тезиса о необходимости теоретико-методологической нацеленности кажущейся «чисто прагматической» работы.

(А) Декларированное в первом же абзаце текста *восхождение к идее* современного университета предполагает в качестве *методологического условия* предваряющее *этико-прикладное* исследование феномена миссии, идентификацию этого феномена как элемента нормативно-ценностной системы образовательной деятельности – *этики образования*, а не как феномена *менеджеристского* видения.

В ситуации начавшегося в последние годы отечественного бума университетизации¹²⁴ и порожденного им массового процесса оформления миссий, который лишь в редких случаях соответствует задаче подлинной самоидентификации университетов, важно вовремя предвидеть и, по возможности, профилировать вполне прогнозируемые последствия-риски. Одна из причин значимого *риска* связана с особенностью интерпретации понятия «миссия» и его роли в общеменеджеристском подходе, апплицируемом – в буквальном смысле этого слова – к ситуации университета без стремления понять особенность этой *институции*.

Речь идет, прежде всего, о таких рисках, как *банализация* содержания и роли миссии университета, «позволяющая» в порыве «менеджеристского фундаментализма», нередко сопровождающегося еще и бюрократическими «добродетелями», редуцировать роль миссии до функции стратегического целеполагания в деятельности *организации*. Естественно, что некоторые высшие менеджеры с трудом скрывают *усталость* от долговременного будирования рефлексии на «тему миссии»: «мы уже давным-

¹²⁴ Один из моментов зарубежной ситуации коммерциализации образования, проблематизирующих идентичность университетов, отмечен в статье с характерным названием «Возвышение псевдоуниверситетов»: «Традиционным университетам в условиях конкурентной среды XXI века необходимо тщательно откорректировать представления о своей миссии. ...Для начала хорошо бы “воскресить” свое собственное имя» (Альтбах Ф.Г. Возвышение псевдоуниверситетов // Вестник высшей школы. 2001, № 12. С. 41).

давно самоопределились!». Но определились лишь в *менеджеристском* видении миссии! Склонном акцентировать в успешности университета лишь одну сторону, инвариантную для любой организации: эффективность университета как «бюрократически организованного делового предприятия», не тождественную эффективности университета как особой – *научно-образовательной* – институции.

Тенденция банализации проблемы самоопределения университета чревата *паллиативным* результатом: лишается мотивации принятие ответственности за поиск *баланса* между гуманитарной и менеджеристской сторонами процесса самоопределения университета, между его способностью адаптироваться к рынку и, с другой стороны, самоопределиться к *идее* университета. Еще «вчера» важно было доказать, что российские университеты объективно вовлечены в напряженную *ситуацию выбора* стратегии своего развития, и подчеркнуть, что не все из них осознают ее как свою собственную задачу самоопределения. Некоторые университеты просто «прошли мимо» этой задачи, решая «более важные», насущные проблемы дня; для других проблема самоопределения вообще не существует: «достаточно лишь воспроизводить советскую систему образования»; есть университеты, склонные принять вызовы новой ситуации, но они нередко упрощают сложность проблемы выбора, сводя ее к организационным и финансовым трудностям процесса реформирования экономики и образования.

А сегодня уже надо доказывать не только актуальность «темы», но острую необходимость перехода от доказательства актуальности самоидентификации университета через проектирование миссии к обеспечению *гуманитарно-методологического* консультирования и проектирования процесса самоидентификации. Идея такого консультирования и предполагает возвышение рефлексии о миссии университета до категориального гнезда *этики образования*. Рефлексии на языке профессионально-этического императива, а не административного решения, принимаемого в рамках деятельности организации, рабо-

тающей в «сфере услуг».

Миссия университета в этом смысле – *категория прикладной этики*, а не стратегического менеджмента. Разумеется (!) этот подход не отменяет (не может отменить!) законов стратегического менеджмента. Но миссия в ее гуманитарном измерении – миссия-кредо – скорее *ценностно-рациональна*, чем *целерациональна*.

(Б) Не декларируемая в тексте документа методологическая позиция проектирования-консультирования заключается в культуре *фронезиса*, диалогическая, «понимающая» природа которого не допускает упрощенного толкования отношений «консультант – клиент», предполагая не столько передачу полученного исследователем результата для «внедрения», сколько совместный (эксперта и ЛПР, ГПР) поиск решения проблем. Речь идет об особом стиле проектной деятельности: условие ее эффективности – опора на моральное творчество субъекта.

(В) Методологическая позиция нашего проекта предполагает определенную интерпретацию феномена *самоопределения университета*.

Как известно, самоопределение – процесс и результат жизненно важного выбора субъектом в определенных, предполагающих альтернативное решение, обстоятельствах, способ реализации свободы выбора, автономии субъекта. Задача самоопределения становится актуальной в проблемных ситуациях, требующих от субъекта определить свой собственный путь, став причиной своего собственного развития (самодетерминация). Важнейшим фактором самоопределения субъекта является ценностный выбор, определяющий стратегию деятельности.

Для исследования феномена самоопределения университета через проектирование своей миссии представляется целесообразным подчеркнуть значимость *неадаптивного* характера самоопределения субъекта относительно мира ценностей.

Одна из известных точек зрения на сходство и различие между адаптацией и самоопределением выделяет их сходство в том, что «и первое, и второе означают реак-

цию на окружение», а различие в том, что «самоопределение подразумевает более активный ответ среде». Характерна конкретизация этой точки зрения: «адаптация преобладает, когда индивид или группа вынуждены или предпочитают подчиняться обстоятельствам, принимать их, даже если они неблагоприятны, т.е. следуют той формуле, которая убедительно отрицается в песне, исполняемой группой “Машина времени” – “прогибаться под изменчивый мир”. Когда же индивид или группа владеют обстоятельствами, противостоят им или, более того, используют их в своих интересах, преобладает самоопределение»¹²⁵.

С нашей точки зрения, в дополнение к этому плодотворному различению адаптации и самоопределения уместно подчеркнуть, что моральное самоопределение – таковым является самоопределение университета через проектирование своей миссии – это не большая, по сравнению с адаптивностью, мера *реактивности* поведения, но акт нравственной *активности*. Активности во имя избранной миссии, не сводящейся к реактивному целеполаганию и планирующей проектирование научно-образовательной корпорацией своей биографии.

Поэтому миссия-кредо университета – *надстратегический ориентир самоопределения, смыслоориентирующее основание* как проектирования кодекса университета, так и разработки стратегии университета. Именно так она представлена в проекте «Миссия-кредо ТюмГНГУ». Версия текста с комментариями, акцентирующими тему *пути* университета к определению своей миссии, опыта *пути*, – и составляет основное содержание данного параграфа (чтобы не спутать два значения термина «проект», мы говорим, что результатом *проектной деятельности* по созданию миссии университета явилась *версия* текста).

¹²⁵ Константиновский Д.Л. Самоопределение или адаптация // Мир России. 2003. № 2. С. 124-125.

3.2.2. Язык рефлексии

СЛЕДУЮЩИЙ шаг комментария – констатация *неслучайности* ее первого абзаца, намеренно открываемого с определения понятия.

Еще на старте процесса проектирования мы предложили тезис о том, что самоопределение университета через рефлексию своей миссии требует осознания того обстоятельства, что уже сама интерпретация понятия «миссия» – *проблема*. Проблема, заключающаяся прежде всего в необходимости выхода за рамки привычного для большинства университетов *языка рефлексии* на тему миссии.

Как было отмечено в документе «10 новых тезисов НИИ прикладной этики университету», частично представленному во втором параграфе, рефлексиирующему университету даже в самых трудных обстоятельствах выживания предстоит вывести язык самопознания за рамки категорий *прагматики и маркетинга* и попытаться перевести рефлексию на *язык смыслов и ценностей*. При этом подчеркивалось, что стремление навсегда избавиться от характерной для советского опыта тотальной идеологизации всей жизни, с одной стороны, ответить на вызовы коммерциализации, маркетинга социальной сферы – с другой, лишь *объясняют* процветание прозаического языка прагматики, но *не оправдывают* угасание возвышенных смыслоценностных акцентов в трактовке природы образования в целом, задач университета – в том числе.

Для настойчивой проблематизации сложившейся отечественной практики языка исследовательской рефлексии на тему «миссия университета» и конструирования характеристик миссии в конкретных университетах у нас были вполне определенные аргументы. Очевидное доминирование двух взаимосвязанных факторов – абсолютизации «привязки» темы к менеджеристскому видению феномена «университет», во-первых; вольное-невольное размывание понятия «миссия», вплоть до его отождествления с целью и функциями управления, – во-вторых.

На понимание сути и последствий первого фактора «работает» констатирующее суждение о том, что «для подавляющей части вузов можно отметить недостаточный уровень практического освоения теории *управления организацией как хозяйствующего субъекта рыночной экономики*» и категорическое утверждение, согласно которому «основные идеи стратегического менеджмента носят универсальный характер, *не связаны никакими условиями с видом деятельности организации*. Это открывает возможность использовать стратегический менеджмент как способ управления, в том числе и высшими учебными заведениями» (курсив наш. – В.Б., Ю.С.)¹²⁶.

Отметим, что такой подход – не только отечественное явление. Характерно наблюдение польского исследователя Ю.Яблецкой о появлении в публикациях на темы образования нового терминологического ряда, заимствованного из «экономического анализа функционирования высшего образования». «Сегодня все чаще вместо того, чтобы говорить о “профессорско-преподавательском составе” или “учебно-вспомогательном персонале”, ведут речь о трудовых ресурсах и кадровом потенциале; что же касается студентов, то их рассматривают в таких категориях, как “клиент”, “стратегический ресурс”»¹²⁷. Стоит отметить, что сама автор этой констатации склонна к поддержке такого терминологического ряда

Уместно подчеркнуть, что абсолютизация менеджистского подхода характерна не только для теоретических рассуждений, но и для практики рефлексии вузов о своей миссии. Об этом свидетельствуют материалы сайтов ряда отечественных университетов¹²⁸. Разумеется,

¹²⁶ Макаркин Н.П., Томилин О.Б. Миссия университета // Университетское управление. 2003. № 5-6.

¹²⁷ Яблецка Ю. Миссии организации и университета: некоторые особенности // Альма-матер. 2004. № 9. С.4.

¹²⁸ Их обзор см.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Миссия университета: смысловые ориентиры самоопределения // Миссия университета. Ведомости. Вып. 30 / Под ред. В.И. Бакштано-

целеопределение необходимо. Но в приведенных случаях оно фактически оказывается самоценным, а не конкретизирующим *собственно* миссию университета.

ОДНАКО отмеченные особенности исследовательских и проектных подходов к формулированию миссии университета – только часть нашей *проблематизации* самоопределения университета через миссию. Не менее значима и проблематизация категориального ряда, в который вписывается именно понятие «миссия», даже «миссия-предназначение». Например, разработчики проекта миссии Томского политехнического университета говорят о понятии «миссия» как некоем «видении» будущего университета, «которому можно соответствовать и к которому необходимо стремиться»; о том, что миссия – «это большее, чем стратегическая цель, это главный “посыл”, который несет университет окружающему миру». В процессе обсуждения проекта соответствующего документа на страницах университетской многотиражки говорилось, что «Миссия университета – это миссия предназначения», что «Миссия не “выполняется”, а служит маяком». Вполне гуманитарный категориальный ряд?

Однако в обосновывающей этот текст научной статье¹²⁹, ссылающейся на принятое различие видов миссии (миссия-предназначение, миссия-ориентация, миссия-политика, бизнес-идея и другие), говорится, что «*миссия-предназначение* указывает на сущность и назначение организации (виды деятельности, характер продукции и услуг, круг потребителей, смысл существования и причина возникновения и т.д.). В связи с этим авторы выделяют ряд конкретных требований к содержанию формулировки миссии-предназначения, в которой должны быть указаны: основное направление деятельности организации; основные категории клиентов; потребности клиентов, удовле-

вского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2007.С. 135-137.

¹²⁹ Агранович Б.Л., Похолков Ю.П. Миссия инновационного (предпринимательского) университета. Томский политехнический университет // Инженерное образование. 2004. № 2. С. 6-11.

творяемые конечными продуктами деятельности организации; отличительные признаки, подчеркивающие особенности организации, позволяющие клиентам выделить организацию среди других» и т.д.

В то же время в теоретических исследованиях миссии университета и в университетской практике можно найти прецеденты выхода за рамки абсолютизации менеджеристского подхода, случаи трактовки миссии университета в ее гуманитарном измерении. Например, в рассуждениях о миссии университета в белорусской культуре мы находим характеристику миссии в тесной взаимосвязи с призванием, утверждение, что «миссию – некое фундаментальное назначение (человека, института, нации, культуры) выполняют, “несут” для кого-то и ради кого-то». При этом «принято считать, что к несению миссии призваны, и эта призванность отнюдь не профанного порядка, напротив, она притязает быть явлением самого высокого значения»¹³⁰. В характеристике миссии Иркутского госуниверситета отмечается, что «миссия является идеальной целью, в которой дается разумное объяснение университету, его месту и предназначению в мире. Это также суммирование тех норм и ценностей, которые помогают университету функционировать как единое целое». Интересной попыткой формулирования миссии в ее многогранности, с одной стороны, при четком различении миссии и целей-задач университета – с другой, при выведении целей из миссии – с третьей, является документ «Миссия Таврического университета».

Можно с достаточной уверенностью утверждать, что гуманитарный язык рефлексии о миссии университета – естественное следствие выведения содержания его миссии из *идеи* университета, которая при всей своей социокультурной динамичности¹³¹ рассматривает университет

¹³⁰ Университет как центр культурупорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / Под ред. М.А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2004. С. 29.

¹³¹ См., напр.: Хабермас Ю. Идея университета. Процессы

не столько как «бюрократическое учреждение», сколько как научно-образовательную корпорацию, вдохновляемую ценностями *высокой профессии*.

Именно в итоге гуманитарной проблематизации сложившейся теории и практики проектирования миссии университетов документ «Миссия-кредо» ТюмГНГУ начинается с понятия, раскрываемого через такие характеристики, как «*оправдание жизни университета*», «*кредо профессорско-преподавательского корпуса*», «*выходящая за пределы функциональных обязательств сверхзадача служения идее университета*», благодаря которым «привычные вопросы выбора стратегии “куда? зачем? каким образом?” обогащаются вопросом о смысле: “*во имя чего?*”».

3.3. Опыт пути: от ригористической идеи к конвенциональному проекту

3.3.1. Археология проекта

ЭСКИЗНЫЙ анализ допроектных (предшествовавших собственно работе над «Миссией-кредо») исследований и экспертно-консультативных акций дает возможность увидеть логику движения университета к своему этическому документу.

Например, материалы одного из первых среди проведенных НИИ ПЭ экспертных опросов, направленного на исследование отношения университетского сообщества ТюмГНГУ к проблемам корпоративного духа¹³². Существенный итог экспертизы – вывод ее участников о том, что развитие университета как научно-образовательной корпорации требует для своего успеха определенных ценностных ориентиров. В том числе такого, как отношение к самому университету как к *субъекту* трансформации. Университет сам себя полагает, утверждает, растит, фор-

обучения // Альма-матер. 1994. № 1.

¹³² См.: Богданова М.В., Согомонов А.Ю. Нефтегазовый университет как образовательная корпорация. Материалы пилотного этапа мониторинга // Дух образовательной корпорации. Ведомости. Вып. 1. Тюмень: НИИ ПЭ, 1995. С. 13-23.

мирует. В определенном смысле – это *«текст, который сам себя пишет»*, субъект, выстраивающий себя в ходе самоопределения.

Другой момент логики движения – рассмотренный во втором параграфе проект, благодаря которому происходило самоопределение высшего менеджмента становящегося университета и университетского сообщества в целом к современным дискуссиям о ценности профессионализма, их «примерка» к такому ориентиру миссии университетского образования, как *«дух и правила игры человека среднего класса»*. Ценности среднего класса могут (как показало исследование среди преподавателей, менеджеров и студентов ТюмГНГУ) стать ценностными ориентирами в подготовке выпускников уже потому, что ключевой ценностью человека среднего класса является профессионализм – основа выстраивания дальнейшей биографии.

Третий момент. В сценировании проекта «Университет как ценностно-ориентирующий субъект гражданского общества»¹³³, предполагающего экспертные опросы и цикл ректорских семинаров, были включены вопросы и тезисы для дискуссии, «сработавшие» на будущее исследование-проектирование миссии университета.

* Роль и значение университета в современном обществе выходят за рамки *непосредственных* задач, решаемых высшим учебным заведением. Университет – не только «кузница кадров», но и одна из основных социаль-

¹³³ См.: Университетская миссия и ценности гражданского общества // *Идея гражданского общества*. Ведомости. Вып. 22. Тюмень: НИИ ПЭ, 2003; Университет как ценностно-ориентирующий субъект гражданского общества (Программа цикла ректорских семинаров) // *Ценности гражданского общества*. Ведомости. Вып. 23. Тюмень: НИИ ПЭ, 2003; Нужна ли университету рефлексия образа человека гражданского общества, стремится ли университет принять на себя задачу формирования такого человека, видит ли университет пути решения этой задачи? (*Фрагменты стенограммы ректорского семинара*) // *Политическая этика: социокультурный контекст*. Ведомости. Вып. 24 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004.

ных институций, которая должна и способна *вырабатывать ценности*.

* В отличие от индустриального общества, определяющей сферой которого была промышленная корпорация, в постиндустриальном обществе университеты обретают роль *социокультурного центра*.

* «Продукт» деятельности университета – не *«специалисты»*, а *профессионалы* – люди, не только обладающие специальными знаниями, но и умеющие учить других людей и способные брать на себя ответственность за успешное продвижение общества по пути социального и духовного прогресса. Университет в этом случае культивирует в сознании будущего профессионала *ценность «человеческого капитала»* как одну из базовых ценностей *гражданского общества*, конкретизирующих свободу и ответственность человека в таком обществе.

* Если университет – *это институция, которая должна и способна вырабатывать ценности*, то, даже принимая тезис о том, что университет обязан удовлетворять потребности «клиента», не должен ли он *сам* создавать образы своего «продукта», которые удовлетворяют «клиента»? Или университет лишь «подделывается» под запрос «клиента»? Может ли университет допустить, чтобы «клиент» не знал, что ему надо? Но и в случае, когда «клиент» знает, что ему надо, не должен ли университет поспорить по поводу того, какой «продукт» он должен производить с *точки зрения ценностей гражданского общества?*

* Как можно охарактеризовать роль университета в формировании базовых ценностей гражданского общества, соответствующего характера взаимоотношений между людьми, их поведения: а) университет должен идти впереди общества, формулируя для него ориентиры («каков университет, таково и общество»)?; б) университет должен шагать в ногу с обществом, отражая сложившиеся обстоятельства («каково общество, таков и университет»)?; в) университет по сути является консервативным фактором в ситуации быстрых перемен? г) ...?

Четвертый момент движения: шаг на пути к проекти-

рованию миссии университета, связанный с рассмотренным выше документом «10 новых тезисов НИИ прикладной этики университету» (*новых тезисов* – потому что десять лет назад, на старте своей деятельности, НИИ ПЭ предложил университету аналогичный документ). Правда, прямая задача отрефлексировать миссию университета здесь еще не ставилась. Некая миссия скорее подразумевалась и неявно программировалась: а) прежде всего рефреном в каждом из десяти тезисов «*Чтобы соответствовать имени и своей социальной миссии, рефлексирующий университет должен...*»; б) проблематизацией ситуации университета посредством вопрошания «*переписывание вывески*» и/или «*смена имени*» и требованием определиться: действительно ли после *переписывания вывески* состоялась *смена имени*, соответствует ли реальное содержание трансформации *идее* университета, его *духу*?; в) конкретизацией задачи самоопределения университета через необходимость справиться с моральными дилеммами современного образования, удержав *идею* университета в изменяющихся обстоятельствах реформирования образования. Все это обусловило последующий выбор направления и способов деятельности по проектированию миссии.

В целом «10 новых тезисов» предлагали университету систему критериев самоопределения. Произошла ли *смена имени* по самому простому критерию: технический институт – нефтегазовый университет? По более сложному критерию: советский вуз – современный университет? По еще более сложному критерию: корпорация, ориентированная на оказание образовательных услуг (сосредоточенная на обслуживании потребностей и потому упускающая миссию смыслоопределения) и рискующая превратить коммерциализацию образования из необходимого средства в цель, – или корпорация людей, профессия которых является *служением делу духовного производства человека*, а потому не имеет права преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как бизнес-корпорация?

3.3.2. Экспертиза гипотезы о ценностных ориентирах самоопределения университета

Документ «10 новых тезисов» стал основой цикла гуманитарных экспертиз: внешней¹³⁴ и внутренней¹³⁵, предмет которых – сформулированная НИИ ПЭ гипотеза о ценностных ориентирах самоопределения университета.

Первая из этих экспертиз была сконцентрирована скорее на соотнесении гипотезы с *идеей* университета, вторая – с *реалиями* ситуации ТюмГНГУ. Тем не менее у них была общая задача. «Будьте реалистами – боритесь за утопию» – такой эпиграф мы предпослали своим заметкам, посвященным аналитическому обзору материалов внешней экспертизы¹³⁶. Прежде всего, обзору той части гипотезы, согласно которой научно-образовательная деятельность университета интерпретируется в терминах *высокой* профессии. Гипотезы, которую и мы сами оценивали как весьма рискованную конкретизацию идеи современного университета, его миссии: на первый (а то и на второй, и на третий) взгляд эта гипотеза кажется не только чужеродной для профессии, так как выходит за рамки ее становящейся привычной (само)идентификации в качестве «сферы услуг», но и вредной для университета – своим «утопизмом, противопоставляющим профессию реальности». Однако наша модификация известного лозунга 1968 года «Будьте реалистами – стремитесь к невозможному» относилась не к политике, предполагающей постановку

¹³⁴ См.: Самоопределение университета: нормативные модели и отечественные реалии. Ведомости. Вып. 27, специальный / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2005.

¹³⁵ См.: Десять лет спустя: новая ситуация самоопределения университета (Аналитический обзор экспертного опроса) // Свобода и/или справедливость. Ведомости. Вып. 28 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2006.

¹³⁶ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гипотеза о высокой профессии: между идеалом и реальностью // Самоопределение университета: нормативные модели и отечественные реалии. Ведомости. Вып. 27, специальный. С. 238.

целей, а к идее университета в ее «моральном измерении», ориентирующем на стремление к *должному*. Поэтому в гипотезе о научно-образовательной деятельности университета как о *высокой* профессии речь шла не об утопии, а о нравственно высшем, идеале. При этом, ориентируясь на интересы «анализа случая», мы сосредоточили свой анализ на (не)возможности идентификации научно-образовательной деятельности университета как *высокой* профессии с учетом шкалы «нормативные модели – отечественные реалии».

ОДНО ИЗ направлений самоопределения университета в рамках внешней экспертизы рефлексировалось как выбор в ситуации перепутья: менеджеристская и/или гуманитарная модель миссии? Снова ситуация нашего университета представлялась как развилка. Но теперь прогноз включал три вероятных сценария поиска и проектирования университетом своей миссии.

Сценарий первый: ТюмГНГУ может и дальше развиваться за счет совершенствования стратегического планирования – чем он успешно и занимается до сих пор. В этом случае университет должен лишь повышать эффективность в сфере «образовательных услуг», осваивая «правила игры», необходимые для коммерциализации образования, а проектирование миссии университета неизбежно сведется к *менеджеристскому* подходу в понимании миссии, вплоть до формата миссии бизнес-корпорации. Сценарий второй: ТюмГНГУ может развиваться в русле идеологии *бизнес-корпорации*, но при этом попытаться компенсировать эту идеологию мерами по гуманитаризации образования. В том числе открывая кафедры гуманитарного профиля и обществоведческие НИИ. В этом случае университет легко подберет из опыта других вузов, уже определивших свою миссию, наиболее подходящую формулу, адаптируя ее к своей специфике. Но фактически это будет лишь несколько смягченная версия менеджеристской модели миссии. Сценарий третий: ТюмГНГУ может развиваться именно как *научно-образовательная* корпорация, сообщество людей, служащих *высо-*

кой профессии, ориентированной на духовное производство человека. В этом случае поиск-проектирование миссии университета будет предпринят с ориентацией на *гуманитарную* модель миссии университета.

Вероятность каждого из этих сценариев оценивалась нами по убывающей от первого к третьему, и при таком тревожном, с нашей точки зрения, прогнозе мы предпочли дилеммный формат тезисов гипотезы. Разумеется, за таким форматом трудно было прочесть наше осторожное намерение спроектировать, опираясь на предполагаемые результаты экспертизы, еще один сценарий стратегии развития университета. Скорее всего *вместо* второго, склонного к эклектике.

РЕФЛЕКСИЯ проблемы самоопределения университета в процессе *внутренней* экспертизы была обращена прежде всего на попытку осмысления пройденного пути в новом статусе – десять лет после переименования ТИИ в ТюмГНГУ, на внутреннюю экспертизу жизни в координатах «университет», преимуществ и рисков реальной «университетизации», – это, одновременно, и оценка ситуации «состоялся ли университет?», и рефлексия индивидуальных профессиональных биографий, и тем самым конструирование образа нефтегазового университета на стыке реального и желаемого.

В рамках этой рефлексии обратим внимание на тему взаимообусловленности самоопределения университета – и самоопределения составляющих университетскую корпорацию профессионалов. Университет – корпорация профессионалов, каждый из которых строит биографию корпорации через проектирование своей индивидуальной биографии. Соответственно и рефлексия на тему успешности университета, его состоятельности, идентичности идее университета, не может быть полноценной без рефлексии экспертами их собственной жизни в профессии.

В своей повседневной деятельности человек, как правило, редко задумывается над тем, какой путь им пройден и как он пройден. Наверное, еще реже он соотносит свой профессиональный путь с направлением и харак-

тером движения той институции, в рамках которой совершается его профессиональная биография. Поэтому мы предложили в рамках экспертного опроса специальное направление, посвященное рефлексии успешных этапов в индивидуальных профессиональных биографиях участников экспертного опроса. Предполагалось, что рефлексия наших экспертов будет обращена на пройденный ими путь в профессии, при этом индивидуальная профессиональная биография будет маркироваться, прежде всего, событиями личностной значимости. Соответственно и образы успешного периода, проступающие через автобиографические описания, – это характеристики определенных, особо значимых для экспертов «ступенек» на их «лестницах успеха».

МЫ ПОЛАГАЕМ, что обе экспертизы существенно повлияли как на формирование цели, так и на результаты специального проекта «Миссия университета».

Обращаясь к аналитическому обзору материалов *внешней экспертизы*, отметим, во-первых, поддержку экспертами тезиса о том, что амбиция самоопределения университета не только возможна и «дозволительна», но и является предметом прямой ответственности каждого университета перед самим собой и перед обществом. Так, А.А. Гусейнов подчеркнул свое стремление *«акцентированно поддержать»* эту амбицию. *«Университет делает себя сам»*. Именно поэтому *«самоопределение, включающее ясный отчет и ответственное отношение к своим основаниям, целям и задачам, входит в понятие университета. Это важно всегда, вдвойне важно в периоды общественных ломок, реформ, радикальной переоценки ценностей»*.

В числе аргументов, с помощью которых эксперты оценивали *актуальность* идеи проекта: а) исчерпание прежней и необходимость формирования постсоветской идеи университета предполагает как критический анализ содержания прежней идеи, так и дискуссию *«по поводу новых содержаний»* (М.А. Гусаковский); б) *«перманентный идентификационный кризис»* современных университетов

– «сама *вывеска* “университет” утратила свое исконно строгое значение и стала употребляться *ad libitum*, и это приводит к чрезвычайной путанице в смыслах» (А.Ю. Со-гомонов); в) трактовка самоопределения университета как «*предпосылки и формы его ответственности вообще и в особенности в новых, коренным образом изменившихся условиях современной России*», является «*обоснованной, ценной и в высшей степени злободневной*» (А.А. Гусейнов) и др.

Во-вторых, отметим роль внешней экспертизы в обсуждении гипотезы о специфике научно-образовательной деятельности как *высокой профессии*, специфике, резко обостряющей моральные дилеммы самоопределения.

Напомним, что программа экспертного опроса основывалась на особой значимости трактовки образования как *высокой профессии для отечественной профессионально-нравственной ситуации*, в которой вхождение страны в рынок вовлекает профессионалов в напряженные моральные дилеммы. Профессионально-нравственная ситуация, переживаемая отечественной сферой образования в целом, ситуация отечественных университетов в том числе, как было отмечено в обосновании замысла проекта, характеризуется тенденциями к кардинальной *переоценке* смысла профессионализма и его места в ценностном мире образовательной деятельности. Прежде всего, такой заметной своей агрессивностью тенденцией в понимании природы образования, как редукция *профессионализма к сервису ремесленника*, умеющего создавать *товар* на потребу масс и продвигать его на рынок. В лучшем случае, ситуация в образовательной деятельности в условиях реформирования российского образования характеризуется дуализмом: трактовка образовательной деятельности как *профессии* дополняется трактовкой образовательной деятельности как *сервиса*. Но и в этом случае создается моральный конфликт, решение которого связано с тем, какая из двух этих сторон образовательной деятельности окажется базовой ценностью. Отсюда и одна из дилемм самоопределяющегося университета, кото-

рую мы сформулировали с помощью ригористической формулы: «хозяйствующий субъект, оказывающий образовательные услуги, сосредоточенный на обслуживании потребностей и упускающий миссию смыслоопределения, – или корпорация людей, высокая профессия которых предполагает миссию служения делу духовного производства человека (а потому не имеющая права преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как бизнес-корпорация)?».

ПОСВЯТИВ экспертизе (внешней) готовности/неготовности признать (или не признать) значимость самой постановки вопроса о необходимости намеренно идентифицировать образовательную деятельность в качестве высокой профессии, поиску аргументов «за» и «против» такой идентификации наш экспертный опрос, мы получили суждения, показывающие слабые места нашей гипотезы, и результаты, серьезно поддерживающие идею предстоящей работы над миссией университета. В том числе применительно к дилемме «высокая профессия» – «сфера услуг», занявшей в проекте «Миссия университета» центральное место.

Пытаясь сгруппировать полученные в результате внешней экспертизы суждения, нельзя не отметить, что ряд экспертов скептически отнеслись к идее об идентификации обсуждаемой профессии как высокой. Один из экспертов прямо возразил такой постановке вопроса: «Профессия не может быть высокой или низкой. Она либо есть, либо ее нет. Все остальное от лукавого». Более того, эксперт видит в такой постановке вопроса опасность «сознательной эксплуатации извечной пассивности русской интеллигенции» (О.Т.). Другой эксперт сформулировал контртезисы, вдохновленные неприятием пафосности характеристики профессии как высокой. С его точки зрения, в дилемме «хозяйствующий субъект, оказывающий образовательные услуги», – «служение делу духовного производства человека» соединены разные стили: прозаический и высокопарный («сервис», «заработок» как «прозаический язык прагматики» и высокопар-

ный – «высокая профессия», «самоотверженное служение человеку», «социальная миссия», «ответственность перед обществом» и др.). Как полагает эксперт, *«соединение пафосного стиля религиозно-этической проповеди с трезвой оценкой социального предназначения образовательной системы»* создает неадекватное впечатление дуализма, якобы присущего лишь современной образовательной деятельности (А.О.).

Обратившись к текстам тех экспертов, которые посчитали важным обсудить возможность и необходимость идентифицировать научно-образовательную деятельность в качестве *высокой* профессии, выделим ряд подходов.

1. Позиция *«конкретизирующая»*. Эксперты принимают идею идентификации образования как *высокой* профессии, но вносят ряд конкретизирующих постановку вопроса ограничений, корректив, уточнений.

(а) Один из участников экспертизы подчеркнул такую черту риска редуцирования образования к «сфере услуг», как *«пренебрежение социальными эффектами образования»*, которые *«подкрепляют исторически существующие социальные ожидания от педагогической профессии – как миссии и самоценности для общества»*. С точки зрения эксперта, если социальные эффекты образования не учитываются, если образование растворяется в сфере обслуживания, то *«социально-ролевые отношения между обществом и образованием начинают выстраиваться в плоскости отношений между клиентами и продавцами образовательных услуг. Если общество по отношению к образованию явно или неявно занимает социальные позиции потребителя и клиента, то взаимодействие между обществом и образованием устанавливается по принципу прагматического обмена (“ты – мне, я – тебе”) и складывается оппозиция “мы – они”, нарушающая отношения социального партнерства между образованием, бизнесом, обществом и государством»* (А.А.).

(б) Другой эксперт, подчеркивая, что в тезисе о противоположности установок на «высокую профессию» и

на «образовательные услуги» *«подмечено нечто в высшей степени важное»*, обращает наше внимание на то, что *«можно сколько угодно говорить о рынке образовательных услуг, но это не отменит традиции отношения к определенной профессии в обществе. ...Жива ли традиция именно такого отношения к профессии, о котором говорят авторы анкеты? – Безусловно, жива»*. *«Однако, – говорит он, – это ведь не вся правда!»*, ибо живы и другие традиции отношения к *высоким* профессиям. Даже если *выражение «рынок образовательных услуг»* является для нашего словаря сравнительно новым, то *явление образовательных услуг, «не сопряженных ни с какими высшими добродетелями профессионала-учителя», существует достаточно давно и в этом смысле тоже вполне традиционно. «От врача ждут не одного только высочайшего самопожертвования, но того, например, что он за взятку оформит нужную справку. Его нередко боятся и ненавидят так же, как ненавидели во времена Мольера. От университетского профессора ждут не только самоотдачи, а может быть, и вообще не самоотдачи, но того, что он поможет облегчить переход на следующую ступеньку лестницы социальной стратификации. Представьте себе, что по отношению к ожидающим именно этого он будет вести себя в соответствии с высокими задачами университета!»*.

Автор полагает, что поэтому не стоит сводить проблему к «простой альтернативе: либо мы выбираем служение высшим целям, либо остаемся в низменной сфере рынка образовательных услуг». С его точки зрения, *«правильный, в сущности, вопрос можно было бы повернуть немного по-другому»*, учитывая, что *«серьезные ограничения налагаются на университет не выбором в пользу прагматичной стороны альтернативы, а тем простым обстоятельством, что каждый университет – это часть института образования и его автономия, в общем, недостаточна, чтобы противостоять весьма существенным регуляциям образовательного процесса со стороны государства в лице чиновников»* (А.Ф.).

(в) Участники экспертизы обращают внимание на то, что в целом образовательная деятельность не исчерпывается только деятельностью преподавателя, к которой скорее всего и можно отнести характеристику *высокая*. Функционирование образовательной деятельности обеспечивается вместе с преподавателями представителями иных профессий: *«политиками, администраторами, экономистами и т.д.»* (Р.А.).

(г) Участники экспертизы обращают внимание на то, что отношение к университету *«как к одному из деятелей в сфере образовательных услуг»* действительно рискованно, если он *«полностью подчиняет себя коммерческим интересам»*. Однако в той реальной ситуации, которую переживает наше общество, *«по сути, маргинализирующее образование, науку, культуру»*, предупреждать против коммерциализации образования – *«значит за идеей высокого духовного предназначения университета не замечать крайне незавидного положения его работников, в первую очередь рядовых преподавателей»* (Г.Т.).

(д) Подчеркивается «обратный риск» тезиса о рискованности отождествления образования со сферой услуг: *«Не менее рискованно игнорирование того, что университет должен предоставлять образовательные услуги – давать полезные знания, умения, готовить специалистов. Других инструментов оценки результатов и качества этой деятельности, кроме ее соотнесения с уровнем востребованности выпускников университета на рынке труда, у нас нет»* (Р.А.).

2. Позиция, которую условно можно назвать «диалектическая». Ключевой тезис: *«важно и то, и то»*.

Отвечая на вопрос анкеты, один из экспертов соглашается с тезисом о том, что к целому ряду профессий предъявляются особые требования: врач, учитель, юрист и т.п. должны прежде всего иметь в виду благо других людей. Он разделяет и тезис о том, что образовательная деятельность по своей природе дуалистична, подчеркивая, что *«выбор между служением в профессии и жизнью за счет профессии – выбор личностного самооп-*

ределения». При этом эксперт полагает, что «нет дилеммы: либо “хозяйствующий субъект”, оказывающий образовательные услуги, сосредоточенный на обслуживании потребностей, – либо некий “орден меченосцев духовности”, корпорация бессребреников, призванных служить делу духовного производства человека, а потому не имеющая права преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно и эффективно, как бизнес-корпорация». С точки зрения эксперта, «важно и то, и то. Образовательные услуги не могут быть не востребованы – иначе это какие-то другие услуги. А будучи образовательными, они не могут не быть духовными, работающими на развитие личности, а значит – и общества».

Кстати, автор скептически высказывается по поводу самой характеристики «высокая» применительно к профессии: «Мне кажется, имеет смысл даже несколько снизить планку постановки проблемы. “Образовательная услуга” – весьма эвристичная тематизация» (Г.Т.).

На наш взгляд, тем самым смысл выделения *высокой* профессии, идентифицируемой через доминанту «служения в профессии», ослабевает.

3. Позиция, которую можно назвать «консенсусная». Особенность этой позиции видна в характерном названии одного из текстов экспертизы: «...Нужен консенсус между “услугами” и “высокой профессией”».

Автор полагает, что «моральное напряжение возникает... не потому, что преподаватель выбирает между услугами и самоотверженным трудом, а в силу того, что его статус не обладает в глазах студентов правом на формирование личности». Прежде всего потому, что студент считает преподавателя «неудачником, человеком, не сумевшим достойно устроиться в жизни. Студенты высоко ценят тех преподавателей, которые самоотверженно трудятся, уважают студентов и не порочат своей профессии», но разве «большие сильные организации могут стабильно существовать, основываясь на энтузиастах и героях?». Даже если «экстремизация

цели и возможна», то лишь «на протяжении определенного промежутка времени, и это время мы уже изживаем». Отсюда вывод эксперта: «Дилеммы – это тот путь, который приведет к ценностному диссонансу. Время дилемм упущено или утрачено, или пройдено – как ни назови, но к ним сегодня апеллировать уже нельзя. Нужен консенсус между услугами и высокой профессией, формированием человека и удовлетворением потребностей экономики».

Как пример такого консенсуса эксперт приводит предложенную авторами проекта экспертного опроса версию миссии отечественного университета как *ценностно-ориентирующего центра становящегося гражданского общества: «Такое понимание миссии отечественного университета плодотворно с точки зрения консенсуса миссии и услуги, профессии и служения, духовного формирования человека и удовлетворения экономических потребностей общества».* Правда, один из предложенных экспертом парадоксальных тезисов – *«Разрушая форму дилеммы в предложенной проблеме, можно сформулировать тезис так: служить в профессии, превратив ее в профессию»*, – скорее отменяет проблему выделения *высокой* профессии (И.О.).

На наш взгляд, потенциалом консенсуса обладает и точка зрения следующего эксперта. Автор полагает, что *«сама дилемма возникает из-за наложения описаний образовательной системы с двух принципиально разных точек отсчета. С точки зрения социальной системы любая институция образования предоставляет образовательные услуги, обеспечивая преемственность культуры и научного знания, транслируя достижения знания и ценностно-нормативный уклад новым поколениям людей. С антропологической точки зрения любая институция образования служит делу духовного воспитания и формирования людей. Эти разные позиции не стоит упорядочивать по шкале “высшая – низшая”, усматривая в одной из них миссию смыслоопределения, а в другой что? – смыслопринижение?».* Автор считает целесообраз-

ным «*выйти за границы одномерной и линейной схемы образования, приводящей лишь к противопоставлению различных языков описания образовательной системы, взглянуть на нее стереоскопически и осмыслить возможные и актуальные в наши дни варианты институций высшего образования*» (А.О.).

АНАЛИЗ материалов экспертизы позволяет сделать, наряду с наблюдениями, уже включенными в сам обзор, несколько выводов о (не)готовности профессионального сообщества принять идею *высокой* профессии.

* Как показали экспертные опросы, принятие идеи *высокой* профессии требует предварительного формулирования ряда «техусловий». (А) Следует учитывать возможное негативное отношение к такой классификации, мотивируемое тем, что если есть профессии «высокие», то, следовательно, есть и профессии «низкие». (Б) Нельзя не учесть распространенность характеристики «свободные профессии», во многом совпадающей с характеристикой «высокие профессии». Однако, на наш взгляд, уместнее характеристику «свободная» относить к т.н. «творческим профессиям», прежде всего из сферы искусства: писатель, артист, художник, композитор ..., а «высокая» – к деятельности врача, учителя, адвоката, ученого, журналиста и т.п. (В) Недостаточно говорить, что выделение вида «высоких» профессий производится не ради противопоставления «низким» профессиям. Необходимо подчеркивать акцентирование в *высоких* профессиях доминирующей установки на «служение в профессии», предполагающей, что, не отменяя стремления (говоря словами М.Вебера) к «честному заработку профессионала», эта установка ограничивает для представителя *высокой* профессии возможность преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как это характерно, например, для бизнесмена, и оправдывается этикой бизнеса. (Г) Необходимо трезвое осознание такой трудности культивирования идеи *высокой профессии* в современных условиях, как своеобразная «дегероизация» профессий, являющаяся следствием целого ряда факторов.

* На основании суждений ряда экспертов вполне можно говорить, что и в трудной отечественной ситуации, при весьма неблагоприятных *нравах* как в обществе в целом, так и в профессии, идея *высокой* профессии – и соответствующей этой идее концепции профессиональной этики – не только имеет право на существование, но и может быть вдохновляющим ценностным ориентиром для понимания миссии профессии.

* Остро стоит задача продолжения исследований, предполагающего (а) более конкретное «вписывание» идеи в реальные обстоятельства, в том числе в особенности существования института образования в государстве; (б) взвешивание суждения о том, что в основе проблемы культивирования идеи *высокой* профессии лежит «чрезмерно оптимистическое представление об устройстве социального мира»; (в) экспертизу тезиса о возможности и необходимости поиска консенсуса между парадигмами «высокой профессии» и «сферы услуг».

В итогах экспертизы, в-третьих, стоит уделить внимание отношению экспертов к гипотезе, согласно которой, рационализируя поиск своей миссии в диапазоне между идеальной моделью и отечественными реалиями, ТюмГНГУ может самоопределиться как *ценностно-ориентирующий субъект становящегося гражданского общества*, продуцирующий как ценности-смыслы, так и социальные и гуманитарные технологии. Сосредоточимся здесь на аргументах экспертов, поддержавших наш тезис. «Сформулированная авторами предложенных на экспертизу тезисов миссия российского университета как *ценностно-ориентирующего центра становящегося гражданского общества* вполне приемлема в качестве модели. Такое понимание миссии отечественного университета плодотворно с точки зрения консенсуса миссии и услуги, профессии и служения, духовного формирования человека и удовлетворения экономических потребностей общества» (И.О.). «Миссия университета как ценностно-ориентирующего центра становящегося гражданского общества представляется адекватной современной отечественной

ситуации» (Г.Т.). «Университет не только по идее, но именно как организационная форма, дошедшая к нам из прошлого, в высшей степени приспособлен к тому, чтобы выполнять “миссию ценностно-ориентирующего центра становящегося гражданского общества”». И не пропустим добавление: «Нужно только исходить из того, что становящееся гражданское общество в России само является проблемой» (А.Ф.).

Наконец, экспертиза дала поддержку нашей гипотезы о том, что задача самоопределения университета, выбора им своей миссии, адекватной идее современного университета, требует в качестве обязательного дополнения к языку *менеджеристского*, организационно-управленческого подхода, которым сегодня все чаще ограничивается характеристика деятельности «образовательных учреждений», языка гуманитарного, *смысло-ценностного*. И более того, язык гуманитарной рефлексии *первичен* для рефлексии деятельности *образовательной* корпорации, природа которой отличается благодаря особенностям образовательной деятельности как *высокой профессии*.

Говоря о приоритете гуманитарного языка рефлексии самоопределяющегося университета, особо отметим, что речь не идет о противопоставлении одного языка как «высокого», другому – как языку «низкому». И в нашей гипотезе не было обнаруженного одним из экспертов стремления противопоставить *высокую* профессию и профессию сервисную «по шкале “высшая – низшая”, усматривая в одной из них миссию смыслоопределения, а в другой что? – смыслопринижение?». Нет, речь шла о том, что у *высокой* профессии – особая миссия, не предполагающая унижения иных профессий. Другое дело, что во взвешенном стиле дискуссии слова «образовательные услуги» не должны звучать пренебрежительно, а «духовное производство человека» – слишком высокопарно. Это справедливое замечание. Но гипотеза, призванная инициировать дискуссию, намеренно ригористична.

В то же время, дуализм образовательной деятельности является следствием вовсе не «соединения пафос-

ного стиля религиозно-этической проповеди с трезвой оценкой социального предназначения образовательной системы», а вытекает из объективной противоположности «смыслоопределения» профессии и ее «прагматики», и потому этот дуализм отнюдь не «якобы» присущ современной образовательной деятельности.

Именно в проектировании миссии наглядно проявляется проблема выбора адекватного языка самоопределяющегося университета. Именно в этом вопросе обнаруживается интервал (не)эффективности менеджеристского видения проблемы *высокой* профессии. Точнее, ее «невидения». Общество действительно возлагает на эту профессию особую миссию. Не «функцию», а именно *миссию*, а миссия предполагает избранность и особое предназначение профессии в обществе. В этом смысле если общество что-то и «даровало» *высокой* профессии, то лишь сверхнагрузку (и уже поэтому не обездолило другие профессии).

И еще раз: характеристика «высокая профессия» – не изобретение авторов гипотезы. Эта характеристика изобретена цивилизацией для того, чтобы из тезиса «все профессии обслуживают» сделать необходимое исключение: некоторые из профессий являются особыми, общество намеренно дает им особое назначение. Миссия предполагает *избранность* и особое *предназначение* профессии в обществе. Но если общество и «даровало» нечто *высокой* профессии, то лишь сверхнагрузку.

Итак, экспертиза дала апробацию гипотез, составивших в дальнейшем основные тезисы «Декларации о миссии университета».

ОБРАЩАЯСЬ к материалам *внутренней* экспертизы, подчеркнем, во-первых, что анализ экспертных суждений дает подтверждение нашему предположению, что рефлексия на тему успешности университета, его состоятельности должна «перекликаться» с рефлексией экспертами своей профессиональной биографии (с точки зрения ее успешности). Во-вторых, отметим, что, соотнося свои успехи-неудачи с успехами-неудачами университета, эксперты

фактически конструировали образ Нефтегазового университета на стыке *реального* и *желаемого*. И это можно рассматривать как «выращивание» идеи университета в самом университете.

При этом очень важно, будет ли формирование этой идеи связано лишь с эксплуатацией той *удачи*, каковой явилось для университета его трансформация из успешного ТИИ, содержащего высокий потенциал университетизации, или с проектированием университетом новых шансов своего развития. Проектированием, основанным на рациональном осознании *преимуществ и рисков* процесса «университетизации».

3.3.3. «Декларация о миссии»

Решающий шаг проекта «Миссия университета» связан с адресованным университету документом «Декларация о миссии ТюмГНГУ». Причем декларация – не просто мостик между «10-ю новыми тезисами» и собственно текстом «Миссии-кредо». Фактически, это уже была развернутая версия будущего текста «Миссии». Но такая версия, которая благодаря своим методологическим основаниям, расшифрованным в самом тексте, была нацелена на анализ (не)возможности идентификации научно-образовательной деятельности университета как *высокой* профессии с учетом шкалы «нормативные модели – отечественные реалии».

Эффект актуализации идеи *кейса* обеспечивался уже системой вопросов, которыми сопровождался каждый из тезисов декларации. Эти вопросы должны были показать, что декларация – акция не просто имиджевая, обращенная лишь к внешнему миру, но прежде всего – внутрикорпоративная, причем ориентированная на внутрикорпоративную самокритику. Приведем вопросы для обсуждения к одному из разделов декларации: * Будет ли наш университет конкурентоспособным на рынке образования, если возложит на себя таким образом конкретизированную миссию? * Будет ли наш выпускник конкурентоспособным на рынке труда, если университет возложит на себя таким

образом конкретизированную миссию? * В какой мере реалии жизни нашего университета соответствуют таким образом конкретизированной миссии?

Текст декларации формировался в процессе нескольких экспертиз. И основное направление его развития – *конкретизация за счет приложения* замысла декларации, в котором доминировала миссия-идея, к реальной ситуации конкретного университета.

Так, после обсуждения первоначальной версии с ректором Н.Н. Карнауховым тексты большинства разделов декларации были «перенацелены». В свою очередь, после пилотажа второй версии текста декларации была произведена новая доработка. Например, в разделе «Проблемная ситуация» была конкретизирована ситуация *перепутья* – благодаря расширению предмета ответственности самоопределяющегося университета. Например: «Ситуация перепутья – важнейший предмет ответственности современного университета. Ответственности перед государством и обществом. Ответственности перед регионом. Ответственности за профессиональные и жизненные биографии десятков тысяч студентов. Ответственности за профессиональные и жизненные биографии тысяч преподавателей и сотрудников самого университета».

ИТОГОВАЯ версия текста декларации открывается разделом «Актуальность», в котором характеризуются варианты поведения отечественных университетов в *ситуации* (не)самоопределения (эти варианты представлены нами в «10-ти новых тезисах») и формулируется вопрос уже не глобального или регионального, но локального масштаба для внутрикorporативного обсуждения в конкретном университете – какую из этих типичных позиций занимает наш университет: (А) «впереди планеты всей?»; (Б) все еще *совершает* акт самоопределения?; (В) трезво понял: никакого самоопределения нет в самой природе системы отечественного образования, склонной к *сверхрегуливанию*? (Г) Другую позицию? Содержание следующего раздела – «Проблемная ситуация» – предусматривает проблематизацию идеи самоопределения университета

через сравнение идеальной и реальной ситуаций. Третий раздел декларации предлагает для внутрикорпоративного обсуждения трактовку понятия «миссия» через соотнесение гуманитарной и менеджеристской моделей.

Характерно, что, не формулируя к этому разделу вопросов для обсуждения, декларация сразу предлагает раздел «Конкретизация», в котором (с рефреном «проектируя свою миссию») предложена развернутая версия *гуманитарной модели* миссии университета. Цитируем этот раздел полностью (опуская сопровождающие его вопросы для обсуждения).

* Проектируя свою миссию, ТюмГНГУ предполагает свою мобилизованность на *сверхзадачу*. Не как на сверхнагрузку в учебных часах, но на отношение к научно-образовательной деятельности как к *высокой* профессии, особенность которой заключается в приоритете *мотива* «служения в профессии» над *интересом* «жизнь за счет профессии». Именно ценностный мир науки и образования как профессий, призванных самоотверженно служить человеку (что ни в коем случае не исключает честного заработка профессионала), – системообразующий ориентир самоопределения университета.

* Проектируя свою миссию, ТюмГНГУ идентифицирует себя как ценностно-ориентирующий субъект становящегося в нашей стране гражданского общества: как социальный институт, призванный образовывать само общество и само государство, ориентируя их в процессах выбора системы ценностей на образ *гражданского* общества – *правового* государства; как социальный институт, призванный *адекватно* гражданскому обществу человека. Независимую самостоятельную личность с развитым чувством собственного достоинства, способную принимать свободное решение и быть ответственной за него, умеющую жить в условиях открытого общества, в ситуации неопределенности.

* Проектируя свою миссию, ТюмГНГУ стремится

ся к идеалу современной *научно-образовательной* корпорации, в которой *высокие профессионалы*, объединенные «духом университета», призваны готовить своих выпускников к *служению в профессии* (что ни в коем случае не исключает *честного заработка профессионала*).

* Проектируя свою миссию, ТюмГНГУ стремится формировать своих выпускников как *успешных профессионалов*: профессионалов, атрибутом компетентности которых является не только уровень владения специальностью, но и следование нормам профессиональной *этики*; профессионалов, которые умеют *ставить* задачи, а не только выполнять их; профессионалов – компетентных личностей, мобильных, гибких, предприимчивых, способных к самостоятельному выстраиванию деловой и жизненной биографии, опираясь на свой «человеческий капитал».

Следующий раздел декларации – «Дилемма» – «заземляет» ригоризм предшествующих разделов, проблематизируя их тезисом о том, что степень (не)соответствия ТюмГНГУ идеальному образу научно-образовательной корпорации определяется мерой (не)успешности решения *дилеммы самоопределения* современного отечественного университета: научно-образовательная деятельность университета – «сфера услуг» или *высокая* профессия? При этом декларация не только фиксирует оба варианта, но и ставит вопрос о *решении* дилеммы, решении, которое предстоит принять уже не *внешним экспертам* – об этом речь шла выше, при описании предшествующего проекта, – а самим сотрудникам университета. Решении – должна ли при такой дилемме *высокая* профессия *отступить* от своих ценностей во имя прагматической стратегии развития университета? Или, наоборот, университет должен *подчинять* свою прагматическую стратегию ценностям научно-образовательной профессии? Раздел завершался вопросом для обсуждения: как наш университет сегодня решает дилемму самоопределения: * отдает приоритет прагматике? * или *высоким* ценностям?

Особенностью Декларации является попытка приблизиться к предстоящей работе над текстом «Миссии ТюмГНГУ» прежде всего благодаря обеспечению приложения глобально-локальной дилеммы идеей *реально-должного*. НИИ ПЭ разработал свой вариант решения дилеммы, продолжив раздел, посвященный дилемме самоопределения, разделом «Реально-должное», в котором заявляется отказ от «легкого решения» и формулируется *этическая*¹³⁷ позиция в диапазоне «идеальная модель – отечественные реалии».

ТюмГНГУ отказывается от легкого «решения» дилеммы самоопределения: не позволяет себе впасть в крайности и уклоняется от опасности менеджеристского *фундаментализма* (низводящего высокую профессию до «сферы услуг»), с одной стороны, потенциального утопизма гуманитарного подхода, противопоставляющего профессию реальности, – с другой.

ТюмГНГУ предпочитает двум этим крайностям рациональную интерпретацию дилеммы самоопределения. В диапазоне «идеальная модель – отечественные реалии» он предпочитает позицию реально-должного.

Занимая такую позицию, университет не позволяет себе «реализма», который оборачивается смирением с обстоятельствами, сложившимися *нравами, оправданием действительности*, но стремится максимизировать самые маленькие шансы сложившейся ситуации в пользу *должного*.

* Позиция *реально-должного* предполагает, что выбором своей миссии ТюмГНГУ принимает на себя ответственность за предпочтение *неадаптивной* стратегии развития, за осознание значимости решения не просто *следовать за* временем, обстоятель-

¹³⁷ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этнос // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001.

ствами, но и опережать его, продуцируя новые ценности и новые решения.

* *Позиция реально-должного предполагает, что ценностные приоритеты университетской корпорации ТюмГНГУ не тождественны духу и «правилам игры» бизнес-корпорации, ориентированной только на прибыль. Университет стремится возвысить утилитарную функцию «кузницы кадров» до высокого смысла «духовного производства человека». И в сложных обстоятельствах, ограничивающих независимость высоких профессий, их миссия не отменяется.*

Вопросы для обсуждения: * Есть ли у нашего университета шансы преуспеть, выбрав позицию «реально-должного»? * Получается ли у нашего университета возвышение функции «кузницы кадров» до «кузницы граждан», без утраты первой?

Обсуждению декларации было посвящено специальное заседание ректорского семинара. Один из его результатов можно представить с помощью заголовка к публикации фрагментов стенограммы – цитаты из выступления одного из участников семинара: *«...Думать о результате деятельности до ее начала не только с позиции “для чего”, но и “каков смысл”».*

ЦИКЛ фокус-групп, обсуждавших текст декларации¹³⁸, произвел «примерку» ее идей к личному опыту научно-образовательной деятельности экспертов, сотрудников ТюмГНГУ. Отметим конкретизацию экспертами предложенного в декларации диагноза ситуации самоопределения университета как *перепутья*. Для участников фокус-групп характерно рассуждение о перепутье применительно не к университету-организации, а к основной профессии в университете – научно-образовательной.

¹³⁸ См.: Богданова М.В. Этнос научно-образовательной деятельности как предметное поле формирования миссии университета (по материалам фокус-группового исследования) // Миссия университета. Ведомости. Вып. 30.

Может быть главным результатом фокус-групп оказалось то, что идея *высокой* профессии не нуждается в «прививке» к опыту экспертов, она уже является ориентиром их профессии, служения в профессии: *«Профессия преподавателя и возможна только как сверхнагрузка, сверхзадача, служение. Смешно говорить, что образование может быть средством обогащения: удивительные, непонятные люди остаются работать в сфере образования»*. И должна, с точки зрения экспертов, быть системообразующим элементом самоопределения университета. Если он не выберет стратегию «бизнес-корпорации».

Важный результат фокус-групп – операционализация позиции реально-должного. Учитывая реалии рынка, университет не должен впускать коммерциализацию в процесс научно-образовательной деятельности. Как сказал один из участников фокус-группы, *«Мы не можем выделить университет в какое-то отдельное государство, но при любых обстоятельствах мы должны соответствовать статусу университета»*. Поэтому *«сегодняшнюю ситуацию надо пережить – выбрать такую стратегию, чтобы была возможность как-то зарабатывать деньги, но не доходить до крайности – коммерциализации научно-образовательной деятельности внутри университета. Образовательное пространство внутри университета следует сохранить от превращения в рыночное пространство. Мы не можем терять миссию университета, иначе у нас останется только вывеска "Университет", а содержание будет совсем другим, и нашу научно-образовательную деятельность придется оценивать с позиции материального дохода. Материальная прибыль никогда не была и не может быть основным мотивом университетской образовательной деятельности и, соответственно, критерием оценки ее успешности»*.

ПО ИТОГАМ обсуждения декларации и была создана версия «Миссия-кредо ТюмНГУ», представленная в начале параграфа.

Что дальше? Желаемый результат – успешное самоопределение университета. Результат ожидаемый и даже программируемый. И все же...

Процесс самоопределения университета с большой вероятностью вовлекает в трудную ситуацию, когда «наши ценности напоминают нам о том, кем бы мы хотели быть; о том, чего мы когда-нибудь сможем достичь, но знаем, что часто мы не дотягиваем до собственных идеалов». «Лекарство» для такой ситуации? По мнению автора этого наблюдения, Р. Барнетта, профессора Института образования Лондонского университета, «коллективная самоирония – основополагающее качество современного университета, которое поможет ему выжить».

Но что кроме коллективной самоиронии?

Версия «Миссии-кредо ТюмГНГУ» предложена ученому совету университета. Представляется, что конструктивность предстоящего обсуждения может быть повышена за счет особого внимания к некоторым вопросам, обозначенным в процессе нашего анализа *опыта пути*.

* Это, прежде всего, намеренность в поиске локальной меры конвенции гуманитарной и менеджеристской моделей миссии. Поиска, начинающегося с попыток *понимания* особенностей *языка* каждого из этих подходов. Поиска, подкрепляемого уже наработанным опытом «встречного движения» – и в обсуждении манифеста «10 новых тезисов университету»¹³⁹, и в обсуждении декларации. Пример *взаимной* полезности этого обсуждения – трактовка образовательной корпорации как *системы* профессий, некоторые из которых – *высокие* (преподаватель, научный

¹³⁹ См.: Бакштановский В.И., Карнаухов Н.Н. Самоопределение университета: научно-практический замысел проекта // Самоопределение университета: нормативные модели и отечественные реалии. Ведомости. Вып. 27, специальный; Карнаухов Н.Н. Диалог менеджеристского и гуманитарного подхода к стратегии развития университета: первые результаты (Размышления над новыми тезисами НИИ ПЭ университету) // Свобода и/или справедливость. Ведомости. Вып. 28.

работник), а другие – «из сферы услуг». Не «низкие», а именно *другие*.

Еще два примера возможности согласования гуманитарной и менеджеристской позиций в понимании идеи университета: менеджеристская позиция не помешала участникам обсуждений принять как тезис о том, что университеты формируют интеллектуала, тип личности, который ставит задачи, а не только выполняет их, так и тезис об университете как ценностно-ориентирующем субъекте гражданского общества.

Разумеется, не стоит забывать об опасности подмены реальных конвенций эклектикой.

Важно учесть и суждение одного из экспертов, согласно которому *«предметом взвешенного диалога менеджеристского и гуманитарного подхода должен стать потенциально конфликтный тезис, по которому для сохранения университета как центра духовного производства необходимо поставить сильный менеджмент в университете, над которым надстраивается власть миссии университета»* (И.О.).

* Ученому совету предстоит, на наш взгляд, поставить сложнейшую задачу *конкретизации* миссии посредством конструирования двух *мостов*: между собственно миссией – и стратегией университета и между миссией – и этическим кодексом университета.

Вероятно, в решении этой задачи и «сработает» забота о том, чтобы найти сочетание глобальных и локальных аспектов развития университета. Действительно, ТюмГНГУ стоит в общем, глобальном ряду университетов. И осознание современным мировым университетским сообществом своей миссии не может быть незначимым для нас. В то же время для нас характерно и локальное, «своеинное»: как российского вуза, как вуза Тюменского региона, как конкретной университетской корпорации.

При этом необходимая в процессе конкретизации миссии разработка этического кодекса и стратегии развития университета предполагает установку на то, чтобы во-первых, не просто «успеть» в процессе реактивной

адаптации к быстро надвигающемуся новому в жизни образования, но и активно подготовиться к новой ситуации, предполагающей опережающее целеполагание.

И, во-вторых, установка университета на целеустремленное производство своих шансов предполагает, что он сам является шансом для профессионалов. Шансом для профессионалов – преподавателей, научных сотрудников и менеджеров университета. Шансом для будущих профессионалов – сегодняшних студентов. Шансом, который и преподаватели, и студенты реализуют, ориентируясь на проектирование своей профессиональной и жизненной биографии, формируя свой «человеческий капитал».

* Особое место в дальнейшей работе принадлежит *общественному мнению* университета. Известный скепсис в этом плане объясняется не только тем, что тема воспринимается как сверхпафосная.

Существенное повышение роли общественного мнения корпорации, меры его причастности к самоопределению университета предполагают и мобилизацию самого понятия «научно-образовательная корпорация», и отношение к такой корпорации как к *субъекту* трансформации, и культивирование духа корпоративной солидарности.

ТюмГНГУ просто обречен на никогда не завершающийся процесс самоопределения, на продолжение работы по напряженной самоидентификации, самопознанию, осмыслению своего настоящего и сценариев будущего.

Глава 3

Моральный выбор в политике: категорический императив или этика политического успеха?

1. Критика «повестки дня» и идентификационная матрица

СФОРМУЛИРОВАТЬ название главы о политической этике, с намерением указать на ключевую ситуацию морального выбора в этом виде прикладной этики, оказалось труднее, чем в предшествующих главах. Два варианта, которые мы конструировали и взвешивали, акцентировали либо намеренное различие наиболее распространенных подходов, соответствующих парадигмам политической философии и моральной философии – и нашей концепции прикладной этики («Мораль и политика» или «этика политической деятельности»?; «Политическая этика: категорический и/или условный императив?»; «Политическая этика: нравственные ограничения целесообразности или этика успеха?»), либо варианты собственно этико-прикладного подхода («Мораль в политике: оценка и/или проектирование»?; «Политическая этика: оценка и/или проект изменений»?; «Правила честной игры» или «нравственный кодекс политического успеха») и т.д. Основания предпочтения выбранному в конце концов заголовку, соотносящему оба варианта, проясняются в процессе критики «повестки дня», какой она предстает в публичном дискурсе.

При этом в нашу задачу не входит даже краткий обзор всего массива литературы на тему политической этики, охватывающего результаты многовекового развития классики политологической и этической мысли (в составленной Е.Л. Дубко программе курса политической этики раздел «Классика политической этики» включает темы: Политическая этика Платона. Политическая этика Аристотеля. Политическая этика Т. Гоббса. Политическая этика Н. Макиавелли. Политическая этика М. Вебера. Этическое

и политическое в философии К. Шмидта»), работы ведущих исследователей современности (в хрестоматии «Мораль в политике», составленной Б.Г. Капустиным, собраны работы Ж.-П. Сартра, Махатмы Ганди. Х. Арендт, Р. Нибура, Г. Лукача и др.), массива, чрезвычайно увеличивающегося при расширенной трактовке темы – «мораль и политика» – и, тем более, при обращении к исследованиям вопросов политической этики в разных дисциплинарных подходах: в политологии, политической философии, социологии политики, нравственной философии, практической этике и т.д.

Предваряя характеристику политической этики как одной из «территорий» ойкумены прикладной этики критикой сформировавшейся «повестки дня», мы, как и в предшествующих главах, ограничим эскиз-панораму возможностями получасового поиска в Рунете, вполне достаточными для выявления определяющих содержание «повестки дня» подходов к теме.

СРАЗУ ЖЕ подчеркнем, что журналистских и публицистических текстов обнаружилось намного меньше, чем текстов академического и учебного плана. Тем не менее, уместно отметить своеобразные переключки теоретиков и журналистов. Так, в статье «Товарищеский суд депутатов», посвященной созданию в Государственной Думе РФ комиссии по депутатской этике, В. Тучков иронически оценивает введение в обиход понятия «депутатская этика»: «Конечно, если предположить, что собравшиеся в Думе депутаты являются носителями какой-то особой культуры и относятся к неведомой нам цивилизации, то тогда, конечно, да, тогда у них должна быть и своя особая этика» (<http://vesti.ru/daynews/2000/03/10/40duma/>).

Как видим, идея, о которой мы уже говорили применительно к журналистской этике и которую еще зафиксируем в последнем параграфе, «живет».

Разумеется, в той мере, в какой политическая этика остается *этикой*, на нее распространяются универсальные критерии морального выбора. На сайте «Независимой газеты» в статье «Судьбоносный выбор и его последст-

вия» политолог Д. Фурман вспоминает: «Ситуация 1996 года была не столько ситуацией выбора между Ельциным и Зюгановым, сколько ситуацией выбора наших “демократов” между честной игрой со всеми тяжелыми последствиями, которые в человеческой жизни может повлечь за собой честность, и игрой нечестной, гарантирующей тебе победу и сохранение власти, но ликвидирующей саму “игру”. В больших, национальных масштабах это была обычная ситуация морального выбора между невыгодной честностью и выгодной нечестностью, подобная тем, в каких мы оказываемся на каждом шагу. Каждый раз, когда политические силы, на знамени которых – демократия, побеждают в какой-либо стране, через некоторое время для них наступает этот момент “экзистенциального выбора”». Отметим, что при этом автор не просто говорит о политических субъектах – партиях, подчеркивает масштаб ситуации выбора, но акцентирует внимание на распространенной метафоре политической этики – *правилах честной игры*.

Проблематизация той же темы, но с иных идейно-политических позиций: «Сегодня, как и в прошлом веке, остается необычайно актуальным главный вопрос политической этики, сформулированный Ф. Достоевским: все ли дозволено для торжества блага человека? Ф. Достоевский хотел предупредить нас о том, что социальный прагматизм отнюдь не невинная вещь – он способен привести к истреблению бытия со всеми его богатствами, у фанатиков он перерождается во зло. Замыслы интеллектуалов осуществляют лакеи в самых хамских и отвратительных формах: Смердяковых во все времена было больше, чем Карамазовых. ...Проникая в политическую культуру, вирус прагматизма приводит к появлению трагического парадокса: политическая этика предлагает каждому отдельному человеку такой бесконечно разнообразный набор норм и стратегий, который губителен для нации в целом, поскольку это способно разрушить национальную идентичность» (И. Василенко. Проект Великого инквизитора в либеральной России. www.moskvam.ru/1999/07_99/vasilenko).

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ потенциал презентации «повестки дня» дают учебные программы по политической этике. При этом в представленных ниже фрагментах программ наглядно проявляются *дисциплинарные* особенности курсов.

В теме «Политическая этика» программы, разработанной А.С. Панариным (<http://www.philos.msu.ru/fac/dep/edu/method/polit/01.pdf>), мы видим специфику *политологического* подхода. Здесь проблематизированы «взаимоотношения политики и морали, нравственных регуляторов политического поведения», систематизированы «моральные дилеммы в политике: соотношение целей и средств, сущего и должного, нравственной аутентичности и практической эффективности, нравственного максимализма и политической терпимости, искусство возможного в моральном измерении». Компромисс определен как «категорический императив политической этики». В программу включены такие темы, как «Основание этики политического партнерства и гражданского согласия, особенности ее формирования в современной России», «Моральная философия политического диалога и консенсуса», и классическая тема «Политика как призвание и как профессия», и вечная проблематизация справедливости в политике через «Альтернативные концепции: демократия свободы и демократия равенства, коллективного и индивидуального блага, приоритетов личности и приоритетов общества (человек для общества или общество для человека)». Автор включает в программу и блок тем, структурирующих политическую этику: «Профессиональная этика политика и ее разновидности. Этика политического лидерства, этика депутата, этика эксперта. Новые направления в этике (этика ненасилия, экологическая этика, этноэтика, биоэтика и др.) в политическом измерении». Реплика: далее мы увидим, что по *предмету* этот подход во многом совпадает с подходом этико-прикладным, отличаясь, в основном, по *технологиям приложения*.

В программе курса «Политическая этика» Е.Л. Дубко (<http://ethicscenter.ru/teach/prog/applied/polit.html>) представ-

лена позиция *нравственно-политической философии*. Это видно, во-первых, по формулировке цели курса: «по окончании обучения студент должен понимать круг и своеобразие проблем нравственно-политической философии; научить тому, как использовать теоретические этико-философские методы и разработки в решении конкретных политических вопросов».

Во-вторых, по рубрикации темы «Понятие морали»: «Деонтическая и стратегическая модели поведения. Политика как символическая деятельность и ритуал. Иррациональное в политике политики: мифология, утопическое сознание (Ж. Сорель, К. Мангейм). Политический нигилизм в начале XX в. “Трансполитическое” Ж. Бодрийяра. Дискурс об аморальности политики. Единство морали и политики. Этатистские теории: моральное государство» и темы «Политика и моральное зло»: «Традиции этического осмысления зла. Некоторые категории “зла”. Оправдание зла в политике (неизбежное зло, крайняя необходимость, неумышленное зло, “наименьшее зло” и др.) Институциональное зло. Категориальное зло. Отношение политики к страданию. Формула “цель оправдывает средства”. Проблема “грязных рук”. О “честности политика”. Классификация лжи. О лицемерии. Лицемерная политика. Проблема цинизма: политический цинизм». Реплика: намерение применить «теоретические этико-философские методы и разработки в решении конкретных политических вопросов» указывает на модель практичности этого подхода.

Разработанная для магистров прикладной этики программа А. Прокофьева «Парламентская и служебная этика» (<http://ethicscenter.ru/teach/prog/applied/parlam.html>) представляет, на наш взгляд, позиции *практической* этики. Первый аргумент в пользу такой трактовки – характеристика места курса в профессиональной подготовке выпускника: «Данный курс призван обеспечить соединение базовых знаний студентов в области нормативной этики и философии морали со специальным знанием, касающимся публичной политики...»; курс «должен способствовать выработке у студентов понимания нормативных проблем,

свойственных этой сфере общественно-политической практики, а также некоторых навыков, необходимых для участия в работе этической инфраструктуры законодательных собраний». Второй аргумент: постановка автором двух тем курса, в которых обсуждаются различие общественной (публичной) и индивидуальной (приватной) морали и проблема институционализации морали в сфере законодательной деятельности (этический режим). Анализ особенностей публичной и приватной морали разворачиваются следующим образом: «Мораль в традиционных определениях: универсальность, неформальность, неинституциональность, обращенность к высшему благу. ...Спецификации общественной морали: партикуляризованность, формализованность, институционализированность, выбор в пользу меньшего зла». В рамках характеристики институализации морали в сфере законодательной деятельности автор выделяет: «Соединение политических, менеджериальных и этических оснований работы государственных учреждений. Этический режим и этическая инфраструктура. Основы этического режима: честность и согласие. Общие механизмы обеспечения этического режима: декларация принципов (ценностей), разработка кодекса поведения и системы этических правил с иллюстрирующими их приложениями, реализация этико-правовых санкций за нарушение правил, внедрение этически обоснованных критериев подбора кадров, образовательные программы для профессионалов, этическое лидерство и наставничество, этический аудит учреждений, деятельность СМИ и гражданских объединений». Реплика: степень конкретизации *предмета* политической этики в этом подходе значительно сближает его с подходом этико-прикладным. Открытым остается вопрос о выборе между технологиями *аппликации* и технологиями *приложения*.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ проблематизация «повестки дня» представлена в разных форматах: обзоры литературы, виртуальные дискуссии, академические публикации и т.д.

Один из выводов дискуссии «Политическая мораль и моральная политика», проведенной по статьям Б.Г. Капус-

тина, – необходимость определения основных понятий. «Первым делом хотел бы призвать участников с самого начала как можно более четко определять используемые ими понятия, в частности – понятия “политическое” и “моральное”. Ибо ясно, что решение вопроса о “быть или не быть политической морали” зависит от соответствующих определений напрямую», – пишет В. Вольнов (www.polit-studies.ru/vm/vm2/vm2_dis_4.htm). Реплика: дело не сводится к «четкости определений»: реальная проблема заключается в концептуальных расхождениях участников дискуссии.

Аргументы в пользу этого призыва можно увидеть в обзорной статье «Два жанра одной темы» (Критический анализ литературы по проблеме связи политики с моралью) (http://politology2004.narod.ru/two_genre.htm), в которой ее автор Г.П. Гребенник выделяет конфликт «между философами морали и политическими теоретиками, шире – политологами, в подходе и решении политико-моральной проблематики. Первые формулируют свой жанр – “мораль и политика”, вторые – “мораль в политике”; первые склонны рассуждать об “автономии” этих двух сфер, отрицают специфику политической морали, признавая лишь специфику самой политики; вторые говорят о подчиненности морали (закона свободы) политическому порядку (необходимости); первые так или иначе являются кантианцами, вторые – макиавеллистами, критиками кантовской теории морали и, соответственно, кантианского морально-политического дискурса».

Кстати, ситуация дискуссии может обернуться изобретением неожиданного термина «этический плюрализм»: «Анализ соотношения политики и морали показал: налицо становление новой научной категории – «этического плюрализма» – в политике. Из всего многообразия точек зрения выделим наиболее существенные, имея в виду, что между некоторыми из них просто невозможно провести содержательную «демаркационную линию» (А.С. Капто, Е.А. Рогачева. Этический плюрализм в политике. www.ni-journal.ru/archive/dc347408/n1_2002/d3935569/f3550816/).

Может быть, автор все же имел в виду плюрализм исследовательских подходов, а не моральный плюрализм?

Что касается качества *многообразия* позиций, то в представленных в Рунете теоретических текстах мы находим основные варианты традиционных *дисциплинарных* подходов, определяющих позицию авторов в понимании природы политической этики.

* Широко цитируемая работа Б. Сутора «Малая политическая этика» (www.krotov.info/lib_sec/18_s/sut/or.htm), которую автор предисловия к книге К. Костюк характеризует как «бестселлер в университетской среде Германии», характерна поиском пути преодоления традиционного представления о соотношении морали и политики, выстраиванием такого пути посредством сочетания в политической этике двух видов этики – индивидуальной и институциональной. При этом намерение автора – «избежать экстремальности политически неплодотворного, фундаменталистского заклинания ценностей, с одной стороны, и беспринципного прагматизма – с другой, а также сохранить этический потенциал, который был достигнут институциональным устройством политики в свободном конституционном государстве. ...Речь идет о том, чтобы ответить на вопрос, какие этические требования соответствуют сфере, устройству и способам действия, которые мы обозначаем собирательным понятием политика. Из понимания политики должна развиваться принадлежащая к ней политическая этика». Реплика: авторский поиск – в рамках потенциала практической философии: Б. Сутор прямо идентифицирует политическую этику как «часть практической философии».

* В статье «Мораль и политика: уроки Аристотеля», написанной для специализированного выпуска «Политическая этика» журнала «Ведомости» НИИ ПЭ, А.А. Гусейнов предлагает определенное видение темы, вынесенной им в заголовок. «Среди тех феноменов, в сопряжении с которыми выявляется своеобразие морали, особое место принадлежит политике. Это связано с тем, что легитимность политики как рода деятельности в принципиально

большей мере, чем любого другого рода деятельности, держится на моральных аргументах. К примеру, искусство ценно как искусство даже помимо его нравственных следствий. Это же относится и к науке. А на вопрос о том, имеет ли политика самостоятельную ценность за вычетом ее нравственно умиротворяющего воздействия на общество, как бы сам собою напрашивается отрицательный ответ. В то же время политика практикует такие способы деятельности и такие формы отношений (насилие, ложь и т.д.), которые не совместимы с моралью. Исключительная напряженность отношений морали и политики связана с тем, что политика ищет морального оправдания прежде всего в тех своих проявлениях, которые менее всего этого заслуживают. Вопрос не в том, что в политике совершаются вещи, которые в логике морального сознания нельзя охарактеризовать иначе как преступления (такого рода вещи происходят и в других сферах жизни), вопрос в том, что она (в отличие от других сфер жизни) желает считать эти преступления поступками, если и не геройскими, то, по крайней мере, вполне оправданными, терпимыми. Например, в науке случается плагиат, но ни самим ученым, ни тем, кто говорит от их имени, не приходит в голову объявлять плагиат делом допустимым. Политики же могут уничтожить тысячи, десятки, сотни тысяч людей, целые города, как, например, Александр Македонский уничтожил Фивы, Тахтомыш – Москву, Иван Грозный – Великий Новгород, президент США Трумэн – Хиросиму и Нагасаки, считая, что они действуют правильно, справедливо, богоугодно» (<http://www.tsogu.ru/institutes/nii/folder.2006-12-18.71221258-91>). Это – позиция моральной философии. Однако, обратим внимание, автор не просто выступил в «Вопросах философии» со статьей о ненасилии, но и включил тему «Этика ненасилия» в раздел «Прикладная этика» написанного совместно с Р.Г. Апресяном учебника «Этика».

* В представленной на сайте ethicscenter.ru рецензии на книги Б.Г. Капустина «Моральный выбор в политике: Учебное пособие» и «Мораль в политике: Хрестоматия» Р.Г. Апресян справедливо отметил, что «отечественная

литературная ситуация в отношении к проблематике морали и политики безрадостна». Основную причину автор видит «не только в том, что философы-моралисты, как правило, занимающиеся этой проблематикой, плохо знают практическую политику, но и в том, что политика и политики призываются к ответу по меркам наиболее возвышенной, перфекционистской, и уже поэтому далекой от политики и практической жизни морали. Мораль навязывается политике в ее идеальной и бескомпромиссной, но не прагматически (в кантовском смысле) адаптированной форме». Реплика: может быть, трудность скорее в том, что такого рода продвинутая проблематизация сама остается в рамках этики как практической философии – в лучшем случае, вменение идет от *практической* этики, без подключения потенциала политической этики как вида прикладной этики?

* Эвристичен *практико-ориентированный* подход А. Прокофьева. «Как мне кажется, – размышляет он, – рассуждения М. Вебера о двух “этиках” ориентируют этическую и политологическую мысль не на поиск “внеэтической политики” или же какой-то специфической “политической этики”, противопоставленной в своих глубинных основаниях этике, обращенной к индивидам, но именно к осознанию меры специфичности функционирования нравственных ценностей, механизмов оценки и определения линии поведения в политическом (“властном”) пространстве. ...Поэтому основным вопросом в пространстве обсуждения проблемы “мораль и политика” является, конечно, не вопрос о том, может и должна ли политика опираться на этические основания, но вопрос о том, какую часть нравственных ценностей она способна ассимилировать без катастрофических последствий для самих этих ценностей и без потери собственной практической эффективности?» (*Прокофьев А. Моральный перфекционизм и аксиологические основания политики // www.msses.ru/-prev/research/mpp/perfectionism.rtf.*). Что касается конструктивности понимания «специфичности функционирования», то автор продемонстрировал ее в уже цитированной выше

магистерской программе. Рискнем предположить: еще один шаг вперед в практико-ориентированном видении политической этики – и мы, возможно, обнаружим собственно этико-прикладной подход.

ОСОБЕННОСТЬ полученного на материалах Сети эскиза – доминирование материалов теоретического плана – побуждает нас, для совершенствования эскизной формы «повестки дня», расширить поиск за счет обращения к ряду фундаментальных *печатных* работ последних лет, которые слабо представлены в Сети. Работ, в которых, как минимум, достаточно ясно представлена сама «повестка дня» и, тем более, предпринят переход от банальной проблематизации темы (до сих пор она проявляется и в таком варианте: «возникает не праздный вопрос: можно ли вообще говорить о политической этике как таковой, правомерно ли применение к сфере политики категорий этики и морально-этических ценностей?») к существенному продвижению.

* Не имея возможности проанализировать здесь работу Е.Л. Дубко «Политическая этика»¹⁴⁰, отметим основополагающую, на наш взгляд, позицию автора: «политическая этика», с ее точки зрения, это лишь новая транскрипция старого наименования предмета – *нравственно-политической философии*¹⁴¹.

Работая в формате учебника, автор удачно систематизирует основные стереотипы по поводу отношений морали и политики: аргументы об аморальном образе политики, против единства морали и политики, в пользу единства морали и политики и т.д. Выделим среди последних следующую характеристику взаимозависимости морали и политики. «Хотя мораль и политика напрямую не связаны, они опосредуются идеями общего блага и справедливости, человека как политического и морального существа. Моральные идеи сопровождают политическое развитие,

¹⁴⁰ Дубко Е.Л. Политическая этика: Учебник для вузов. М.: Академический Проект; Триеста, 2005.

¹⁴¹ Дубко Е.Л. Там же. С. 3.

опережают его, противоречат ему. Универсальные требования морали не могут осуществиться без опоры на массовые политические движения. Политика со всей остротой нуждается в морали именно тогда, когда необходимо мобилизовать человеческие ресурсы, создать широкую социальную поддержку политическим мерам. При этом неизбежны этические оценки социальной политики. Рассогласование морали и политики, а также конспирация подлиных политических целей указывают на то, что на самом деле определенное общество и лидирующие в нем социальные группы не стремятся к моральным целям, или стремятся к ним в порядке исключения, когда чувствуют угрозу своим интересам. Практически мало что делается ради морали, но на словах нас уверяют, что делается»¹⁴².

Особо обратим внимание на «макетный» способ характеристики автором распространенных суждений о том, что такое политическая этика. Первый «макет» политической этики: «Политическая деонтология, свод ясных и конкретных инструкций, или моральный кодекс политика, обязательный для лиц, выполняющих государственные функции, своего рода социально-нравственная дисциплина, которая имеет значение для репутации и профессиональной политической карьеры». Второй: «Использование императивной и ценностно нагруженной лексики, языка морали, демагогии в целях убеждения, аргументации и апологетики проводимой политики, риторики и приемов словесной мистификации. Речь идет, как правило, о неискренних и неправдивых утверждениях, которые искажают действительность и вводят в заблуждение общественное мнение ради достижения каких-то целей». Третий: «Синоним политического идеализма, политической наивности и благодушия, безнадежного идеализма, романтических иллюзий и благоглупостей, которые обычно вызывают в обществе сочувствие, но не заслуживают никакого доверия». Четвертый: «Политическая культура, культура поведения, практика толерантного общения, об-

¹⁴² Дубко Е.Л. Политическая этика. С. 122.

ходительность, благопристойность». Пятый: «Политическая этика есть процедура соглашения и торга. Главная проблема политической этики состоит в достижении консенсуса и баланса интересов». Шестой: «Политическая этика в широком смысле – методическое исследование проблем взаимоотношения морали и политики, философское осмысление этического аспекта принципов и норм политической деятельности, прояснение этической структуры конкретных политических проблем и ситуаций, моральных оснований, позитивных целей политических действий» (Б. Сутор). ...Десятый: «Концепция имманентной морали, реальной морали. Теория предполагаемой особенной морали, адаптированной к политике, не вызывающей идиосинкразии в политике»¹⁴³.

* Во введении к хрестоматии «Мораль в политике»¹⁴⁴ Б.Г. Капустин подчеркивает бесплодность темы «мораль и политика» до тех пор, пока они воспринимаются «как два разных, внешних друг другу мира»¹⁴⁵. Отметим значение составленной Б.Г. Капустиным Хрестоматии, дающей обзор реальных попыток формирования и применения концепции «морали в политике» в политической практике.

Развернутая в монографии «Моральный выбор в политике»¹⁴⁶ позиция Б.Г. Капустина, исследующего феномен «работы» морали в политике с точки зрения политической философии, продуктивна по целому ряду признаков, в том числе тем, что формулирует подход «мораль в политике», конкретизируемый как «моральный выбор в политике»; предлагает существенные аргументы для критики версии о *внешнем* положении морали по отношению к политике, противопоставляет утилитаристскому подходу, разводящему мораль и политику, трактует политику как *инст-*

¹⁴³ Дубко Е.Л. Политическая этика. С. 29-31.

¹⁴⁴ Мораль в политике. Хрестоматия / Составление и общая редакция Б.Г. Капустина. М.: КДУ: Изд-во МГУ, 2004. С. 3.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике: Учебное пособие. М.: КДУ: Изд-во МГУ, 2004.

румент практичности морали и т.д. В то же время автор противопоставляет политическую этику, понимаемую им как объективную «нравственность» в версии Гегеля, как то, что *признается* в обществе – и статус гражданина как субъекта морального выбора, трактуемого автором как *выбор в пользу моральности* (с. 12), как свободный выбор должного (с. 76). Принимая кантовскую критику гетерономии с позиции автономии морали, Б.Г. Капустин естественным образом скептичен в отношении «политической этики» – исследуя «работу морали в политике», он ведет речь об *универсальной* морали, а не об ее *приложении как конкретизации* в виде подсистемы политической этики. Реплика: подход «работа морали в политике» – даже при критике автором Канта в пользу реализации морали в поступке (с.17) – практична в рамках потенциала «практической философии». Именно в этом ключе автор демонстрирует практичность морали в политике в третьей части своей книги – «Послания жизни».

ПОЛАГАЕМ, что эскизный обзор достаточен для решения задач критики «повестки дня»: типологизации основных дисциплинарных стратегий исследования политической этики, во-первых, определения интервала эффективности этих представлений, во-вторых, и, соответственно, задачи концептуального обновления «повестки дня» – в-третьих.

Эскизный обзор достаточен для того, чтобы, уходя от выявления конкретных аспектов, граней темы «политическая этика» и характеристики концептуального многообразия исследований разных сторон политической этики, связать проблематизацию самой ее предметной определенности с потенциалом дисциплинарных подходов: политология, социология политики, политическая философия, нравственная философия, практическая этика (имея в виду и случаи комплексных, междисциплинарных подходов). Эффективность этих подходов несомненна и далеко не сводится к преодолению традиции постановки проблем политической этики через соединение морали и политики с помощью союза «и», к выводу политической этики за

рамки морализаторства и цинизма, к гуманистическому осмыслению потенциала реализма и т.д. Без освоения достижений политической философии и моральной философии в сфере политической этики невозможно развивать и этико-прикладное направление в политической этике.

Более того, идентификация политической этики как прикладной предполагает необходимость *интервала эффективности* и для этико-прикладного подхода, *не отменяющего и не подменяющего* политико-философский, морально-философский и практико-ориентированный подходы. Речь, как мы отметили во введении, идет не об альтернативе, но об *ином*. Уже поэтому этико-прикладная концепция политической этики не может и не должна быть изолирована от достижений политико-философской, морально-философской и других версий политической этики. И в нашем опыте есть убедительные примеры взаимодействия их потенциалов и потенциала политической этики как вида прикладной этики: проект «Кredo и кодекс власти», представленный на страницах журнала «Этика успеха»¹⁴⁷ – здесь доминировали скорее потенциалы политической философии, социологии политики, моральной философии, и проект «Этика политического успеха»¹⁴⁸, в котором доминировала уже позиция прикладной этики.

А необходимость определения *интервала эффективности* политико-философской, морально-философской и других версий политической этики – и, соответственно, основания концептуального обновления «повестки дня» – диктуется тем обстоятельством, что феномен *конкретизации* морали в процессе освоения ею сферы политики оказывается, в подавляющем большинстве случаев,

¹⁴⁷ Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов, ЛПР / Соредакторы В.И. Бакштановский, В.А. Чурилов. Вып. 1-11. Тюмень – Москва: Центр прикладной этики, ФИК «Югра», 1994-1997.

¹⁴⁸ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха / Научно-публицистическая монография. Тюмень-Москва: Центр прикладной этики, 1997.

за *рамками* внимания как политической философии, так и моральной философии. В итоге, мораль (и теоретизирующая этика) остаются в исследованиях политической этики в статусе наложения (аппликации).

Что же касается пока еще редких случаев подхода к политической этике с позиций практической этики, то и здесь *практичность* ограничивается экспертно-аналитическим потенциалом общеобщественной морали (вспомним: «научиться проводить этический анализ ...различных элементов этического режима, а также квалифицировать действия парламентариев ...в свете общих принципов и конкретизированных правил парламентской ...этики»), слишком редко решаясь на освоение потенциала технологий этико-прикладного знания: этического моделирования и этического проектирования.

Отсюда сверхзадача идентификации политической этики как прикладной: показать, что ответственность политической этики перед общеобщественной моралью обеспечивается развитием подсистемы этой морали через феномен конкретизации, Обеспечивается с большей эффективностью благодаря *приложению* – по сравнению с *аппликацией*.

Обеспечивается и благодаря осознанию того, что нет *готового к употреблению* знания: развитие этико-прикладного знания само по себе является *новым освоением*. Идентификация политической этики как вида прикладной этики вносит в процесс концептуального обновления «повестки дня» идею синхронности становления политической этики (морали) – и этико-прикладного знания в сфере политической морали. И одна из задач этой главы – не просто зафиксировать формирование элементов такого знания, но и сосредоточиться на этом событии.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ обновление «повестки» мы связываем с его «привязкой» к *алгоритму идентификации* политической этики, в основе которого – инвариантный алгоритм идентификации общепрофессиональной этики, представленный в предшествующих главах. Модификация этого алгоритма необходима уже в связи с особенностями

политики как сферы приложения морали. Во-первых, политику вряд ли уместно трактовать как высокую профессию. Во-вторых, политическая деятельность предполагает и непрофессиональную деятельность (гражданское участие, например). В-третьих, модификация инвариантного алгоритма необходима в связи со степенью (не) разработанности политической этики как вида этико-прикладного знания. Степенью (не) разработанности (а) теоретического аспекта концепции и (б) ее проектного потенциала – так, например, наши возможности опереться на анализ «случая» – как в предшествующих главах – пока ограничены: «случай» с проектированием кодекса парламентской этики региональной Думы еще только развивается.

В характеристике нормативно-ценностной системы политики мы сосредоточимся на следующих шагах инвариантного алгоритма: идентификация нормативно-ценностной системы политики как конкретизации общеобщественной морали (политическая этика как вид прикладной этики); характеристика «морального измерения» политики; обоснование ценностной природы профессионализма в политике и ценностного содержания гражданского участия в политике; этико-праксиологическая интерпретация императивов политического успеха; анализ мировоззренческого и нормативного ярусов политической этики (политика как служение Делу, кодексы политической этики); идентификация политической этики как проектно-ориентированного знания с обстоятельной презентацией *формирования и работы* такого знания (проектное освоение инновационных ситуаций трансформирующегося политического этоса, этический консилиум современной ситуации в обществе, идеология и технология консультирования работы над Кодексом депутатской этики).

В *модели освоения* политической этики как одной из «территорий» ойкумены прикладной этики доминирует то «диагностически-консультативный», то проектный способы. Предмет освоения – (само)реформирование политического этоса – предполагает особую роль нововведений и отсюда – проектный элемент феномена креации полити-

ческой этики, а самоидентификация профессии здесь, в отличие от иных прикладных этик, организуется больше в формате игрового моделирования, чем экспертного опроса. В то же время диагностика ситуаций политического этоса давних лет – не просто *ретро*, но и извлечение уроков. В том числе урока бережения этосной конкретизации политической этики и проектного воздействия от конформистского «обслуживания практики» и *уценивания* должно. Совсем не случайно в этом плане появление «юбилейного» проекта «Двадцать лет спустя»: экспертиза-консилиум современной моральной ситуации в России», перекликающегося с нашим проектом времен Перестройки¹⁴⁹.

ЗАВЕРШИМ параграф замечанием о том, что в этой главе мы уклоняемся от обсуждения ряда вопросов, зафиксированных в эскизе «повестки дня». Смягчающими обстоятельствами мы считаем уже отмеченную выше степень (не)разработанности этико-прикладного подхода к политической этике и наличие ряда наших монографических публикаций. Выделим здесь монографию «Этика политического успеха». В четырех ее разделах последовательно рассматриваются общий концепт политической этики, становление этой нормативно-ценностной системы в опыте Запада и России, «первоначальное накопление» ценностей этики политического успеха: политический этос эпохи Перестройки и т.д. Значительное место отведено методологии и технологиям исследования политического этоса (раздел «Аксиология и праксиология политических игр») и реальному опыту его экспертизы, моделирования и проектирования в отечественной ситуации. Опыту, отражающему такие этапы, как попытка самореформирования политического этоса, политический этос накануне перемен, пренатальная стадия постсоветского политического этоса: региональная модель, кредо и кодекс российской власти постсоветского периода; постсоветская стадия ко-

¹⁴⁹ См.: Этический консилиум. Ведомости. Вып. 29 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2006.

эволюции политического этоса и этоса гражданского общества.

2. Нормативно-ценностная система политики

2.1. Политическая этика как конкретизация общеобщественной морали

2.1.1. Политическая этика как вид прикладной этики

КАК И В СЛУЧАЕ с журналистской этикой, рефлексия характеристики «прикладная» применительно к существительному «этика» в работах по политической этике встречается весьма редко¹⁵⁰. В том числе – в работах авторов, принимающих, в целом, существование понятия политической этики или предпочитающих предельно ограничивать целесообразность его применения. При этом принятие в целом или в ограниченном значении понятия «политическая этика» сопровождается доминирующим в литературе уклонением от идентификации политической этики как *вида прикладной этики* или единичными случаями прямого отторжения этой идентификации. А включение темы «политическая этика» в программы подготовки магистров прикладной этики происходит пока без учета *многообразия* моделей прикладной этики.

Последствия указанных тенденций – уже не только те, что связаны с отмеченным в предшествующем параграфе характерным союзом «и» в постановке вопроса о соотношении морали и политики, но и аппликационный, по сути, способ проблематизации, когда подход «мораль в политике» можно уточнить как «универсальная мораль в политике» и, соответственно, связанный с потенциалом практичности «практической философии» в решении проблем политической этики. Разумеется, даже в формате «мораль и политика» союз «и» не пассивен, подразумевая определенное влияние морали на политику. Тем более,

¹⁵⁰ «Итак, политическая этика – один из видов прикладной этики» – пишет А.В. Оболонский. См. его: Мораль и право в политике и управлении. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 50.

это влияние предполагается в морально-философском подходе к политической этике, в ее характеристике как «части практической философии». Но о *каком роде* влияния морали на политику идет речь в таких случаях?

НЕ СЛУЧАЙНО свое Введение к учебнику «Политическая этика» Е.Л. Дубко открывает эпитафией из Г.В. Плеханова, говорящем о необходимости для морали «построить мост, который вел бы от нее в область политики». Именно вслед за этим эпитафией автор идентифицирует политическую этику как *нравственно-политическую философию*. Идентифицирует намеренно, зная об иных подходах. Так, например, в обзоре версий понятия «политическая этика» Е.Л. Дубко вполне объективно представляет нашу концепцию, выделяя цитатами из университетского словаря по прикладной этике¹⁵¹ и трактовку политической этики как части общественной нравственности, и идею ограниченности возможностей морали как таковой регулировать автономизировавшуюся в сегментированном обществе политику, и обращенность политической этики как к профессиональным политикам, так и к гражданам и т.д.¹⁵².

В то же время в перечне «макетов политической этики», о котором мы говорили в параграфе 1, места для политической этики как вида прикладной этики не нашлось. Более того, критически относясь к безымянным «попыткам придать политической этике прикладной характер», Е.Л. Дубко, пишет, что этико-прикладной подход «по-видимому, предполагает, что моральные цели общества установлены, а основные стандарты социального и, в том числе, политического поведения хорошо всем известны, вынимаются “из рюкзака”»¹⁵³. «На всякий случай», отметим, что мы далеки от такого образа *приложения* политической

¹⁵¹ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: опыт университетского словаря. Тюмень: Центр прикладной этики, НИИ ПЭ, 2001.

¹⁵² См.: Дубко Е.Л. Политическая этика. С. 27.

¹⁵³ Там же. С. 29.

этики. Укажем хотя бы на проект «Самотлорский практикум», посвященный экспертизе моральной ситуации в стране в годы Перестройки, *этико-прикладной* проект, инициированный как раз неопределенностью моральных целей общества. Одна из задач проекта как раз и заключалась, говоря словами участника этого практикума Е.Л. Дубко, в «осмотре и ревизии наших моральных координат»¹⁵⁴. Напомним и продолжение этого проекта с характерным названием: «Двадцать лет спустя».

На наш взгляд, концентрация внимания на нравственно-философском видении политической этики и уклонение от идентификации политической этики как вида прикладной этики способствуют проявлению элементов гиперморализма. Например, в анализе мотивов создания кодексов политической этики: «транквилизатор, предназначенный, прежде всего, для того, чтобы успокоить общественность, восстановить пошатнувшийся кредит доверия... Кодекс – это элемент “белого PR”»¹⁵⁵. Действительно, такого рода мотивы характерны для фиксируемой автором стратегии создания кодексов «сверху». Но к таким мотивам все не сводится характерная для этико-прикладного подхода к политической этике мотивация от имени профессиональной этики, основанная на стратегии *саморегулирования*. На наш взгляд, и скепτικο-морализаторский стереотип требований к депутатам как к таким персонам, которые выше избирателей по нравственному уровню¹⁵⁶ – следствие аппликационного подхода к природе политической этики. В этико-прикладном подходе речь идет о том, что требования к депутатам предъявляются от имени профессиональной этики, «говорящей» на языке *особого* в депутатской деятельности, а не «абстрактно-лучшего». (Мы вернемся к этому вопросу в следующих параграфах.)

¹⁵⁴ См.: Самотлорский практикум-2 / Под ред. В.И. Бакштановского. Москва-Тюмень, 1988. С. 23.

¹⁵⁵ Дубко Е.Л. Политическая этика. С.225.

¹⁵⁶ Там же. С. 229.

В СВОЮ очередь, воспринимая подход к политической этике как виду прикладной этики в острокритическом ключе, противопоставляя этому подходу концепцию *морального выбора в политике*, Б.Г. Капустин, как мы уже отметили в параграфе 1, исследует «работу морали в политике», имея в виду только *универсальную мораль*. Понятно, что, принимая кантовскую критику гетерономии с позиции автономии морали, автор скептичен в отношении «политической этики», но даже при критике им Канта в пользу реализации морали в поступке¹⁵⁷, Б.Г. Капустин видит практичность *работы морали в политике* лишь в рамках потенциала «Посланий жизни», написанных «с точки зрения деятеля», т.е. реальными участниками политики, воплощающими в своих поступках идею ненасилия¹⁵⁸.

Не ставя здесь задачи критического анализа цельной, глубоко проработанной и эвристичной политико-философской концепции автора, ограничимся полемикой с некоторыми из его суждений, имеющими отношение к нашей попытке идентификации политической этики как вида прикладной этики. Начнем с напоминания о проблематизации М. Вебером вопроса об отношении между этикой и политикой. Вебер задается с виду простым вопросом: разве «одна и та же» этика имеет силу и для политической деятельности, и для любой другой, и отвечает на него вопросом: «Но разве есть правда в том, что хоть какой-нибудь этикой в мире могли быть выдвинуты содержательно тождественные заповеди применительно к эротическим и деловым, семейным и служебным отношениям, отношениям к жене, зеленщице, сыну, конкуренту, другу, подсудимому? Разве для этических требований, предъявляемых к политике, должно быть действительно так безразлично, что она оперирует при помощи весьма специфического средства – власти, за которой стоит насилие?»¹⁵⁹. Обратим внимание на то, что здесь говорится о содержательной стороне эти-

¹⁵⁷ Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. С.17.

¹⁵⁸ Там же. С. 19.

¹⁵⁹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 694.

ки, но не о формальной, которая как раз тождественна во всех упомянутых случаях – от эротики до бизнеса, от семьи до политики. Лишь формально этика носит универсальный всеобщий характер должностования.

Далее. Вполне логично критикуя ограниченный потенциал практичности моральной философии в ее применении к политике, определяемый им как «прикладная проекция моральной философии», и декларируя намерение создать «особую теорию. Использующую знания, накопленные моральной философией, но не являющуюся простым “отростком” последней»¹⁶⁰, Б.Г. Капустин некорректно представляет нашу версию политической этики как вида прикладной этики. Цитируя нашу статью «Политическая этика» в энциклопедическом словаре «Этика», он пишет, что сторонники прикладной этики «видят ее задачу в том, чтобы раскрыть связи морали с различными видами профессиональной этики. В первую очередь, их интересует то, какие особенности в рамках профессий имеют *проявления* универсальных по своему характеру моральных требований (курсив Б.Г. Капустина – В.Б., Ю.С.) ...Мы же будем вести речь не о профессиональной деятельности, а о деятельности *граждан*. ...Соответственно, мы будем исследовать *универсальные*, а не специфические “проявления” морали в разных контекстах борьбы»¹⁶¹.

Во-первых, мы говорим не о *проявлениях* универсальной морали в политике, а об ее *конкретизации* в сфере политической этики, в нормативно-ценностной системе политики. Повторим итоговый тезис анализа «повестки дня»: ответственность политической этики перед общеобщественной моралью обеспечивается развитием подсистемы этой морали через феномен конкретизации. Обеспечивается с большей эффективностью благодаря *приложению* – по сравнению с *аппликацией*.

Кстати, заметим, как Б.Г. Капустин соотносит «применение» и «приложение» в отношениях морали и полити-

¹⁶⁰ Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. С. 124.

¹⁶¹ Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. С. 124-125.

ки: «“Применение” – это и есть приложение моральных понятий к рассматриваемому предмету». Рассмотрение же «трудностей морального оценивания политики как такового ...должно вывести нас на поиск более глубоких и более существенных связей морали и политики, чем та, которая выражается моральным оцениванием политики. Исходящего из явного или неявного представления о том, будто мораль и политика – два разных и, в решающей мере, чуждых друг другу мира. А если рассмотреть их как единый мир, в котором мораль деятельно участвует, удачно или неудачно входя в политические дела людей? В этом ракурсе “участие” окажется альтернативой “применению”»¹⁶². Автор справедливо указывает на уязвимость «оценивания» перед «участием» морали в политике. Но это *участие*, участие *универсальной* морали, – альтернатива лишь «применению». И не отменяет *никого – приложения*, подразумевающего потенциал политической этики как вида прикладной этики.

Во-вторых, полагаем спорным противопоставление политической этики как *профессиональной* этики – и этики *гражданственности* любого субъекта¹⁶³. Разумеется, мы вовсе не исключаем из сферы политической этики ценности и нормы гражданского участия – об этом Б.Г. Капустин мог прочитать, например, в журнале «Этика успеха», автором которого он был не один раз¹⁶⁴), один из выпусков которого – № 9 – был посвящен этике избирателя, или в книге «Будь лицом: Рабочие тетради Гражданского форума»¹⁶⁵ (мы еще вернемся к этому вопросу в параграфе 2.4). Но речь идет о том, что политика во многих своих

¹⁶² Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. С. 24-25.

¹⁶³ Там же. С. 9.

¹⁶⁴ См., напр.: Капустин Б.Г. Этика политики в условиях загнивания общества // Этика успеха. Вып. 2. Тюмень-Москва, 1994. С. 35; его же: Российская модернизация: проблема нравственной инфраструктуры // Этика успеха. Вып.11. 1997.

¹⁶⁵ «Будь лицом!»: Рабочие тетради Гражданского форума / Кол. монография / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2004.

проявлениях профессионализирована. При этом акцентирование роли профессионализма в политике не сводится к настораживающему автором требованию «моральности политика».

В ДАННОМ параграфе мы сосредоточим внимание на том, что дает идентификация политической этики (морали) в качестве вида прикладной этики (морали), одного из «случаев» конкретизации нормативно-ценностной системы общества – на трех взаимосвязанных эффектах *приложения*, первый из которых связан с идеей гетерохронности зарождения общеобщественной морали и политической этики (морали); второй – с идеей коэволюции политической этики и этики гражданского общества; третий – с идеей ориентации политической этики на реально-должное.

А в следующем параграфе – на нашей версии «работы морали в политике» – работы этико-прикладного знания в сфере политической этики.

2.1.2. Идея гетерохронности общеобщественной морали и политической этики (морали)

К ПОЛИТИЧЕСКОЙ этике (морали) как разновидности прикладной этики (морали) в полной мере относится неоднократно описанная нами трудность понимания феномена *приложения*: понятие «прикладная этика» имплицитно содержит в себе немалый искус представить дело таким образом, будто всегда существовал уже вполне готовый продукт – общая, общеобщественная, универсальная этика, который предстоит лишь «приложить» к той или иной сфере, отрасли и подотрасли человеческой деятельности, чтобы обрести в итоге искомую разновидность прикладной этики. Но в истории морального феномена морали очень долго не существовало такого готового продукта, который мы задним числом могли бы назвать универсальной «моралью» – это так же проблематично, как наличие в те времена уже сформировавшегося «общества». Путь к общей, общеобщественной, универсальной морали

неразрывно связан со становлением общества в качестве гражданского, что произошло лишь на пороге новоевропейских времен.

Как известно, на рубеже Нового времени, при исходе традиционных социумов Старого времени, во всей общественной системе происходили глубочайшие структурные перемены: мучительно долго и трудно рождалось на свет новое общество (модерн), техногенная цивилизация. «Пролом традиционности» означал раскол прежде сплоченной и инерциальной общественной системы, из обломков которой одна за другой стали выстраиваться самостоятельные функциональные подсистемы.

По мере интенсификации процесса отделения, эти подсистемы обретали сравнительно независимые от целого импульсы развития, различную динамику изменений, образовывали сложную сеть взаимосвязей, оснащались высокоспециализированными социальными институтами с разнообразным ролевым репертуаром и формализованными межличностными отношениями. В разные стороны отдрейфовывали хозяйство (экономика), право, наука, религия, воспитание, семья и т.д. И, конечно, произошло то, что нас здесь интересует в первую очередь – самостоятельность обрела политика, система политических отношений и институтов, в том числе и политическая этика.

Могла ли – в такой ситуации – не претерпеть радикальных изменений и система регулятивов традиционной цивилизации? Вопрос явно риторический. Когда обнаружилось расщепление уютного цельнокроеного мира («дома») на отдельные функциональные подсистемы («миры»), открылся факт выхода этих подсистем из-под контроля морали. И в самом деле, оказалось, что терминами «добро» и «зло» на редкость трудно оперировать в дифференцирующихся сферах и видах человеческой деятельности, что устранение того, что столь беззаботно называют «моралью», из функциональных подсистем, как ни странно, ею самой (не сразу, не в одночасье) одобрялось и покрывалось, тогда как усердное и бесплодное морализирование ею же осуждалось. В ситуации оформления названных

подсистем возникали, по выражению Н. Лумана, затруднения с двузначным кодированием «хорошо/плохо». Такие затруднения он назвал «парадоксами морального кода»¹⁶⁶.

В подкрепление сказанному, приведем рассуждения П. Бурдые. Он обращает внимание на различное понимание добродетелей в «народной системе ценностей» и в политической деятельности. Если в первой значительное место отводится таким добродетелям, как целостность («отдаться полностью», «отдать всего себя целиком» и т.п.), верность данному слову, лояльность по отношению к своим, верность самому себе («я такой, каков есть», «ничто меня не изменит» и т.п.) и другим диспозициям, то во второй эти добродетели могут выглядеть как негибкость и даже глупость. «С учетом этого можно понять, что приверженность первоначальному выбору, которая превращает политическую принадлежность в почти наследуемое свойство, способное выстоять даже несмотря на меж- и внутрипоколенческие изменения в социальном положении, с особой силой проявляется в народных массах, чем и пользуются левые партии»¹⁶⁷.

КАК МЫ УЖЕ неоднократно писали, для объяснения новой исторической ситуации возникла идея «исключения из правила»: мораль в экстраординарных случаях допускает совершение неморальных, а то и просто аморальных поступков. В политике подчас разрешается, допускается, а в ряде случаев даже предписывается скрытность, лукавство, уклонение от выполнения обещаний, подобно тому, как используется «ложь во спасение» во врачебной или воспитательной практике. Без скрытности, обманных движений, маскирующей пышной риторики, ловкого маневрирования и т.п. нет политического соперничества.

Отчего же такого рода «прегрешения» против морали оказываются допустимыми и чуть ли не обязательны-

¹⁶⁶ Луман Н. Честность политиков и высшая аморальность политики // Вопросы социологии. 1992. Т.1. № 1. С. 72.

¹⁶⁷ Бурдые П. Социология политики. М.: Социо-Логос, 1991. С. 228.

ми? Ответ напрашивается сам собой: будь все иначе, существенным образом снизилась бы эффективность специализированной деятельности. Отнюдь не исключено, что могли бы возникнуть ригоризм, моральный максимализм, и вскоре эта деятельность сделалась бы невозможной. То есть, соображения целесообразности взяли верх над соображениями нравственными. Отсюда известный ход: задача этики заключается не только в том, чтобы санкционировать такие отступления, но и минимизировать их до единичных случаев, до исключений из правил, квалифицируя не как благо, а как «вынужденное зло».

Но это легче сказать, нежели сделать. Как, спрашивается, установить пределы для исключений, с одной стороны, а с другой, – как ослабить наступление безжалостного морального максимализма? Существует вполне реальная угроза перенасытить исключениями деятельность в специфических сегментах общественной жизни. Ответом на эту угрозу могут быть ригористические контратаки, всплески настойчивого морализирования, что сделает невозможной самую моральность, загонит ее в гетто частных отношений – семейных, дружеских, приятельских, соседских и т.п. И вообще: возможно ли выработать правило, которое позволит надежно отделить приемлемые исключения от недопустимых? А как, поставив под сомнение непреложность требований, приостановить релятивизацию нравственной жизни общества?

Оказавшись в западне трудноразрешимых задач, этика сделала очень важный «шаг в сторону» от подхода, который мы называем «исключительским». Она задалась вопросом иного свойства: а что, если дело вовсе не в исключениях и, тем более, не в последующих пассажах «минимизаторов», как, впрочем, и не в плачевном состоянии морали, «неосторожно угодившей» в непригодные для нее сферы человеческой деятельности, а в формировании здесь особого типа морали? Или, лучше сказать, дело в дальнейшем развитии морали? И тогда, например, важна не столько проблема соотношения морали и политики, сколько проблема преобразования морали в тех случаях,

когда она *прилагается* к политике. Не в этом ли процессе возникает собственно политическая этика?

Вспомним еще раз, что в Новое время начался процесс дезинтеграции до этого будто бы высеченного из одной глыбы монолитного социума. Пришла пора автономий в практической и интеллектуальной жизни людей: автономизация политики, ее размежевание с религией и моралью было зафиксировано Н. Макиавелли; автономизация морали была отражена в этической доктрине И. Канта. Мораль в стадии зрелости оказалась способной – при определенных условиях – пойти на собственную сегментацию. Зрелая мораль «одобряет свое собственное отступление» отовсюду, где возникает названный выше парадокс морального кода, и «требует для себя суверенности, чтобы самой решать о своем собственном применении и неприменении»¹⁶⁸. Она, продолжим продуктивную мысль цитируемого автора, как бы осознает тот факт, что в политике бесполезно заниматься прекраснодушным морализированием. Трудно без передержек приписать реальной (либо пока не существующей, но предвосхищаемой «светлой», «чистой»), повседневно практикуемой политике высоконравственные свойства или полагать, будто политика, в которой чаще всего все же доминирует цель обретения и удержания власти, имеет также и задание поработать на славной ниве воспитания заблудших подданных. Как только политика возжелает воспитывать народ, вознамерится награждать добродетельных и карать порочных, она начинает воспринимать себя как чуть ли не высшую нравственную инстанцию («мне отмщение и аз воздам»), и ей рано или поздно станут угрожать провалы, ловушки утопизма или приманки тоталитаризма.

Означает ли подобная интерпретация (обремененная, возможно, цинизмом), что и в самом деле мораль с политикой, как гений со злодейством, оказываются принципиально несовместимыми, что политика не имеет ника-

¹⁶⁸ Луман Н. Честность политиков и высшая аморальность политики. С. 72.

кого отношения к морали? Нет, совсем не обязательно столь безнадежно смотреть на вещи, проклиная с высоких этических амвонов любую политику, воспринимая всякого политика как «аморалитика», как злобное, inferнальное существо, с портрета которого Х.Л. Борхес списал свою «Всеобщую историю подлости» (хотя подкрепляющие подобный пессимизм факты обнаруживаются без труда и в пугающем изобилии).

Сказав, что морализирующая политика сама себя загоняет в тупик, ведет к неудачам и провалам, мы тем самым вовсе не утверждаем обратного – будто успешная политика непрерываемо свидетельствует о своей безнравственности (или вненравственности), что, возможно, именно безнравственности, беспринципности политика обязана своими триумфами, что следует раз и навсегда запретить судить о политике и политиках в категориях морального долга и ответственности.

Нам представляется правомерным принципиально иной тезис. Подобно тому, как в рыночной экономике не все то, что эффективно экономически, – нравственно, скорее, напротив, именно потому нечто эффективно потому, что является моральным, и в деятельности огромной политической машины современного общества при серьезных и массовых нарушениях этики политического поведения начинаются сбои, а в конечном счете утрачивается функциональное единство социума. И, напротив, работа этой машины только тогда соответствует своему предназначению быть функциональной подсистемой общества, когда ее институты и люди, в них занятые, придерживаются определенных моральных норм.

Но речь при этом идет не столько о «морали вообще», сколько о политической морали (политической этике). Зрелая мораль, как мы помним, характеризуется универсальностью своих предписаний и оценок и проявляется в формальной всеобщности, т.е. в различении морально положительного и морально отрицательного с последующим «запуском» механизмов долженствования и самоконтроля. Но то, *что* именно является содержанием этой

всеобщности, какие конкретные обязательства отсюда вытекают для действующих на политической арене лиц или институтов, не является раз и навсегда предназначенным. Действующий субъект способен обратить нравственный закон в самообязующее содержание собственной воли, произвести свободный выбор между добром и злом не в их абстракции, а во вполне конкретных ситуациях специализированной деятельности.

При этом формирование политической этики не означает усердного и бесконечного накопления регулятивно-ориентационных подробностей. Вопрос о политической этике как подсистеме общеобщественной морали – вопрос о подлинном развитии зрелой общественной нравственности на основе опыта ее приложения в сфере политики. И результаты такого развития не могут быть прямо извлечены из всеобщих принципов и представлений, как бы дедуцированными из моральных аксиом. Повторим сказанное выше: разумеется, политика, как и другие виды человеческой деятельности, отвечает перед общеобщественной моралью. Но отвечает она *через* развитие политической этики как нормативно-ценностной подсистемы. Такое *приложение-конкретизация* – более эффективное ориентирование и регулирование политики, чем элементарная *аппликация*.

Рассмотрим возможные возражения такой точке зрения. Обычно говорят, что и в доиндустриальных обществах существовали политические отношения, действовали почтенные политические институты, был выработан нормативный порядок политической жизни, а стало быть, была и политическая этика, пусть в зачаточной форме. На это можно ответить, что политической жизни как таковой еще не было (в том числе и в античности: обычай, традиция, организационно-процедурные моменты брали верх над автономным выбором, суверенитетом личности), деятельность политического характера была слабопрофилированной. Политические функции легко конвертировались в том смысле, что осуществлялись наряду с другими видами власти всей правящей элитой (классом или сосло-

вием). Ее члены в значительной степени были «по совместительству» и военными, и правоведами, и хозяйственниками, и культуртрегерами, но не были политиками *ex professo*. Что касается народных масс, то их скорее характеризовала политическая иммобильность («народ безмолвствует»).

Спору нет, в своих притязаниях власть не была безграничной; даже традиционно или харизматически обожаемая власть, власть откровенно деспотичная имели известные пределы – обычная нравственность с сильно выраженным патерналистским уклоном (наряду с неотчуждаемыми экономическими правами, там, где они имели место) ставила ей определенные ограничения. Дозволяла власти всякого рода своеволие, различные «художества» и чудачества, однако при непереносимом условии, что власть следовала духу традиций и обычаев, сохраняла облик «порядочности», лучше сказать, умеренности и «достоинства», каждый раз демонстрируя расположенность без усталости заботиться о своих верноподданных, «малых мира сего», обнаруживая способность приносить им благо, обеспечивать общественный порядок, судопроизводство, охрану границ и имущества, гарантии помощи при стихийных бедствиях и т.п. Или же жертвуя народным благом, но только ради легитимизированных «мессианских» задач (например, крестовые походы и сопротивление им). Порочная власть рассматривалась как источник общественного зла, о чем свидетельствовали божественное нерасположение и небесная кара (военные поражения, частые неурожай, эпидемии). Поэтому в ряде случаев допускались тираноборческие санкции – с их помощью преодолевалось мощное давление сознания вины подвластных перед властью (политическая «*mea culpa*»). При этом культурные барьеры были сравнительно низкими при деспотических режимах, сословных устройствах и более высокими – при сословно-правовых системах.

Однако такого рода культурные нормы и санкции весьма отдаленно походили на *политическую этику*. Власти обходились неписаными, реже – писаными, кодек-

сами чести, которые опирались на аристократический, рыцарский, патрицианский, бюрократический, монашеский этосы. В определенной мере их можно рассматривать в качестве нормативно-ценностных источников политической этики, ее отдаленных прообразов. К тому же значительная часть властных структур прошлого были духовно-политическими образованиями и получали моральное подкрепление без политической этики. И, повторим, лишь в Новое время в ходе политогенеза – и то далеко не сразу – политическая деятельность отпочковалась от других видов, стала профессионализироваться в информационном и организационном смысле.

Мы не сможем объяснить данный процесс, если упустим из виду, что в то же самое время произошли глубокие перемены в *политической культуре* общества. Они позволяют понять, каким образом возникший профессионализм в политической сфере смог сочетаться с резко возросшим участием масс в политической жизни. В рамках изменившейся политической культуры власть начала утрачивать ореол божественности, священности – с неоспариваемой привилегией регулировать права и обязанности подданных. В свою очередь, это потребовало формирования новых – десакрализованных – механизмов специализированной политической власти, новых способов ее легитимации, невиданных для прошлого форм мобилизации масс (в том числе, с помощью СМИ), что породило и новые типы отношений между политической элитой и массой. Все это вместе взятое и послужило общей предпосылкой возникновения политической этики.

Чтобы продвинуться дальше, нам придется остановиться на вопросе о типах политической культуры и связанной с ней политической ментальностью народа. Г. Алмонд, предложил, пожалуй, наиболее убедительную классификацию политических культур. Речь идет о трех чистых типах политической культуры: «патриархальной» – с полным отсутствием у масс интереса к политической деятельности и закрытостью политической системы; «подданнической» – с лояльной ориентацией на результаты поли-

тической деятельности при сравнительно низком уровне участия масс в функционировании политической системы; «активистской» или «партиципационной» культуре участия масс в политической жизни. Как и всякая модель, схема Алмонда имеет свои изъяны. Но нам важно подчеркнуть, что политическая этика смогла возникнуть вместе с доминированием активистской культуры – участием масс в политической жизни, вместе с демократизацией политики.

2.1.3. Идея коэволюции политической этики и этики гражданского общества

ПОД ДОЛГОЕ время употреблявшимся понятием «социалистическая нравственность» лежит целый конгломерат, вавилонское смешение ценностей и норм: и немногие рудименты революционной этики, и невытоптаннные остатки народной нравственности, и элементы морали гражданского общества, которая начинала нарождаться в России. Но главный компонент этого «коктейля» ценностей – официальная, государственная мораль с ее духом миссионерства, избранничества, с приоритетом классового начала над общечеловеческим, родовым. С особым соединением труда и морали, в которой видели непосредственный фактор производства, – соединением внеэкономического принуждения и моральных стимулов. С подчиненностью морали политическому долгу, ее низведением до уровня обыденных семейно-бытовых отношений, к пункту «морально устойчив» в характеристиках. С вытеснением понятия «совесть». Произошло поглощение общества государством, и в результате не стало ни политической, ни гражданской этики. Политической этики нет до тех пор, пока нет этики гражданского общества с ее системой правил и требований.

Почему политическую этику считают обязательным элементом конкурентной демократии? Легче всего ответить с помощью контрвопроса: достаточно ли одних политико-правовых регулятивов и гарантий для достижения общественного согласия и исключения узурпации власти? Способны ли эти регулятивы сами по себе, в отрыве от

потенциала морали, выработать целостную и действенную концепцию свободы и равенства, создать прочную и глубокошелонированную защиту порядка и справедливости в демократическом обществе? Не будут ли эти изобретательно придуманные и апробированные регулятивы, гарантии, механизмы сдерживания и балансировки отвергнуты народным сознанием, опрокинуты при первых же серьезных социальных кризисах? Но такого рода контрвопросания недостаточно.

Исторический опыт показал, что «конкурентная» модель демократии смогла эффективно функционировать, выдерживая различные потрясения, лишь при наличии этико-культурных подкреплений, при принятых обществом мировоззренческих и аксиологических обоснованиях и оправданиях, при легитимации указанных гарантий, регулятивов, механизмов балансировки. А для этого потребовались смещения в типах политической культуры, принципиальные перемены в нравственном сознании общества, способные породить *рациональную мораль гражданского общества*.

С одной стороны, возникает профессионализм в осуществлении властных функций – политика как профессия, с учетом отличия политической миссии от бюрократической функции, так как она всегда остается «личной миссией»¹⁶⁹. С другой стороны – массы стали превращаться, пусть еще не очень последовательно, из пассивного объекта политического регулирования в самостоятельного субъекта политического диалога и действия. Востребовалась автономная личность, способная усвоить гражданский тип политической культуры, при котором активизм, участие в политической жизни начинают доминировать над патернализмом, перебрасыванием ответственности на «верхи», над простой подданнической лояльностью. Одновременно начинает доминировать терпимость к инакомыслию, способность внимать чужим интересам (включая способность поступиться приоритетом личных интересов в

¹⁶⁹ См.: Бурдые П. Социология политики. С. 228.

пользу государственных соображений, когда это оказывается необходимым и когда смены в приоритетах осуществляются под общественным контролем), отказываться от конфронтационного поведения, от силовых политических «разборок» в пользу компромиссов, переговоров, диалогов, сотрудничества.

Ядром этой participatory политической культуры, по нашему мнению, и стала политическая этика как одна из разновидностей рациональной («постестественной») морали гражданского общества. Общекультурный «ценностный минимум», правила политической игры в демократических институтах – предпосылки и начала политической этики. Этики, представляющей собой совокупность ценностей и норм, разрешений и запретов, ориентирующих и вместе с тем регулирующих действия профессиональных политиков и, вместе с тем, действия всех тех, кто по своей воле (или против нее) вовлечен в политическую жизнь.

ПОСЛЕДНИЙ тезис требует пояснения. Политическая этика регулирует не только поступки профессиональных фигурантов от политики, но и всех граждан, когда дело касается «*большой*» или «*малой*», «*высокой*» или «*низкой*» политики. В развитом гражданском обществе демократические начала пронизывают все общественные структуры, что предполагает ответственных, рационально мыслящих, способных калькулировать собственные аффекты граждан, а не равнодушную к публичной жизни толпу или разнузданный охлос, которые побуждаются сиюминутными вождельениями, суетными соображениями или порывами, постоянно испытывая потребность в инъекции политической демагогии, в духовных поводырях (которые и сами подчас оказываются политическими слепцами), а заодно и в полицейской рукавице. Политическая этика воздействует на поведение граждан и тогда, когда им предстоит явиться к избирательной урне, не уклоняясь от свободного и ответственного выбора, когда избирателю вовсе не безразлично, в чьи руки попадет кормило власти,

и его не может удовлетворить лишь имитация избирательного процесса.

Политическая этика выражается также в форме нравственных требований граждан к облеченным властью лицам. Являясь *моралью* в полном, а не в усеченном смысле этого слова, политическая этика выступает в этом случае не просто средством *подкрепления* политико-правовых регулятивов и гарантий, всевозможных сдержек и противовесов, но и особым способом, каналом выражения недовольства качеством правления и управления, средством нелицеприятной критики наличных политических нравов, которые являют «*urbi et orbi*» власть и претенденты на нее. Такой канал нельзя считать резервным способом «выпускания паров» или своеобразной формой псевдодуховной релаксации, когда всего-навсего «срывают гнев», раздражение от жизненных передряг на политиках или на специально подставленных с этой целью «мальчиках для битья». Речь идет о никому не подвластном феномене *политической совести* граждан.

Совесть не может мириться с грязной политической практикой, оправдываемой софизмами от целесообразности, с отклонениями от норм политической морали, проявлениями цинизма и аморализма на «минном поле» политики. Вместе с тем совесть не может согласиться с догматом, по которому политика всегда и везде заведомо квалифицируется как «грязное дело» – это на руку пройдохам и лишь отвращает порядочных людей от исполнения их гражданского долга. Поэтому мы говорим не о вспыльчивости или брюзжании, а о подлинном негодовании как результате вдумчивых наблюдений и даже «аудиторской проверки» состояния нравов в этой ответственной сфере человеческих отношений. Совесть являет собой критическую способность человека. В применении к политической этике это означает желание и способность избежать опасности использования норм данной этики в апологетических целях. Более того, политическая этика помогает продвинуться от «принятия принятого» к новым горизонтам политической свободы, к нравственному идеалу.

2.1.4. *Идея ориентации политической этики на реально-должное*

Третий эффект идентификации политической этики (морали) как вида прикладной этики (морали) и, тем самым, как одного из «случаев» конкретизации нормативно-ценностной системы общества – *примерка* политической этики к двум парадигмам: *этике убеждений* и *этике ответственности*.

Вспомним, как Вебер проводит различия между этикой моральных абсолютов, этикой «Нагорной проповеди», не склонной к компромиссам, не чуждой уклона в сторону ригоризма, к действиям по формулам «все или ничего», «пусть восторжествует справедливость, хотя бы при этом погибнет мир», – и этикой реалистической, которая настаивает на ответственных решениях, позволяет моральные компромиссы в разумных пределах, без чего действия в публичной сфере имели бы непоправимо негативные последствия.

Всякое этически ориентированное действие, полагал Вебер, может подчиняться двум различным максимам: оно может быть мотивировано «этикой убеждений», этикой абсолютов – или реалистической «этикой ответственности». Не в том, конечно, смысле, будто этика убеждений оказалась бы тождественной безответственности, а этика ответственности – тождественной беспринципности. И та, и другая суть равновеликие, равнодостаточные этики. Но действующий по максиме этики убеждений поступает в духе *идеально-должного*, а относительно обретаемого результата, близких и отдаленных последствий его поступка – уповает на мудрость Провидения или Истории, трактуемых или фаталистически, или волюнтаристски. Годится ли такой подход для политики, в рамках которой непросто отыскать места для отношений чистого милосердия, непорочной любви, великодушия, щедрости и т.п. (чем все названные добродетели не умаляются ни в коей мере)?

Действующий по максиме этики ответственности поступает сообразно с *реально-должным*, в том числе пото-

му, что именно ему и предстоит расплачиваться за последствия своей активности. Ее нельзя переложить на плечи Провидения и Истории, других лиц или организаций (бремя власти), рассеять каким-то другим способом, ибо «всякому воздается по делам его». Расплачиваться так или иначе придется тем, кто зависит от активности политика. Процитируем классика: «Если последствия действия, вытекающего из чистого убеждения, окажутся скверными, то действующий считает ответственным за них не себя, а мир, глупость других людей или волю Бога, который создал их такими. Напротив, тот, кто исповедует этику ответственности, считается с самыми заурядными человеческими недостатками, как верно отметил Фихте, не имеет никакого права предполагать в них доброту и совершенство, но не в состоянии сваливать на других последствия своих поступков, коль скоро мог их предвидеть»¹⁷⁰.

В связи с задачей *примерки* политической этики к сформулированным Вебером этическим парадигмам важно подчеркнуть, что парадигма этики ответственности как доминирующее смысловое ядро политической этики адекватна *этике гражданского общества*, рациональной морали, приложенной к автономным сферам общественной жизни, в том числе – к ее публичному сектору.

Конечно, если воспринимать мораль в романтически-возвышенном ключе, так сказать, на котурнах, как воплощение нравственного идеала, тогда политики будут крайне неуютно чувствовать себя в мире, где утилитарное сознание раз и навсегда отсечено от сознания нравственного, где этика абсолютов и заповедей признается «подлинной» моралью, тогда как этика ответственности третируется за ее «второсортность», за свойство быть якобы лишь не очень обязательным дополнением к этике заповедной, к ее незыблемым поведенческим скрижалям.

Но признание существования политической этики (морали) не означает, будто моление одним богам (абсолюты морали, общие моральные требования, оценка

¹⁷⁰ Вебер М. Избранные произведения. С. 697.

человеческой деятельности, универсальные понятия морального мировоззрения) сменяется на истовое поклонение другим богам (релятивам, частным требованиям и оценкам, групповым мировоззренческим представлениям). Оставаясь в сфере *морали*, политическая этика одобряет не любой успех, но такие эффекты, последствия активности, которые достигаются благодаря исполнению рациональных норм этики ответственности в игре на всех площадках публичной политики. Понятно, что исполнение этих норм и правил происходит и благодаря убеждениям – мотиву верности таким регулятивным средствам. Без нравственной убежденности нет и не может быть морально автономной личности, нет и не может быть гражданской ее автономности. Словом, не столь уж контрастны максимы этики убеждений и этики ответственности, как такое кажется на первый взгляд: они отличаются как историческим временем возникновения, так и сферами применения, Не говоря уже о том, что они способны определенным образом дополнять друг друга, особенно при форс-мажорных обстоятельствах.

При этом активистская политическая культура с присущей ей политической этикой не является продуктом простого приспособления этики к политическим играм. Это обстоятельство позволяет политической этике избежать позиции апологета политической практики. Своей критичностью она содействует углублению демократических процессов, преодолению кризисных явлений в политической сфере.

И, наконец, тезис, не нуждающийся в обоснованиях: чтобы все участники политического процесса руководствовались в своем поведении нормами и ценностями этики политического успеха, необходима совокупность благоприятствующих этому условий. В их число входят зрелость демократических институтов и культуры политического участия, мера развитости гражданского общества в целом. Здесь же и приверженность граждан логике неконфронтационного политического поведения, склонность к политическому диалогу, переговорам, компромиссам, достиже-

нию баланса интересов. Но дело не только в *условиях*. Они, по традиционным схемам диалектики, входят в причинную цепь событий, но не завершают ее. Следование нормам этики политического успеха является, во всех случаях, результатом самостоятельного, свободного нравственного *выбора* политиков и тех, кто по своей воле или вопреки ей оказался в орбите наполненной опасностями, соблазнами и противоречиями политической деятельности. Это означает, что верность этическим нормам является безусловной заслугой тех, кто совершил ответственный выбор.

2.2. «Моральное измерение» политики

Следующий шаг алгоритма идентификации политической этики (морали) – характеристика *«морального измерения»* природы политической деятельности. Один из аспектов «морального измерения» отражает *общую* для морально-философского и этико-прикладного подходов задачу гуманизации политики, другой – *особенности* этико-прикладного подхода, в том числе, идею и технологию гуманитарной экспертизы политических решений.

2.2.1. Гуманизация политики как общеморальная задача

ОБЩНОСТЬ задачи гуманизации политики для парадигмы универсальной, общечеловеческой морали – и парадигмы прикладной этики можно показать с помощью материалов «круглого стола» журнала «Коммунист» позднеперестроечных лет на тему «Мораль и политика»¹⁷¹. Уча-

¹⁷¹ Мораль и политика // Коммунист. № 8. 1990. С.109-125. В работе «круглого стола» участвовали: В. Бакштановский, доктор философских наук Г. Батыгин, доктор технических наук, народный депутат СССР, председатель Комиссии по вопросам депутатской этики Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР А. Денисов (Ленинград), кандидат философских наук В. Крамник (Ленинград), кандидат экономических наук В. Кривошеев, кандидат искусствоведения А. Нуйкин, доктор исторических наук Б. Орлов, Ю. Согомонов (Владимир), доктор

ствуя в программировании «стола», мы предложили вопрос: «Не отрицает ли “политическая этика” общечеловеческую мораль? И наоборот: не ограничивает ли мораль политическую эффективность?». На наш взгляд, сокращенная стенограмма и без специальных комментариев из сегодняшнего дня дает возможность увидеть *общее* в актуализации темы у тех, кто говорит о политике от имени универсальной морали, и от имени политической этики. Общее, не отменяющее полемику, как в понимании соотношения морали и политики (первая часть «круглого стола»), так и в возможности-необходимости политической этики (вторая часть «круглого стола»).

Г. Батыгин: Мораль и политика отталкивают друг друга, сколько бы мы их ни смешивали, они несовместимы, как вода и масло. Так что, в принципе, думаю, эта проблема неразрешима, Но жизнь – хотим мы того или нет – скроена из такого рода проблем, которые люди, тем не менее, вынуждены обсуждать и решать.

А. Нуйкин: Сейчас перспективной может быть признана только позиция, которая соединяет политику и добро. Все более осознается продуктивность нравственного поведения в сфере политики. Происходит возврат к Канту, который одним из первых провозгласил идею всеобщего мира, отталкиваясь не от политических механизмов, а от нравственных представлений, видел в морали суровую необходимость, не допускающую никаких компромиссов. Что нравственно – становится полезным и политически.

Б. Орлов: Согласен, без морали политика уже не может быть реализована. Я много лет слежу за социал-демократической теорией и практикой и все это время пытаюсь разобраться в психологических различиях между этим и коммунистическим движениями. Главный критерий – у кого на совести больше жертв.

философских наук А. Щелкин (Ленинград), доктор экономических наук, народный депутат СССР Н. Энгвер (Ижевск).

Н. Энгвер: Не будем только забывать, что социал-демократам практически не приходилось, как коммунистам, сталкиваться с вооруженным, насильственным сопротивлением.

Б. Орлов: Нравственная политика осуществляется только там, где есть демократия, где любые действия подконтрольны ее механизмам, народу.

В. Бакштановский: В нашем разговоре явно доминируют акценты на критическую функцию морали в ее отношениях с политикой. Да, политика подлежит «нравственному суду», но не впасть бы на этом «суде» в морализаторство, вредное не только для политической деятельности, но и для самой морали.

А. Денисов: Мы абсолютизировали категории добра и зла. Тогда как есть множество переходных ступеней, и политик, как правило, вынужден иметь дело именно с такими промежуточными истинами и ценностями. ...И, я думаю, политик действует нравственно, когда добро от его поступков превышает зло. А вообще не творить зла он просто не может, приходится жертвовать одними частями добра ради других.

Н. Энгвер: Я однажды объяснил необходимость ввода войск в Баку так: мы сейчас ищем демократические пути выхода из чрезвычайных ситуаций. Меня спрашивают: а что демократичного в использовании войск? Но вы представьте, как действовал бы тоталитарный режим: выселил бы половину Закавказья на Колыму. То есть такой режим реагировал бы куда менее адекватно, чем наш. Хотя и нашему не удалось избежать кровопролития. Но кому в подобных ситуациях это удавалось?

В. Крамник: Когда моральный поступок произволен, неосознан, когда мы не задумываемся о его полезности или выгоды — перед нами абсолютная, я бы сказал, онтологическая мораль. Между такой моралью и политикой стыковки действительно нет. Но ведь и политика, и мораль — многослойные явления, внутри них есть очень разные пласты, которые могут и должны сочетаться. ...Политика, особенно в стрессовой, переходной ситуации,

когда все напряжено и исковеркано, имеет право на отход от одних пластов морали, ориентируясь на другие. ...Практика мировой социал-демократии показывает, что она постоянно что-то выверяет, проигрывает разные варианты. Хватит и нам абсолютизировать.

Б. Орлов: Одна из сложнейших проблем, стоящих перед политиком, – выбор между ценностями. Тот же международный опыт говорит, что социал-демократия не рассматривает ценности свободы, социальной справедливости и солидарности изолированно друг от друга. Специальные партийные комиссии проверяют все принимаемые программы и решения на моральную устойчивость и моральную реализуемость. И, чтобы уметь соотнести и совместить эту триаду ценностей с конкретной политической практикой, требуются и компетентность, и политическая культура, и умение находить компромисс с другими партиями.

В. Бакштановский: Редко кто из нас не морщит лоб при слове «компромисс», кто нейтрально произносит словосочетание «меньшее зло». Здоровый моральный скептицизм тем самым подает нам сигнал опасности. Но на опасность можно реагировать по-разному: уклонением от нее – и риском. Политическая деятельность – и есть зона риска: и по критерию политической целесообразности, и по критерию нравственного достоинства решений. Вовлеченный в конфликтную ситуацию человек обречен на компромисс, на поиск меньшего зла. Да, спорить об этом выводе можно и нужно. Сейчас я лишь хочу сказать, что преодоление крайностей морального догматизма, культивирование в политической деятельности ориентации на компромисс, нравственное стимулирование консенсуса (в противоположность распространенным ориентациям на победу любой ценой, на обязательное поражение противника) придадут гуманности нашим политическим решениям и реальности нашим нравственным идеалам. Разумеется, многие увидят в этом опасность политического цинизма, беспринципности. ...Но речь идет о моральном стимулировании и санкционировании политического ком-

промисса в тех ситуациях, когда это не просто вынужденный акт, но и взаимное проявление доброй воли конфликтующих, выражение отказа от стратегии борьбы во имя стратегии сосуществования, облагороженной мотивом согласия.

А. Щелкин: Мне кажется, «нерв» проблемы назван достаточно четко и прямо, хотя и непривычно для нашего слуха, – это «моральный плюрализм» и моральный компромисс. Конечно, в нашу эпоху крушения мифов, скептицизма поневоле возникает сильное искушение опереться на абсолютные ценности, которые мы хотим найти в сфере морали. Но вот вопрос: может ли мораль выступать абсолютным и последним авторитетом? Утвердительный ответ здесь едва ли очевиден. Мораль, как и политика (хотя первая в меньшей степени, чем вторая), выступает не только как цель, но и как простое средство. Ибо есть ценности, которые выше ценностей морали, – это благо жизни. Именно поэтому абсолютизация морали неуместна.

А. Нуйкин: Логика нашего разговора может создать общее впечатление, что мы, увлеченные злобой дня, какими-то действительно назревшими необходимостями вступать в компромиссы, впадаем в нравственный релятивизм. Это совсем не то, что нравственная терпимость. Релятивизм означает отсутствие истинных нравственных критериев. ...В этом смысле «моральный плюрализм» мне кажется сомнительным термином. ...Когда Анатолий Алексеевич Денисов говорит, что в политике нельзя не совершать зла, все время приходится выбирать, идти на компромисс, проявлять терпимость, то он тут же и добавляет: надо смириться с тем, что приходится творить зло. Я против того, чтобы смиряться. Да, творить зло придется, никуда не денешься. Но смысл нравственной позиции именно в том, чтобы все время ощущать: ты все же творишь зло – пусть даже ради добра.

А. Щелкин: Кто должен быть субъектом, носителем этики – сам политик или некто за пределами сферы его деятельности? Конечно, идеальный случай, когда политик сам себя регулирует с позиций морали. Жизненно необхо-

димо, чтобы такие политики оставались в наших высших эшелонах власти. Но в нормальных человеческих условиях политическая этика и моральная политика формируются за пределами профессиональной политики, вокруг нее, в гражданском обществе.

Ю. Согомонов: Конечно, необходимо учитывать нравственную интуицию народа. Но нельзя избавиться от аморализма в политике путем обращения к инстинкту масс. Мы знаем и факты массового «помешательства», обоготворения вождей, параноидального поиска врагов. Есть и опасность проникновения в политическую этику бюрократической морали под видом революционности, готовности переступить через что угодно. Нужно немалое мужество, чтобы *выйти на площадь*, но чтобы не подчиниться при этом этике люмпенства, толпы, не подыграть ей, не оказаться ее пленником – требуется мужество не меньшее.

Ю. Согомонов: Человеческая нравственность всегда приложена к той или иной сфере деятельности, в которой моральные принципы не детализированы, а именно конкретизированы. Не надо бояться тем самым осквернить или принизить их. Более того, конкретизация есть богатство жизни, ее многообразие. Сложнее, разветвленное становится жизнь – рождаются все новые и новые подходы и иерархии ценностей. Впрочем, нередко и стремление противопоставить подобным формам симбиоза нравственных ценностей ясные, простые и четкие заповеди: «Не лги» и так далее.

В. Кривошеев: Хотя врач может лгать, и это этично.

А. Щелкин: Мне кажется, не может быть никакой особой этики для политики. И если она появляется, то это, скорее всего, «карманная» этика, удобная для оправдания собственного политиканства. Для цивилизованной политики нужна и важна общечеловеческая этика гражданского общества. Только она и может выполнить роль направляющего начала. Значит, речь идет не о какой-то специальной политической этике (в этом случае справедливее всего говорить об «этикете»), но именно о Морали с большой буквы, которая ведет свою родословную от цивилизо-

ванных основ общества. В самом деле, смешно, если не трагично, когда политик черпает мораль из самой политики. Все сталины, к слову, так и делают. Перефразируя известную мысль, скажу: политика – слишком серьезное дело, чтобы отдавать ее только политикам. Здесь уместно отметить, что признаком зрелой политической морали становится обращение политиков к такому общечеловеческому принципу, как ненасилие. Его социальные и психологические возможности еще не до конца изучены политологической наукой.

В. Кривошеев: У политика, как и у врача, следовательно, экономиста, есть цеховая, профессиональная этика. Скажем, депутатский корпус имеет моральное право на умолчание. Так было, когда прекратили трансляцию обсуждения карабахского конфликта. И поступили этично, потому что у таких ситуаций своя логика. Одно неосторожное слово в эфире – и... Хотя с общечеловеческой нравственной позиции умолчание – никак не благо.

А. Щелкин: И еще один вопрос мне хотелось поднять – о способе включения морали в политику. Его, в частности, придется решать председателю комиссии по депутатской этике. Проблема – в умении быть убедительным, доказывая, что депутатские «отклонения» просто-напросто подрывают возможность всякого парламентского поведения, деструктивны по отношению к парламентской норме и ко всему зданию парламентской демократии.

В. Бакштановский: Эта комиссия не должна, по моему, превращаться в дисциплинарный институт, а кодекс депутатской чести – в набор запретов и санкций-наказаний. Хотя, разумеется, по работе депутатов видно, что среди мотивов создания комиссии сегодня доминируют именно эти подходы. Контрольно-репрессивной мотивации в создании кодекса депутатской чести должна, на мой взгляд, противостоять мотивация морального самоопределения депутата, воспитательным интонациям – стимулирование самовоспитания. А если уж говорить о функции морального контроля, то – наряду с функцией моральной защиты.

А. Щелкин: Конечно, законотворческий процесс не должен быть подменен «моралью» и «нотациями». Но Съезд, оказывается, выполняет одну важную подспудную функцию: формирует особую психологическую среду и своеобразный форумный этос. Съезд на лучших своих заседаниях не однажды поднимался до ноты высокого этического звучания. Именно Съезд по своему соборному характеру особенно чуток к нравственной оценке политических решений и в значительной степени является ее автором. Без подобного демократического форума палаты Верховного Совета могут обрести все «достоинства» парламентской машинерии. Необходимость в моральной санкции особенно остро испытывается в переменные и критические периоды жизни того или иного государства. Именно в такие времена собираются Соборы или Генеральные штаты. Не аналогичную ли функцию на данном этапе выполняют и наши Съезды народных депутатов?

Г. Батыгин: Я здесь хочу вернуться к проблемам соотношения политики и морали и попробовать вычленив некоторые варианты их решения. Первый условно назову «русским» — в том смысле, в каком Г. Шпет определил русскую мысль, русскую идею: «хорошие» должны руководить «умными». ...Второй вариант «фарисейский» — строгое следование правилам. Не задумывайся, что и почему морально, а что — нет. Здесь вопросы не задаются, просто надо выучить все ответы — традиция учености. Сказано — делай, ты спасешься и станешь праведным человеком. Третий — новая протестантская мораль гражданского общества, идущая от Вебера. Вместо божественной харизмы — мирская аскеза, мораль дела, бизнеса: добивайся успеха, в этом твое служение. ...Четвертый вариант — традиция Канта. Здесь мораль не имеет никакого отношения не то что к политике, а вообще к человеческим поступкам — как только мы пытаемся их морально оценить, приходим к бессмысленностям. Есть профессиональные требования, которые нужно выполнять. Они не плохи, не хороши, они вне морали.

Ю. Согомонов: Снова о политической этике. Немыслимо свести мораль во всех сферах жизни к одним и тем же десяти заповедям. И мне кажется, можно и нужно говорить о профессиональной политической этике, под которой лежит фундамент общечеловеческой морали, определенным образом приспособленной к сфере политики. Это не значит, что мораль изменила своей природе, она просто оказалась приложенной к политике.

2.2.2. Гуманизация политики как задача политической этики

Идея политической этики как особого подхода к задаче гуманизации политики, высказанная нами на «круглом столе», не была только теоретической конструкцией. Практически одновременно с организацией «круглого стола» мы стремились продвигать эту идею в практику. Один из проектов, реализованный на основе технологий этико-прикладного знания (*экспертного опроса и построенного на его основе игрового моделирования*) – «Арктическая политика: человеческое измерение»¹⁷², его продолжение – проект «Ямальский конфликт»¹⁷³. Само название первого из проектов фиксирует позицию гуманитарной экспертизы в отношении идеологии и практики *нового освоения*, интенсивно осуществляемого, в частности, на тюменском Севере, идеологии и практике, которым предстояло (не)принять идею «сбалансированного развития». (Не)принять в ситуации, четко определенной в преамбуле заявки Центра прикладной этики на второй из этих проектов¹⁷⁴. Авторы заявки исходят из того, что особая острота ямальского конфликта еще вряд ли отчетливо осознана. Страна

¹⁷² Арктическая политика: человеческое измерение / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО АН СССР, 1990.

¹⁷³ Ямальский конфликт: гуманитарная экспертиза / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень, 1991.

¹⁷⁴ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в политическую этику. Москва-Тюмень: ИПОС СО АН СССР, Философское общество СССР, 1990. С. 168-172.

нуждается в дополнительных миллиардах кубометров газа не столько в качестве сырья для отечественной промышленности и энергетики, сколько в качестве источника валютных поступлений, так необходимых для преодоления затяжного экономического кризиса. Вот почему столь большим стало политическое давление на процесс принятия решений о дальнейших судьбах Ямала. Это давление до предела обостряет конфликт между ведомствами и территорией, центром и регионом, коренными народами и мигрантами, нынешними и будущими поколениями, между человеком и природой.

Что касается актуальности именно *гуманитарной* экспертизы арктической политики, то начавшееся на стыке 80-90-х *новое* «новое освоение» нефтегазовых ресурсов тюменского Севера в условиях глубокого кризиса всей страны не могло не спровоцировать вольное или невольное ослабление едва лишь наметившихся гуманистических критериев «освоения», что с большой степенью вероятности грозило обернуться не простым усилением в политической практике аморальных мотивов, но и изощренной эксплуатацией именно моральной мотивации: ради выживания страны «на время» принять критерий об оправдании благой целью любых сиюминутно эффективных средств. Гуманитарная экспертиза арктической политики в этой ситуации могла вселить робкие надежды на уменьшение степени указанной вероятности, конкретизируя ценности и нормы политической этики за счет их соотношения с *этикой Севера*. Возможно, мы имели дело с двойной конкретизацией: сама политическая этика видоизменяется при сопряжении ее с проблематикой этно-экологической этики.

Обратим внимание на три ситуационные особенности замысла экспертизы.

1. Необходимость рефлексии по поводу уместности термина «арктическая *политика*». Смутное время, тотальная переоценка не только ценностей, но и понятий, «загруженность» большинства из них негативными значениями требовали постоянного уточнения и прояснения смы-

слов ключевых понятий. На самом пике актуальности идеи гуманитарной экспертизы политических решений, призванной своими результатами консультировать практику политического выбора, вдруг взорвалась новой актуальностью важнейшая в эпоху застоя проблема квиетизма, нейтралитета, неучастия в политике, уклонения от нее. Обретенная свобода оказалась настолько обремененной отчужденным, неподлинным выбором, что потребовалось разобраться: не заразились ли авторы проекта в ситуации резко выросшей политизации общества «политикофилией»? И не являлась ли более насущной заботой эпохи тотальной политизации ценностная *защита* от политического выбора: может быть, уклонение от участия в политике, жизненный квиетизм более благороден? Не заглушила ли эйфория от сплошной политизации как общественной, так и приватной жизни животворный инстинкт морального самосохранения, не затянула ли в водоворот отчужденных альтернатив и не атрофировала ли способность к уберігающему уклонению от немеренной политической активности?

А потому не разумнее ли обусловить употребление понятия «арктическая политика» обязательной дозой скепсиса уже относительно масштаба его применения в поиске средств «освоения без отчуждения»? Разве политика – единственная надежда спасения Севера, даже если речь идет о политике, цели и средства которой контролируются моральными ценностями? Может быть, Спасение Севера в Этике Севера? Но, во-первых, разве свобода выбора действительно обрекает на аморализм политических решений? Более того, разве политическая этика не призвана помочь отличать подлинный выбор от неподлинного выбора, от неучастия, уклонения и даже «Великого отказа»? Во-вторых, подлинна ли альтернатива: либо политическая этика – либо этно-экологическая этика Севера?

2. Ситуационная особенность замысла проекта – конфликтующие между собой образы-характеристики Севера и его этоса. Для их понимания значимы куплеты из двух песен В. Высоцкого:

*...Север. Воля. Надежда. Страна без границ. / Снег без грязи – как долгая жизнь без вранья. / Воронье нам не выклюет глаз из глазниц, / Потому что не водится здесь воронья. (В. Высоцкий. Белое безмолвие.)

*...И ожила земля, и помню ночью я / На той земле танцующих людей!.. / Я счастлив, что превысив полночь, / Мы взяли риск – и вскрыли вены ей! (В. Высоцкий. Тюменская нефть.)

Две песни одного автора, две системы моральных ценностей, приложенные к одному и тому же объекту – таков емкий образ конфликта, в котором ситуация (но не просто «обстоятельства») сталкивает между собой не разные заповеди общечеловеческой морали, но их *конкретизации*, расположенные между двумя полюсами шкалы политической этики в ее приложении к ситуации нового освоения, фиксирующими не только топографический срез этоса, но и не менее (более?) существенную координату – «историческую долготу». Вероятно, первый из полюсов можно трактовать как моральную Утопию, а второй – как Антиутопическую метафору.

3. Казалось бы, уместно организовать все грани экспертизы арктической политики вокруг системообразующей темы *развития* Севера. Однако не проблематична ли сама «системообразующая»? Даже если речь идет о *сбалансированном* развитии? Среди трудностей приложения ценностей политической этики к проблемам арктической политики – необходимость рефлексии по поводу идеи «сбалансированного развития» в связи с возможно маскирующим характером этого понятия – маскирующим конквисту, прогрессорство, высокомерие индустриально-урбанистической цивилизации и т.п., во-первых, по поводу плюсов и минусов мифологизирования моральной атмосферы Севера, во-вторых.

В АНАЛИТИЧЕСКОМ обзоре материалов проекта мы выделили три направления гуманитарной экспертизы.

1. В процессе экспертного опроса его участникам предстояло отрефлексировать этический потенциал понятия «*человеческое измерение*», попытавшись определить

его, реагируя на распространенное суждение о том, что это лишь «речевая фантазия» эпохи перестройки. Диапазон позиций экспертов: «Понятие “человеческое измерение” значимо и для Севера, и для любой области человеческой деятельности» (Е. Айпин); «Понятие “человеческое измерение” – скорее всего, порождение нашего стремления противостоять технологической интервенции в мир и одновременно – безъязыкости цивилизации, утраты имени» (Г.С. Батыгин); «“Человеческое измерение” – суть нравственной оценки еще с тех пор, как было сказано: “человек есть мера всех вещей”». ...«“Человеческое измерение” в арктической политике означает в качестве приоритета ...жизненных интересов человека, живущего на Севере» (И. Бекешкина); «Целесообразнее выражать смысл, выражаемый этим словосочетанием, более привычным термином: приоритет подлинно человеческих ценностей относительно технических, экономических...» (И.В. Бестужев-Лада); «“Человеческое измерение” арктической политики – это, прежде всего, антиэкспансионизм. ...“Человеческое измерение” арктической политики, как и вообще любой политики, предполагает, что арктическая зона и все проявленные в этой зоне силы должны выступить не объектом манипуляции, а некой самоуправляющейся системой, “полем сопряжения общих усилий”, для чего необходим поиск консенсуса» (В.Г. Богомяков); «Понятие “человеческое измерение” ...этически некорректно, ибо как “фактор”, так и “измерение” подразумевают геометричность, машинообразность и несовместимы с понятием человека – носителем свободной воли» (О.А. Донских); «С моей точки зрения, понятие “человеческое измерение” – советский речевой конструкт. Применимо ли это понятие к арктической политике? На мой взгляд, от него лучше отказаться» (И.И. Крупник); «На мой взгляд, попытка отыскать человеческое измерение в арктической политике, в лучшем случае, утопична, в худшем – апологетична. Мораль и политика соотносятся между собой лишь в пределах социетальной формы нравственной практики» (Ю.М. Федоров).

Действительно, термин «человеческое измерение» скорее метафоричен. И его выбор в нашем проекте был мотивирован укорененностью в дискурсе перестроечных времен и «незагруженностью» его морализаторскими коннотациями, а значит, более естественным включением в категориальный аппарат политической этики. И выбор оправдался, метафора сработала в рефлексии проблемы гуманизации политики.

2. Почти тождественный понятию «Север», образ *границы* нагружен нравственными смыслами. Этнолог А.И. Пика: «Особая “этика Севера”, на наш взгляд, существует. В основе лежит понятие “граница”, и смысл здесь в том, что люди, приезжающие на Север, как в прошлом, так и сейчас, попадают из жестких тисков общественных законов и правил, установлений в мир относительной свободы и бесконтрольности. “Закон – тайга” – говорили раньше, и это значит, что человек может и должен сам делать свой этический выбор на основании внутренних качеств и побуждений, менее, чем на Юге, сообразуясь с общественными установками»¹⁷⁵.

В русле «предельной» трактовки этики Севера – экспертные суждения Г.С. Батыгина, выраженные уже в экспрессивном названии его текста: «Шаббат – этика Севера?»¹⁷⁶. Прежде всего, автор отклоняет привычное отождествление Севера с «районом нового освоения», трактуемым как «то, чем можно пользоваться безнаказанно». По мнению Г.С. Батыгина, Этика Севера (оба слова с большой буквы) – это не «северная этика» или «человеческое измерение арктической политики», или концепция «сбалансированного развития». Вот его ключевые слова и предложения: «граница человеческого пространства, где происходит столкновение с предельными вопросами бы-

¹⁷⁵ Пика А.И. «Мы за ценой не постоим...» – антипод человеческого измерения // Арктическая политика: человеческое измерение. С. 70.

¹⁷⁶ Батыгин Г.С. Шаббат – этика Севера? // Арктическая политика: человеческое измерение. С. 14.

тия», «Этика Севера – этика Покоя», «Шаббат – не просто безделье. Это философия и ритуал отрешения от греха “полезного” вмешательства в мир».

3. В анкете для эксперта был специальный вопрос об этическом содержании концепции «сбалансированное развитие»¹⁷⁷. Насколько актуальным показался этот вопрос участникам проекта? А. Агранат напомнил, что в соответствии с этой концепцией развитие общества должно идти не в ущерб природе, будущим поколениям и местному населению. «Конечно, – отметил эксперт, – это нравственный путь развития, но до тех пор, пока мы не найдем альтернативы северным ресурсам... вряд ли нам такая благородная концепция поможет». Диапазон экспертных суждений – от трактовки идеи сбалансированного развития как оправдания «конкисты» до нескрываемых надежд на возможность новой Арктической Утопии. А.А. Арбатов: «Что понимать под “сбалансированным развитием”? Если в баланс включить и этические основания, то к такому развитию надо стремиться». Г.С. Батыгин: идея сбалансированного развития «скрывает в себе словесный маневр для продолжения конкисты. Настоящий “баланс” – эквилибриум экологической системы Севера – возможен только при невмешательстве в его жизнь. Иначе получится диалектика: с одной стороны... с другой стороны... Тоже разновидность войны».

Ряд экспертов принимает идею, предложенную для экспертизы, но оговаривает ее этические параметры. «Идея сбалансированного развития общества весьма привлекательна, – полагал В.С. Дмитриев. – В основу этики такого развития может быть положена идея о равноправии интересов этноса, отдельных социальных групп и отдельных личностей. Однако условия, в которых проживает коренное население Севера, действительно требуют определенных приоритетных начал, прежде всего, связанных с владением земельными угодьями и возможностью сохранения привычного образа жизни. По мере соблюдения

¹⁷⁷ Арктическая политика: человеческое измерение. С. 3-4.

этих условий необходимо переходить от приоритетной политики к политике паритета, т.е. к регулированию таких отношений, когда любые Действия должны быть выгодны не только самому коренному населению, но и всему населению, проживающему с ним на одной территории. Это и будет залогом конструктивного разрешения конфликтных ситуаций и шагом к формированию сбалансированного общества».

От приоритета к паритету? С точки зрения И.В. Бестужева-Лады, против идеи и «этики» сбалансированного развития «нет принципиальных возражений, если понимать под этим противостояние как концепции “покорения Севера”, так и концепции “консервации Севера” насильственно-утопической попыткой возврата к далекому Прошлому, т.е. стремление сохранить основополагающие цивилизованные балансы – топливно-энергетический, материально-сырьевой, экологический, демографический и др., не допуская нарастания дисбалансов, что имеет место в настоящее время. Всякое другое значение опять-таки будет двусмысленным, а “этика” оказывается тут притянутой за уши, поскольку логически больше подходит “политика” (и уж затем моральное отношение людей к той или иной политике)».

Е.Ш. Гонтмахер назвал «третьей этической заповедью сбалансированного развития» отказ от традиционных понятий «прогрессивности» и «выгоды». «То, что кажется выгодным, с точки зрения, допустим, производства, может оказаться губительным для природы и людей». Акцентируя вопрос о критерии «выгоды», эксперт дал импульс к поиску более точной постановки проблемы. А ориентир такого поиска, возможно, содержался в позиции И.И. Крупника, который в рамках проекта «Ямальский конфликт» откорректировал версию этого конфликта посредством критики его искусственно упрощенной схемы («выживут ли коренные народности, если “покорители” полностью уйдут с Ямала?» – и, наоборот, «какова судьба “покорителей”, если, в случае их победы, Ямал обезлюдует, его природа будет покалечена навеки, и вся планета почувствует это на се-

бе?»). Его вариант вопроса анкеты о выживании сторон конфликта следующий: «Каковы могут быть альтернативные источники доходов общин коренного населения, если они откажутся от отчислений за добычу газа на их территориях? Или: как будут соотноситься доходы от продажи ямальского газа с необходимостью более высоких расходов на охрану территории, экологический мониторинг (что, безусловно, в общенациональных интересах) и на отчисления коренному населению? Или: какова долгосрочная правительственная программа сбережения национальных энергетических ресурсов для будущих поколений?»¹⁷⁸.

НЕ СТАВЯ перед собой задачу провести «экспертизу экспертизы», мы предложили нашу версию императива арктической политики, в которой проявляется взаимосвязь политической этики и этики Севера.

Констатируя возможность маскировки тенденций прогрессорства, скрытой «конкисты», высокомерия индустриальной цивилизации и т.п. в подходах, этически оправдывающих политику «нового “нового освоения”», с одной стороны, возможность морального догматизма, ригидности в критических оценках, нежелание-неумение принять как правомерное все разнообразие моральных систем в этосе Севера, не исчерпывающегося этосом миноритариев – с другой стороны, мы поставили вопрос о новом понимании самой ситуации морального выбора в сфере арктической политики. Вряд ли серьезными в моральном плане являются защитные мотивы версии «нефть и газ любой ценой» и вряд ли целесообразно концентрировать весь критический пафос именно на этой альтернативе. Есть более трудная проблема.

Казалось бы, очевидно, что «сбалансированное развитие» – не просто сбалансированная экономика, но и сбалансированная политика в отношении традиционной культуры и культуры индустриальной, выражающаяся в моральной реабилитации соответствующих им стратегий

¹⁷⁸ Крупник И.И. Создать прецедент цивилизованного решения // Ямальский конфликт. С. 70.

освоения, в признании «своей правды» за обеими формами образа жизни и природопользования. А дальше? «Умывание рук» в отношении к борьбе явно неравных сил? Установка на выбор между стратегиями нового «нового освоения», каждая из которых «защищена» сильными моральными аргументами? Но есть еще и выбор за пределами «игры с нулевой суммой». На наш взгляд, гуманистический потенциал политической этики в ситуации конфликта между различными системами моральных ценностей, связанными с образом жизни различных субъектов северного этоса, проявляется в снятии искусственной (но только искусственной) поляризации конфликта, драматизации, характерной для гиперклассового представления о природе и морали советского общества, и активации ценностей гражданского общества (пусть в их особом, «северном исполнении»), сама природа которых пронизана идеей договора, согласия, компромисса, нормами и правилами «скромной этики контракта». Такая установка дает возможность более эффективно и более гуманно решать реальные конфликты арктической политики¹⁷⁹.

2.3. Профессионализм как ценность

ХАРАКТЕРИСТИКА нормативно-ценностной системы политики предполагает идентификацию политической этики как этики *профессионалов*¹⁸⁰. В соответствии с иденти-

¹⁷⁹ Как мы уже сказали выше, экспертный опрос был лишь первым этапом гуманитарной экспертизы. Вторым была экспертиза в режиме игрового моделирования одного из результатов опроса – проекта декларации «Базовые ценности и основные принципы арктической политики». См. об этом: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в политическую этику. С. 161-168.

¹⁸⁰ Мы уже дважды отмечали выше, в политической этике сочетаются ценности профессиональной этики – и ценности гражданского участия, ориентирующие деятельность разных субъектов политической жизни. В нашем опыте разработки проблем политической этики об этом говорят как проекты, связанные с гражданскими экспертизами (некоторые из которых представлены выше и еще будут рассмотрены в последующих параграфах),

фикацией политики как профессии уместно говорить о профессиональной этике политической деятельности.

Зафиксировав уже в самом названии своего доклада трактовку политики как профессии, М. Вебер дал аргументы *в пользу*¹⁸¹ этической идентификации профессионализма в политике: аргумент от *этики ответственности*. На характеристику ценности профессионализма в политике вполне распространяется цитированный выше тезис Вебера о том, что человек, исповедующий этику ответственности, вменяет следствия своей деятельности самому себе¹⁸².

По существу, этика ответственности наиболее полно воплощена в *этике гражданского общества*, в *рациональной морали*, приложенной, как мы помним, к автономным сферам общественной жизни. Такая мораль определяет значение поступков не только и не столько по их мотивам, сколько в зависимости от последствий, к которым эти поступки приводят, прямо или косвенно, сразу или с течением времени (консеквенциональный характер морали). При этом речь идет не о любых последствиях и ре-

так и специальные проекты об этике российского избирателя (см., напр.: *Этика избирателя* // Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: опыт университетского словаря. Тюмень: НИИ ПЭ, 2001) и ценностном потенциале технологий гражданского участия (Будь лицом: Рабочие тетради Гражданского форума. Гл. 4-5).

¹⁸¹ Здесь мы полемизируем с утверждением Б.Г. Капустина о том, что «знаменитая веберовская этика ответственности ни в коей мере не может считаться профессиональной этикой политиков как особой группы или корпорации» (Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. С. 248).

¹⁸² Мы не абсолютизируем веберовскую концепцию политики, не ставя задачи взвесить здесь меру современности суждений автора о природе политики, в том числе, и отождествлении ее преимущественно с властью, отметим, что в главе 9 нашей монографии «Этика политического успеха» предпринята попытка соотнесения концепции Вебера с подходами иных исследователей.

зультатах (результаты наших действий в определенной мере зависят от случайных обстоятельств, не имеющих отношения к доброй или злой воле действующего лица), но о таких результатах, которые достигаются *благодаря* исполнению требований рациональной морали, этики ответственности в рыночной или политической игре.

РАСПРОСТРАНЯЯ парадигму этики ответственности на сферу политической деятельности, мы получаем возможность определить место в политической этике ценности *профессионализма*, воплощенного в деятельности агента политики (члена политического класса, политического субъекта, поверенного, доверенного лица и т.п.). Для конкретизации этой возможности воспользуемся анализом материалов нашего проекта «Кредо и кодекс власти»¹⁸³.

Начнем с вывода о том, что искомая возможность не очевидна. Прежде всего, необходимо уточнить смысл профессионализма в его соотнесении с разными образами *непрофессионализма*. Один из этих образов – любительство. Любительство как дилетантизм. Или *профессионализм дилетантов*¹⁸⁴.

Иная интерпретация любительства – когда речь идет не о профессиональной (не)компетентности, но о свободе принявшего мотив служения в профессии политического агента от одного из признаков профессии – «жить за счет профессии». Обратим внимание на заголовок одного из материалов проекта «Кредо и кодекс власти» – «Аматерство в политике». Сам автор полагает, что «аматерство – непрофессионализм – в политике изначально предполагало не столько отсутствие специальных знаний или навыков политического ремесла у политического актера, сколько способность индивида жить во имя политики, а не за «счет политики»¹⁸⁵. Разумеется, *такого рода* непрофес-

¹⁸³ См.: Этика успеха. Вып. 5-7, 9.

¹⁸⁴ Чайковская О.Г. «Профессионализм дилетантов»: суд присяжных // Этика успеха. Вып. 3. Тюмень-Москва, 1994.

¹⁸⁵ Согомонов А.Ю. Аматерство в политике: российское депутатство как способ репрезентации власти и общества // Этика

сионализм не отрицает значения исследуемой нами ценности профессионализма.

Второй образ непрофессионализма – некомпетентность и, соответственно, неэффективность политики. Так, например, российская история демонстрирует множество ситуаций, в которых власть, с точки зрения своей профессионально-политической культуры, своей способности эффективно управлять страной, была ничем не лучше для этого подготовлена, чем большинство ее «подвластных», и вовсе не стремилась добиваться политических успехов за счет собственного профессионализма, предполагающего и «моральное измерение». Трудно спорить с такой констатацией: «Люди, пришедшие к власти в России в октябре 1917 года, действительно были образованными, но они не были специалистами в тех областях, которыми взялись руководить. Это неизбежно вело к неудачам и провалам, особенно очевидным на фоне той критики, которой подвергали действия большевиков их оппоненты-профессионалы. “Самое образованное правительство в мире” оказалось перед выбором: либо уступить место оппонентам-специалистам, либо устранить их. ...Так возникла диктатура непрофессионалов – власть людей, не имеющих ни интеллектуального, ни нравственного, ни профессионального права руководить страной и удерживавшихся у власти с помощью даже не насилия, а сверхнасилия»¹⁸⁶.

Один из участников «круглого стола» «Мораль и политика», стенограмму которого мы обсуждали выше, В. Кривошеев, говорил: «Непрофессионализм аморален объективно. И тем более опасен сейчас, когда жизнь поднимает некомпетентных политиков, когда в дополнение к поп-культуре появляется поп-политика. К чему это ведет? ...Пошли разговоры о передаче торговли в частные руки. Поп-политик апеллирует к антирыночной психологии массы и заявляет: “Появились толстосумы, которым не тер-

успеха. Вып. 6. 1995. С. 63.

¹⁸⁶ Левин Г.Д. Профессионалы в профессиональном споре // Вопросы философии. 1996. №1. С. 174.

пится приобрести в частную собственность ГУМ”. Да какой нормальный человек купит магазин с пустыми полками? А если и купит, то для того, чтобы завалить свои прилавки товарами. Или читаю: арестовано две сотни человек, “наживавшихся на изготовлении дорогостоящего трикотажа”. Что это такое – дорогостоящий трикотаж? По-русски это означает, что они производили товар хорошего качества. А нас в этой связи пугают “теневой экономикой”, тогда как теневая экономика – это бизнес на наркотиках, оружии и т.п., а не на производстве нужных людям вещей и услуг. Это просто незнание реальной экономики. Чтобы заявлять, отстаивать, добиваться правды, мало гражданской совести. Нужна и компетентность».

Характерно суждение одного из авторов нашего проекта о ситуации становления постсоветского парламентаризма: «Я думаю, что профессиональный парламент не может возникнуть в условиях непрофессиональной социальной среды. И до тех пор, пока в каждом месте, в каждом районе, в каждом дворе или в каждом производственном коллективе не возродится естественное уважение и стремление к собственному профессионализму в собственном деле, очень трудно будет добиваться соответствующего отношения общества к профессионализму в политической сфере. Поэтому путь к профессиональному депутатству и, в целом, к профессиональной власти в России лежит через трудную работу по защите и культивированию профессионализма как ценности в его конкретной форме для каждого человека. ...Профессионализм как качество, определяющее право на деловой успех, и как основание, обеспечивающее достижение конкретного полезного результата, культивируемый в обществе, прежде всего, в базовых сферах деятельности, и сможет в дальнейшем перерасти в понимание и признание столь же важного профессионализма в сфере политики»¹⁸⁷.

¹⁸⁷ Бурбулис Г.Э. Депутатство как профессия // Этика успеха. Вып. 6. С. 25-26.

В то же время защита тезиса о ценности профессионализма в политике требует считаться с образом профессионала, в котором категорически исключается высший ярус профессиональной этики. Так, один из участников экспертного опроса в рамках проекта «Кredo и кодекс власти» в ответ на вопрос о необходимости рефлексии кredo депутатства весьма категорично возразил. «Депутаты – это всего лишь люди, взявшиеся представлять общество в “модели” общества, и только на то время, пока им это доверено. Датчики в модели. Как всякие датчики, они должны выдавать значение, но сами по себе должны занимать как можно меньше места. Чтоб помех не было от их “личного вклада”. Личного вклада от них не требуется, а только – передать то, что в них вложили (с чем их послали) избиратели. ...Депутатство – это механизм. Чем меньше он тарактит, скрежещет и лязгает – тем лучше. В идеале – бесшумная работа. Шкала мнений, постоянно действующая на временной основе. Так не можем же мы так! Нам органику подавай! Чтоб кredo было у этих “датчиков”, чтобы кодекс был у корпорации. Чтобы образ достойный. Бред какой-то»¹⁸⁸.

Иной аспект рационализированного образа профессионализма связан с «депутатской аскезой». В рамках того же проекта Г.С. Батыгин, казалось бы, тоже подчеркивает безличность профессионализма. Профессионал «не допускает никакой отсебятины – только выполняет предписания. Это делает его равнодушным ко всему, что выходит за рамки профессиональной оптики. Любитель, обладающий высокой квалификацией, отличается от профессионала тем, что вкладывает в свои занятия душу. А у профессионала душа отделена от тела. Например, профессионально подготовленному врачу никогда не придет в голову огорчаться по поводу поведения больного; судья выполняет свои многообещающие действия безотносительно

¹⁸⁸ Аннинский Л.А. Депутат как положительный герой постсоветской эпохи: какого депутатства достойна Россия? // Этика успеха. Вып. 6. С. 163-164.

к чувствам симпатии либо ненависти, которые он может испытывать к обвиняемому». В этом смысле, говорит автор, «профессионализм – скорее модус независимости по отношению к миру, где уже все расколдовано и превращено в материал для дела»¹⁸⁹. Однако автор противопоставляет *профану* образ профессионала, который подчиняется не просто «требованиями технической рациональности», но и «императиву долга». «Профессионалом политик становится лишь в том случае, когда он подчиняет свою волю не мистифицированной “воле народа” (которая обычно используется для оправдания неправовых действий власти), а этическим и техническим нормам позитивного права – долгу, которому надлежит следовать и народу, и “выразителю”»¹⁹⁰.

МЫ ПОЛАГАЕМ, что в защиту ценности профессионализма, его «морального измерения» работает конкретизация образа профессионализма через *этико-праксиологические характеристики*. В том числе через обнаружение связи ответственности профессионала с «деловой компетентностью, обоснованной рационально созданными правилами»¹⁹¹. Компетентностью и деловитостью – не заменяемыми «порядочностью», во-первых, и противоположными дилетантизму, во-вторых. Компетентностью и деловитостью как условиями *эффективности* политической деятельности. Компетентностью и деловитостью по критериям праксиологии политики. Но праксиологии *этической*¹⁹².

¹⁸⁹ Батыгин Г.С. Профессионалы в расколдованном мире // Этика успеха. Вып. 3. С. 71.

¹⁹⁰ Батыгин Г.С. Депутатское служение // Этика успеха. Вып. 6. С. 43.

¹⁹¹ Вебер М. Избранные произведения. С. 647.

¹⁹² Здесь работает общая характеристика профессионализма, предложенная в книге Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество». «Представление о профессионализме, – говорит автор, – заключает идею компетентности и авторитета технического и морального порядка» (курсив наш. – В.Б., Ю.С.). Это объясняется, в том числе, и тем, что «профессия содержит в

Оставляя тему этической праксиологии в политике для следующего параграфа, все же подчеркнем здесь, что, во-первых, этико-праксиологическое измерение профессионализма – атрибут каждого из двух типологизированных Вебером способов «сделать из политики свою профессию»: «либо жить для политики, либо жить за счет политики и политикой»¹⁹³ (позднее эту формулировку уточнил П. Бурдьё, добавив, что данное определение верифицируемо в случае, если агенты живут «за счет политики» при условии, что живут «для политики»¹⁹⁴). И, во-вторых, это «измерение» непосредственно связано со способностью политика культивировать именно деловитость, избегая вырождения амбициозности¹⁹⁵ и честолюбия в тщеславие – «смертного врага всякой самоотдачи делу», по Веберу. Грех политика «против святого духа его призвания начинается там, где стремление к власти становится неделовым, предметом сугубо личного самоопьянения, вместо того, чтобы служить исключительно “делу”. Ибо, в конечном счете, в сфере политики есть лишь два рода смертных грехов: уход от существа дела и – что часто, но не всегда то же самое – безответственность», писал Вебер, показывая, что тщеславие политика – подмена эффективности и деловитости «эффектом»¹⁹⁶.

Один из приоритетных, с нашей точки зрения, спосо-

себе норму социальной ответственности». Но «это не означает, что профессионалы – более великодушные или идеалистически настроенные люди». Дело в том, отмечает автор, что «ожидаемая модель их поведения, по сравнению с другими гражданами, предопределяется этикой их деятельности, которая, как правило, первична по отношению к этике эгоизма» (Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: ACADEMIA, 1999. С.499-500).

¹⁹³ Вебер М. Избранные произведения. С. 693.

¹⁹⁴ Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 196.

¹⁹⁵ См.: Huber R.M. The American Idea of Success. Pushcart Press, 1987. Ряд глав этой книги мы напечатали в Вестнике «Этика успеха».

¹⁹⁶ Вебер М. Избранные произведения. С. 691.

бов конкретизации тезиса о ценности профессионализма в политике – соотнесение профессионализма с ценностью *успеха* и ценностью *удачи*. Как известно, в практике словоупотребления успех редко отличается от удачи. Казалось бы, вполне приемлем смысл слова «успех», зафиксированный в Толковом словаре В. Даля: «Успевать, успеть в чем, иметь успех, удачу, достигать желаемого... Успеть куда, поспеть, быть к сроку... Успешное дело, с успехом, удачное. ...Успешник – успешный делатель, у кого работа спорится». Но отражено ли здесь различие между успехом и удачей? Подразумевается ли, что успех – это то, что человек достиг именно собственными усилиями, своей компетентностью, а не благодаря стечению обстоятельств?

Соотношение успеха и удачи как одну из важных линий в характеристике ценности профессионализма политика можно рассматривать в нескольких аспектах. Возможна трактовка удачи как такого успеха, который не является ни плодом свободного выбора, намеренности субъекта, ни результатом эффективной реализации его достижительной ориентации, а возникает как объективное стечение обстоятельств, как фортуна и т.п. В этом случае для разведения понятий «успех» и «удача» подходят характеристики «обретший» и «сподобившийся». В то же время удача вполне может быть и моментом успеха: удача «находит» человека, стремящегося к успеху. В свою очередь, неудача может трактоваться как плохое стечение обстоятельств, упущенный шанс. А может – как итог намеренного и принципиального уклонения от ориентации на успех, от стратегии успеха.

Ориентация политика на профессиональный успех предполагает соотнесение ценности профессионализма с критериями эффективности и результативности. Вправе ли мы постфактум автоматически трактовать позитивный результат политика в качестве именно успеха? Не очевидно ли, что «результат» и «успех» – хотя и весьма близкие, родственные, но вовсе не равновеликие понятия? Во-первых, политик, ориентированный на достижения, заинтересован не просто в долгой, напряженной, кропотливой и

проч. работе, но в работе эффективной, в том, чтобы найти оптимальные пути, получить те же результаты при меньших усилиях и т.п. (эта сторона человеческой деятельности и исследуется праксиологией). Во-вторых, эффективность не сводима к привычному значению этого слова, которое умаляет первоначальный смысл, происходящий от латинского *ex facere* – «делать». Как сказал Э. Фромм в «Анатомии человеческой деструктивности», «Производить эффект – значит быть активным, а не просто подвергаться аффектам»¹⁹⁷.

2.4. Этико-праксиологическая интерпретация императивов политического успеха

НАЧНЕМ с очевидного: всякая человеческая деятельность (хозяйственная, политическая, образовательная, бытовая, культурная и т.п.), а заодно и функционирование связанных с ней институтов и организаций, носит целенаправленный характер и, стало быть, ее субъекты заведомо «обречены» на достигательную ориентацию. Стремление к достижению присуще человеческой деятельности по определению. Как магнитная стрелка неудержимо влечется к полюсу, так и многогранная человеческая деятельность повернута лицом к успеху. (Мы абстрагируемся сейчас от проблемы иррациональности в человеческой деятельности.)

Менее очевидное. Применительно к индивидуальной жизни можно и даже необходимо исследовать проблему дезагганжемента успеха: стоическое сопротивление моделям успеха, навязываемым личности социальной организацией, в том числе, стоицизм с установкой на деяние без надежды на успех; квиетическое уклонение от ориентации на успех (философия недеяния) и т.п. Существенная грань свободы морального выбора – свобода уклонения от ориентации на успех, право на иные жизненные пути¹⁹⁸.

¹⁹⁷ Цит. по фрагменту этой книги в ж. «Человек». 1993. № 1. С. 111-112.

¹⁹⁸ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Чурилов В.А.

Только не в политике. Амбиция преуспеть атрибутивна для агента политики. Кому нужна провальная политика? Разве выделение в общественной системе функциональных подсистем не было продиктовано социальными потребностями? И, стало быть, требуется соответствующим образом обращаться с этими подсистемами, обеспечивая и наращивая потенциалы целесообразности: проигрышная политика одного человека задевает интересы большого множества людей.

Но исчерпываются ли моральные требования к ориентации на политический успех простым запретом на модель агрессивно-циничного успеха, противопоставляющую успех этике. Разве менее значимы требования, предполагающие *моральную* поддержку стремления к политическому успеху. Поддержку в формате *морального императива политического успеха*?

Вообще, в этике гражданского общества, в нормативно-ценностной системе постестественной, рациональной морали ценность успеха занимает центральное место. Эта ценность связана с намеренностью достижительной мотивации; эффективностью инициированных действий; индивидуальной ответственностью как за успех, так и за неуспех, значимые и для субъекта деятельности, и для общности и общества в целом; с оценкой цели и средств достижительной деятельности как самим ее субъектом, так и обществом. При этом нормативно-ценностная система гражданского общества реагирует на опасность вырождения идеи успеха в утопию или даже в намеренную идеализацию «грязной практики», в стихию нигилизма. Сама практика реализации идеи успеха – в том числе и наша, отечественная – дает достаточно оснований для вывода о том, что в современном обществе культ успеха нередко приводит к вытеснению моральных ориентиров и потому вызывает ощущение его нравственной ущербности. Без этического насыщения идеи успеха трудно смяг-

читать моральный риск ориентации на успех – повышенную опасность для вовлеченного в жизненную и деловую гонки субъекта не устоять перед искушением нарушить моральные запреты, «правила игры». Нарушить – ради скорого достижения успеха. Сложно ограничить практику следования циничному принципу: «успеха достоин тот, кто его добился». Поэтому развитое гражданское общество ориентировано на этическую идентификацию успеха, обязательную моральную рефлексию как самой ориентации на успех, так и путей к успеху.

Общая позиция этики гражданского общества в отношении идеи успеха конкретизируется в *этике политического успеха*.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ уровень конкретизации этики политического успеха предполагает, во-первых, тезис об особом внимании к выбору ориентации на достижение как к *моральному* выбору политического субъекта: само стремление к достижению нравственно значимо, если оно стало полноценным актом свободного мировоззренческого выбора. Субъекты амбициозные, предприимчивые, рискованные, обретающие ничем не заменимую радость в погоне за достижением, черпающие наслаждение от игры шансов как в борьбе, так и в сотрудничестве, в счастье победы и в мужестве восприятия поражения, достойные успеха и способные выдержать его, счастливые в напряжении жизненной игры, осознающие свои способности востребованными ими самими же избранным Планом жизни, личным Призванием – действующие лица политики.

Во-вторых, при идентификации успеха как ценности политической этики сильна тенденция сведения этики политического успеха к *правилам честной игры*. И метафора *честной игры* в этом случае предполагает, что ориентация на политический успех рассматривается как нравственно оправданная лишь в том случае, если не нарушается другое, не менее существенное должностное. Речь идет о необходимости соблюдения правил честной игры (не лицемерить, не обманывать, держать слово, выполнять взятые обязательства и т.п.) *независимо* от того, вы-

годно или невыгодно это делать в каждом конкретном случае. А соединить критерии успешности с критериями честности в стратегии морального выбора политика не просто: нельзя уклониться ни от одной из них. Да, можно сослаться на логику политической необходимости, но на почве такой «логики» легко вызревают политическое двуличие и цинизм, которых вскоре перестают стыдиться, более того, ими подчас бравируют, почитают за доблесть. В то же время политическая этика не может допустить смешения честности с грубой прямолинейностью, негибкостью, наивностью, которые противопоказаны политику. Умение лавировать, находить хитроумные ходы, идти на компромиссы и т.п. совсем не означает одобрения беспринципности, бессовестности, демагогии. Подобно тому, как можно было побеждать в безупречно честном рыцарском поединке или на дворянской дуэли с очень высокими ставками при проигрыше, так и в политике можно вести честную игру и добиваться успеха.

При этом речь идет не просто об инструментальных правилах, но о требованиях политической этики – правилах *честной* игры, следование которым предполагает и требует добродетелей партнерства, честности в отношениях между участниками игры, верности обязательствам и т.п. Эти правила табуируют неразборчивость в средствах конкурентной борьбы, игру на грани фола. Они предполагают совмещение конкурентного потенциала в борьбе за успех – с потенциалом кооперативным и т.п. При этом, как мы только что отметили выше, правила честной игры не запрещают всего того, без чего *игра* – не игра, того, что делает политическую этику реалистичной, а не декларативной.

Какова мотивация «честной игры»? Сцена политической жизни дает мало поводов для ее восприятия в идиллических тонах. Здесь противостоят рационально исчисляемые интересы людей и бушуют их же иррациональные страсти. «Игра без правил» на этой сцене кажется делом вполне естественным. Но лишь тогда, когда действия направлены на разгром и уничтожение одного из участни-

ков. Такого рода действия побуждаются идеологической и психологической нетерпимостью, патологической ненавистью к другому, непонятному, чужому. Подобная игра завораживает тех, кто охвачен зудом экстремизма, граничащего с уголовщиной даже тогда, когда щеголяют приличным платьем и джентльменскими манерами. Мы имеем дело с неутолимой жадностью преступить запретность, «поиграть» в недозволенное – с судьбами людей, народов, территорий. Сродни тяге к такой игре готовность разыгрывать рискованную партию с политическим аморализмом под вывеской власти, но по ее же «правилам», той самой власти. Горький опыт человечества неоспоримо засвидетельствовал обреченность всякого, кто вознамерился перехитрить безнравственного партнера, действуя по его же логике и методике.

В цивилизованном сообществе при господстве партиципационной культуры политической деятельности «правила игры» не допускают превращения соперничества, конфликтности во враждебность и озлобление. И тогда выигрыш одних в так называемой мягкой конкуренции хотя и может означать проигрыш других, но он не ведет к тотальному попранию интересов проигравших, поскольку само участие в игре по правилам, цементируя устои цивилизованного существования общества, дает новые шансы для последующих выигрышей, выявляет дополнительные возможности продуктивного диалога, открывает новые, иногда даже и неожиданные, перспективы стратегического свойства. Потому презумпция честной игры такова: принятие всеми участниками гуманистических ценностей в качестве побудителей к политической деятельности, но и в качестве ее ограничителей, способность сбалансировать и то и другое, а также понять, где и когда надлежит отказаться от применения правил целесообразности (в первую очередь, самого подлого из них: «по отношению к врагу дозволены все средства!») в пользу их согласования моральными императивами.

Институализация правил честной игры в политике – предмет учебных программ по политической этике. Так,

например, в теме «Этика политической борьбы» курса парламентской этики А.В. Прокофьева в качестве вопросов, требующих этической регуляции, программируются такие моменты *предвыборной агитации*: использование негативной информации о соперниках, не относящейся к тем качествам, которые релевантны для данной должности; использование непроверенной и ложной информации; подмена аргументации по существу эмоциональными характеристиками; использование некорректных обобщений и искажений позиции соперников; превышение лимитов доступа к СМИ; закрытость кандидатов для СМИ и прямых дебатов; эксплуатация расовых и национальных предрассудков; прямой и косвенный подкуп избирателей». В качестве способов «обеспечения этического режима» рассматриваются: заключение соглашений о проведении «чистых» выборов, придание гласности всех фактов нарушения этики, государственный и общественный контроль за деятельностью СМИ, снятие с выборов нарушителей этических принципов.

БОЛЕЕ сложный уровень конкретизации этики политического успеха исходит из идентификации политики как деятельности в *тотальной* ситуации морального выбора, в которой политик оказывается перед *двумя Рубиконами*. Идея *двух Рубиконов* предполагает, во-первых, самоопределение политического агента, принявшего мировоззренческую стратегию морального выбора в политике, выбора *моральности*, к конфликту категорического и условного императивов, самоопределение, рефлексизирующее возможность *снятия* или хотя бы смягчения конфликтности этих императивов. Во-вторых, конкретизацию ценности политического успеха через морально значимые критерии целесообразности/эффективности в формате этико-практиологического императива. В том числе, проблематизацию морального выбора в ситуации противоречия целей и средств через определенную постановку вопроса о смысле критерия «наименьшего зла».

Одна из известных позиций «практической философии» в отношении к проблеме успешности политики – со-

четание ориентации на успех с нравственными ориентирами политики. Так, например, Б. Сутор пишет, что «политическое решение принимается с точки зрения возможного успеха и ориентируется на обстоятельства в ситуации. Несмотря на это, нравственное решение может и должно быть одновременно политическим, а политическое решение – нравственным. Ибо нравственное решение тоже должно быть не только хорошим, но и правильным, что означает соответствие обстоятельствам дела и ситуации. А политическое решение должно задаваться вопросом о возможном успехе, ориентируясь на нравственный смысл политической деятельности, а именно, на задачу обеспечения мира, свободы и справедливости, способствуя справедливому уравниванию интересов»¹⁹⁹.

Такого рода подход подразумевает, как мы видели в эскизе «повестки дня», включение в число проблем политической этики, рассматриваемой в формате универсальной морали, соотношения целей и средств, нравственной аутентичности и практической эффективности и т.п. (А.С. Панарин); таких тем, как «оправдание зла в политике (неизбежное зло, крайняя необходимость, неумышленное зло, «наименьшее зло» и др.) (Е.Л. Дубко); трактовки насилия / ненасилия как ключевой проблемы политической морали (Б.Г. Капустин) и т.д.

Соотнося морально-философский и становящийся в его рамках практико-ориентированный подход с этико-прикладным, мы считаем необходимым рассмотреть основные аспекты этико-праксиологической конкретизации проблем политической этики. Конкретизации, продуктивной, прежде всего, тем, что с ее помощью, наряду с *ценностным* Рубиконом, определяющим достоинство политической цели, акцентируется роль Рубикона, определяющего в качестве *нравственно* достойной заботу об эффективности выбираемых средств, заботу, переводящую «инструментальный» «целереализационный», «операциональ-

¹⁹⁹ Сутор Б. Малая политическая этика // Политическая и экономическая этика. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. С. 80.

ный» и т.п. аспект политического успеха из статуса *техники* успеха в статус *этико-праксиологический*.

Полагаем, что наш опыт разработки идеи *двух Рубиконов* применительно к *индивидуальной* морали (в том числе, и опыт освоения критических аргументов по поводу этой идеи)²⁰⁰, плодотворен в сфере этики *публичной политики*.

РАЗУМЕЕТСЯ, доказывать значимость особого внимания ко «второму Рубикону» в сфере политики намного легче, чем в сфере индивидуальной морали, в которой идея двух Рубиконов нередко воспринимается как господство *р-р-рационализма*. Ведь в политической деятельности редко встретишь ситуацию романтической убежденности в том, что для достойного выбора самодостаточно «благие намерения» и «добрые чувства», что естественное сведение всего содержания проблемы морального выбора к способности чтения предписаний на «придорожных указателях», легко разводящих порядочных и бесовестных людей в разные стороны. Но в политической этике речь должна идти об особой моральной способности политического субъекта, его моральных заслугах (или вине), связанных с последствиями трансформации «чисто праксиологических» критериев выбора в критерии этико-праксиологические. Трансформации, профилактирующей, во-первых, морализаторские вопрошания типа «неужели политический успех достигается лишь путем использования неблагоприятных средств, а всякий “благородный рыцарь” на ниве политики обречен на донкихотство?». И, во-вторых, риск упрощения, механического заимствования идей праксиологии как общей теории эффективности человеческой деятельности, их элементарной аппликации к

²⁰⁰ См.: Бакштановский В.И. Моральный выбор личности: цели, средства, результаты. Томск: ТГУ. 1977; *Etyka a prakseologia / Etyka*. Warszawa. 1981; Бакштановский В.И. Моральный выбор: критерий целесообразности // Вопросы философии. 1981. № 8; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в политическую этику, гл. 6.4. и др.

проблемам морального выбора в политике. Риск введения «чисто праксиологических» критериев в моральную рефлексию проблем политического успеха без их этической интерпретации, и, в итоге, риск получить вместо освоения эвристического потенциала праксиологии – утрату *морального* содержания «второго Рубикона».

Один из путей профилактики этого риска – соотнесение задач общей праксиологии с задачами этической праксиологии, предполагающее недостаточность интерпретации «второго Рубикона» как *праксиологического* и необходимость его идентификации как *этико-праксиологического*.

Будем внимательны и отметим момент *моральной* саморефлексии праксиологической концепции Т. Котарбиньского. Для «теории хорошей работы»²⁰¹, исходящей из положения о том, что понятия успешности и целесообразности можно считать взаимозаменяемыми, а базовым понятием является эффективность, такая рефлексия не только не чужда, но фактически атрибутивна. Характерен уже поиск праксиологического содержания, предпринятый Т. Котарбиньским в... моралистической литературе. Вывод автора из анализа множества предостережений и поучений, содержащихся в ней, заключается в том, что постулаты нравственные здесь переплетены с рекомендациями, предметом которых является целесообразность или нецелесообразность.

Но есть ли у рекомендаций праксиологического толка *этическое* содержание, и, если есть, то обладают ли этим содержанием сами праксиологические рекомендации, пусть и включенные в содержание моралистики, или моральный смысл им придают лишь цели, во имя которых они применяются? Проблематизируя этическую рефлексию идеи успеха в политике, намеренно обострим постановку этого вопроса, обратившись к комментариям Б. Рассела относительно «науки успеха» Н. Макиавелли. По

²⁰¹ Котарбиньский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975. С.24.

мнению автора известной работы по истории западной философии, если существует такого рода наука, то «ее можно изучать на примере успехов порочных людей не хуже, чем на примере успехов людей добродетельных, – даже лучше, ибо примеры добивающихся успехов грешников более многочисленны, чем примеры добивающихся успехов святых». Однако, подчеркивает Рассел, такая наука «пойдет на пользу святому точно так же, как и грешнику, ибо святой, если он вступает на поприще политики, точно так же, как и грешник, должен ждать достижения успеха»²⁰². Не вторгаясь пока в сложнейшую проблему соотношения целей и средств, особенно в ту ее грань, которая связана с «допустимостью зла во имя добра», все же отметим, что Б. Рассел реабилитирует идеи Н. Макиавелли, традиционно отождествляемые (и обыденным, и теоретическим сознанием) с его *личной моральной позицией* и с его *моральными* рекомендациями, фактически полагая эти идеи *праксиологическими*. В действительности же, по мнению Рассела, Макиавелли занимал вполне определенную оценочную позицию относительно «выведенных» им норм политической целесообразности. Аналогичную работу относительно этического содержания «макиавелизма» проделал в свое время и польский философ Лешек Колаковский.

Вполне определенный ответ на дискуссионный вопрос об этической нейтральности либо ангажированности рекомендаций праксиологического толка дает анализ исследования (и культивирования) праксиологией этических аспектов «техники борьбы». Вообще, *борьба* для праксиолога – любое действие с участием, по меньшей мере, двух субъектов, где хотя бы один из субъектов препятствует другому. Праксиолога при этом интересует только *исправность техники борьбы*. Другие же ее стороны значат лишь косвенно – в той мере, в какой от них зависит усиление или ослабление *исправности*.

²⁰² Рассел Б. История западной философии. М., 1983. С. 529.

Из этого не следует, что праксиолог сам может рекомендовать любые из обоснованных практикой приемы техники борьбы. Т. Котарбинский подчеркивает: «то, что хорошо с праксиологической точки зрения, может быть достойным осуждения с точки зрения, например, добросовестности». Но знание и этих приемов полезно – хотя бы для воспрепятствования тому, кто прибегает к этим приемам «с целью застигнуть нас врасплох и одержать победу»²⁰³. В то же время праксиология не забывает, что тот, кто обучает искусству борьбы вообще, пусть и косвенно, становится соучастником возможного применения этого искусства. И действительно, «имея дело с темой борьбы, трудно не затронуть каким-либо образом сердце, совесть, даже в том случае, если понятие борьбы взято во всей его общности и рассматриваются, в основном, только технические условия “исправности”». Более того, занимаясь, казалось бы, нейтральной – технической – стороной борьбы, праксиолог не позволяет себе «умыть руки», ибо техника борьбы, как и любая техника, может применяться как с пользой для людей, так и во зло им. В то же время праксиология полагает, что «всеобщая польза от честного сознательно-го применения ее техники значительно больше, чем вред, который принесут результаты употребления этой техники нечестными людьми»²⁰⁴.

Итак, «теория хорошей работы» морально рефлексивна. Вполне активно обсуждает соотношение критериев морали и «исправной работы». Разрабатывает критерии и правила, способные повысить эффективность решений субъекта, стремящегося к нравственно достойной цели. Однако описывает отношения этики и праксиологии лишь с помощью союза «и». Предполагая и даже подчеркивая моральные проблемы, возникающие в связи с рекомендациями праксиологии, автор концепции и ее сторонники разрабатывают общую теорию эффективности человеческой деятельности и не ставят задачи довести моральную

²⁰³ Котарбинский Т. Тракта́т о хорошей работе. С. 207.

²⁰⁴ Там же. С. 226.

рефлексию праксиологических проблем до идеи конвергенции этики и праксиологии.

В свою очередь, *этико-праксиологический* подход к моральному выбору – феномен прикладной этики, для идентификации которого союза «и» не достаточно.

Этико-праксиологический подход направлен на решение проблемы целесообразности выбираемых политиком средств в соответствии с вполне определенной задачей – выработкой принципов, правил и норм, определяющих методы эффективности достижения морально-положительных целей и уже потому *запрещающих* применение для этих целей таких средств, за эффективностью которых явно или скрыто выявляется опасность извращения цели, а то и полной потери ее нравственного достоинства. Потенциал этико-праксиологического подхода в этом случае – возможность обнаружения *действительной* ценности политических целей, декларируемых в качестве морально-положительных, разоблачения софистических приемов оправдания выбора *любых* средств, возможность вскрывать стоящие за этими средствами аморальные цели.

Этико-праксиологический подход акцентирует и значимость акта *поиска* и принятия решения: для него характерны и нравственная поддержка готовности политического агента в трудной ситуации не уклоняться от выбора, а действовать, готовности *разрешить* ситуацию – «между Сциллой и Харибдой надо грести», и *ориентация субъекта* на поиск эффективного решения, и *моральная компетентность* субъекта в сложнейшей процедуре соотношения цели и средств.

А одно из испытаний этико-праксиологического подхода к идее политического успеха – постановка проблемы эффективности деятельности политика как проблемы критериев преодоления антиномии «беспринципной силы» и «бессильного принципа». Антиномии, значимой в политической сфере еще больше, чем в сфере непубличной.

НАПОМНИМ некоторые тезисы о взаимозависимости цели и средств в человеческой деятельности. 1. Ценность средства в значительной степени обусловлена нравст-

венным характером цели, для достижения которой это средство применяется, но цель именно *определяет* средства, а вовсе не оправдывает их. Всякие рассуждения относительно «оправдания» какого-то средства означают на деле лишь приписывание средству свойства, объективно ему не присущего. В моральном смысле такого рода манипулятивная операция означает просто вынужденное лицемерное прикрытие безнравственных действий ссылками на благородство, возвышенность целей. 2. Результат, в котором воплощается цель, суть предназначения средства. Выбор не соответствующих цели средств ведет к нежелаемому результату и тем самым искажает природу цели, делает ее безнравственной. 3. Обусловленность нравственной ценности средства характером цели предполагает такие характеристики ценности средства, как абсолютность и объективность. Целесообразность выбора «любого» средства оказывается в действительности лишь видимостью. Именно поэтому тезис «цель определяет средства» взаимодополняется тезисом «средства определяют цель». 4. Нравственная цель и средства ее достижения не только взаимоопределимы, но и соотносительны, а это означает, что любая цель в иной ситуации может выступать в роли средства, и, наоборот, то, что было лишь средством, в новой ситуации морального выбора способно оказаться целью. Дело в том, что смысл цели смещается в системе отдаленных целей, их дальних горизонтов, где действуют принципы соподчиненности и иерархии целей. Если ближайшая цель может быть достигнута лишь ценой, уничтожающей нравственный характер более значимой цели, то такое средство достижения должно быть отвергнуто как лишенное целесообразности. 5. В ситуации, не дающей возможности применить безукоризненное, с нравственной точки зрения, средство, возникает необходимость поиска *наименьшего зла*. Здесь важно видеть три смысловых грани проблемы. А) Речь может идти о принципе выбора, который, в положительном ключе, формулируется как требование максимизации добра, отрицательное выражение которого и звучит как принцип минимизации

ции зла. Б) Через понятие меньшего зла возможна трактовка результатов согласования объективных и субъективных элементов ситуации морального выбора, скажем, проблема компромисса желаний и условий, и принцип меньшего зла играет роль своеобразного балансира, требуемого неблагоприятным стечением обстоятельств выбора. В) Нравственно-конфликтная ситуация требует согласиться с осознанной жертвой одними моральными ценностями во имя сохранения ценностей более высокого порядка. При таком подходе делается равное акцентирование на разнознаковые моменты этого критерия выбора: *меньшее* зло, однако, все же *зло*.

Этико-праксиологический аспект приложения этих тезисов помогает проявить основные причины несоответствия цели и средств, нередко возникающего в практике морального выбора в политике. Такое несоответствие может быть вызвано, с одной стороны, скрытым безнравственным характером самой цели, по отношению к которой избранные средства как раз целесообразны, вполне эффективны. Здесь средства высвечивают аморальную природу цели. С другой стороны, несоответствие это может быть обусловлено попытками политического агента строить эффективное решение по образцу беспринципной деятельности, противопоставляя злу его же «беспринципную силу» (стремясь оптимизировать свои действия за счет освоения арсенала политиков беспринципных, не гнушающихся «любыми средствами», оправдать свой выбор, пытаясь убедить себя и других в невозможности победить зло «неэффективными средствами добра»). Здесь средства деформируют вполне нравственный характер цели. Обе ситуации убеждают, что связь требований нравственной ценности и эффективности оказывается неразрывной: этический контроль не ограничивается ни только средством, ни только целью. «Цели без средств пусты, средства без цели слепы».

Особый вариант приложения этико-праксиологического подхода – ситуации, вынуждающие агента политики решаться на выбор средств, ведущих (?) к цели очень до-

рогой ценой. Потребность оптимизировать выбор в ситуации, не дающей возможности применить безукоризненное, в моральном смысле, средство, обращает политика к поиску «меньшего зла». В этом случае не может не возникнуть вопрос об «оправдании» средств целью, за некорректной формулировкой которого скрыты сомнения и колебания по поводу права использования определенного рода средств, несущих с собой и отрицательные моральные последствия.

Мы уже говорили выше, что проблема «меньшего зла» имеет несколько смыслов. Наиболее эвристический смысловой аспект проблемы «наименьшего зла» – когда она рассматривается применительно к выбору компромиссного характера в ситуациях, требующих от субъекта осознанной жертвы одними моральными ценностями во имя сохранения других ценностей. Основной смысл проблемы оценки «меньшего зла» в политической практике и заключается в понимании меры допустимости моральных компромиссов и готовности к ним в ситуации выбора. Речь здесь идет только о тех компромиссах, которые отражают объективные особенности конфликтных ситуаций (своеобразно преломляя общеисторическую закономерность развития прогресса как преодоления определенных форм зла). В таких ситуациях важно побороть искушение решить конфликт по логике «либо-либо» и попытаться найти оптимальный путь согласования принципов с особенностями обстоятельств, принять решение, не нарушающее границ между тактикой и беспринципностью. Моральный компромисс – один из наиболее сложных и тонких актов морального выбора. В нем особенно велик риск уничтожения нравственного характера цели в процессе ее достижения. Однако конструктивный вывод из опасений за характер компромисса не может быть ни догматическим его отрицанием, ни релятивистским обожествлением. Такой вывод предполагает поиск и соблюдение меры компромисса.

Наиболее типичный сюжет политической этики в этом плане – проблема насилия-ненасилия.

Компромиссный моральный выбор – это, в первую очередь, выбор так называемых «вынужденных средств», без помощи которых нельзя разрешить ситуацию. Ригористический отказ от таких средств с необходимостью ставит принимающего решение политического субъекта в такое положение, когда во имя уничтожения возможности зла он уничтожает возможность добра и, тем самым, вольно-невольно позволяет торжествовать злу. Естественно, может возникнуть вопрос: зачем в таком случае постоянно напоминать о сложности и противоречивости морального выбора, акцентировать неизбежность жертв моральными ценностями при выборе «вынужденных средств»? Наше предложение заключается в следующем. Вовлеченный в ситуацию выбора, субъект может принимать решение, исходя из различных позиций: «не навреди» – «рискни», «помоги» – «уклонись»; он может проявлять перестраховку – и смелость; бескомпромиссность – и гибкость. Любая из этих установок прямо или косвенно выражает то или иное отношение к принципу «меньшего зла». Но осознание того, что в конфликтной ситуации моральный выбор является отрешением от какой-либо ценности во имя ценности более высокой, необходимо. Для того чтобы иметь основания решимости действия, с одной стороны, чтобы видеть отрицательный характер последствий такого выбора и понять необходимость сведения этих последствий к минимально возможному – с другой. Напомним, что в таком подходе ударение делается как на позитивный, так и на негативный моменты этого критерия выбора: зло, но все же меньшее; меньшее, но все же зло. Возможно, роль «меньшего зла» в таких ситуациях – дать надежду минимизировать необходимость прибегать к нему.

ТЕМА КОМПРОМИССА – один из уровней конкретизации проблемы цели и средств в политической этике. При этом речь идет об универсальном нравственном значении компромисса – Б.Г. Капустин, комментирующий нашу версию политической этики, полагает, что идея компромисса как ценности отражает лишь специфически либеральную

позицию²⁰⁵. Во-первых, еще раз обратим внимание на то, что в программе курса политической этики А.С. Панарина, не являвшегося сторонником либеральной позиции, компромисс определен как «категорический императив политической этики». Во-вторых, мы не сводим политическую этику к «достижению баланса интересов», рассматривая компромисс как технологию этики политической борьбы.

Политическая этика выступает как важнейший элемент партиципационной политической культуры гражданского общества и правового государства, является и продуктом, и фактором свободной игры интересов, конкурирующих позиций, конфликтующих структур. В условиях, когда конфликт легитимизируется, политическая этика получает возможность преодолеть ригоризм и «моральную кровожадность» и отдает приоритет компромиссу перед конфронтацией. «Переоценка ценностей» происходит по мере того, как формируется такая процедура разрешения конфликта, при которой, по известному критерию В. Лефевра, обе стороны могли бы «сохранить лицо», и тогда достижение согласия на базе компромисса поднимает субъект политического процесса в собственных глазах и в глазах других в большей степени, чем достижение первоначальных целей. И уже это придает компромиссу вполне определенную ценность.

Так что же, речь идет об апологии компромисса этическими аргументами?! Не станем отклонять этого предположения. Мы при этом отчетливо сознаем, что рефлектирующее сознание далеко не всегда может сохранять спокойную, выдержанную, хотя бы нейтральную, позицию в отношении тезиса о компромиссе как нравственно допустимом, оправданном и, тем более, достойном решении ситуации морального выбора. Устойчивый стереотип-предрассудок табуирует даже попытку оправдать компромисс критерием «выбора наименьшего зла», накладывает вето на включение компромисса в инструментальную часть поступка.

²⁰⁵ Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. С. 124.

Ясно, что ригоризм такого рода возник и продолжает существовать не на пустом месте. Он – реакция на реальную моральную проблему, но, вместе с тем, и на имидж компромисса в деформированном общественном сознании. Компромисс отождествляется с «попустительством», «сползанием с генеральной линии», «соглашательством», «оппортунизмом» и прочими отрицательными для политического кодекса характеристиками. «Компромисс» как понятие загружен отрицательными дополнительными значениями не только для политического, но и для этического кодекса: «измена принципам», «сделка», «трусость», «ловкачество», «шкурничество», «цинизм» и прочие богатства лексики двухцветной картины мира.

И все же шлейф презрения, который тянется за этим понятием, его последовательное противопоставление моральной воле, мужеству, самоотверженности, весь «минус-имидж» компромисса не могут быть объяснены ни как простое следствие морализаторства, ни как всего лишь атрибут политической культуры «мобилизационного подданничества»: в антикомпромиссной этике угадывается зловещая тень длительной практики тоталитаризма. В то же время опасно не услышать и рациональные моменты в критике компромисса как метода разрешения конфликтов, даже в самом категоричном его отрицании, в сектантском отказе от него. Важно всегда помнить, что компромисс – особая зона риска. Поражение в этой рискованной игре мы видели в нашей собственной истории в примерах заигрывания с тиранией – пусть это не всегда оборачивалось политическим поражением, но всегда означало моральное грехопадение.

Меньше всего мы хотели бы выступить защитниками этического релятивизма, тем более, его крайних форм, оправдывающих предательство невыносимостью «обстоятельств». Мы вообще ведем речь не о компромиссе между добром и злом, не о «пакте с дьяволом», но о столкновении позитивных норм и ценностей политической морали. Подчеркнем далее, что при компромиссе, как в игре, ставкой является не сама по себе жертва интересами, но и

«приобретение»; это такая жертва, которая увеличивает общее благо, идет на пользу политической стабильности и устойчивости общественной нравственности. Компромисс не тождествен некоей половинчатости, он не нечто усредненное в виде ослабленных крайностей. Да, возможно и такое компромиссное решение, когда предпочтение отдается одной из крайностей (допустим, меньшинству или большинству, если, например, речь идет о работе представительного органа), но это решение оснащается системой гарантирующих противовесов, сдержек.

Наконец, компромисс – достойная технология, если принимается по доброй воле, когда он – не проявление «мягкотелости», но выражение гуманистического мужества, решительности и достоинства. Для политической этики важно выяснить именно мотив компромисса – принимается ли такое решение из-за слабости, бессилия – или из-за благородства сильной стороны. Если в последнем случае речь идет не о нежелании рисковать в трудно прогнозируемой игре, то компромиссное поведение сильной стороны конфликта – проявление нравственно-разумного кодекса политической деятельности. А если речь идет о ситуации вынужденности компромисса? Если политик вынужден иметь дело с прямым носителем зла, с существованием которого нельзя не считаться, то как оценить такую ситуацию? Ведь может показаться более легким самоубийственное решение, в результате которого жертвами становятся, по шахматной терминологии, не только пешки, но и сам король. Соблазнительно было бы сказать, что политика может быть грешна, а мораль в таких ситуациях запредельна. Кому же удастся преодолеть это противоречие? Полагаем, что один из путей – рассматривать вынужденные компромиссы как меньшее зло.

Ориентационный принцип политической этики на компромисс должен бы быть окружен конкретными нормами и правилами. Например, «не следует воспроизводить тактику противоположной стороны», потому что, с точки зрения политики, это всегда ловушка, а с точки зрения политической этики – унижение, утрата достоинства. Все это

детализирующее ориентационный принцип «предписательное» окружение еще только предстоит осмыслить и кодифицировать.

«СЛУЧАЙ» этико-праксиологического подхода к проблемам политической этики (в ипостаси проектно-ориентированного этического знания) – один из проектов, в котором мы намеренно «нагружали» традиционную для политики задачу выработки «правил игры» в избирательной кампании гуманитарной экспертизой предлагаемых властью избирательных технологий.

В первые годы Перестройки одним из поприщ политической борьбы стал институт «Окружного предвыборного собрания», технологического изобретения избирательного закона переходного периода. Замысел изобретения: «отсеивание» кандидатов в народные депутаты процедурой предвыборного собрания. На деле она представляла собой полигон столкновения двух политических культур. Одна из них – подданническая – не желала добровольно уйти в прошлое, а другая – активистская, партиципационная – была вынуждена уживаться с первой, стремясь путем компромисса обеспечить свое будущее.

Казалось бы, кому могла быть интересна тема «Окружное предвыборное собрание», кроме «Избиркома»? Замысел нашей экспертизы заключался в таком моделировании работы этого «изобретения», которое помогало, прежде всего, избирателю. Игра должна была, во-первых, помочь уже «на тренажере» понять природу «изобретения», овладеть его технологией и, во-вторых, демистифицировать те моменты процедуры, которые были призваны ограничить меру свободы избирателя, создав «сито» между ним и кандидатами.

Отметим, что никому до тех пор не известная электоральная процедура не была ведома и самим авторам проекта экспертизы, поэтому и многие открытия им приходилось делать «на ходу», вместе с участниками игры. А участвовали в этом эксперименте «на себе» и кандидаты в народные депутаты, и представители клубов избирателей, и, естественно, работники избирательных комиссий всех

уровней, и партийные функционеры. Большая группа участников игры – правоведаы, социологи, политологи, психологи, выступающие в качестве консультантов ключевых игровых заданий.

Не будем описывать здесь сам алгоритм игры – он совпадал с ходом любого собрания такого рода. Воспользуемся репортажем из «Московских новостей»²⁰⁶. Вот как увидел задачи, ход и результаты игрового моделирования журналист В.Н. Дымарский.

«Как очевидец того “мероприятия”, могу засвидетельствовать: ...игра, по общему признанию, принесла огромную пользу и сидевшим в зале кандидатам в народные депутаты, которые примеряли на себя новый “костюм” новой роли и новой процедуры, и членам окружной избирательной комиссии, убедившимся в том, как много неожиданностей их подстерегает в реальной жизни, и “группам поддержки”, учившимся в игровой ситуации технике и тактике избирательной борьбы, защите своего кандидата.

Около двух часов “Окружное предвыборное собрание” не могло открыться из-за разного рода процедурных проволочек. То обсуждали, что делать с рвавшимися в зал “неформалами”, то давали отвод счетной комиссии, то решали вопрос о том, насколько и в какой степени правомерна наглядная агитация за кандидатов. Была борьба кандидатов и их программ, было тайное голосование, был и счастливый “победитель”, наиболее удачно прошедший через “сито” каверзных и далеко не всегда деликатных и этичных вопросов. И именно тогда, еще до того, как общественное мнение, проверив нововведение на практике, вынесло ему обвинительный вердикт, уже прозвучал вывод, к которому подтолкнула игра: давайте задумаемся,

²⁰⁶ В течение 1989 года первая попытка провести экспертизу в режиме игрового моделирования была предпринята в Ханты-Мансийске, затем – в Тюмени и, наконец, уже в отработанном виде – в Москве (по итогам столичной игры Агентством печати «Новости» был снят видеофильм). Мы остановимся на московской версии игры.

уважаемые участники окружного собрания, не слишком ли много мы на себя берем, делая свой выбор в пользу одного или двух кандидатов? Ведь среди отсеянных может оказаться тот, кого предпочтут потом избиратели...

Игра «Окружное предвыборное собрание», с видеозаписью которой познакомились затем организаторы избирательной кампании в Москве, позволила им обойти многие подводные рифы. Потом жизнь поставила перед обществом новые проблемы, и вроде бы стал уже забываться тот короткий этап, когда изобретенные Законом о выборах окружные собрания подняли волну эмоций, одобрений и порицаний. Но еще раз вспомнилась та игра в дни работы первого Съезда народных депутатов: сколько времени, особенно на первых порах, было потрачено на процедурные вопросы, на выработку той необходимой технологии, без которой, как выяснилось, демократия не только не может себя защищать, но и вообще рискует погибнуть».

Да, организаторы той избирательной кампании участвовали в игре, обсуждали видеофильм, и это непосредственно повлияло на ход соответствующего собрания в территориальном округе №1 Москвы. Но для нас не менее важно то обстоятельство, что это был прецедент экспертизы этической составляющей политической борьбы.

Выделим особо моменты послеигровой рефлексии, специально организованной нами после первого просмотра видеофильма в АПН. Среди наиболее интересных сюжетов, не только представляющих историко-этический интерес, но и имеющих значение для будущего политической этики, была коллективная рефлексия о духе закона, о ценностных основаниях процедуры «Окружного собрания». Каково право его участников на «селекцию» кандидатов, на отсеивание избирателей от всего числа выдвинутых ими кандидатов? Этот, в общем-то элементарный, вопрос по поводу представительной и прямой демократии следовало изучить с точки зрения его этических последствий. Не случайно участниками игры были выдвинуты альтернативные варианты, в том числе и предложение отка-

заться от отбора и проголосовать за включение всех кандидатов в избирательные бюллетени.

Выступая в роли организаторов этой коллективной рефлексии, мы подняли вопрос, который не потерял актуальности и в сегодняшних политических баталиях. Не слишком ли много внимания было уделено в процессе игрового моделирования политическим технологиям, процедурным моментам? Не теряют ли участники собрания чувства реальности и не создают ли иллюзорный мир, в котором азартный и изощренный поиск процедурных альтернатив опустошает душу и волю – где уж тут помнить о духе демократии? Отвечая на эти вопросы, можно было пойти легким путем оправданий: и закон технологически не проработан, и у избирателей с кандидатами мало политических навыков... Но мы предпочли повести публичную рефлексию по более трудному пути: а возможен ли дух демократии без «плоти» – четкого процедурного механизма? Средства без цели слепы, но и цели без средств пусты.

Характерен прецедент этической экспертизы нашего проекта в этико-философском сообществе. Одной из форм углубления этико-политической экспертизы стало обсуждение видеофильма об этой игре на Всесоюзной конференции по этике в МГУ. В коллективном практикуме «Политика и мораль» мы предложили участникам конференции обсудить следующие вопросы, возникшие в результате просмотра видеофильма.

- * Что увлекает участников игры? Осваивая роль избирателей, они рассчитывают на обретение большей свободы в реальной политической борьбе? Или их волнует азарт борьбы, свойственный всякой игре? Возможно ли аргументами политической этики повысить эффективность политической борьбы? Или задача политической этики – прежде всего, оберегать политику от беспринципности, макиавеллизма? И только?
- * Можно ли средствами политической этики содействовать достижению наибольшего народовластия в процессе выборов?

- * Возможны ли этическая экспертиза и консультирование ситуаций политической борьбы? Или реальна лишь обычная моральная оценка таких ситуаций, как и всяких других? Если этическая экспертиза возможна, то что является ее предметом? Степень демократичности? Дух справедливости? Или процедурная сторона?
- * Можно ли игру «Окружное предвыборное собрание» квалифицировать как способ диагностики нравственных состояний общества? Такая игра – что это для ее участников: способ освоения роли избирателя или отработка инструмента власти для манипуляции выборами? Какова, с точки зрения этики, мера ответственности выборщиков, берущих на себя определение оптимального числа кандидатов и не могущих делегировать выбор самим избирателям?

Почему именно эти вопросы? Потому что для академического этического сообщества тех лет важнее был сам прецедент включения в «экспертизу экспертизы»²⁰⁷. И рассчитывать на рефлексия коллег можно было, разумеется, прежде всего, с точки зрения общеэтического подхода, еще мало связанного с проблемами собственно политической этики как вида прикладной этики. Тем не менее, в наших исследованиях политического этоса такого рода рефлексия выступила определенным стимулом.

2.5. Мировоззренческий и нормативный ярусы политической этики

2.5.1. Политика как служение Делу

ХАРАКТЕРИСТИКА мировоззренческих аспектов нормативно-ценностной системы политики предполагает освоение такой территории, куда, обычно, без спроса вход крайне затруднен – речь должна идти не о фасадной части политического поведения, не просто о его (не)соответствии кодексу, но о феноменах морального мировоззрения,

²⁰⁷ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: рефлексивная биография направления / Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2007.

стоящих «за спиной» норм: от общих ценностных представлений до нравственных идеалов. О таких элементах морального мировоззрения, которые образуют кредо политики, политики институализированной (Кредо президентства, Кредо депутатства и т.п.) и индивидуализированной (Кредо конкретного агента политики).

Обращаясь к сложноорганизованной системе мировоззренческих оснований политики, мы сосредоточимся здесь на феномене «готовности быть орудием однажды выбранного дела» (Э. Фромм) как вполне соответствующем этике политического успеха (иные аспекты мировоззренческой проблематики политики рассмотрены в названном выше проекте «Кредо и кодекс власти»).

Отметим сразу доминирование скептического отношения к такой мотивации политика, как служение Делу. Характерно, что в наборе мотивов политиков в учебном пособии «Политическая этика» предложен следующий ряд: «Метафизическая мотивация, призвание, мессианизм, фанатизм, визионерство»²⁰⁸. Стремление оспорить подход, собравший эти мотивы в один ряд, обращает нас к наследию М. Вебера, позволяющего предложить гипотезу о том, что на белом свете существуют политики «истинные» и политики лишь отчасти таковые (не говоря уже о всевозможных проходимцах, людях порочных, рвущихся к политическому успеху, невзирая на «какую-то там этику»). Последние жаждут власти как самоценности и часто, слишком часто добиваются желанного, чтобы можно было бы надменно пройти мимо печально прославленных изречений о политике как «помойке», «грязном деле» (в более мягкой форме: «политика – не самое нравственное занятие на свете»). Некоторые психологи всерьез уверяют, будто «политик – уже диагноз», и там, где политика, неизбежен запах серы – предвестник визита из преисподней. Напомним: политическая этика имеет дело не только с политиками, но и со всеми, кто соприкасается с политикой.

²⁰⁸ Дубко Е.Л. Политическая этика. С. 118

Неужели все они обречены выпачкаться «в политике» или запятнать себя уклонением от гражданского долга?

Кто такие «истинные» политики? Обратимся еще раз к докладу М. Вебера «Политика как призвание и профессия». В чем заключается стержневая идея этого доклада? Нравственный мотив деятельности политика – добиваться успеха (профессионал, как мы знаем, не может не ориентироваться на достижение успеха) и, в то же самое время, рассматривать свою деятельность как служение Делу, как ориентацию на успех Дела, без непосредственной установки на личный успех (духовное призвание человека).

Такой политически одаренный человек (иначе его не назвать, и речь уместнее вести именно о таком человеке, а не о всяком, кому пришло в голову попытаться счастья в политике, «поиграть в политику» и т.п.) охвачен настоящей страстью; рожденный ею, он нацелен на существо дела, а не на побочные соображения корыстолюбия, тщеславия, властолюбия. И это не пышная риторика, а психологически выверенное описание мотивации «истинного» политика. Он преисполнен страстной самоотдачей делу. Им повелевает сила, схожая с даймоном Сократа. (И потому-то столь неохотно покидает он политическую арену, когда к этому вынуждают обстоятельства.) Возможно, речь должна идти не только об особой политической этике, но и об особом типе человека («хомо политикус»?), для которого и существует данная этика, о типе человека, верного своему призванию, неспособного предать служение делу.

Этическая ориентация, побуждающая к деятельности «в миру», как мы уже знаем, именуется Вебером «внутри-мирской аскезой» (в отличие от традиционной внемирской аскезы). С помощью рационализации такая аскеза позволяет человеку справиться с Иррациональностью мира, его расколом на дольний и горний, профанный и сакральный. Мирская аскеза приводит человека к восприятию собственной активности как призвания и профессии единовременно. Такого рода аскет в успешности мирских дел обнаруживает несомненное свидетельство избранничества, что с удвоенной силой толкает его на новые и новые дос-

тижения, и не по утилитарным, меркантильным соображениям.

Для такого человека хозяйственная (трудовая и предпринимательская), политическая, научная, культурная деятельность обнаруживает свой смысл только в одном – бескорыстном и беззаветном служении Делу. При этом вопрос о том, что понимать под делом, как оно должно выглядеть – вопрос веры политика. Он может поставить себя на службу целям национальным или общечеловеческим, социальным или культурным, светским или религиозным, может опираться на прогрессистское мировоззрение или же холодно отвергать этот вид веры. Но без чего нет призвания, умноженного на профессионализм, нет служения делу, так это без какой-то веры вообще. «Иначе – и это совершенно правильно – проклятие ничтожества твари тяготеет и над самыми, по видимости, мощными политическими успехами»²⁰⁹. (Но призвание М. Вебер трактовал не мифологически, как назначение и, тем более, как предназначение человека, что грозило бы подорвать свободомыслие, критицизм, демократические ценности и подводило бы к «единомыслию» и государственному патернализму.)

Вебер предупреждает о «рутинизации веры» в мирском, десакрализованном обществе, где профессиональный долг принимает экзистенциальную форму, а вертикаль призвания сменяется горизонталью этического контроля. Иными словами, нормы политико-правовых, общеорганизационных, деловых, коммуникативных отношений, соответствующие поведенческие правила нуждаются не просто в подкреплении с помощью концепций человеческого призвания, но и в их последовательной, четко прописанной, укорененной в практике и этически фундированной институциализации. Институциализация, безличный социальный порядок, погашающий личностный произвол носителей власти до минимального уровня, позволяют до определенных пределов справиться с ситуацией, когда власть имущие все менее вдохновляются в своей деятель-

²⁰⁹ Вебер М. Избранные произведения. С. 692.

ности идейно-нравственными соображениями, программами осуществления общественного блага (как бы оно ни понималось), концепциями профессионального призвания, отдавая при этом предпочтение частным интересам – личным или корпоративным, либо тем и другим вместе взятым.

Но проблема заключается не только в необходимости подстраховывающего повышения роли этического горизонтализма за счет снижения мотивационной и контролирующей значимости этического вертикализма. В условиях глобализации, подчеркивают многие исследователи, начинает возрастать общая непрозрачность мира, а в этой связи дает о себе знать то, что называют «реваншем Бога». Как это отзовется на соотношении *служения* политиков (ориентация на личную карьеру, престиж, доходность работы, символический капитал и т.п.) и концепции призвания, на соотношении этического горизонтализма и вертикализма, пока трудно предположить.

Для политической этики важно последовательно отличать служение Делу от служения идее. В последнем случае, политик, во-первых, предпочитает рассматривать себя (и других) не в качестве самоцели, а лишь как средство реализации идеи, как строительный материал, ценность которого всецело определяется местом, ролью, пользой, эффективностью для реализации идеи. Такая личность, ощущая себя «наемником идеи» (Фихте), во-вторых, легко совращается духом цезаристского избранничества. А это позволяет ей без особых затруднений духовного порядка релятивизировать и рациональную, и естественную мораль, без колебаний преступить и те, и другие запреты, трактуя их как «предрассудки человечности». Позволяет инструментально относиться не только к другому, но и к самому себе. И не по корыстным, тщеславным или властолюбивым мотивам, а «ради блага ближних», счастья, содержание которого «доподлинно известно» благодетелю. Вдохновленная служением идее личность, в-третьих, готова иезуитски оправдывать варварские, бесчеловечные средства достижения суперцели, проекта, во-

площающего идею. Она, в-четвертых, заражается фанатизмом, который делает ее слепой и глухой к резонам рас­судка и голосу нравственных чувств, к пониманию меры в собственных деяниях. Все это чуждо подлинному призванию, которое требовательно, прежде всего, к себе и великодушно к другим, не разрешает самоутверждения за чужой счет и ведает счастье самоотдачи.

При этом, как мы уже отмечали выше, Вебер специально предупреждал против смешения страсти самоотда­чи делу с революционной возбужденностью (очень точное слово, в отличие от клишированного у нас прежде «воодушевления»), которая напрочь отсекает человека от этики ответственности. Приверженность такой этике позволяет отличить экстатичного дилетанта от политики или фаната от политики от политика-профессионала. Последний способен дистанцироваться от вещей и людей, с которыми имеет дело. Он соединяет жаркую страсть с холодной рас­четливостью, трезвой деловитостью (политическое мышление, зоркость, дальновидность, ораторское мастерство, организаторские дарования, хитрость, нравственная мудрость и тому подобные свойства как политического лиде­ра, так и, в какой-то степени, рядового политика). Ему должно быть присуще чувство современности. Это позво­ляет не упускать успех из поля зрения, не дает сделать его чем-то второстепенным, необязательным – «была бы чистая непорочность убеждений, благородная ярость, ро­мантическая привязанность к возвышенным идеалам». В этическом плане такое соединение страсти с трезвостью позволяет в оценке политика избежать абсолютизации его побуждений к активности, либо ее результатов.

Если страсть отличает подлинного политика-профес­сионала от имитирующего политические чувства чиновника в системе политических институтов, политического чиновника, не признающего ничего сверх деловых «добродетелей», то способность к холодному взвешиванию шансов отличает неподдельного политика-профессионала от дилетанта-революционера, не способного обуздать свою страсть, если даже он заносчиво величает себя «профес­

сиональным революционером». Быть беззаветно преданным профессии не означает быть безрассудно преданным. Иначе удивительно легко сбиться с верного пути и проводить легкомысленную и даже преступную политику. За примерами не надо далеко ходить.

Не слишком ли высокий и нереалистичный стандарт подлинности задается в рамках очерченной здесь позиции? Не излишне ли ригористичные требования такого рода стандарта политическая этика предъявляет к субъектам столь земного Дела? Где и кто углядел на политической авансцене деятеля, хотя бы отчасти соответствующего столь идеализированному стандарту? Не возникает ли при такой позиции опасность непрактичного морализаторства?

Откликаясь на такого рода сомнения, заметим, что речь идет не о реальных нравах, царящих в сфере публичной власти, не о среднестатистических величинах поведенческих реалий, а о нормативной модели поведения, которая всегда не может не быть несколько выше фактического уровня поступков – дабы не утратить своего призывного, ориентирующего на моральные ценности значения поведенческого образца. Речь идет о нравственном здоровье политика, а не о специфической патологии типа всевозможных «бюрократических добродетелей», достаточно хорошо знакомых всякому, кому извне и изнутри пришлось соприкасаться с властью (проявления тщеславия и мздоимства людей, почувствовавших пьянящий «вкус власти» и не располагающих соответствующим противоядием, изведавших желание покрасоваться «регалиями», видимостью власти, знакомых всякому, кому пришлось столкнуться с ухищрениями коррупционистской практики и с симонией). В то же время, как отмечал М. Вебер, отношение к власти не как к самоцели, а всего лишь как к необходимому средству профессиональной миссии, так называемый «инстинкт власти», пребывают вполне в границах нравственно-психологической нормальности.

При этом учтем, что Вебер называл основным фактом всей истории парадоксальное отношение конечного результата политической деятельности к ее изначальному смыслу. «Но если деятельность должна иметь внутреннюю опору, нельзя, чтобы этот смысл – служение делу – отсутствовал»²¹⁰. Свои рассуждения о подлинном политике Вебер заканчивает следующим пассажем: «Лишь тот, кто уверен, что он не дрогнет, если, с его точки зрения, мир окажется слишком глуп или слишком подл для того, что он хочет ему предложить; лишь тот, кто вопреки всему способен сказать “и все-таки!”, – лишь тот имеет “профессиональное призвание” к политике»²¹¹.

2.5.2. Кодексы политической этики

НАША ХАРАКТЕРИСТИКА нормативного яруса политической этики требует сочетания, с одной стороны, выводов о приложении общих для процесса кодифицирования прикладных этик принципов к особенностям кодифицирования политической этики, и, с другой, анализа реального опыта проектирования кодексов политической этики средствами этико-прикладного знания.

Три связанные между собой момента, характерные для распространенной практики работы с кодексами политической этики, стоит выделить прежде всего. Первый: отрыв этой практики от мировоззренческих оснований политической этики. Кстати, мы уже показали схожее явление в главе 1 – применительно к кодификации журналистской этики. Второй – скептицизм в отношении эффективности кодексов. Третий – бюрократизация темы кодексов и процедуры. Мы полагаем, что общее для них основание – непонимание природы профессиональной этики.

Для аргументации последнего тезиса сошлемся на стереотипные критические замечания в адрес кодексов, зафиксированные в собранном Е.Л. Дубко «альбоме значений» политической деонтологии. Одно из них: «не нару-

²¹⁰ Вебер М. Избранные произведения. С. 691-692.

²¹¹ Вебер М. Избранные произведения. С. 706.

шается ли презумпция невиновности, не исходим ли мы из обидного предположения, что сенаторы, эти взрослые люди, убежденные сединами, внутренне “бесчестны и развращены” и поэтому нуждаются в строгом внешнем этическом контроле, который мог бы держать их в норме». Еще один стереотип: «если избиратели не смогли направить в Конгресс порядочных людей, то как может Сенат поправить такое положение – сделать из конгрессменов порядочных людей. В таком случае является ли этический кодекс панацеей и легким решением тех проблем, которые общество в целом не смогло и не может решить»²¹². Предварительная реплика: скептико-морализаторская проблематизация требований к депутатам как к тем, кто выше всех по нравственному уровню, – из аппликационного подхода. А в этико-прикладном – это требования от и «к» профессиональной морали, где речь идет не о «лучших», но об «особых».

Один из представленных в «макете» мотивов кодификации: транквилизатор, элемент белого PR. «Политическая деонтология – транквилизатор, предназначенный, прежде всего, для того, чтобы успокоить общественность, восстановить пошатнувшийся кредит доверия, преодолеть отчуждение общества от политических институтов и их представителей, поскольку в состоянии отчуждения общество становится неуправляемым. Люди хотят убедиться или, по крайней мере, услышать о том, что во главе общества стоят и ими управляют добросовестные, честные и компетентные лица, а не пройдохи и проходимцы. Политическая деонтология занимается профилактикой скандалов и принимает участие в предупреждении позорных фактов (коррупция, ложь, адюльтер). Этические подозрения — это всегда почва для клеветы. А политики очень часто становятся жертвой клеветы и “черного PR”»²¹³. Реплика: такого рода суждения адекватны лишь кодификации «сверху» и «со стороны». А в версии саморегулирования, характер-

²¹² Дубко Е.Л. Политическая этика. С. 228-229.

²¹³ Там же. С.225.

ной для профессиональных этик, которым общество *доверяет*²¹⁴, эти тезисы неактуальны.

В РАМКАХ исследования инвариантной природы профессионально-этических кодексов²¹⁵ мы сформулировали ряд тезисов, призванных проблематизировать тенденцию банализации работы исследователей и проектировщиков кодексов. Реализацию некоторых из этих тезисов мы показали в первой главе, комментируя роль этико-прикладного подхода к исследованию природы кодифицирования профессиональной морали и практике кодифицирования с точки зрения профилактики двух несостоятельных подходов: механистического перенесения общеморальных требований на сферу журналистики – и сведения кодексов к «правилам игры», стандартам-инструкциям, лишенным морального содержания. Профилактики, которую наш проект ТЭМК намеренно декларировал в разделе «Комментарии»: *«Наша конвенция – способ преодоления превратных образов кодекса журналистской этики, представлений о том, что: (а) ее вполне заменяют общечеловеческие заповеди или (б), наоборот, правила профессиональной морали сводятся либо к административно-служебным инструкциям, либо к сугубо технологическим правилам ремесла».*

1. Общепризнанно, что этический кодекс – атрибут профессии, способствующий преобразованию атомизированных групп в автономную профессиональную корпорацию, один из инструментов ее саморегулирования. С этой точки зрения кодекс обычно и рассматривается исследователями и практиками. Однако при таком подходе за пределами рефлексии часто остается собственно *этическая* природа кодекса, что приводит к его редукции до квазиморального документа. Одно из последствий: кодекс может стать вульгарно инструментальным, потеряв потен-

²¹⁴ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок.

²¹⁵ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Гл.7.

циал «демонстрации флага», сигнала и для профессионального сообщества, и для гражданского общества, «визитной карточки» конкретного сообщества, элемента публичной политики.

В связи с этим особого внимания заслуживает характеристика места и роли кодексов в нормативно-ценностной системе профессии. Кодекс в нашем подходе – результат морального нормотворчества профессии, институализированный и структурированный формат нормативного яруса профессиональной морали. Традиционное содержание кодексов – система принципов и норм – является своеобразным нормативным ядром профессии. Что, с нашей точки зрения, не только не исключает, но и прямо подразумевает возможность и необходимость обогащения содержания кодексов элементами мировоззренческого яруса профессиональной морали, выводом содержания кодекса на *смысло-ценностный* уровень, фиксируемый в виде кредо и миссии профессии.

2. Вопросы, прежде всего связанные с *этической* идентификацией профессиональных кодексов: кодекс – «правила добра» или инструкции по технике безопасности? возможен ли профессионально-этический *стандарт*? Если «да», то каково его место между легальностью и моральностью? кодекс как ядро нормативного яруса – кредо и/или нормы? запреты и/или побуждения?

3. В практике работы над профессиональными кодексами пора отказаться:

* От попыток приспособить западные кодексы к современной российской действительности. Подчеркнем: дело не в псевдопатриотизме, а в том, что «тамошние» кодексы вырастают из собственной моральной и профессионально-нравственной ситуации. Одна из особенностей этой ситуации в том, что определенная доктрина нравственной философии уже давно освоена профессиональной культурой и *подразумевается*, если даже и не декларируется, в конкретных нормах. Другая особенность: традиция тех профессиональных кодексов неустранимо «сверхпрактична», вплоть до утра-

ты «нерастворимого остатка» специфики морали. (Многие кодексы имеют характер жестких практических предписаний, инструкций по поведению в определенных, стандартных ситуациях.) Такую ситуацию нельзя «перешить» на собственную фигуру – отечественным профессиональным сообществам (вместе со становящимся в России гражданским обществом в целом) необходимо *прожить* свою собственную ситуацию. Поэтому-то «большой скачок» российских профессиональных сообществ сразу в этап кодификации по зарубежным моделям весьма рискован.

- * От трактовки кодексов как лишь табуирующих моральное пространство, ограничивающих свободу выбора профессионала «регламентов». Мотивации в духе «Уложения о наказаниях» важно противопоставить мотивацию морального самоопределения профессионала, позитивную самоориентацию: через призвание, ответственность, служение, солидарность, через самореализацию, наконец.
- * От односторонних, превратных, нередко искаженных образов кодекса или любого подобного документа, образов не просто различных и спорных, но и прямо ошибочных. Например, *административный* образ заформализованного бюрократического документа для начальственного контроля и санкций. Или, например, образ инструкции по технике безопасности. Или, наоборот, образ ни к чему конкретно не обязывающей декларации. И эти образы не придуманы, в их основе – практикуемые документы регулятивного плана.
- * От догматической интерпретации самой роли кодекса. В том числе от такой практики, когда кодексы проектируются на манер казенно-коллективистской морали в чиновничьем исполнении. В этом случае они приобретают дух административно-правового принципа оценки, но без правовой санкции (хотя и с возможным предвкушением оной). Кодекс в этом случае выступает как прокрустово ложе, лекало, механический ранжир, тре-

бующий лишь одного – наложения нормы на казус. Между тем, оценка другого человека – это тоже поступок и, стало быть, моральное решение. Кодификация, которая поддается соблазну преимуществ стереотипной оценки, имеет весьма отдаленное отношение к нравственности.

КОНКРЕТИЗАЦИЕЙ представления об инвариантной природе этических кодексов, применительно к нормативному ярусу политической этики, был наш *аванпроект* работы над кодексом депутатской этики для Комиссии по депутатской этике Верховного Совета СССР.

Для понимания контекста, в котором появился этот аванпроект, необходимо учесть, что, в отличие от партийной этики, парламентская этика того времени пребывала в эмбриональном состоянии. Вообще-то, парламентская деятельность для советского общества не была новинкой, но тот парламент, которым мы располагали в доперестроечную эру, совершенно не нуждался в какой-то особой этике: ему вполне хватало самых общих правил этикетного приличия, чтобы послушно проштамповывать любые решения, исходящие от партаппарата или исполнительной власти. Поэтому представительная демократия эпохи Перестройки располагала не столько собственными традициями, сколько богатым мировым опытом функционирования норм и санкций кодексов парламентской этики, тщательно разработанными стандартами и ритуалами. В то же время и в нашей стране появились первые ростки собственного опыта нравственного регулирования множества конфликтов между депутатами, аппаратом парламента и его депутатским корпусом, носителями законодательной и исполнительной власти, между Советами разных уровней. Многие конфликты, правда, возникали ввиду отсутствия или же несовершенства статусов народного депутата, из-за неотработанности парламентских церемониалов. Нередко источником конфликта служил перенос «этоса площади» в чинные залы и коридоры парламентских зданий. Случалось и так, что некоторые конфликты их инициаторы пытались «принарядить», представив их в качестве собственно

этических конфликтов, хотя и под микроскопом не удастся разглядеть в их сюжетах хотя бы атомы моральности. Комиссии по депутатской этике оказывались в силу этого перегруженными не свойственными им функциями, в ущерб основному.

ПРЕДСТОЯЩАЯ работа депутатов над Уставом комиссии по депутатской этике, регулятивными принципами, собственно «Кодексом» и другими документами – говорилось в преамбуле «заявки», – актуализирует именно исследовательский подход как в понимании проблемной ситуации, так и в отношении способа создания (а тем самым содержания будущего) Кодекса.

В качестве одного из условий понимания природы кодекса мы предлагали критическое отношение к своеобразной парадигме этики политической деятельности в целом и, конечно, этики депутата – редукции роли морали в политике к запретительской, к нормам-рамкам, к функции флажков, о которых пел В. Высоцкий в «Охоте на волков». Соответственно, аванпроект побуждал к скепсису относительно образа комиссии по депутатской этике как лишь дисциплинарного института, а кодекса депутатской чести – как набора запретов и репрессивных санкций (по материалам работы депутатов было видно, что среди мотивов создания соответствующей комиссии доминировали именно эти подходы). Контрольно-репрессивной мотивации будущего кодекса в духе «Уложения о наказаниях» должна была, на наш взгляд, противостоять мотивация морального самоопределения депутата. Соответственно, комиссия трактовалась не столько как надзирающий и карающий суд, своеобразная «полиция нравов» для парламентариев, сколько как этическая экспертиза и консультирование их деятельности, лаборатория коллективной моральной рефлексии.

Аванпроект заявлял позицию, согласно которой Кодекс – не инструкция-регламент, «где-то» и «кем-то» расписанный и спущенный «сверху» для неукоснительного исполнения. Кодексы профессиональной морали вообще трудно приживаются, но обязательно отторгаются в ситуа-

ции их насильственного приживления. Если и есть у них шанс на эффективность, то лишь в случае, когда они являются итогом морального нормотворчества тех, кому предстоит исполнять эти нормы, когда они – продукт самообязательств.

Особое место в аванпроекте занимал процесс «писания» норм. Мы заявляли, что в теории и практике развития отечественной прикладной этики уже есть апробированный метод «выращивания» такого рода кодексов: этические деловые игры, игровое моделирование ситуаций морального выбора. Именно этот метод в его сочетании с экспертными опросами закладывался в проект.

Этическая деловая игра в отношении к цели проекта должна была явиться средством организации коллективной рефлексии депутатского сообщества по поводу профессионально-нравственных аспектов Кодекса. Сотворчество-соавторство – суть необходимое условие принятия парламентом своих нравственных норм. Норм, которые не только не должны быть «спущены сверху», но и не могут быть привнесены «со стороны», допустим, специалистами в области этики. Нравственная философия (кредо) и конкретные нормы кодекса должны быть выведены из личного опыта депутата, в процессе собственных нравственных исканий, в освоении коллективного опыта предшественников и современников. Этическая деловая игра и есть одно из средств аккумуляции нравственного опыта посредством совместного творчества. Соавторство, собственно, и придает эффективность нравственным нормам. А развитие нравственного потенциала Кодекса в направлении Кредо позволит зафиксировать не только требования общества к корпусу депутатов, но и встречный процесс-манifestацию своих нравственных ценностей перед лицом общества во имя морального доверия с его стороны. Профессионально-нравственная акцентировка норм должна выражать и нравственные претензии общества, и нравственные самообязательства депутатского корпуса.

Обоснование методологии проекта на этом не завершилось. Предполагаемая игра по своему типу идентифи-

цировалась как проблемно-поисковая. Она не должна быть ни просто учебной (в таких играх организаторы обычно заранее знают необходимый научный результат и лишь «подталкивают» к нему участников игры), ни «чисто» практической (в которой исследователи-консультанты берутся помочь заказчику решать реальные конкретные проблемы его организации). Результаты поисковой игры создаются на самой игре; выступая средством проектирования Кодекса, такая игра обеспечивает эффект последующего внедрения результатов. Экспертно-консультационная позиция разработчиков, акцентирование этических аспектов игрового поиска способствует адекватному решению профессионально-нравственных задач Кодекса.

ЭТАП СОГЛАСОВАНИЯ «заявки» на исследовательский проект с представителями Комиссии по депутатской этике Верховного Совета СССР и Комитета по работе с Советами показал, во-первых, совпадение взглядов «заказчика» и формирующегося целевого научного коллектива относительно предназначения комиссии по этике и кодекса: комиссия не должна стать «судилищем», а кодекс – дисциплинарным уставом. Обнаружилось взаимоприемлемое представление о методе создания Кодекса, смягчающем риск его отторжения депутатами (в случае «административного пути» его создания и «внедрения»). В выступлениях членов комиссии, обсуждавших «заявку», были предложены конкретные направления исследования «парламентской конфликтологии», которые, прежде всего, – разработка этикетной части будущего кодекса.

В то же время еще предстояло найти удовлетворительное решение по ряду вопросов как сугубо теоретического, так и прикладного характера. Процесс этого поиска предполагалось активировать с помощью экспертного опроса среди заинтересованных исследователей и народных депутатов. Результаты такого опроса планировалось – как, например, это было в проекте по экспертизе партийной этики «Партия в ситуации выбора» – положить в основу игрового моделирования.

А дальше произошли события августа 1991 года и «заказчик» ушел с политической сцены.

Но исследовательский проект не потерял своей актуальности. Необходимость гуманитарной экспертизы и консультирования парламентской этики в рамках трансформации представительной власти только усилилась. В ожидании нового «заказчика» мы сосредоточили внимание на вопросах методологии и методики.

ЕЩЕ ОДИН шаг в конкретизации представления об инвариантной природе этических кодексов применительно к нормативному ярусу политической этики – опыт нашего участия в экспертно-консультативном совете комиссии по депутатской этике Госдумы третьего созыва, развернувшей работу над кодексом. Этот опыт интересен двумя аспектами: характеристикой проблемной ситуации, во-первых, критическим анализом стремления комиссии по депутатской этике и ряда экспертов заимствовать зарубежный опыт разработки стандартов – во-вторых. Обратимся к стенограмме нашего доклада на Парламентских слушаниях «О состоянии и перспективах формирования системы парламентской этики в России»²¹⁶.

Рискнем начать наше выступление с двух метафорических эпитафий. Первый из них дает образ отношения исследователя к теме «парламентская этика». Второй – образ отношения депутатского корпуса к своей системе ценностей и норм.

Итак, первый эпитафия. В прошлом году «Клуб 2015» выпустил материалы своей работы под названием «Сценарии для России». Три альтернативных прогнозных варианта в простых бытовых терминах трактовались так: первое – надо собираться и уезжать; второе: самим можно и остаться, а вот детям здесь заведомо делать нечего; третье: и у нас самих, и у наших детей есть время и место для нормальной жизни.

Представляется, что и в отношении к исследовательской работе над проблемами парламентской этики есть три сходных

²¹⁶ См.: Парламентская этика в России / Под ред. В.И. Бакштановского. М.: Издание Государственной думы, 2002. С. 21-31.

сценария. 1) Бежать от этой темы подальше, ибо какая же может быть этика в деятельности наших парламентариев, известных как средоточие всех возможных грехов. Что политическая этика, что предпринимательская – парадокс в самом названии! 2) Исследовать-то, может быть и надо, но с предельной настороженностью и критичностью – как бы незаметно не стать адвокатом депутатских нравов. 3) Вполне привлекательный предмет исследования, отличная возможность проявления научного любопытства за казенный счет.

Если бы мы выступали не сегодня, а 10 лет назад, когда принесли свой проект в депутатскую комиссию Верховного Совета СССР, то, наверное, выбрали бы третий сценарий. И это было бы естественно для того окрыленного надеждами времени. А сегодня? Первый вариант? Но до такого катастрофизма мы лично еще не дозрели. Да и вообще, в чистом виде нам, как исследователям проблем парламентской этики, не нравится ни один из трех вариантов. Первый – уже тем, что в нем не различается мораль как должное – и практикуемые нравы как сущее. Второй – тем, что отводит деятельности исследователя лишь две роли – либо адвоката, либо прокурора. Третий – своей наследственностью, геном соцреализма.

Поэтому мы сконструировали еще один – понимающий – вариант. Он позволяет увидеть отечественную парламентскую этику на реальной шкале исторического времени, т.е. в совершенно определенной – переходной – ситуации, как *становящуюся* этику, имеющую свой шанс.

В качестве второго эпиграфа, содержащего сценарии возможного отношения самого депутатского корпуса к своей системе ценностей и норм, обратимся к сказочному образу перепутья, развилки, перекрестка дорог и придорожного камня, на котором богатырь читает прогноз каждого из вариантов решения: направо пойдешь... налево пойдешь...

На наш взгляд, российские депутаты, размышляющие о ценностях и нормах своей профессии, тоже находятся на перепутье. Им тоже предстоит выбор того или иного отношения к проблемам своей профессиональной этики. Только не в роли читателя. Горе это или радость, но готовых надписей на каменном указателе они не найдут. Прогноз каждого из вариантов своего понимания природы и путей развития парламентской этики нашему депутатскому корпусу предстоит написать самому. Депутаты в этом смысле не просто не *читатели*, но *писатели*.

И без анекдотического смысла, который может кому-то послышаться. А наше выступление – попытка показать, что парламентской корпорации, в целом, предстоит определиться на этом перепутье. Определиться и принять некоторые решения, которые и станут надписями на придорожном камне, или, иначе говоря, принципами и нормами кодекса российской парламентской этики.

Далее мы представили эскиз программы поиска некоторых из предстоящих в этом плане решений. (Естественно, в этой программе повторялись некоторые моменты аванпроекта, представленного выше.)

...Мы исходим из трактовки переживаемого периода существования парламентской этики в России как пренатального. Отсюда неизбежно особое внимание к соответствующему международному опыту. Депутатскому корпусу предстоит определиться в отношении сходства и различия традиций разных стран в понимании природы парламентской этики.

И в этой связи корпорации парламентариев предстоит определиться в вопросе о том, в каких пропорциях сочетать в парламентской этике требования этикета, регламента поведения – и собственно этических принципов и норм. И более сложное решение – уместно ли ограничить будущий этический документ лишь нормами кодекса? Достаточно ли для депутатов, если в таком кодексе будут подробно, детально, тщательно расписаны правила, определяющие прозрачность финансовой деятельности депутата, декларацию его интересов и нормы честного лоббирования? Или даже, если в кодекс будут вписаны и некоторые принципы, например, принципы честности, неподкупности? Может быть, – это предстоит решить депутатам – кроме этикетных правил и норм кодекса отечественный документ парламентской этики должен содержать еще и мировоззренческие основания – Кредо?

Депутатам предстоит решить: каковы моральные основания и принципы работы членов этической комиссии? Прежде всего, основания претензий членов комиссии на моральную оценку других людей и на соответствующие санкции.

Откуда взялся этот вопрос? Известно, что именно мораль обязывает к предельной осмотрительности в оценках поступков других людей. А в залах и кулуарах парламента ярко проявля-

ется неумное желание политиков использовать негативные моральные оценки в отношении своих противников, оппонентов. В России на парламентских нравах сказались разбухшие политические или околополитические страсти значительных слоев населения. Подобные страсти высвобождают здесь энергию распада, импульсивность, податливость всевозможным слухам, ненависть, мстительность, злобу. Полемика нередко доводится до уровня моральной нетерпимости фанатиков, когда противники преподносятся публике не просто как люди, совершившие не очень благовидные поступки, но чуть ли ни как носители сатанинских начал, как те, кто рискнул заключить «пакт с дьяволом». При таком оценочном своеволии мораль, из способа обеспечения сотрудничества и согласия между людьми и организациями, становится своим антиподом. И тогда политическая игра в стенах российского парламента ведется без правил.

Так может ли парламентская этика позволить кому-либо выступать от имени Морали, судить-рядить кого-либо, кроме самих себя? Парадоксальность практики моральных оценок, как известно, заключается в том, что тот, кто мог бы выносить такие оценки другим, не станет того делать, сознавая собственное несовершенство, а тому, кто готов выносить моральные «приговоры» другим, нельзя этого доверять именно потому, что он готов произвести оценку, обнаруживая тем самым известное самодовольство.

Может быть, депутатский корпус примет в качестве позитивного аргумента в решении этого парадокса соображения, согласно которым профессиональные моральные кодексы, включая и этику депутатства, – в отличие от кодексов межчеловеческого общения – не содержат запрета на оценку? Все профессиональные кодексы, начинающие проповедовать воздержание от моральных оценок других людей, немедленно утрачивают свое назначение – быть средствами обеспечения эффективности и успешности специализированной человеческой деятельности. В этих утверждениях мы исходим из того, что нормативно-ценностная регуляция на основе профессиональных кодексов имеет притязательный характер, то есть, предполагает обязательность, долженствование – и не только направленные субъектом на самого себя, но относящиеся к другим людям. Этим свойством такая регуляция роднится с правом, не утрачивая, впрочем, специфичности собственно моральной регуляции и ориентации поведения.

Вопросы и предложения по их обсуждению, которые мы формулируем здесь как задачи для депутатов, готовых быть не только читателями сценариев на придорожном камне, но и писателями, не имеют ответов, которые бы располагались в некоем «решебнике», обычно находящемся в конце школьного задачника. Но и сказать, что депутат обречен на одиночество в решении этих вопросов, неправомерно. Есть несколько оснований для поиска решения названных выше дилемм.

ПЕРВОЕ основание – характеристика этики депутата как *этики политического успеха...*

ВТОРОЕ основание: отношение к этике депутата как к ориентиру *в ситуации морального выбора*. Уже само стремление согласовать установки на *успешность* своей деятельности с политической *честностью* нередко ставит депутатов перед труднейшим *моральным выбором*. Мы имеем в виду ситуации, в которых приходится поступиться одной нравственной ценностью ради осуществления другой – иногда нет решения без подобной жертвы. Депутатам, не заглядывая в «святцы» кодекса, предстоит самим сделать верный выбор и взять на себя всю ответственность за него, за его ближайшие и отдаленные последствия.

Если депутат – не пассивная, демонстрационная фигура в политике, неведомо как очутившаяся на парламентских скамьях и в полудремотном состоянии отбывающая свою повинность, то ему не уклониться от действий в нравственно конфликтных ситуациях. Нет таких реальных политиков, которых судьба избавляла бы от необходимости осуществлять моральный выбор между ценностями и нести за него ответственность в полную меру. А это означает политический и моральный *риск*, который тяжким грузом ложится на совесть депутата.

ТРЕТЬЕ основание: понимание этики депутата как единства Кredo и Кодекса. Предстоит преодолеть известную инерционность в использовании прилагательного «этический» в применении к кодексу политического поведения депутатов. В соответствии с этой инерцией кодекс фиксирует лишь *минимум* моральных требований и корпус этикетных предписаний, да и то не в чистом виде, а только в связи с правовыми и административными нормами. Однако и депутатская корпорация, и общество нуждаются в манифестации этой корпорацией своих профессионально-нравственных ценностей *перед лицом общества* во имя морального доверия с его стороны.

Становящейся парламентской этике в России важно на данном этапе сформулировать свое Кредо – это значимая задача стадии *первичной самоидентификации* депутатской этики. Российский парламентаризм так и не смог до сих пор проявить интенсивный поиск национальной (не этнической или этно-имперской) *идентичности*. Кредо российского депутатства остается несфокусированным, крайне расплывчатым, не проясненным как для него самого, так и для общества, интересы которого и представляет представительная власть (во всяком случае, именно так это манифестируется). Ведь речь идет не о нравственных достоинствах или недостатках депутатов (хотя и это весьма существенно) и не об имидже, который они охотно демонстрируют общественному мнению, и которым, как им мнится, они располагают реально. Нравственное Кредо депутатства – это, прежде всего, ценности призвания и служения такому Делу, как выражение и защита общественного блага во властных структурах...

В заключение своего выступления мы еще раз вернулись к теме идентичности этики российского парламентаризма.

...Пять лет назад, в своей первой статье о парламентской этике в России²¹⁷, мы употребили по отношению к ее состоянию характеристику *«догоняющее развитие»*. Уместно ли и сегодня сохранить такой диагноз? И что с ним делать?

Как известно, радикальный перенос политических институтов либеральной цивилизации на наш скудный подзол не был фундирован за счет соответствующих социокультурных смещений и преобразований. В итоге в очередной раз была воспроизведена циклично-прерывная ситуация раскола общества. Не произошло синтеза традиционализма и модерна, необходимого для плавной эволюции политической системы. И не удивительно, что страна сравнительно безболезненно восприняла почти все формы и формулы, структуры и механизмы современного парламентаризма, но не успевала освоить ни соответствующую

²¹⁷ Речь идет о статье: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха: кодекс и кредо российского депутатства // Этика успеха. Вып. 6. Тюмень-Москва, 1995.

щую политическую логику, ни ценностный язык политики, ни соответствующую этику. Парламентские институты были трансплантированы чуть ли ни в одноразовой операции, тогда как порождающий и развивающий их дух оказался не востребуемым. По крайней мере, в объемах, достаточных для *одухотворения* деятельности этих институтов. До сих пор он, как не только нам кажется, не сумел прописаться в национально-культурном контексте.

Собственно говоря, дух парламентаризма, его этику невозможно «освоить» в виде какого-то привлекательного и хорошо упакованного серийного продукта духовного импорта. Можно и, безоговорочно, нужно использовать мировой опыт парламентаризма, но *насадить* его нельзя ни коим образом: эффект отторжения последует без промедления или не заставит себя долго ждать. Опыт должен упасть на хорошо взрыхленную и обильно удобренную почву, чтобы дать всходы. А не на такую почву, где парламентские традиции или вовсе «не ночевали», или их семена были тщательно выполоты.

Меньше всего мы желали бы очутиться в стане сторонников «*особого пути*». Тем не менее, необходимо сказать: чтобы российская парламентская этика органически вписалась в нашу культуру, а не навязывалась ей на манер петровских ассамблей, эта этика должна быть продуктом *инновационного* акта. Акта творчества именно российской демократии. До сих пор такой акт еще сильно запаздывает или протекает крайне вяло.

Может быть, парламентские слушания и станут началом инновации?

В РАМКАХ работы Комиссии по депутатской этике Госдумы РФ над кодексом парламентской этики был проведен «круглый стол» на тему «Публичная политика: российский контекст и британский стандарт»²¹⁸, на котором, как и на Парламентских слушаниях, был презентован зарубежный опыт работы со стандартами парламентской этики. Выступая на «круглом столе», Н. Викс, председатель Комитета по стандартам в публичной сфере (Великобритания), отметил, что этот комитет «должен был исследовать

²¹⁸ Парламентская этика в России / Под ред. В.И. Бакштановского. М.: Издание Государственной думы. С. 71-132.

довать стандарты поведения лиц, занимающих государственные должности, включая нормы и процедуры, регулирующие финансовую и коммерческую деятельность, а затем предоставлять рекомендации по внесению в существующие механизмы изменений, необходимых для обеспечения более высоких стандартов благопристойности в публичной сфере».

Выступая на «слушаниях», В. Бейрд, главный консультант Комиссии по этике Сената США, отметил, что в процессе создания парламентских кодексов «шла дискуссия о том, принимать какие-либо четкие, детально прописанные правила поведения или ограничиться какими-то общими принципами – “кредо депутата”, как здесь было сказано. В результате было принято решение, что необходим некий набор запретительных правил, которые я называю правилами, предотвращающими искушение». Так, «для того чтобы ограничить возможности подкупа депутатов при исполнении ими своих служебных обязанностей, было принято решение о необходимости введения правила ограничения приема подарков вне зависимости от источника дарения и от того, связано ли дарение с исполнением служебных обязанностей или нет».

Обратим внимание, что предложенный здесь формат «этического стандарта» весьма далек от формата моральной нормы. В подтверждение этого вывода приведем рассуждение одного из участников слушаний, директора правового отдела Фонда развития парламентаризма в России, А.С. Автономова, поддерживающее идею заимствования отечественным парламентаризмом зарубежного опыта разработки формата «этический стандарт» и наглядно показывающее, что в основе этого формата – детально расписанные внешние (внеморальные) регулятивы. Утверждая, что «внешнее регламентирование людей при всей его формалистичности необходимо», автор отдает себе отчет, что при создании кодекса в этом формате «моральные нормы... превращаются в чисто внешние, регулирующие поведение того или иного человека в виде свода правил вне зависимости от того, готов ли внутренне человек к

их использованию». И все же заключает: «такой кодекс, конечно, нужен»²¹⁹.

Анализ позиций сторонников внедрения в отечественную практику культивирования парламентской этики формата «этический стандарт» побудил нас при формулировании предложений Комиссии по депутатской этике Госдумы РФ *проблематизировать* зарубежный опыт кодифицирования деятельности депутатов. В своих предложениях мы привели аргументы, определяющие *интервал эффективности* «этических стандартов».

ЭФФЕКТИВНОСТЬ нашей работы в экспертно-консультативном совете? Могла быть ниже. Могла быть выше. Это видно по одному из выступлений председателя Комиссии Г. Стрельченко. «По мнению Комиссии Государственной Думы по этике, будущий этический кодекс должен быть создан на следующих основаниях. Во-первых, ...при составлении кодекса необходимо опираться на первые ростки собственного опыта нравственного регулирования конфликтов в депутатском корпусе, включая опыт Комиссии Государственной Думы по этике и аналогичных комиссий местных законодательных органов.

Во-вторых, кодекс должен стать итогом морального нормотворчества самих депутатов – тех, кому и предстоит исполнять эти нормы. ...Мы полностью согласны с теми исследователями, которые полагают, что этический кодекс может быть эффективным при условии, если депутаты сами должны стать его создателями и соавторами. То есть конкретные нормы кодекса должны быть сформулированы на основе индивидуального или коллективного опыта депутатов, полученного в процессе их собственных нравственных исканий. Комиссия надеется на то, что совместно ...с тюменским Центром прикладной этики, другими заинтересованными организациями нам удастся реализовать проект создания кодекса, используя, в том числе, и методы игрового моделирования, предполагающего анализ де-

²¹⁹ Парламентская этика в России. С.31.

путатами ситуаций морального выбора и выработку вытекающих из этих ситуаций самообязательств.

В-третьих, наряду с самообязательствами депутатов, непременно следует учесть нравственные требования к депутатам со стороны избирателей, общества в целом. Самообязательства и требования надо соединить так, чтобы они действовали как единые нормы.

В-четвертых, кодекс не должен быть ни тщательно расписанной инструкцией, ни дисциплинарным уставом. Если вы согласитесь, то наш будущий этический кодекс должен стать подспорьем для самооценки депутатами своей деятельности.

В-пятых, хотя, как только что было сказано, кодекс – не инструкция, однако без сформулированных в нем стандартов, правил, требований и образцов нам, по-видимому, не обойтись. Ведь с их помощью нам предстоит пресекать имеющие место в депутатской среде факты оскорбительных высказываний, грубости, нетерпимости к чужому мнению, развязности и т.п. Создавая такие стандарты, модели и правила, мы предлагаем депутатам некоторые моральные ориентиры».

А в рекомендациях Парламентских слушаний на тему «О состоянии и перспективах формирования системы парламентской этики в России» было намечено: «учитывая исключительную важность создания этического кодекса парламентского поведения для формирования всей системы парламентской этики в России, разработать и утвердить в марте-апреле 2001 года на заседании Комиссии Государственной Думы по этике план основных мероприятий по его созданию. Привлечь для подготовки кодекса научные и общественно-политические учреждения, занимающиеся проблемами парламентаризма в России. Особое внимание при создании кодекса обратить на разработку мировоззренческих оснований депутатской этики, формирование побудительных, поддерживающих депутата моральных ценностей и ориентиров, составляющих кредо депутатской этики. ...Включить в планы работы Аппарата Государственной Думы на 2001-2002 годы пункт о разра-

ботке проекта кодекса на основе серии интерактивных семинаров с участием депутатов, экспертов, представителей общественности».

Можно ли желать большего? Но, во-первых, параллельно с деятельностью экспертного совета шла аппаратная работа над текстом кодекса. Работа над документом в формате между регламентом и этикетом.

Во-вторых... Пришло время Государственной Думы 4-го созыва. Проект был остановлен. Это не остановило деятельность нового состава комиссии, вдохновляемой административными мотивами: «Изучив трехлетний опыт, мы отдали в правовое управление документ, назвав его приложением к внутреннему распорядку Государственной думы», – говорил новый председатель на пресс-конференции с характерной формулировкой темы «Кодекс депутатской этики: за что и как будут наказывать депутатов». И далее: «в законе о статусе депутата записано, что депутат не имеет права нарушать этику, установленную регламентом Государственной Думы. Члены комиссии подготовили алгоритм ответов на основные вопросы избирателей, в том числе вопросы о посещаемости. В неделю приходит 10–15 писем: “Когда примете меры, почему депутаты не ходят на заседания, почему нам показывают пустой зал?! Мы их избрали, а они не хотят работать!”. Поэтому в своем проекте члены комиссии оговорили и такую ситуацию. И предложили применять материальное наказание депутата». Что подарило одному из журналистов заголовок: «Депутатам готовят не райский кущи» (обыграна фамилия председателя комиссии Г. Райкова).

ЗАВЕРШАЯ характеристику нормативно-ценностной системы политики, подчеркнем, что фактически мы уже начали предъявление потенциала этико-прикладного знания как *проектно-ориентированного* знания в сфере политической этики. Следующий параграф непосредственно посвящен характеристике «встречного движения» политической морали и политической этики. Но уже содержание заверченного параграфа позволяет говорить об утопичности идеи «внедрения» некоего *готового* этико-приклад-

ного знания в практику. Реалистична же идея *производства* этико-прикладного знания в процессе «встречного движения». В том числе опыт создания *польдеров*, стимулированных реальными политическими проблемами.

3. Политическая этика как проектно-ориентированное знание

3.1. Освоение инновационных ситуаций трансформирующегося политического этоса

ИДЕАЛЬНАЯ ситуация для развития политической этики (политической морали и этико-прикладного знания о ней) – формирование *проблемной* ситуации, характеризующейся кризисом доминирующей нормативно-ценностной системы, с одной стороны, неразвитостью этического знания, потенциала его участия в трансформации этой системы – с другой. Синхронный вызов-заказ создает условие для существенных инноваций во «встречном движении науки и практики».

Доказательством этому тезису служат наши проекты времен переходного периода от советского к постсоветскому типу общества. В формировании нашей концепции политической этики, разумеется, «имели место» внутринаучные мотивы, академические интересы – например, «экспансия» в поисках «территорий», не освоенных разрабатываемой нами концепцией прикладной этики. Но решающий ангажирующий мотив шел из реальной ситуации, из анализа обсуждаемых обществом способов разрешения его кризисного состояния, из вселенского перестроенного-постперестроенного хаоса: не случайно некоторые из наших работ написаны в формате научно-публицистических монографий. Лишь откликнувшись на актуальную проблематику, мы смогли далее пойти путем развития ряда сфер этико-прикладного знания, в том числе политической этики, взяв в качестве основного предмета феномен «первоначального накопления» ценностей этики политического успеха.

СОСРЕДОТАЧИВАЯ здесь внимание на ситуации выбора в политическом этосе эпохи Перестройки, отметим, прежде всего, что это Время мы трактовали как инновационную ситуацию морального выбора²²⁰. Одно из институционализированных оформлений этой трактовки на старте Перестройки – *экспертная инициатива* «Самотлорский практикум» (название инициативы принято на многодневной этической деловой игре «Нравственная жизнь, воспитательная деятельность, воспитание воспитателей: гуманитарная экспертиза и консультирование», г. Нижневартовск, 1987). Задачи этой инициативы: диагностика моральной ситуации в обществе в формате экспертно-консультативных опросов (точнее – двух туров одного опроса): «Самотлорский практикум – 1» и «Самотлорский практикум – 2»), в рамках которых большой группе ученых-этиков, философов, социологов, психологов, публицистов был предложен круг вопросов, объединяемых темой «Перестройка как ситуация выбора»; попытка «зримого колледжа» гуманитариев вырастить в качестве социально-нравственной инновации гуманитарную (средствами гуманитарного знания, centered вокруг этико-прикладного знания) экспертизу и консультирование ситуации выбора в нравственной жизни обновляющегося общества.

Кстати, идея этического консилиума в формате экспертных опросов (с последующим включением экспертных материалов в многодневные этические деловые игры) оказалась плодотворной. Гипотеза, на наш взгляд, «сработала». Многие из диагностических и прогностических оценок, содержащихся в экспертных текстах тех лет, значимы и сегодня. И через двадцать лет мы вернулись к тому проекту. В основе нового проекта – «“Двадцать лет спустя”: экспертиза-консилиум моральной ситуации в российском обществе» – гипотеза о том, что современная ситуация в нашем обществе является *новым* перепутьем, си-

²²⁰ См.: Бакштановский В.И. Перестройка как ситуация выбора: проблемы гуманитарной экспертизы и консультирования (Послесловие редактора) // Самотлорский практикум. Тюмень, 1987.

туацией выбора обществом ценностных ориентиров своего развития. (И, тем самым, новый вызов развивающейся прикладной этике.) Мы полагали, что прошедшие 20 лет являются серьезным основанием для повторения экспертного опроса. И дело не только в юбилее «Самотлорского практикума». Представляется, характер переживаемой Россией новой ситуации выбора не исчерпывается финансовым, экономическим, политическим кризисами. У этих кризисов есть системное основание, которое проявляется в кризисе веры в идеалы и ценности модернизационных реформ. Иначе говоря, речь идет не просто о принятии-непринятии обществом *инструментальной* части модернизационного проекта, применяемых для модернизации страны средств. Предельная напряженность современной ситуации выбора связана, прежде всего, с разочарованием в ценностной *ориентации* модернизационного проекта, в тех смыслах, которые *оправдывали* новое самоопределение России²²¹.

Вернемся в эпоху Перестройки. Конкретизируя экспертную оценку формирующейся в обществе ситуации как ситуации реабилитируемого выбора, содержащей шанс смягчения морального отчуждения, сформулировав проблему мировоззренческой и социально-технологической (не)готовности общества не упустить этот шанс в напряженных, нравственно-конфликтных ситуациях переходного периода (когда особенно трудно принимать ответственные решения, соотносить цели и средства), мы интенсифицировали разработку и применение идеи-технологии гуманитарной экспертизы как испытания ситуацией морального выбора.

Модель проектно-ориентированного освоения проблем выбора ситуации Перестройки, воздействия на самореформирование политического этоса, проявилась в трех аспектах: в отношении политики освоения нефтегазового

²²¹ См.: Этический консилиум. Ведомости. Вып. 29. 2006.

региона²²², в сфере этно-национальной политики²²³ и в сфере партийной этики (которая, в условиях единственной партии, приобретала масштаб политической этики).

Представляя здесь лишь один из проектов на темы политической этики того времени – «Партия в ситуации выбора», отметим, что из сегодняшнего дня хорошо видно, как правящая партия стремилась реформировать политический этос, не произведя принципиальных смещений в самой социально-политической системе общества. В то же время, было бы опрометчивостью утверждать, будто у позиции умеренного самореформирования системы и ее политического этоса вообще не было никаких шансов хотя бы на временный и относительный успех, что она может быть квалифицирована лишь как радикальный утопизм. Как в материально-организационных, так и в идеолого-политических структурах общества уже накопились неофициальные, неформальные отношения типа бюрократического рынка, теневой экономики, опыт политических обменов, торга, компромиссных соглашений различных элит между собой и с массами, нецензурированного рынка культуры, не говоря уже об общих достижениях модернизации – пусть и патомодернизации – страны. В числе этих достижений образовательный потенциал, урбанизация, городская культура, научные завоевания, утилитаристские (еще не либеральные) установки и рационализм массового сознания. Эти отношения оказались продуктом циклически возобновляемого раскола в обществе, но, при определенных условиях и при наличии политической воли, они, вероятно, могли стать благоприятствующими факторами умеренного реформизма.

Партийная этика в эпоху тоталитаризма претерпела существенные трансформации: с одной стороны, она выродилась в пустую ритуалистику, а с другой – претендова-

²²² Мы уже рассматривали это направление в предшествующем параграфе.

²²³ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. С. 469-480.

ла стать ядром этатизированного этоса, исходной мотивации общественной нравственности во всех ее конкретизациях. Распад тоталитарной системы привел к ситуации морального кризиса, упадку данного этоса, но, вместе с тем, были и попытки реставрации партийной этики как этики партийной деятельности, а не как идеального образца для морали всего общества. Какова же была парадигмальная перспектива развития партийной этики?

Не следует забывать, что она помогла становлению важнейших элементов политического этоса демократизирующегося общества. Поэтому важно было определить вероятные пути развития партийной этики. Обязательной предпосылкой для обсуждения этих путей было предварительное изучение представлений о будущем самой партии в контексте гуманизации всего общества, когда стали обновляться мотивы социалистического выбора, меняться соотношение идеалов, целей и средств (средствам предстояло «оправдать» цели), а стало быть, и соотношение свободы и ответственности, социальной справедливости и человеческого достоинства. Принципиально важно было знать, какую партию (партии) *изберет* себе общество обновляющегося социализма и какие из вырабатываемых обществом политических и моральных идеалов *выберет* себе обновляющаяся партия, предопределив тем самым и свою новую этическую парадигму.

ИМЕННО с этой целью и была предпринята попытка гуманитарной экспертизы и консультирования основных моделей развития партии в критический момент выбора ею своего нового облика. И в январе 1990 года научно-консультационный Центр парткома Агентства печати «Новости», Ленинский райком КПСС г. Москвы, Вахитовский райком КПСС Татарской АССР совместно с Ханты-Мансийским окружкомом КПСС Тюменской области и лабораторией прикладной этики Института проблем освоения Севера СО АН СССР провели в рамках общепартийной предсъездовской дискуссии *научно-политический практикум* «Партия на пути к правовому государству: ситуация выбора».

Практикум был построен на методах экспертного опроса и этико-прикладных игр²²⁴. Такие игры, обладая атрибутивным признаком феномена игры – способностью воспроизводить, моделировать все виды человеческой деятельности благодаря эффекту двуплановости серьезно-условного, характеризуются «проживанием» реальных ситуаций выбора в искусственных условиях, имитированием решений, оценок, поступков в обстоятельствах выполнения той или иной роли и т.п. Вариабельность условий, решений, оценок, поступков, возможность и необходимость акта выбора, поиска творческого решения особо важны для деловой игры как таковой. Технология этико-прикладных игр отличается особым вниманием к деятельности участников игр как субъектов морального выбора. Столкновение традиции и инновации, конфликт ценностей, принадлежащих разным нормативно-ценностным системам, экзистенциальный риск морального выбора, ориентация на успех и самоопределение к его этосу, решение проблемы цели и средств в моральном выборе – значимые предметы игрового моделирования.

В предложенной участникам игры программе обосновывалась актуальность темы экспертизы сценариев-моделей обновления партии и мотивировался ее метод. Акценты: «вариативность путей развития советского общества, правящей партии, подход к перестройке как ситуации выбора обусловили конструирование ...механизма общественной экспертизы альтернативных вариантов выбора», сосредоточенность «на нормах и ценностях этики политической деятельности», на задаче активирования «моральной рефлексии в процессе подготовки политических решений». Специально проблематизировалась целесообразность именно игрового метода экспертизы: «До “игр” ли нам сегодня? Не уход ли это от реальности в выдуманый

²²⁴ См.: Бакштановский В.И. Лаборатория в Храме Свободы (III). Аксиология и прaksiология этических деловых игр. Тюмень: ТНЦ СО АН СССР, 1990; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Гл. 11.

мир, в “игру в бисер”? “Игра в демократию”?! Паллиатив действительной политической активности? Выдуманнные ценности и нормы вместо жесткой этики политической борьбы?». Программа обращала внимание участников игры на то, что в сценарий, который предстояло им разыграть, заложена имитация вероятного поведения «различных течений, позиций, групп и отдельных членов партии в условиях, которые возникнут, если реализуется та или иная дискутируемая модель партии». Речь шла об экспертизе «экспериментально испытываемого взаимодействия (с точки зрения самой его возможности и реальных путей) всех позиций, которые вовлечены во время экспертизы в прогнозируемую и проектируемую ситуацию, а соответственно, о моделировании “плюсов” и “минусов”, характеризующих нововведения».

Обстоятельно трактовалась роль условности игровой деятельности: ее правдоподобность, вероятностный характер ситуаций должны снять целый ряд проблем «реального эксперимента и защитить участников экспертизы от последствий того риска, на который они идут при выборе той или иной модели. Именно риска, ибо игра – социальное изобретение для освоения нового, для приобретения опыта, в котором нет учителей, это социально-технологическая лаборатория, в которой “исследователь” и “объект” – в одном лице, это эксперимент на самих себе». Из программы следовало, что условность ситуации, в которую вовлекались участники экспертного практикума, должна была позволить совершить невозможное в реальной жизни: «прожить» все возможные сценарии-модели выбора, испытать каждый из прогнозов. Чтобы успеть за временем – в реальной жизни оно шло быстрее, чем находились ответы на вопросы, вызванные инновационными ситуациями, – его предстояло «свернуть», ускорить, интенсифицировать опыт проживания ситуаций, сценарного испытания каждой альтернативы.

В программе специально определялись игровые обстоятельства, «правила игры», необходимые для экспертизы альтернативных моделей и конструирования

переходной технологии обновления партии: «Экспертиза концентрируется на действиях секций условного клуба, объединившихся вокруг каждой из испытываемых моделей, на самоопределении лиц и групп, для которого у многих из нас просто нет положительного нравственного опыта, ибо в предшествующих ситуациях развития общества этот опыт в его позитивном выражении не запрашивался».

Следующий фрагмент программы этой экспертизы показывает, как для участников игры обеспечивалась свобода выбора: «Сейчас вы войдете в зал, разделенный на секторы. Членам клуба – в зависимости от выбранной ими модели – выделены отдельные ряды. Зарезервированы и места для возможных новых моделей. Игра содержит элементы ролевого поведения, что предполагает выбор не обязательно согласно личным убеждениям эксперта, но и возможность, так сказать, “влезть в шкуру” оппонентов. Для тех, кто еще не определился в отношении к той или иной модели или не принял нормы кодекса клуба, также выделены секторы зала». И авторы программы обращались к участникам с особой просьбой: «Задержитесь на мгновение перед входом. Прочитайте на “придорожном камне” модельные варианты платформ. Простите за известную категоричность вопросов, но, пожалуйста, взвесьте перед выбором одной из моделей свои предпочтения: несут ли в себе предлагаемые модели шанс на разрешение проблемы? Содержит ли ситуация подлинный выбор? допустима ли для конфликтующих моделей ориентация на победу? Можно ли рассматривать выживание общества как высшую ценность консенсуса сторонников каждой модели? Вам предстоит серьезная работа, у вас есть возможность повлиять на ход и результаты партийной дискуссии, на формирование важных политических решений, уровень демократичности и гуманистичности процесса их подготовки и их результатов».

Примененный на практикуме метод игрового моделирования акцентировал потенциал технологии сотворчества, диалогизировал поиск, ибо не «подгонял» ответы к

тем, что даны «в конце задачника», а «выращивал» их. Особенность предмета моделирования – акцент на нормах и ценностях этики политической деятельности, активизирование моральной рефлексии в процессе подготовки политических решений.

В обращении к участникам-экспертам специально определялись *игровые обстоятельства*, «правила игры»: «Условная ситуация, в которой нам предстоит прожить два дня, – собрание партийного клуба “Консенсус”, созданного на территории партийного округа в период подготовки к выборам делегатов будущего съезда партии. Участники практикума – члены и гости клуба (в зависимости от того, принимают они или не принимают нормы Кодекса клуба). Какие нормы? Это, во-первых, сознательное разделение членов клуба на секции, ассоциации, фракции и т.п. по приверженности к одной из моделей развития партии. Во-вторых, метод консенсуса в принятии решений (нет проигравших и победителей, все результаты вырастают из компромиссов между позициями каждой секции).

Инициативный научно-практический коллектив организаторов рассматривал участников практикума как коллективный субъект экспертизы и консультирования вариантов демократической и гуманистической технологии разрешения ситуации выбора. Мы проверяем рабочую гипотезу, согласно которой модели обновления партии могут быть интегрированы в единую платформу для выбора делегатов на съезд – если сторонники всех вариантов социалистического выбора попытаются создать механизм сотрудничества, соглашений, компромиссов как единственный способ обеспечения гражданского мира, выживания общества.

Экспертиза концентрировалась на действиях секций, объединившихся вокруг каждой из испытываемых моделей, поведении лиц и групп, борющихся не друг с другом, а за общую цель – победу *над проблемой*. Экспертиза здесь обращена к самому трудному акту в жизни каждого человека – к его выбору, самоопределению, к тем качествам человека, для консультирования которых у многих из

нас просто нет положительного нравственного опыта, ибо в предшествующих ситуациях развития общества этот опыт в его позитивном выражении не запрашивался».

Перед участниками практикума стояли следующие задачи: диагностика альтернативных моделей, определение узловых моментов интегративной модели, конструирование переходной технологии обновления партии. Решение указанных задач предполагало и результат, достигаемый экспериментом, репрезентируемым по социологическим критериям, и потому содержащим диагностические и прогностические элементы.

Для экспертизы были предложены следующие модели.

Модель 1. Партия переживает тяжелые времена, но не кризис. Она остается, в целом, здоровым институтом, хотя и требующим перестройки. При этом ни о какой особой «ситуации выбора», ни о каких принципиально новых «вариантах», «моделях» речь не идет. Партия должна по-прежнему оставаться руководящей и направляющей силой общества, ядром политической системы. Общество должно оставаться однопартийным, учитывая сложившиеся традиции, отсутствие у значительной части трудящихся политического опыта.

При этом очевидно, что новый этап общественной жизни требует обновления партии в том, что касается форм и методов партийной работы: применительно к новым условиям, они должны стать более гибкими и разнообразными. Принцип демократического централизма, обеспечивающий единство и боеспособность партии, должен быть и сохранен, и упрочен. В партии недопустимы платформы, различного рода группы, а тем более фракции. Как никогда важна чистота рядов КПСС. Партия должна очиститься от кадрового балласта и дискредитирующих ее членов.

Модель 2. Партия переживает кризис из-за отхода от ленинских принципов внутривнутрипартийной жизни и руководства обществом. В силу глубины кризиса выбора у партии нет: условием ее выживания и, соответственно, выжива-

ния общества, является переход партии исключительно на политические методы работы, регулируемые законом. Общество уже сегодня настойчиво ищет альтернативу партии для своего выживания, и КПСС должна активно взаимодействовать с различными социальными движениями и инициативами, завоевывая лидерство в политическом диалоге своим нравственным и интеллектуальным авторитетом, способностью предлагать обществу глубокие, интегративные по характеру концепции политического, экономического, социального, духовного развития.

Путь к такому разрешению ситуации лежит через изменение Программы и Устава, демократизацию внутрипартийной жизни (отказ от многозвенных и глубоко бюрократизированных структур аппаратного руководства ею, передача функций определения основных приоритетов партийной жизни на местах и способов решения вопросов первичным партийным организациям, гарантия прав внутрипартийного меньшинства, превращение в норму сопоставления взглядов коммунистов на основе различных платформ и т.п.). Необходима отмена или радикальная переработка статьи 6 Конституции СССР.

Модель 3. Общество уже не откажется от возможности выбирать свой путь. Сегодня КПСС практически не сможет просто «запретить», остановить поворот общественного сознания к многопартийности как средству выживания не только социалистической модели развития советского общества, но и собственного выживания. Однако немедленный переход к многопартийности чреват появлением на политической арене страны несоциалистических партий, в том числе – открыто экстремистских. В этих условиях целесообразно легализовать реально существующие политические ориентации членов партии (традиционно-коммунистическая, социал-демократическая и т.п.) и, объявив о самороспуске КПСС, образовать на ее основе три-четыре партии заведомо левой ориентации.

Участие ряда таких партий в политической жизни страны, в парламентской борьбе позволит найти «свою» платформу значительной части граждан, приверженных

идеям социалистического развития, и будет выполнять роль гаранта устойчивого развития советского общества по социалистическому пути.

Модель 4. Ситуация выбора в жизни партии, как и в жизни общества, принципиально изменилась. Кризис партии – и всего общества – требует коренного пересмотра как ее идейного багажа, так и принципов организации, изменения ее места в обществе. Чтобы преодолеть отставание Советского государства от развитых капиталистических государств в экономическом и научно-техническом отношении, коренным образом повысить уровень жизни советских людей, партия должна отказаться от роли монополиста в жизни государства и общества, признать необходимость и санкционировать переход советской политической системы к многопартийности. Это предполагает, что лидерство КПСС доказывается овладением ситуацией выбора на деле, предусматривает соревнование за право определять перспективы общества между партиями, отражающими социально-экономические, политические и духовные реалии страны 90-х годов.

Самой КПСС, чтобы не утратить политического влияния в массах, более точно реагировать на изменения в политической жизни и влиять на них, необходимо трансформироваться в партию парламентского типа (не только с платформами, но и с фракциями).

ПРЕЖДЕ ЧЕМ приступить к рассказу о ходе практикума, отметим, что данные модели послужили предметом предварительного экспертного опроса среди специалистов в различных отраслях науки, публицистов, партийных работников разного ранга²²⁵.

Стенограмма игрового эксперимента составила около 300 страниц. Даже в часовой видеопленке («Мужество выбора». – Видеоредакция АПН. – Москва, 1990) удалось включить лишь десятую часть отснятого материала. За-

²²⁵ См.: Партия на пути к правовому государству: ситуация выбора. Материалы экспертного опроса / Под ред. В.И. Бакштаповского. Москва-Тюмень, 1990.

фиксируем поэтому только главные итоги двухдневного поиска.

Напомним, что участники практикума должны были в процессе решения игровых ситуаций или подтвердить свою верность выбранной на первом этапе модели, или сменить позицию, или прийти к согласованию моделей на основе компромисса, выработав некую «модель единства». При этом секциям была предоставлена возможность испытать два пути движения к взаимопониманию: традиционный метод убеждения в предпочтительности своей позиции в режиме митинга, во-первых, и метод «круглого стола» – во-вторых.

Первое действие алгоритма (после вводного для всех участников «самоопределения к моделям» и разбивки по соответствующим секциям «партийного клуба») предполагало коллективную работу членов каждой секции по совершенствованию избранной модели, развертыванию ее в декларацию и подготовку к защите перед оппонентами из других секций. Действие второе – предъявление моделей. Оппонентам было предложено выполнить свою роль в разных режимах: пресс-конференции, митинга, партийного пленума, сессии советов. В процессе обсуждения каждой модели экспертами выступали народные депутаты и правоведаы. Затем для выдвинутых от каждой команды участников «круглого стола» была проведена консультация по технологии выработки консенсуса. После согласования позиций делегатов «круглого стола» со своими секциями весь «клуб» разделился на две части. Первая организовала митинг, чтобы именно в такой форме определить возможность консенсуса, вторая – собственно «круглый стол».

Представим здесь более подробно этот – третий – этап гуманитарной экспертизы версий развития партийной этики. Еще до начала «круглого стола» в декларациях секций звучала резкая критика в адрес оппонентов. Авторы репортажа об этой игре в «Московских новостях», дав своему материалу характерный заголовок «Соблазн и страх компромисса. Что возобладало у партийных работников в

ходе деловой игры?», отметили, что, например, «консерваторы» высказывались о «радикалах» и «обновленцах» так: «Их модели не устраивают нас с точки зрения отсутствия коммунистических установок... Идти с ними на компромисс невозможно...». Однако от самой попытки сблизить позиции не отказался ни один из участников «круглого стола». Используя специальную методику, опираясь на предварительные консультации ученых, на ходу обучаясь искусству диалога, вырабатывая правила политического этикета, участники «круглого стола» испытали, на наш взгляд, все возможности компромисса.

Второй день игры начался было с предусмотренного сценарием задания по технологизации моделей каждой секции в виде предложений к Уставу партии и ее платформе (для испытания возможности выработать интегральную платформу клуба). Однако часть представителей первой модели – не без согласия своих делегатов за вчерашним «круглым столом» – объявила о введении «чрезвычайного положения» как более эффективного средства партийной «дискуссии» (даже имитированный митинг, который, естественно, показал свою абсолютную бесплодность при попытке выработать согласованные позиции, не давал оснований для такого поворота событий). Разумеется, другие секции выдвинули предложение о принятии против сторонников ЧП строгих правовых санкций.

Тем не менее, эта игровая импровизация не сломала общего алгоритма, и лидеры каждой команды вынесли на обсуждение «клуба» свои разработки (ясно, что сам факт коллективного поиска не менее важен, чем его конкретные результаты: подлинная наука коллективного проектирования была освоена очень слабо).

Заключительный этап игрового моделирования был посвящен отработке технологии выборов делегатов съезда. Результаты выборов содержали, на наш взгляд, определенную прогностическую информацию. Больше число голосов членов клуба набрал делегат от «умеренных», следующим по числу голосов был делегат от вновь созданной во время практикума секции «круглого стола», за

ним – «обновленец», «радикал», «консерватор» (условные названия секций даны авторами репортажа в «Московских новостях»).

КАКОВЫ итоги экспериментальной попытки ответить на вопросы программы практикума? Опираясь на подготовленное разработчиками и ведущими практикума В.И. Бакштановским, Ю.В. Казаковым, В.А. Чуриловым «Заключение», распространенное среди всех учредителей экспертизы и заинтересованных инстанций, зафиксируем здесь некоторые из выводов, которые свидетельствуют об эффективности предпринятой экспертизы.

1. Участниками практикума была принята и реализована идея коллективной гуманитарной экспертизы ситуации выбора в жизни партии посредством нетрадиционных методов игрового моделирования. 2. Подавляющим большинством участников признаны полномочными и принципиально важными для выбора модели обновления партии те критерии отбора, что закладывались в идеологию игры: примат задачи выживания страны и ориентир на соответствие моделей партии ценностям и нормам правового государства. 3. По оценкам участников практикума, метод игрового моделирования позволил основательно прояснить отношение экспертов к идее сотрудничества сторонников различных подходов. Он позволил опробовать приемы и способы сближения позиций и даже достижения согласия. В ходе практикума удалось установить – естественно, лишь в первом приближении – те пределы компромисса, на которые могут, в принципе, решиться сторонники различных моделей обновления КПСС. 4. Несмотря на то, что технология «круглого стола» позволила сблизить целый ряд позиций различных сторон, ход практикума достаточно четко выявил то обстоятельство, что достижение идейно-нравственного единства членов партии на основе консенсуса в современной КПСС крайне затруднено, а то и вовсе невозможно. Нынешнее единство во многом мнимое, связанное с непроявленностью у значительной части членов партии потребности в самоидентификации с той или иной идеологической платформой, с отсутствием дос-

таточно основательных представлений о различных направлениях современной социалистической мысли. Очевидно, что единство такого рода в кризисной ситуации может существовать только как временное. 5. Экспериментальные испытания сценариев ролевого поведения членов партии, придерживающихся различных взглядов на обновление КПСС, выявили (в данном «лабораторном» варианте) конкретные фрагменты моделей, которые могут быть, в принципе, приведены к консенсусу в случае применения технологии «круглого стола». Обнаружены фрагменты, не поддающиеся компромиссу (на этом этапе трудно судить – «пока» или «в принципе»). Наиболее популярной оказалась модель партии, действующей в рамках многопартийности левого ряда. Выбор именно ее в качестве базовой значительным числом участников игры был обусловлен как компромиссным началом этой модели, так и тем, что компромисс определялся в границах именно социалистического выбора. 7. Подтвердила свою эффективность в ходе игры такая форма организации диалога, выявления позиций и наращивания элементов сотрудничества членов партии, как партклуб. Именно партклуб позволяет секретарям первичных партийных организаций наиболее плодотворно вести диалог, расширять возможности для согласования интересов разнородных партийных организаций, входящих в партийный округ, учитывать весь спектр мнений членов КПСС.

Примечание. Естественно, что сегодня проблематика гуманитарной экспертизы 1989 года, связанная с ней политическая лексика, мотивация выбора, набор моделей и а также механизмы претворения платформ кажутся наивными – темп изменений нашего общества прямо-таки головокружителен. Но в эпоху Перестройки они привлекали своей свежестью, злободневностью, смелостью постановки вопросов и предлагаемых решений. И, разумеется, это было одним из важных этапов формирования политического этоса нашей страны.

3.2. *«Двадцать лет спустя»: выберет ли постсоветская Россия ценности гражданского общества?*

ЗДЕСЬ мы представляем проект, который, наряду с самостоятельной ценностью, дает возможность судить о том *контексте*, в котором сегодня развивается отечественная политическая этика, о перспективах ее *козволюции* с этикой гражданского общества.

Первая часть заголовка – напоминание о юбилее одного из весьма успешных проектов в отечественной прикладной этике – *«Самотлорского практикума»*. Выше мы уже говорили, что этот проект был посвящен гуманитарной экспертизе нравственной ситуации в советском обществе первых лет Перестройки, трактуемой авторами проекта как *ситуация морального выбора*. Вторая часть заголовка указывает на то, что юбилей – не просто «повод». Мы полагаем, что сегодня ситуация во многом повторяется – как *новое перепутье*, как ситуация стратегического выбора обществом ценностных ориентиров своего развития.

Гипотеза *этического консилуума*: характер переживаемой Россией новой ситуации выбора не исчерпывается финансовым, экономическим, социальным, политическим и т.п. аспектами. У всех них есть *системное основание*, которое проявляется в остром кризисе веры в идеалы и ценности трансформации России, с одной стороны, и во все более усиливающимися тенденциях смены декларированных на старте постсоветского периода ценностных ориентиров развития общества – с другой. Речь идет не просто о принятии-непринятии обществом инструментальной части российского трансформационного проекта. Предельная напряженность современной ситуации выбора связана, по меньшей мере, с двумя обстоятельствами. Во-первых, с заметным разочарованием в изначально декларируемой ценностной ориентации этого проекта, в тех либеральных смыслах, которые еще недавно *оправдывали* новое самоопределение России, связываемое с *идеей гражданского общества*. Во-вторых, с тем, что пока на-

глядной альтернативой этому разочарованию оказывается лишь доминирование в реально реализуемой стратегии развития страны ценностей неотрадиционализма. Поэтому и уместно говорить о том, что наше общество снова оказалось вовлеченным в ситуацию морального выбора исторического масштаба.

Одним из способов проверки этой гипотезы мы полагали сравнение диагнозов, даваемых двумя этическими консилиумами: что сохранилось и что изменилось в ценностном ярусе отечественной ситуации за 20 лет после Перестройки.

Не имея возможности представить здесь целостный алгоритм анализа материалов экспертизы – анализ отношения экспертов к замыслу проекта, к аргументам в пользу его актуальности и к его теоретико-методологическим основаниям; реконструкция содержания альтернатив морального выбора ситуации Перестройки; содержательные характеристики альтернатив морального выбора в современной отечественной ситуации; наметки к программе второго этапа экспертизы²²⁶ – сосредоточимся здесь лишь на двух его этапах.

ОБРАТИМ внимание на восприятие экспертами замысла проекта, постановки сформулированных перед консилиумом задач. С необходимой скромностью укажем на оценки типа *«хотел бы прежде всего приветствовать замысел повторения “Самотлорского практикума”»* (А.А. Гусейнов), *«Вся современная интеллектуальная мысль, начиная со скептика Монтеня и, тем более, прагматика Макиавелли, через Просвещение к нашему времени – при том, что она не так часто прибегала к словосочетанию “моральный выбор” – по сути, внесла это понятие в реестр фундаментальных “формул” нравственной рефлексии социального порядка»* (А.Ю. Сого-

²²⁶ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. «Двадцать лет спустя»: выберет ли Россия ценности гражданского общества? // Этический консилиум. Ведомости. Вып. 29; они же: Введение в прикладную этику. Гл. 6.2.

монов) или «*Время экспертного опроса выбрано, как мне кажется, очень удачно. ...Именно сейчас этот вопрос более чем уместен*» (А.Ф. Филиппов), которые содержатся в представленных в этом выпуске журнала материалах проекта. Обратим внимание и на поддержку идеи проекта «по факту» – она содержится уже в некоторых заголовках экспертных текстов: «*Российское общество находится перед необходимостью национального морального выбора*» (Р.Г. Апресян), «*Невменяемое в нравственном плане российское общество не в состоянии сделать определенное предпочтение*» (Г.Л. Тульчинский)²²⁷.

Разумеется, для апробации идеи проекта значимы и не вынесенные нами в заголовки публикуемых текстов экспертов суждения, связанные с диагностическими оценками современной российской ситуации в предложенных проектом категориях экспертизы. Оставляя обзор этих диагнозов для соответствующего раздела статьи, отметим здесь в качестве примера оценки, данные А.Ю. Согомоновым – «*Выбор, похоже, все-таки “совершен” актуальным российским обществом*», и Б.Н. Кашниковым – «*Российское общество стоит сейчас, возможно, перед самым тяжелым выбором за всю свою историю. Речь идет о том, чтобы перестать быть обществом вечной неопределенности, обществом, колеблющимся постоянно “между бытием и смертью” (Хомяков), и перейти к состоянию “мужественной формы” (Бердяев)*».

ОЧЕВИДНО, что, с точки зрения апробации идеи проекта, еще более значимы суждения экспертов, содержащие разнообразный критический потенциал. Прежде всего важны скептические суждения экспертов о возможности говорить о таком субъекте морального выбора, как *общество*.

«*Совершает ли общество моральный выбор? – рассуждает А.Ю. Согомонов. – Строго говоря, нет, хотя*

²²⁷ Набранные курсивом цитаты взяты из текстов участников проекта «Двадцать лет спустя», опубликованных в 29-ом выпуске «Ведомостей».

такая проблематизация вполне допустима и порой вполне эвристична, особенно в риторических целях побуждения некой публичной дискуссии. Но если мы всегда имеем дело только с персональным выбором, то чем тогда становится арифметическая сумма индивидуальных выборов и насколько она действительно отражает “дух” времени?».

Принимая тезис автора о необходимости для решения этого вопроса *«самостоятельного теоретического и исторического экскурса*, отметим допущение автором *эвристичности* такой проблематизации. А отвечая на скепсис других экспертов, предложим различать, с одной стороны, саму возможность выделять субъект морального выбора в масштабе общества – *«Возникает вопрос: можно ли по этому признаку характеризовать социумы в целом?»* (А.А. Гусейнов) и, с другой, степень зрелости такого субъекта – *«Казавшийся естественным двадцать лет назад вопрос о моральном выборе общества сегодня вызывает у меня настороженность и сомнения. Может ли общество в целом быть субъектом выбора, а если может, то как оно проявляет свою субъектность?»*, – пишет Р.Г. Апресян.

Отметим, что оба автора говорят фактически об одном и том же индикаторе являющейся объектом экспертизы ситуации выбора в масштабе общества: *«единый народный порыв»* (*«Сохранявшаяся и распространявшаяся оппозиционность режиму выплеснулась в краткие годы Перестройки в единстве народного порыва к лучшей жизни. Тогда это казалось проявлением исторического права народа на выбор»*, – пишет Р.Г. Апресян) и *«концентрированное общественное напряжение, которое соединяло бы большинство граждан в неких общих нравственно-окрашенных ожиданиях и действиях»* (А.А. Гусейнов). При этом первый из авторов ставит весьма важный вопрос о *рациональности* выбора: *«Может ли быть народный порыв проявлением выбора?»*.

Специальное исследование вопроса о корректности институализации субъекта морального выбора в масштабе

общества еще только предстоит предпринять. Но уже в данной работе обратим внимание на то, что, во-первых, один из цитированных выше экспертов в своих диагностических оценках прямо допускает возможность экспертизы ситуации морального выбора в масштабах общества: *«российское общество находится перед необходимостью национального морального выбора»* (Р.Г. Апресян). Во-вторых, ряд экспертов вполне категорично рассуждает о правомерности выделения такого субъекта. Так, по мнению Г.Л. Тульчинского, ситуация морального выбора *«существует всегда перед каждой личностью и любым обществом. Такой выбор и определяет исторический процесс, даже если личность и общество не отдадут себе в этом отчета»*. Б.Н. Кашников полагает, что *«ситуация морального выбора как для общества в целом, так и для отдельной личности имеет место всегда»*. Косвенно о субъекте выбора в масштабе общества говорит еще один эксперт, отмечающий, что *«время экспертного опроса выбрано, как мне кажется, очень удачно... именно сейчас этот вопрос более чем уместен»* (А.Ф. Филиппов).

В процедуре апробации идеи проекта нельзя не обратить внимание на весьма категоричное отрицательное суждение по поводу идентификации современной российской ситуации в категориях морального выбора. Самые первые слова текста И.М. Клямкина: *«Мне не нравится определение современной российской ситуации как ситуации морального выбора. Более того, меня смущает даже использование для ее характеристики самого слова “мораль”*». Уточнение автора: он не против *«моральных оценок и целеполаганий. Их значение трудно переоценить уже потому, что они являются основополагающими для любого общества»*. Аргументом же против экспертизы ситуации в категориях морального выбора для автора является зависимость смысла слов от контекста: *«В доме повешенного слово “веревка” воспринимается иначе, чем в отряде альпинистов, а призыв “не убий” на поле брани звучит не так, как в обыденных обстоятельствах. Это относится и к “морали”*».

А далее – характеристика самого контекста: в условиях переживаемого современной Россией кризиса идентичности *«соблазн вытащить ее из него посредством апелляций к этическим нормам и принципам»*, этическая терминология при квалификации *«внутренних и внешних вызовов, с которыми столкнулась Россия»*, на деле *«уводит от сути самих этих вызовов»*. Более того, И.М. Клямкин подчеркивает, что такая квалификация не просто может быть, но уже используется *«для подмены одних проблем другими»*. Пример: *«Можно, конечно, во всеуслышание заявить о том, что нравственность выше законности, а добро первично по отношению к правам человека. Так и было сказано с трибуны Всемирного русского народного собора, состоявшегося весной 2006 года. Можно обсуждать, правильно это или нет. Но своевременность либо несвоевременность такого обсуждения определяется опять же историческим контекстом»*. Поэтому автор полагает, что *«при нынешних наших обстоятельствах смещение акцентов от права к морали как раз и уводит от проблемы, причем самой важной и болезненной из всех, с которыми столкнулась постсоветская Россия»*.

Трудно спорить с убедительной характеристикой «исторического контекста», включающей наглядные доказательства активных попыток реставрации традиционалистских представлений о природе морали, отождествления содержания морали как таковой с одной из ее исторических моделей. Более того, с нашей точки зрения, критика автором вполне конкретной тенденции в нашем обществе справедлива и актуальна.

Но, может быть, трезвое понимание контекста не обязательно должно приводить лишь к отказу от экспертизы российской ситуации в категориях морального выбора, предложенных проектом? Возможно, оправдан и поиск рациональной альтернативы реставрации традиционалистских представлений о природе морали именно в рамках идентификации ситуации именно как ситуации морального выбора? Альтернативы в виде рациональной морали

гражданского общества, в которой мораль не подменяет право, а согласует оба эти регулятора жизни общества? Во всяком случае, в гипотезе нашего проекта такая альтернатива представлена – мы не случайно вынесли в заголовок данной статьи ее содержание: «Выберет ли Россия ценности гражданского общества?».

Кстати, сам И.М. Клямкин дает вполне эффективное уточнение своей позиции, подчеркивая, что его скепсис по поводу актуализации экспертизы ситуации в нашем обществе в категориях морального выбора реально направлен против *«традиционалистского верховенства морали над правом, что в индустриально-городском обществе ведет к формированию доправового, морально-репрессивного типа сознания и утверждению соответствующей ему и на него опирающейся политической практики»*.

ПЕРЕХОДЯ к анализу результатов пилотной диагностики современной отечественной ситуации, проведенной в категориях морального выбора, мы находим в суждениях экспертов: (а) вполне определенное принятие идентификации современной ситуации в нашем обществе как ситуации морального выбора, (б) не менее определенное ее непринятие, (в) позицию противоречивого диагноза.

Одно из оснований для принятия идентификации современной ситуации в нашем обществе как ситуации морального выбора заключается в том, что *«такая ситуация существует всегда – перед каждой личностью и любым обществом»*. Причем *«такой выбор и определяет исторический процесс, даже если личность и общество не отдадут себе в этом отчета»* (Г.Л. Тульчинский). Что касается актуального диагноза, то, с точки зрения эксперта, ситуация выбора на уровне общественной морали не ушла сегодня в прошлое: *«Общественная мораль, как и общественное мнение, никуда не делась. Просто изменилась ее структура. Мы живем уже в массовом обществе. А в нем “элита” перестает быть таковой. Она уже не выполняет своей функции – давать образцы в морали, науке, религии, искусстве. Нынешняя “элита” – тем более в России – это носители той же массовой культуры*

и массового сознания. Просто они получили возможность распоряжаться ресурсами (финансовыми, природными, информационными, символическими). А в своих решениях ориентируются на состояние того же общественного мнения». Что касается «моральных издержек» транзита, то, с точки зрения автора, «в условиях массового общества и массовой культуры иерархия ценностей “уплощается”, утрачивает вертикаль, превращается в рубрикаторы рынка. Маркетингизация реализовала полностью проект гуманизма Просвещения: “Все для человека, все во имя человека, все на благо человека”. И мы знаем этого человека – это каждый из нас. Могут удовлетворяться практически любые потребности. Сопровождается ли это моральными издержками? Конечно. При отсутствии противовесов (полноценной элиты и гражданского общества) идет систематическая игра на понижение, на редукцию. В конечном счете – на вырождение морали».

Аналогичный тезис другого эксперта: «Ситуация морального выбора как для общества в целом, так и для отдельной личности имеет место всегда» (Б.Н. Кашников). Что касается актуального диагноза, то (повторим уже цитированный выше фрагмент экспертного текста) «российское общество стоит сейчас, возможно, перед самым тяжелым выбором за всю свою историю. Речь идет о том, чтобы перестать быть обществом вечной неопределенности, обществом, колеблющимся постоянно “между бытием и смертью” (Хомяков), и перейти к состоянию “мужественной формы” (Бердяев)», – говорит автор. Чтобы преодолеть такого рода неопределенность, «нужно очень немного на первый взгляд и очень много в действительности». Конкретнее: «Нужно, чтобы провозглашенные либеральные принципы общей справедливости стали не декларативными, а рабочими. Это, в свою очередь, предполагает вытеснение теневых практик. Современное российское общество – это отвратительный гибрид, который умудряется сочетать самые противоречивые модели общественной морали, но

*ведущая роль остается все же за традиционной патри-
монially-клиенталистской моралью господства и под-
чинения. Эта мораль не имеет в себе ничего мистиче-
ского и не содержит никакой "тайны русской души". Она
ничем принципиально не отличается от той общест-
венной морали, что процветает на юге Италии, хотя и
вызвана к жизни иными причинами».*

Среди суждений экспертов, считающих идентифика-
цию современной ситуации в нашем обществе как ситуа-
ции морального выбора неадекватной, выделим лаконич-
ное «нет» А.В. Разина.

Обосновывая свое суждение о неадекватности иден-
тификации современной ситуации в нашем обществе как
ситуации морального выбора, А.А. Гусейнов приводит раз-
вернутый аргумент. «Если оценивать моральное состоя-
ние российского общества сегодня в терминах мораль-
ного выбора и по этому критерию сопоставлять его с
тем, что мы имели двадцать лет назад, то следует
заметить, что оно является существенно иным». Аргу-
мент: в эпоху Перестройки «страна находилась в переход-
ном состоянии. И, как мы теперь уже достоверно знаем,
общество переходило от одного социального качества к
другому», а сегодня развитие общества «идет на новой
(новой не в смысле лучшей, а новой в смысле другой) ос-
нове». Ее отличие: «Бурный водоворот событий конца
80-х начала 90-х годов прошлого века, особенно голово-
кружительный на последней стадии разрушения старых
государственных структур, сменился сравнительно
спокойным и стабильным существованием в совершенно
изменившейся социальной среде». В связи с этим автор
полагает, что моральное состояние современной России
«является вполне устоявшимся во всех отношениях, в
том числе и в своих моральных деструкциях». Соответ-
ственно, «нет никаких оснований специально выделять
его как ситуацию морального выбора».

Модель противоречивого диагноза состоит из сужде-
ний, прямо или косвенно поддерживающих апробируемую
проектom идентификацию, в сочетании с суждениями, со-

держащими диагностические указания на незрелость подвергаемой экспертизе ситуации.

В этой связи обратим внимание на позицию, фиксирующую противоречие между объективной необходимостью выбора, с одной стороны, и степенью его реальной возможности – с другой. *«Российское общество находится перед необходимостью национального морального выбора»*, однако *«в отсутствии национальной (гражданской) консолидации его понимание на уровне общественного сознания и его реализация маловероятны»*. Более конкретное объяснение противоречия: *«Особый вопрос, который необходимо учитывать, насколько такая консолидация – перед лицом не национальной угрозы, тем более внешней, а именно морального выбора, – возможна в нашем российском обществе, с его сложным социальным составом и множественностью социально-ценностных ориентаций»* (Р.Г. Апресян).

Близкое по смыслу объяснение указанного противоречия: *«Если говорить о главной “болевой точке” нашего развития, то она остается прежней: неразвитость понятия об общем интересе и, соответственно, о его сочетании с индивидуальной свободой»* (И.М. Клямкин).

Определенная перекличка в оценке степени зрелости ситуации видится нам и в диагностическом наблюдении А.Ю. Согомонова: *«мы все менее отчетливо распознаем единство морального поля»*.

СОГЛАСНО замыслу проекта «Двадцать лет спустя», самая конструктивная часть экспертизы – характеристика современной моральной ситуации как ситуации *переходной* с точки зрения самоопределения общества не просто к «морали вообще», но к одной из исторически конкретных нормативно-ценностных систем. Как мы полагали, именно это направление Программы проекта даст возможность операционализации идеи об экспертизе современной ситуации в категориях морального выбора.

И действительно, анализ экспертных текстов дает возможность не только зафиксировать согласие-несогласие экспертов с оценкой ситуации как *переходной*, но и

выявить содержание альтернативы, которую предпочло общество – при разном отношении экспертов к моральному достоинству этой альтернативы.

Но прежде отметим, что эксперты дают противоположные оценки по поводу степени зрелости самого процесса *перехода* общества к новой нормативно-ценностной системе. Одна точка зрения – *«Переход уже совершился»*. Аргумент: *«Объективно в обществе представлены многие перечисленные в анкете нравственные системы (кроме постиндустриальной этики). Плюрализм мировоззрений и моральных представлений – это вообще черта современных индустриальных и постиндустриальных обществ»* (А.В. Разин).

Другая точка зрения заключается в констатации затянувшейся неопределенности в выборе. *«Современное, в нравственном плане дисперсное и неменяемое, российское общество не в состоянии сделать определенное предпочтение. Оно живет мифами и ожиданиями»*. Причина: *«люди не являются хозяевами собственной жизни и не осознают сферы собственной ответственности и свободы. Это очевидно не только в политике, но и в деловой активности, даже в быту (ТСЖ)»*. Последствия: *«Россия (в том числе – в силу упомянутых причин) не может сделать цивилизационного выбора. Она огрызается на христианский Запад и пытается заигрывать с хвостом дракона Юго-Восточной Азии и ислама. В результате она остается наедине с собственной неменяемостью»* (Г.Л. Тульчинский).

Свою версию причин затянувшейся неопределенности переходной ситуации предложил А.Ю. Согомонов. *«Вероятнее всего, российские реформы пока почти не коснулись ни институциональной матрицы российского общества, ни индивидуалистической парадигмы его гражданского корпуса. Иными словами, для выбора в пользу современной морали и гражданской этики все еще нет достаточных предпосылок социального и культурного свойства. Подобный выбор, разумеется, в каждом случае совершается индивидуально, но при этом “визи-*

руется” обществом, в противном случае любая сумма индивидуальных выборов в пользу морали никогда не станет критической и, более того, легитимирующей. Только в этом смысле можно говорить о нравственной переходности российского общества: индивидуальные выборы в пользу морали носят редкий и случайный характер, предопределяя нашу этическую “дремучесть”.

В эпоху “высокой” современности выбор в пользу морали “осложнен” искушениями расширяющейся вселенной жизненного выбора и биографического проектирования. Глобализация, свобода перемещений и информации, универсализация стилей жизни – все это и многое другое приводит к чрезвычайно сильному давлению – извне и изнутри – на нравственную ситуацию в России и, очевидно, в недалекой перспективе неизбежно приведет к коллапсу морального этатизма и неизбежному развороту в сторону нравственной автономии личности. Однако чем больше общество, находясь под сильным государственным гнетом, оттягивает этот выбор, тем сложнее в будущем он дастся морально незащищенным слоям населения. И тогда можно будет говорить о подлинных моральных издержках модернизации».

Сопоставим суждения о неопределенности отечественной ситуации морального выбора с позицией, в которой уверенная констатация определенно направленной переходности ситуации сочетается с указанием на желаемую экспертом альтернативу выбора и – подчеркиванием реальных трудностей исполнения его надежд. «Общественная мораль современного российского общества представляет собой удивительную смесь самых разнообразных моральных систем, начиная от архаики и кончая постмодерном. Хочется верить, что российское общество решит, наконец, “каким оно хочет быть Востоком” (Соловьев). Полагаю, что этот выбор завершится в пользу современного либерального общества, предполагающего горизонтальные связи, социальное доверие, четкое различие между публичной и частной сферами, властью закона и т.д. Иными словами – пере-

ходом к либеральной модели общественной справедливости. Трудность подобного перехода связана с отсутствием у нас не только “либерального”, но даже “экономического” индивида, поскольку оба эти исторических типа личности предполагают автономию индивидуальной морали. В нашем крайне атомизированном обществе еще нет даже предпосылок для превращения автономной морали в массовое явление. Господствующая форма индивидуальной морали – это, в лучшем случае, патримониальная мораль авторитета (по Кольбергу), а в худшем – не рационализируемый обычай подчинения любому источнику силы» (Б.Н. Кашников).

Третья точка зрения, позволяющая конкретизировать содержание альтернатив ситуации выбора, исходит из констатации достаточной определенности этой ситуации. Соглашаясь с постановкой вопроса в анкете: «речь надо вести не просто о переходе к “морали вообще”, словно мы прежде находились в аморальном или доморальном состоянии, а к “одной из исторически конкретных нормативно-ценностных систем”», А.А. Гусейнов говорит, что «если исходить из принятого в социологической литературе деления последних на феодальную (традиционную), буржуазную (либерально-демократическую) и социалистическую (в другой терминологии: тоталитарную), то несомненно, что Россия предпочла буржуазно-нормативную ценностную систему».

Другое дело – возможные оценки такого предпочтения. Например, автор последнего диагноза специально подчеркивает, что «такую констатацию нельзя признать удовлетворительной». Причина в том, что «люди не очень рады выбору, который они сами сделали, как если бы они запутались в закоулках истории и забрели не туда, куда хотели. Разочарование в либерально-демократических ценностях стало доминантой общественных настроений (достаточно упомянуть вывод Всемирного русского собора о необходимости ограничить права человека служением добру, из чего вытекает, что сами по себе они – права человека – добром не признаются или

что, по крайней мере, в условиях России и для России, возможна более совершенная и адекватная конкретизация идеала добра, чем либерально-демократическая практика прав человека)». Поэтому автор полагает необходимым «переосмыслить, составить более конкретное представление о моральных основах современного общества западного типа, чтобы выяснить, почему оно, это общество, не получает моральной санкции (по крайней мере, безусловной моральной санкции) в российском общественном сознании» (А.А. Гусейнов).

Содержание альтернатив морального выбора может быть охарактеризовано и по другому основанию. Фиксируя в качестве существенного признака переходного состояния моральной ситуации кризис привычной идентичности и разрушение определенной конфигурации ценностей, Р.Г. Апресян отмечает, что вообще моральная ситуация в обществе определяется *«характером общественного порядка (режима), задаваемого властью или организуемого самим обществом (т.е. гражданским обществом, когда оно есть)»,* и *«характером доминирующих в обществе (как сообществе индивидов) ценностных ориентаций».* При этом автор имеет в виду иную – по сравнению с предложенной в Программе проекта – классификацию: он говорит не о тех системах морали, которые привычно связываются с этапами развития человеческого общества, а о *«конфигурациях ценностей».* С его точки зрения, *«в любом обществе в различных конфигурациях представлен определенный ограниченный набор нравственных ценностей».* Допуская, что *«в традиционалистских обществах этот набор не проявлен, а в тоталитарных подавлен (в той мере, в какой моральность как выражение личностной автономии и индивидуальной ответственности систематически ограничивается)»,* Р.Г. Апресян говорит, что *«во всех обществах во все времена»* сосуществуют четыре системы нравственных ценностей: *«гедонистически-потребительская, утилитарно-меркантилистская, перфекционистски-аскетическая, гуманистически-альтруистическая. “Исторически конкретно” они проявляют-*

ся в разных смежных формах и опосредованы культурно-национальными особенностями».

ЗАВЕРШАЯ эскиз экспертных суждений по поводу современной отечественной ситуации морального выбора, отметим большой соблазн поддаться скептическому настроению в отношении дальнейших задач проекта. И все же, на наш взгляд, есть некоторые основания для его развития.

Гипотеза о возможности и необходимости идентификации современной ситуации в российском обществе как ситуации морального выбора содержала не декларированный (в прямом виде) в Программе экспертного опроса тезис о том, что ситуация морального выбора в данном случае – это ситуация *(не)выбора ценностей гражданского общества*. В замысел проекта была заложена версия о том, что если основные альтернативы морального выбора эпохи Перестройки: социалистическая мораль – и нормы общечеловеческой морали, то основные альтернативы морального выбора нашего времени: ценности гражданского общества – и традиционалистские ценности общества, склонного к неосоветизации.

Поэтому, программируя развитие проекта *экспертизы шансов выбора Россией ценностей гражданского общества*, мы должны были сформулировать уроки первого этапа.

1. Вполне убедительные аргументы экспертов в пользу вывода об уже свершившемся *предварительном* выборе общества в пользу идеи гражданского общества, выраженном, говоря словами А.А. Гусейнова, в *«движении от жесткой нормативности к большой свободе индивидуального выбора, от общинно-экстенсивных к личностно-автономным формам поведения».*

И не менее убедительные скептические выводы на эту тему. *«Гражданская этика все еще остается индивидуальным выбором очень немногочисленных и совершенно разрозненных групп относительно автономного и дееспособного населения. Околовластная бюрократия (по мировым меркам – весьма многочисленная) и соци-*

ально зависимые от них слои “тягелового” населения сделали свой выбор в пользу корпоративного гражданства и, соответственно, корпоративной этики патерналистского государства, что, в известном смысле, возвращает нас к немного забытым образцам позднесоветских времен. С одной лишь разницей, что теперь идея “государства-империи” становится ключевой в процессе формотворчества актуальной модели общественной морали. Транзит остался глубоко позади, его моральные издержки, если таковые и были, обращены вовне “державно-нравственного” пространства и никаким образом не влияют на внутренний моральный климат» (А.Ю. Согомонов).

2. Еще один урок стоит извлечь из позиции эксперта, который в свое время «поостерегся» оценивать ситуацию Перестройки «как классическую ситуацию выбора (в том числе и морального)». И сегодня можно сказать, что пока «варианты не ясны, исторически не сложились» и «выбирать приходится между позициями абстрактными, непроясненными, недовыявленными» (И.М. Клямкин). Прежде всего, речь идет о такой альтернативе, как нормативно-ценностная система гражданского общества, – в российской ситуации речь может идти лишь о *становлении* такого общества и его этики.

3. В программе развития проекта предстоит сбалансировать две тенденции. С одной стороны, необходимость «*переосмыслить, составить более конкретное представление о моральных основах современного общества западного типа, чтобы выяснить, почему оно, это общество, не получает моральной санкции (по крайней мере, безусловной моральной санкции) в российском общественном сознании. ...Прошедшие годы показали, что мы не смогли “перехитрить” историю и воспринять несомненные достоинства буржуазной цивилизации, отбросив столь же несомненные ее недостатки*» (А.А. Гусейнов).

С другой стороны – необходимость рационального взвешивания последствий, связанных с тем, что «анти-

буржуазная» альтернатива, конструируемая через пафосное противопоставление отечественных ценностей и традиций ценностям и традициям западным, альтернатива, в пользу которой сегодня все настойчивее предлагается сделать моральный выбор, – «это выбор далекого отечественного прошлого в его наиболее архаичных проявлениях». Аргументируя это суждение, его автор, И.М. Клямкин, убедительно подчеркнул архаичность такой альтернативы. *«Синкретиз неписаного права и морали, причем морали именно общинной, возвышавшей интересы локальной коллективности над интересами отдельных людей и исключавшей их личностную автономию, синкретиз, характерный для всех общностей традиционного типа, и пытаются реанимировать сегодня российские традиционалисты, интерпретируя его как самобытное морально-ценностное достояние российских народов и их отличие от народов западных стран».*

4. Программирование дальнейшего развития экспертизы предполагает операционализацию очевидного тезиса о том, что сами ценности гражданского общества вовсе не исчерпываются лишь либеральной моделью²²⁸.

5. Заинтересованность в эффективности развития проекта требует включить в Программу консилиума задачу конкретного анализа состояния общества, которое пока описано в весьма общих характеристиках типа: *«отсутствие гражданской консолидации на уровне общественного сознания»* (Р.Г. Апресян), *«в настоящее время нет такого концентрированного общественного напряжения, которое соединяло бы большинство граждан в неких общих нравственно-окрашенных ожиданиях и действиях»* (А.А. Гусейнов).

6. Особое место в Программе развития проекта должна занять «рекомендательная» составляющая.

²²⁸ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: новая этика. Тюмень: НИИ ПЭ, 2003.

Завершившаяся часть проекта зафиксировала ряд моделей «рекомендательного характера», которые уместно предложить вниманию экспертов.

А). Ссылаясь на сравнительное социологическое исследование, проведенное Верзель и Ингельгардт (2005), в котором отмечено: «Россия представляет собой удивительное сочетание противоположностей в сфере культуры. Здесь сочетаются крайний уровень рационализированности ценностных ориентаций (другой полюс – ориентация на нерационализируемые традиционные ценности) и столь же крайний уровень ориентации на выживание (другой полюс – ориентация на творческую самореализацию)», объясняя эту ситуацию тем, что «Россия – общество индустриальное, но замороженное страхом: сначала перед произволом большевиков, затем мафии, теперь чиновников и орд «правоохранителей» всех мастей», Б.Н. Кашников полагает, что «задача демократизации должна быть отложена, а на первый план выдвинута задача “сбережения народа” (Солженицын), что предполагает создание среднего класса, срочное повышение уровня благосостояния, гарантии основных прав. Только в этом случае мы сможем получить феномен автономной личностной морали как условия либеральной общественной морали. Иными словами: смертельно напуганный и атомизированный народ не может быть субъектом либеральной общественной морали. Формальная демократия превращается в “войну всех против всех” и завершается произволом суверена. Потому, может быть, лучше для начала и поступить по Гоббсу: выбрать суверена и наделить его чрезвычайными правами, но для решения строго определенных задач и на определенный период времени».

Б). «Именно сейчас, когда становится ясной не то чтобы ложность некоторого выбора, сделанного двадцать лет назад (о какой ложности можно говорить, если нет позиции устойчивого превосходства как в отношении рациональности, так и в отношении моральности, и никто нынешний не может быть уверенным, что, осуж-

дая или одобряя чьи-то решения двадцатилетней давности, сам он сравнительно более прав?), но сама его неопределенная проблематичность в рамках неведомо как меняющихся конструкций социальности, именно сейчас этот вопрос более чем уместен.

Ответом на него может быть отказ – хотя бы временный, не окончательный – от любых форм неогегельянства в пользу некоторой формы неостоицизма. Иначе говоря: хорошо понимая ограниченность возможного познания, мы отказываемся от гордого и самоуверенного разумного постижения того, что в основе своей разумно. Мы отказываемся от того, чтобы оценивать прошлое и настоящее в большой перспективе. И сосредотачиваемся на ближайших последствиях действий в контексте изменчивых фреймов. Иначе говоря, мы должны быть готовы к тому, что при сохранении субъективно значимого смысла деяния, надеяния или терпеливания, объективный смысл может меняться на противоположный или вовсе неожиданный либо в процессе планирования действия, либо в ходе действия, либо в ретроспективе. И это нужно будет совместить с пониманием личной ответственности. Это – самое трудное. Потому что редко когда можно настаивать на личной безответственности, неизменяемости с такой легкостью, как в наши дни» (А.Ф. Филиппов).

7. Развивая экспертизу идеи выбора современной России в пользу ценностей гражданского общества, важно не забыть, что критика охотно попрекает гражданское общество и его этику за самомнение, гордыню и нарциссизм. Однако не менее важно учесть, что, при всем желании, затруднительно отыскать в истории такую социальную и нормативно-ценностную систему, которая была бы столь расположенной к фундаментальной самокритике, иронически, иногда эпатажно и даже алармистски настроенной по отношению к царящим порядкам и к ожидаемому будущему. Что, не испытывая особой нужды в рукоплесканиях идеологических клакеров, гражданское общество умело преобразовывает самую острую критику и самокритику в

средство, ведущее к его развитию и самосовершенствованию.

ВТОРОЙ этап этического консилиума уже начался. Формат – «экспертиза экспертизы» (так было и с двумя этапами «Самотлорского практикума»). Авторы первого этапа проекта получили возможность прочитать тексты своих коллег, отвечавших на одну и ту же экспертную анкету, и тем самым ознакомиться с иными диагнозами-прогнозами ситуации. Теперь у каждого эксперта появилась возможность развернуть свою точку зрения за счет критического отношения к суждениям коллег. И, кроме того, за счет реакции на *аналитический обзор* экспертных текстов, выполненный В.И. Бакштановским и Ю.В. Согомоновым.

Часть материалов консилиума представлена в тридцатом выпуске Ведомостей НИИ ПЭ²²⁹.

3.3. Кодекс депутатской этики: идеология и технология консультирования

ЗДЕСЬ мы представим потенциал политической этики в ипостаси этико-прикладного знания через идею и технологию *консультирования* политической практики. Причина особого внимания к этой технологии – учет опыт сотрудничества с комиссиями по депутатской этике Верховного Совета СССР и Госдумы третьего созыва. Опыта, незавершенность которого связана не только с объективными обстоятельствами, указанными при характеристике нормативного яруса политической этики в параграфе 2, но и, вероятно, с определенным ригоризмом исследователей, их категоричностью в отношении (не)готовности политиков принимать идеальные проекты, ориентированные на эталоны прикладной этики. Именно поэтому свой третий *случай* – «заказ» от Тюменской Областной Думы – мы решили освоить с более реалистической позиции. Реалистической? Скорее – *понимающей*. Понимающей необходимость считаться с сильной административно-бюрократической

²²⁹ Миссия университета. Ведомости. Вып. 30 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2007.

тенденцией – распространённостью «аппаратного» способа создания кодексов. И с тенденцией «демократической» – «общественным мнением», склонным к банализированным стереотипам в (не)понимании природы этических кодексов; с настроениями политиков, которым либо «некогда» – «поручим аппарату и экспертам», либо «неинтересно» – «все равно толку не будет», либо не хочется «высываться», либо...

Отсюда наша идея предложить заказчику *двухэтапный* проект: на первом этапе работать с более привычным для заказчика «регламентно-этикетным» форматом кодекса депутатской этики и уже в ходе этой работы попытаться подготовить второй этап – создание полноценного Кредо-кодекса депутата. Отсюда и доминирование консультативной – а не проектной – технологии на первом этапе.

3.3.1. Стартовая ситуация

Начальный вариант документа предложили Рабочей группе сотрудники аппарата комиссии по депутатской этике, освоив опыт создания кодексов в двух десятках других региональных парламентов страны и, фактически, составив компилятивный вариант. Парламентский журналист вполне адекватно представил публике этот Документ. «Судя по проекту, “Правила” — это весьма разносторонний документ. С одной стороны, в нем прописаны вопросы, которые можно отнести к регламентным (например, депутат должен заранее проинформировать руководство о том, что не сможет присутствовать на заседании). С другой – нормы поведения с коллегами-депутатами, сотрудниками думского аппарата, представителями иных органов власти, а также с прессой и избирателями. В частности, при обращении к лицам, участвующим в том или ином заседании, рекомендуется использовать эпитет “уважаемый”, а грубые и оскорбительные выражения, напротив, не допускаются. Статья 8 проекта “Правил” предусматривает весьма серьезные санкции к нарушителю, применение которых может сказаться на его политическом реноме. Нарушителя могут принудить к принесению публичных изви-

нений или же напечатать материал о его проступке в местной газете. При этом документ выносит за скобки этические моменты, касающиеся личной жизни народного избранника или его производственной деятельности (многие из областных парламентариев работают на неосвобожденной основе)».

Обсуждение проекта членами Рабочей группы не ставило под сомнение его идеологию и технологию и свелось скорее к редакционным замечаниям.

В ответ на предложенный аппаратом комиссии вариант один из авторов этой монографии предъявил в качестве альтернативы свой концептуальный подход к формату документа и к способу его создания (суть подхода читатель этой главы уже представляет по описанию нашего опыта работы с другими комиссиями по депутатской этике в параграфе 2). Предъявил как альтернативу и рекомендовал идентифицировать задуманный работниками аппарата документ как «Правила депутатского этикета» и запланировать второй этап работы над проектом собственно этического кодекса.

Предложили и встретили серьезные возражения, часть которых была, на наш взгляд, связана с непривычностью подхода, его отличием от известного участникам «рабочей группы» опыта.

Рабочая группа не приняла нашу концепцию и решила что работу над проектом документа лучше провести в один этап. А нам предложили: «посмотреть документ и “причесать” его настолько, насколько это возможно, чтобы документ соответствовал названию, которое сегодня утверждено».

Не считая это предложение уместным, мы решили защитить свою концепцию на специальном семинаре для депутатов Думы.

3.3.2. Первая консультация

СЕМИНАР начался с доклада-консультации одного из авторов этой книги. Предварительно участники семина-

ра получили тезисы этого доклада, открывающиеся тремя эпитафиями²³⁰.

- * «Для депутатов Иркутской области создадут свод «Правила этики» (*Сайт «Твой Иркутск»*)
- * «Вы в качестве консультанта приглашены к нам, профессор? – спросил Берлиоз. – Да, консультантом». (*М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»*)
- * «– А, может, здесь и нет никакой морали, – заключила Алиса. – Как это нет? – возразила Герцогиня. – Во всем есть своя мораль, нужно только уметь ее найти!.. – Как она любит всюду находить мораль, – подумала Алиса». (*Льюис Кэрролл. «Алиса в стране чудес»*)

ПРЕАМБУЛА. Набор эпитафий не случаен. Первый намекает на то, что читать эти тезисы и слушать доклад стоит лишь в том случае, если уважаемые депутаты рассматривают себя в качестве *авторов* Кодекса. Второй – на профессиональную роль докладчика. А третий эпитафия – о долге этого консультанта спорить с Алисой с позиции Герцогини. В то же время надеюсь, что два последних эпитафия говорят о том, что у докладчика хватает самоиронии.

ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ. Решение любого отечественного парламента – Госдумы, региональных парламентов, Тюменской областной Думы о создании Кодекса депутатской этики порождает противоречивую ситуацию. С одной стороны, и это самое легкое обстоятельство, у такого решения есть скептики. С другой стороны, и это более трудное обстоятельство, сторонники решения даже и не стремятся отвечать скептикам. С третьей стороны, и это, возможно, самое рискованное обстоятельство, у такого рода решения есть перспектива породить очередной бюрократический проект, провоцирующий равнодушие и депутатов, и избирателей, и общественного мнения.

Способ моего отношения к этой противоречивой ситуации: чтобы профилактировать третий момент, необходимо диагностировать ситуацию и попытаться понять скептиков, принципиально поспорив с ними: (а) частично опираясь на аргументы

²³⁰ Ради соблюдения формата консультативного доклада мы рискуем повторить здесь некоторые моменты из параграфа о нормативном ярусе политической этики.

сторонников кодекса, но, (б) одновременно, полемизируя с рядом их аргументов.

Диагноз № 1, не вполне очевидный. Скептические и даже негативистские реакции (публичные и закулисные) по поводу кодексов депутатской этики, типизируемые следующим образом: *Кодекс никому не нужен. Он не решает никаких особых проблем. И даже вреден.* Аргументы скептического плана (блицобзор): * Достаточно законов, 10 заповедей и регламентов. * Был ли толк от Морального кодекса строителя коммунизма?! * Даже Декалог не выполняется! * Никакой Кодекс не может предотвратить злоупотребления парламентариев. * Депутат таков, какие у него избиратели. Реалистично ли требовать от депутатов быть более моральными, чем наш народ? * Что же, все парламентарии изначально хамы-грубияны-невежды и не способны достойно общаться с коллегами без кодекса? * Что же, все парламентарии изначально коррумпированы? * «А судьи кто?». Чем члены Комиссии лучше тех, поведение которых они будут обсуждать? Нас могут судить только наши избиратели!

Мой комментарий: Во-первых, набор аргументов за многие годы совсем не изменился. Во-вторых, без рефлексии по поводу такого рода аргументов решаться на проектирование кодекса рискованно. Рискованно игнорировать их и не ответить на этот вполне понятный скепсис, не ответить как самим текстом Кодекса так и абсолютно необходимым комментарием к нему.

Диагноз № 2, вполне очевидный. Массовая распространенность кодифицирования поведения депутатов, причем чаще всего – в виде документов, созданных аппаратами областных дум (правовыми департаментами, аппаратами комиссии по регламенту и т.д.). При этом проблемы депутатской этики нечетко различены от проблем регламента, мандата. Аргументы сторонников создания такого рода документов:

А). С точки зрения мотивов работы: * Рекомендовано «сверху». * У других парламентов кодексы уже есть. * Надо дисциплинировать депутатов: прогулы и недостойное поведение – бич Госдумы. * Предотвратить использование статуса депутата в корыстных целях. «Постулат: “Я народом избран таким и терпите меня таким, какой я есть! – в корне неверен”». И т.д.

Б). С точки зрения содержания кодексов: * В основе содержания должны быть Кодекс госслужащих, регламент думы. * Суть содержания: вежливость и доброжелательность к коллегам, лояльность к избирателям. * И т.д.

В). С точки зрения способа создания кодексов: * Это задача аппарата. * Достаточно поручить написание кодекса экспертам. * Нечего «изобретать велосипед», достаточно просто освоить опыт коллег. * И т.д.

Мой комментарий: Такого рода аргументы свидетельствуют о необходимости не поддаваться эйфории от самого факта востребованности документов парламентской этики и критически осмыслить распространенный образ такой этики как «культуры поведения» депутатов, правил благопристойности, этикетного стандарта и т.п., расширить представления о сфере парламентской этики как выходящей за рамки этикетных правил; избежать авральности.

Диагноз № 3. Наиболее заметная реакция общественности и СМИ – равнодушие, ирония, сатира. Равнодушие: «Зачем писать о кодексе депутатов? Что конкретно изменится в жизни избирателей с его появлением? Надои возрастут? Пенсии повысятся?». Характерная реплика: «Я не могла отказать себе в удовольствии почитать с карандашом в руке экземпляр проекта, подчеркивая те пункты, которые покажутся мне несколько сомнительными». Ирония-сатира – в заголовках: «Депутатов научат вежливости»; «Депутатам готовят не райские кущи» (из времени, когда комиссией по депутатской этике Госдумы руководил Г.И.Райков); «Кодекс мести»; «Свод драконовский ограничений»; «Принятие кодекса вряд ли кардинально оздоровит обстановку на Охотном ряду» и т.д.

При этом журналисты воспроизводят некоторые аргументы скептиков. Начиная от вопрошания в названии заметки в одной из тюменских газет: «Нужен ли депутатам особый “кодекс чести”». Трудно себе представить, что у депутатов Думы должны быть особые, отдельные правила, только к ним относящиеся. Но в законе о статусе депутатов есть статья шестая, согласно которой народные избранники не могут вести себя согласно каким-то, хотя бы и общепринятым нормам, а только придерживаться «Правил депутатской этики». При этом журналисты воспроизводят аргументы скептиков: «Читатель вправе предположить, что этика – вещь универсальная. Вряд ли существует отдельная этика у продавца и директора магазина, у слесаря и инженера. Скорее уж, правила внутреннего распорядка? А человек либо соблюдает нормы поведения, либо не соблюдает – иного не дано. Поэтому трудно себе представить, что у депута-

тов Думы, людей уважаемых, должны быть особые, отдельные правила, только к ним относящиеся».

Мой комментарий: можно, разумеется, игнорировать реакцию СМИ, проявить безразличие. Имиджевая сторона процесса создания кодекса и его применения мало значима для бюрократического документа. Но безразличие и не демократично, и не выгодно для документа *этического*. Значит, текст кодекса должен отвечать на такого рода скепсис. Например, подчеркиванием того обстоятельства, что на депутата, разумеется, распространяются «простые нормы нравственности» (как и нормы Административного и Уголовного кодексов). Но спрос с депутата как субъекта *публичной политики* – строже. И механизм регулирования его поведения – строже: не просто совсем не институализированное «общественное мнение», суждения частных лиц и т.д., но специальная корпоративная институция.

Диагноз 4. Особенность тюменской ситуации: заинтересованность комиссии по депутатской этике в небюрократическом документе; стремление выйти за рамки аппаратного потенциала, обращение за консультациями к экспертам, сотрудничество с общественностью; намерение не поддаваться авральным настроениям в работе над кодексом.

Комментарий: Сохранение этих тенденций дает шанс на создание в Тюмени прецедента качественного этического документа, отвечающего на вызовы проблемной ситуации.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕПУТАТОВ

А). Приняв решение о создании кодекса, депутатам предстоит прежде всего определиться: в отношении кодекса они (а) «читатели» или (б) «писатели»?

Соответственно, или просто «проголосовать» подготовленный аппаратом и/или экспертами текст своего кодекса, (пере)доверяя его создание аппарату и экспертам – или решить, что кодекс создают сами депутаты, даже если это решение неразумно – «усложняет их жизнь». Упаси бог выглядеть здесь противником работы аппарата. Или экспертов (к последним я и сам себя отношу). Речь идет лишь о том, что в создании кодексов депутатов никто заменить не может.

Все нижеследующее имеет смысл лишь в случае выбора второй позиции.

Б). Приняв решение создавать своим собственным трудом (а не просто «проголосовать» подготовленный аппаратом и/или экспертами) свой кодекс, депутатам предстоит определиться в

вопросе о том, достаточно ли для них создать документ, который реально является лишь сводом правил депутатского этикета, регулирующих соответствие поведения депутатов стандарту порядочности облеченных доверием и правами избранных народа?

В). Приняв решение создавать своим собственным трудом (а не просто «проголосовать» подготовленный аппаратом и/или экспертами) свой кодекс, депутатам предстоит определиться в вопросе о том, в чем отличие кодекса как *собственно этического* документа.

Ориентир самоопределения: депутат – дисциплинированный исполнитель внешних инструкций (каковым каждый человек является в отношении правил дорожного движения, пожарной безопасности, санитарной гигиены, правовых установлений и т.п.) – или суверенный субъект морального выбора? Возможный аргумент в пользу второго варианта: нет кодекса без набора «красных флажков», но нет Кодекса и без апелляции к совести, к нравственным самообязательствам депутатов.

Но, решив не сводить свой кодекс к этикетным правилам, что же именно отнести к сфере депутатской этики за рамками этикета? Можно ли свести набор этических норм депутатства к требованиям честности, неподкупности, добропорядочности и т.п., определяющим прозрачность финансовой деятельности депутата, декларацию его интересов, нормы честного лоббирования и т.д.? Можно ли обойтись в кодексе без «правил честной игры» – этических норм и правил политической конкуренции, борьбы, направленных на то, чтобы не допускать превращения конкуренции, соперничества, конфликтности во враждебность и озлобление, и, напротив, ориентирующих на то, чтобы выигрывать одних в так называемой мягкой конкуренции хотя и может означать проигрыш других, но такой проигрыш не ведет к тотальному попранию интересов проигравших?

Г). Но может ли отечественный документ парламентской этики быть полноценным без *мировоззренческих* оснований – Кредо депутата, ориентирующего поведение депутатов *за* пределами профилактики коррупционности, конфронтационности, интолерантности и т.п., профессионально-нравственных принципов, конкретизирующих, применительно к депутатству, общегражданские ценности – служение Родине, патриотизм и т.д. – через характеристику *миссии, призвания, служения депутата* и

т.д. Иначе говоря, без нравственной философии российского парламентаризма как сердцевины депутатской этики?

Д). Приняв решение создавать (а не просто «проголосовать» подготовленный аппаратом и/или экспертами) свой кодекс, депутатам предстоит определиться в вопросе о том, уместно ли свести систему принципов и норм парламентской этики к одним только *запретам*? Или они придут к выводу о необходимости видеть свою профессиональную этику как систему *позитивных* повелений? Возможный аргумент в пользу второго варианта: профессионально-нравственная акцентировка норм должна выражать *и* нравственные требования общества, *и* нравственные самообязательства депутатов. Тем самым – *сочетание* пересекающих санкций и побуждающих мотивов.

Соответственно, депутатскому корпусу предстоит решить: должна ли комиссия по этике быть прежде всего *надзирающе-карательным* органом с системой сформулированных в кодексе репрессивных санкций, или же ее задача – стать институтом моральной защиты депутата, коллективной моральной рефлексии, экспертизы и консультирования ситуаций морального выбора, в которые непременно вовлекается практически каждый депутат?

Е). Приняв решение создавать своим собственным трудом (а не просто «проголосовать» подготовленный аппаратом и/или экспертами) свой кодекс, депутатам предстоит определиться в вопросе о том, может ли комиссия по этике выступать в роли *морального судьи* депутатов?

Этикетные провинности, как правило, в сторону понижения, во многом очевидны, прозрачны для восприятия и потому не создают особых затруднений при оценивании. Налицо – и «факты», и «трафареты». Но за этикетными нарушениями не забыть бы нравственные коллизии повышенной сложности, поступки с необычайно высокой запутанностью мотивов, обстоятельств и последствий, решения, полные драматизма, когда обычные позитивные и негативные оценки оказываются малопригодными для того, чтобы охватить ими нравственные оппозиции такой специфической деятельности, как «парламентская работа».

Ж). Приняв решение создавать (а не просто «проголосовать» подготовленный аппаратом и/или экспертами) свой кодекс, депутатам предстоит определиться в вопросе о том, стоит ли ориентироваться на рекомендации консультантов, прежде

всего – о том, что кодекс создают сами депутаты, а не аппарат и не ученые, или разумнее не усложнять себе жизнь...

КОНСУЛЬТАТИВНЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Экзистенциальная задача рекомендаций: чтобы профилировать утопические ожидания и драматические разочарования. Кодекс – не гарантия от нарушения депутатской этики. Кодекс – шанс: (а) поддержать достоинство Думы, (б) выдержать сложные ситуации выбора, (в) опереться на опыт других парламентав.

Проектная задача рекомендаций: ориентация работы над кодексом в соответствии с предлагаемыми ниже принципами кодифицирования парламентской этики.

А). Кодексу нужны Преамбула и Комментарии. Кодекс как *этический* документ не может быть бюрократически высокомерным ни в отношении к депутатам, ни в отношении к избирателям, ни в отношении к публике и потому должен объяснить (оправдать) себя в Преамбуле. Что надо объяснить-оправдать-акцентировать? Прежде всего – мотивы создания документа и намерения его авторов, смысл его создания и принятия, кому документ адресован.

Б). В Преамбуле необходима актуализация Кодекса анализом проблемной ситуации в парламентаризме.

В). В Преамбуле важна мотивация создания кодекса *прагматическими* соображениями. Кодекс необходим *самим депутатам*: для профилактики конфликта интересов депутатов от трех субъектов, конфликта интересов фракций, депутатов от разных партий; для ориентации в ситуациях морального выбора, связанных с конфликтами частного и общественного интереса для регулирования этичности электоральной компании и т.д. Кодекс необходим *избирателям*: как шкала оценок поведения избранников. Кодекс необходим *обществу*: чтобы защитить интересы общества, а не частные интересы депутатов или отдельных групп, в том случае, если они противоречат общественным интересам. Кодекс необходим *комиссии по этике*: для ориентации в разборе жалоб избирателей на депутатов; для разрешения конфликта интересов; для противостояния давлению на депутатов, для консультирования депутатов в ситуациях морального выбора и т.д.

Г). Но в Преамбуле важна и мотивация создания кодекса *непрагматическими* соображениями. Например, стоит ответить на стереотипное суждение, согласно которому можно обойтись

без этого свода правил, ориентируясь, лишь на элементарные нормы нравственности, нормы права и должностные инструкции. Указать на различие этики публичной деятельности и частной жизни; на то, что не все можно и необходимо регулировать правом и регламентом; что Кодекс символизирует веру избирателя в своего избранника. И т.д.

Д). В Преамбуле важна трактовка кодекса как инструмента саморегулирования депутатской деятельности. Отсюда и авторство кодекса – его создают сами депутаты. Отсюда и статус кодекса: не регламент, не нормативный акт, не корпоративное соглашение, не клубные правила.

При этом еще и предстоит определить: к какому виду этики относится кодекс: к административной (служебной) этике? к профессиональной этике? к этике публичной профессии? к этике корпоративной?

Е). В Преамбуле или в разделе «Кredo депутата» важно сформулировать миссию депутата. Защита общественного интереса? Или ...

Ж). В Преамбуле или в разделе «Кredo депутата» важно подчеркнуть, что депутат – субъект морального выбора. Суверенный субъект. Что не избавляет депутата от ответственности за соотнесение критериев нравственного и политически целесообразного, за умение сочетать принципиальность и компромисс и т.д.

Нет кодекса без набора «красных флажков». Но нет Кодекса и без апелляции к совести.

З). Особая забота для создателей кодекса: совместить ригоризм и реалистичность в требованиях кодекса: * не ханжество ли – завышать требования к депутатам в условиях вполне определенной ситуации в обществе? * реалистично ли требовать от депутатов быть более моральными, чем избиратели? * но не попустительством ли сослаться на *нравы*?

При этом важно определиться с модальностью текста. Что взять за образец модальности: Моральный кодекс строителя коммунизма? Присягу? Самообязательство? ...

РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Полагаю целесообразным работать над кодексом в два этапа.

Этап 1. Создание документа «Правила депутатского этикета». Этот документ вполне можно принять в качестве автономного. Возможно, указав в нем на предстоящий этап № 2.

Этап 2. Документ «Кодекс депутатской этики», требования к которому я представил выше.

3.3.3. После первой консультации

Если на втором заседании Рабочей группы идея двухэтапности работы над этическим документом Облдумы не прошла, то участники семинара поддержали ее.

Один из депутатов, ранее предлагавший нам «почистить» проект документа, еще раз положил нашу концепцию на чашу весов: пойти по более сложному пути и предпочесть работу в два этапа – либо все-таки вернуться к тому решению, которое было принято на заседании рабочей группы («Спасибо нашему аппарату, мы имеем достаточно добротный документ. Его можно шлифануть еще раз, прямо сегодня, – что-то исключить, что-то добавить. Но сегодня я склоняюсь к первому варианту: надо попробовать пройти этим путем»). Другие депутаты также склонились к этому варианту: «получится, не получится, но сделать попытку все-таки надо».

Но в очередном варианте подготовленного аппаратом проекта «Правил» все же доминировал симбиоз формата регламента и этикетных требований. Проект так и не снял претензии, высказанные в СМИ: «Не могла отказать себе в удовольствии почитать с карандашом в руке экземпляр проекта, подчеркивая те пункты, которые покажутся мне несколько сомнительными. К примеру, в проекте сказано: “Депутат вправе использовать помощь работников аппарата только в связи с выполнением депутатских обязанностей в строгом соответствии с законодательством РФ и Тюменской области о госслужбе”. Совершенно правильно, но... Но если это положение уже оговорено в законодательстве, какой смысл включать его в правила? Чтобы подкрепить закон? Или: “На заседаниях областной Думы... выступающие не вправе употреблять в своей речи грубые, оскорбительные выражения, призывать к незаконным действиям, национальной и религиозной розни...”. А я думала, что все вышеперечисленное не к лицу депутату не только на заседаниях Думы, но и где бы то ни было –

ответственность за “грубые, оскорбительные выражения” предусмотрена Административным кодексом РФ, а за остальное спросит Уголовный кодекс».

В итоге, на заседании Пресс-клуба, обсуждавшего работу над кодексом, снова прозвучали упреки – увы, во многом справедливые. «Как ни странно, все претензии самих разработчиков проекта, депутатов, к коллегам по цеху сводились, в основном, к грубости, даже хамству, к неисполнению ими должностных обязанностей, к некрасивому поведению на думских заседаниях и тому подобное».

Конечно, обсуждение не свелось к этому мнению. Более сложный уровень проблематизации темы «Пресс-клуба» зафиксировал уже цитированный выше парламентский журналист В. Макаров. «Если бы дело касалось только внешней стороны дела, того, что в научном обиходе принято называть этикетом, разработка документа прошла бы достаточно быстро и без особых дебатов. Ведь нарушение этикета, по замечанию Владимира Бакштановского, можно без труда “соотнести с шаблоном”, а значит, наказать провинившегося. Кстати, в проекте “Правил” содержится достаточно подробный перечень таких наказаний: принесение публичных извинений, публичное порицание, информационное сообщение в СМИ о неэтичном поступке народного избранника и так далее. Пофантазировав, можно представить, как депутат хлопает дверью или грубит кому-то из коллег. Однако на самом деле особой необходимости в таком регулировании сегодня нет. И потому, что вопросов депутатского этикета касаются уже действующие регламент Думы и областной Закон “О статусе депутата...”, и потому, что персональный состав нынешнего депутатского корпуса не вызывает в этом отношении никаких нареканий. Это на заседании подтвердила Тамара Белоконь».

Другое дело – мотивация депутата при осуществлении своей деятельности, его представление о профессиональном долге или, как принято сегодня говорить, миссии. По этому поводу и разгорелись главные споры. Так, известный тюменский журналист Анатолий Туринцев усомнил-

ся в целесообразности принятия этических правил и их жизнеспособности, полагая, что современная российская политика в значительной мере аморальна и депутаты вольно или невольно вынуждены играть по ее правилам. В качестве доказательства он упомянул скандалы в Госдуме РФ, связанные с эксцентричными выходками некоторых парламентариев и с просочившимися в прессу сведениями об их доходах. ...Депутаты областного парламента были настроены оптимистичней. “На мой взгляд, речь идет о корпоративной этике, – поделился мнением Виктор Буртный. – Депутатский корпус можно рассматривать как профессиональное сообщество, и здесь корпоративная этика – это то, о чем депутаты договорились на будущее. Это стандарты качества нашей работы”. “Этот документ будет написан нашими руками, – поддержал мнение о том, что инициатива должна исходить от самих народных избранников, спикер областной Думы Сергей Корепанов. – Главное – даже не правила поведения депутатов как таковые, а те цели, которые они преследуют, работая в депутатском корпусе”. В результате некоторые депутаты и научные эксперты пришли к выводу: самое главное в “Правилах” – все же не этикет, а представление депутатов о своей миссии, а их оппоненты остались при своем мнении».

3.3.4. Вторая консультация

Руководитель депутатской комиссии по этике искренне настроена на создание небюрократического документа, кодекса, который бы работал как этический документ. И хорошо реагирует на тезисы о том, что для этого кодекс должен быть создан самими депутатами, что его содержание – оформленные в виде правил размышления самих депутатов над практикой их деятельности или деятельности их предшественников и коллег из Кургана, Екатеринбурга или Москвы. Что затем надо будет соотнести результат, который родится в сознании депутатов, с концептуальным видением парламентской этики, чтобы изба-

вить его от несостоятельных, ставших, увы, стереотипными, представлений о природе депутатской этики.

Пресса с готовностью цитирует наши аргументы в адрес скептиков. Например: действительно, все граждане должны выполнять общие нормы нравственности, но политическая деятельность – особая сфера жизни, которую трудно регулировать простыми нормами нравственности. Так, важнейшая задача депутата – найти баланс между отстаиванием частных интересов, интересов групп людей, которые его выбрали, – и общественных интересов, а они, чаще всего, конфликтуют. Депутат попадает в нравственные коллизии, связанные, например, с лоббированием. Для решения этих ситуаций он должен знать, как их до него решало профессиональное сообщество, а этот опыт и фиксируется в подобных кодексах.

Еще один контраргумент. Создание таких кодексов, наряду с законом – это мировая цивилизационная практика морального регулирования парламентской деятельности. Закон – регулирование со стороны государства, подкрепляемое определенной силой. А парламентская этика – саморегулирование.

В дискуссиях, как со скептиками, так и со сторонниками депутатских этических кодексов, я обычно подчеркиваю, что такой кодекс необходим, но если это этический, а не бюрократический документ. Для этого он должен быть ориентирован на особую нравственную ответственность депутатов, которая выходит за рамки ответственности перед регламентом, законом, нормативной инструкцией. И, кроме того, как этический документ, он должен быть создан самими депутатами, а не аппаратом Думы или приглашенными экспертами. Важно, чтобы депутаты совершили акт самоопределения, сами себе сказали, зафиксировав это в кодексе, какова миссия их профессии.

И, наконец, у кодекса есть шанс на то, что он будет документом действенным, если комиссия по депутатской этике будет рассматривать его не просто как хлыст над неугодными депутатами, но как средство помощи депута-

там в решении сложных нравственные конфликтов, ответы на которые пока никем не найдены.

Что касается позиции депутатской комиссии по этике, то ее руководитель, Тамара Белоконь, искренне настроена на создание небюрократического документа, кодекса, который бы работал. И хорошо реагирует на тезисы о том, что для этого кодекс должен быть создан самими депутатами, это должны быть оформленные в виде правил размышления самих депутатов над практикой их деятельности или деятельности их предшественников и коллег из Кургана, Екатеринбурга или Москвы. Что затем надо будет соотнести результат, который родится в сознании депутатов, с концептуальным видением парламентской этики, чтобы избавить его от несостоятельных, ставших, увы, стереотипными, представлений о природе морали.

Но как продвинуть текст? Прежде всего, за счет изменения его преамбулы. Продвинуть благодаря четкой идентификации «интервала эффективности» создаваемого аппаратом комиссии формата документа. И перед Парламентскими слушаниями в проекте документа появились определенные изменения. По нашему предложению, в преамбуле появилась вставка.

«Нормы и правила депутатской этики в целом ориентируют и регулируют профессиональное поведение облеченных особым доверием избранных народа, обладающих властными полномочиями людей, от которых зависит и судьба рядовых граждан. На депутата, разумеется, распространяются «простые нормы нравственности». Но спрос с депутата как субъекта *публичной политики* – строже. И механизм регулирования его поведения – строже: не просто «общественное мнение», суждения частных лиц и т.д., но и специальная корпоративная институция – комиссия по депутатской этике.

Рекомендуемые правила относятся, прежде всего, к сфере парламентского этикета, регулируя, скорее, формальную сторону поведения депутатов. Такое следование правилам публичной профессии составляет существенную

часть этического кодекса депутата, образует культурно-нравственный минимум парламентаризма.

Комиссия предполагает в дальнейшем продолжить эту работу и создать этический кодекс депутатов как институт саморегулирования депутатской деятельности, определяющий миссию депутата, его представления о призвании, служении, корпоративном духе, критерии выбора депутата в ситуации моральных дилемм».

Для закрепления этого предложения наш доклад на Парламентских слушаниях был озаглавлен следующим образом: «Публичный политик: исполнитель стандартов благопристойности или субъект профессионально-нравственного выбора?».

ПОЧЕМУ в названии моего выступления сформулирована дилемма? Моя задача – обратить ваше внимание на различие трех видов регулирующих документов:

а) регламент – дисциплинарный документ, не предполагающий свободы выбора: какой может быть выбор в отношении правил дорожного движения и т.п.?! Регламент расписывает *обязательные к исполнению* правила. Кстати, нарушение регламента можно без труда «соотнести с шаблоном», а значит, наказать провинившегося;

б) этический документ адресован субъекту, обладающему свободой выбора и ценящему ее. Как моральный субъект я сам принимаю решение следовать или не следовать моральным нормам, и это я сам в каждой ситуации выбираю, как мне поступить, а не бездумно, механически, нерелексируя, выполняю предписания.

Этический документ определяет миссию профессии, дает ориентиры решения моральных конфликтов.

И уже поэтому, кстати, комиссия по этике получает в виде кодекса инструмент скорее консультирования, чем суда.

Кстати: Не должны автомобилисты сами себе пи-

сать Правила дорожного движения, не должны мы как граждане писать себе Правила пожарной безопасности. Но этический кодекс, документ саморегулирования, – это документ с авторством самих депутатов;

в) правила этикета – регулируют подобающее поведение, «подобающее», – не то, чем должно руководствоваться, а как подобает. Это культурно-нравственный минимум парламентаризма, этап самоопределения депутатов между двумя типами регулирования, внешним и внутренним.

Но речь у нас идет не просто о частном субъекте, а о субъекте – *публичном политике*. Публичной политики, регулируемой уже не *индивидуальной*, а *общественной* моралью, политической моралью. Нормами профессиональной морали политика, которой общество доверило регулировать и ориентировать деятельность депутата. Доверило через институт саморегулирования. Доверило! И спрашивает за доверие!

Повторю один тезис моего выступления на спецсеминаре для депутатов: не стоит себя успокаивать тем, что существуют простые нормы нравственности и их достаточно для самоориентации депутатов. Конечно, на депутатов, как на простых смертных, распространяются все простые нормы нравственности. Но в сфере профессиональной деятельности у них есть еще особые моральные регуляторы. Нормы депутатской этики свидетельствуют о развитости общественной морали, которая в своей структуре породила особый сегмент – «парламентскую этику».

Конкретизация № 1. Депутат – политик, ориентированный на успех, иначе какой он политик? Но депутат, как мне кажется, постоянно взвешивает в своем сознании аргументы целесообразности и принципы нравственности. В этом предмет напряженного морального выбора, который не может быть просто расписан в виде стандартов, но может быть зафиксирован в кодексе как предмет постоянной рефлексии депутата и как предмет – прошу вас услышать – консультирова-

ния со стороны комиссии по депутатской этике.

Конкретизация № 2. Не имея здесь возможности обстоятельно определить природу публичной политики, приведу пример кодификации особенностей поведения публичного политика, особенностей, вовсе не отменяемых существованием простых норм нравственности. Это – проект первого председателя КДЭ Съезда народных депутатов СССР А. Денисова под названием «Кодекс политического поведения»: – Уважать права других законодателей. – Никогда не бросать тень на мотивы действий другого законодателя. – Никогда не угрожать прибегнуть принуждению. – Никогда не просить коллег действовать вопреки интересам своих избирателей. – Не переходить на личностные аргументы в дебатах. – Открыто и ясно определять свои цели. – Не выступать против председателей комитетов или партийных лидеров без предварительного уведомления их об этом. – Никогда не вести избирательную кампанию против коллеги в его округе. – Никогда не вмешиваться в личные дела другого законодателя.

СТОИТ ЛИ маяться с природой публичной политики и этикой депутата? Разумеется, можно просто сдублировать чужие тексты, которые, правда, тоже дублируют чужие варианты – и так до бесконечности. И я несказанно рад, что комиссия по депутатской этике не поддавалась этому соблазну. И пусть не сразу, но решила двигаться в направлении от представления депутата как дисциплинированного исполнителя стандартов благопристойности к представлению о депутате как субъекте морального выбора.

А это значит, во-первых, отношение к депутатам не как к чиновникам, но как к публичным политикам. Принятие презумпции нравственного доверия к депутатам, не допускающей ориентацию правил на запреты, тождественные административно-уголовному регулированию, – во вторых. В-третьих, системное представление об этических документах депутатства, предполагающее сочетание «Правил этикета» и «Этического ко-

декса». Эта идея предложена в проекте рекомендаций Парламентских слушаний.

Не знаю, примут ли наметившееся направление этого движения депутаты, не участвовавшие в заседаниях Рабочей группы, Пресс-клуба, спецсеминара. Или они поддадутся соблазну отношения к Правилам как к формальному документу, бюрократически мотивированному и бюрократически же игнорируемому? А может быть, склонятся к тем стереотипным образам кодекса, которые мы пытались оспорить, воспроизведут аргументы скептиков и циников, о которых я уже много раз говорил.

Не знаю, преодолению ли журналисты, пишущие о кодексе, эти же стереотипы? Судя по откликам на пресс-клуб, для некоторых из них это оказалось трудной задачей. Более того, склонность к *банализации* темы только усилилась. Автор одной из газетных заметок о заседании пресс-клуба так построила свой материал, что процесс обсуждения представлен лишь позициями участников, которые близки позиции самого автора: «Или депутаты не люди? Или они живут на необитаемом острове?.. Нужны ли депутату еще какие-то превентивные нормы поведения для полноценного выполнения ими своих обязанностей?». А как же принимать с уважением проблемы депутатской этики, если сам журналист пренебрегает нормой профэтики журналиста: предоставлять читателю и другие точки зрения?!

Еще реплика в адрес автора этой весьма однобокой заметки. «Член экспертного совета по вопросам депутатской этики профессор Бакштановский, с детской непосредственностью назвавший себя “гениальным аранжировщиком”, пытался увести народ в теоретические дебри... Не удалось, потому что в жизни мы, действительно, руководствуемся здравым смыслом, а не философскими категориями». О «детской непосредственности гениального аранжировщика»: что задело журналиста – самооценка гениальности или выбор роли? На спецсеминаре для депутатов я цитировал за-

метку с сайта Иркутской областной Думы: «Для депутатов Иркутской области создадут свод правил этики». Подчеркиваю слово «создадут». Меня оно травмирует. Я-то исходил из представления о том, что депутат – не читатель, а писатель, писатель своего кодекса. И потому обратился к депутатам: приняв решение о создании кодекса, вам предстоит, прежде всего, определиться: в отношении кодекса они (а) «читатели» или (б) «писатели»?». А моя роль – роль аранжировщика «народной музыки». Что касается «гениальности», то сама автор отметила в конце своей заметки, что пресс-клуб прошел в атмосфере легкого юмора.

Вы скажете, стоит ли тратить дорогое время Парламентских слушаний на эти реплики? Не стоило бы, если бы из такого рода материалов не формировался искаженный образ депутатской этики.

ЕЩЕ РАЗ о банализации темы кодексов. Кодекс необходим уже потому, что даже признание презумпции морального доверия депутату не исключает допущения, согласно которому кто-то из депутатов, не имея ясного образа депутатской этики, с одной стороны, и, с другой, все же стремясь ориентироваться на профессиональную этику, вынужден методом проб и ошибок выработать собственную версию кодекса. Это – существенное основание для коллективной работы над кодексом.

И, разумеется, еще одно из оснований – случаи *патоса* в парламентской практике.

АНАЛИЗ динамики текста проекта Правил.

А). В процессе работы произведена методологическая идентификация документа. Во-первых, он идентифицирован как документ о правилах этикета, благопристойного поведения. При этом в проекте заявлен следующий шаг работы КДЭ, который наступит после принятия «Правил этикета», – создание документа в формате профессионально-этического кодекса. Во-вторых, предпринята удачная попытка различить Правила и Регламент. В-третьих, скорректирована модаль-

ность правил. К сожалению, не удалось изменить язык обязанностей на рекомендательный язык.

Б). Документу нужна более конкретная преамбула, объясняющая мотивы создания документа и намерения его авторов, смысл его создания и принятия, адресат документа. Можно, разумеется, игнорировать реакцию СМИ, проявить безразличие к мнению журналистов, публики. Но имиджевая сторона процесса создания кодекса и его применения мало значима лишь для бюрократического документа. А для документа *этического* безразличие и недемократично, и невыгодно.

Значит, текст Правил должен отвечать на такого рода скепсис. Например, подчеркиванием в преамбуле того обстоятельства, что на депутата, разумеется, распространяются «простые нормы нравственности» (как и нормы Административного и Уголовного кодексов). Но спрос с депутата как субъекта *публичной политики* – строже. И механизм регулирования его поведения – строже: не просто совсем не институализированное «общественное мнение», суждения частных лиц и т.д., но и специальная корпоративная институция.

ИЗ ВАРИАНТА вставки в преамбулу, цитированного выше, в принятом областной Думой тексте Правил депутатской этики остался следующий фрагмент: «Настоящие Правила соответствуют общепринятым этическим нормам и составляют существенную часть этического кодекса депутата, включая нормы парламентского этикета, регулирующие формальную сторону поведения депутата (улетело уточнение: правила соответствуют общепринятым в современных парламентах этическим стандартам). Настоящие Правила – составная часть этического кодекса депутата, инструмента саморегулирования депутатской деятельности, который определяет миссию депутата, его представления о призвании, служении, корпоративном духе, критерии выбора депутата в ситуации моральных дилемм».

Много это или мало? Ответ – в решении включить в

план работы комиссии на следующий год пункта о создании следующего документа – Кодекса депутатской этики.

Так *консультационная* технология продуцировала шанс перехода к технологии *проектирования*.

Конец первого тома

Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. **Ойкумена прикладной этики: модели нового освоения.** Том первый. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2007. – 390 с.

Подписано в печать 10.12.2007.

Формат 62х90/16.

Гарнитура Arial.

Усл. печ. л. 25.

Печать офсетная.

Тираж 300 экз.

Заказ №

Издательство «Нефтегазовый университет» Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Тюменский государственный нефтегазовый университет».

625000, г.Тюмень, ул. Володарского, 38.

Отпечатано с готового макета в РИФ «КолеСо».

г.Тюмень, ул. Минская, д. 3, корп. 3.

ISBN 978-5-88465-833-8

© В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов. 2007.